П-10.
Р-142.
ОП

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

ЧЗЭ. 7001.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ТЕАТР ДРАМЫ

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, марта 31-го дня.

Ценсоры *П. Корсаковъ* и *А. Очкинъ*.

=

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Обозрѣніе русской драматической литературы. Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго	163.
II.	*Какъ чистая дѣва.* Стихотвореніе *Н. С.*	209.
III.	Веселый вечеръ изъ жизни великаго государя, или четверо часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи. Перед. съ итальянскаго *П. Г. Ободовскимъ*	210.
IV.	Пѣсня. *М. Ястребова*	226.
V.	Философія и исторія музыки. Критическій взглядъ на музыку Россини. (Параллель между Россини и Вольтеромъ.)	227.
VI.	A Viardot-Garcia. Стихотвореніе *Г. въ*	244.
VII.	Пажи герцога Вандомскаго. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Перев. *Н. А. Коровкина*	247.
VIII.	Соловей. Стихотвореніе *Н. С.*	263.
IX.	Поэтъ. Повѣсть	264.
X.	Сонъ. (Посвящ. У. Т. Г-й). Стихотвореніе *Виктора К—ка*	354.
XI.	Юмористика. О томъ, какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотѣлъ сдѣлаться Рубини, а Марра Петровна — Тальйони	355.
XII.	Смѣсь. Черты изъ жизни Моцарта и послѣдніе дни его. — Жанъ-Жакъ Руссо и г-жа Жанлисъ. — Анекдоты о Паганини. — Суфлёръ. — Вѣкъ плясовой музыки. — Ошибся! — Характеристика инструментовъ. — Плата тою-же монетою. — Клара Мецгеръ. — Добро отъ зла. — Выходка Каталани. — Два въ одномъ. — Дешево пріобрѣтенная извѣстность. — Стефанъ Шнейдерль. — Музыкальный кассъ-тетъ. — Забавный поединокъ. — Анекдоты и мелочи	361.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. *Иностранные театры.*

Стр.

I. Парижскіе театры. Le Lazzaroni ou le bien vient en dormant, опера г-дъ *Сенъ-Жоржа* и *Галеви*. — La Sirène. опера г-дъ *Скриба* и *Обера*. — Trois femmes, комедія *Сентъ-Асѣ* и *Теодора Баррьера*. — Jane Grey, трагедія г. *Сумé* и г-жи *д'Альтенгеймъ*. — La Gazette des Tribunaux. водевиль *Лоренсена* и *Марка-Мишеля*. — Le moyen le plus sûr, вод. г. *Исидора Ришмона*. — La Polka en province. вод. г-дъ *Комберуса* и *Корбье*. — Alberta première, вод. г. *Фурнье*. — L'oncle à sucession, вод. г. *Дюрантена*. — La séparation. вод. г-дъ *Курсй* и *Кармуша*. — La Polka, вод. г-дъ *Вермона* и *Бера*. — La peau du lion, вод. г. *Лайа*. — Ravel en voyage. комедія вод. г-дъ *Вареня* и *Дюпётй*. — Louise et Louison, мелодрама г. *Дюпётй*..... 47.

II. Вѣнскіе Театры. Das Ritterwort, мелодраматическая картина г. *Раупаха*. — Der Zerrissene, шутка, перед. съ франц. — Ueberdruss aus Ueberfluss, шутка, перевед. съ франц. г. *Купельвизера*. — Tausend und eine Nacht, балетъ... ..... 65.

III. Лондонскіе театры ..... 67.

2. *Русскіе театры.*

I. Провинціальные. (Одесскій театръ. Обозрѣніе 1843 театральнаго года. *R.* — Осташковскій театръ. *В. Толбупина.* — Театръ въ Самарѣ. *В. Богдановскаго.*) ..... 70.

II. Московскіе. (Московскій Театръ. Боярин Θ. В. Басенокъ, трагедія Н. В. Кукольника. — Бенефисъ г-жи Леоновой. — Бенефисъ г. Аверма. — Драма г. *Сихлера.*) ..... 85.

III. Петербургскій театръ. (Боярин Θ В. Басенокъ, трагедія *Н. В. Кукольника.*) ..... 90.

IV. Обозрѣніе петербургскихъ концертовъ. съ 17-го марта по 1-е мая 1844 г. (Г-жа Ронци де-Беньисъ. — Братья Рубенштейны. — Духовные Концерты Придворной Капеллы. — Нѣмецкіе вечера. — Гауманнъ). 92.

V. Разныя извѣстія ..... 96.

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» принимается: Въ С. Петербургѣ, въ конторахъ изданія, состоящихъ при книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ арсенала Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суровской линіи, № 13.

Въ Москвѣ, въ конторахъ изданія: между Дмитровкою и Петровкою на валу въ прежде-бывшей книжной лавкѣ *А. С. Ширяева*, а нынѣ *Свѣшникова* и *Базунова;* въ ихъ-же книжныхъ лавкахъ, на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, въ домѣ подъ № 4 и 5; равно въ книжныхъ магазинахъ *О. И. Хрусталева*, *В. В. Логинова*, *А. В. Глазунова* и *К. А. Полеваго.*

Сверхъ-того, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе десять рублей серебромъ. За пересылку и доставку на домъ полагается полтора рубля серебр.

Къ этой книжкѣ прилагается **СЦЕНА** изъ оперы «La Reine du Chypre», въ каррикатурѣ, рисованная и литографированная въ Парижѣ.

Печатать позволяется. 30-го апрѣля, 1844. *Цензоръ* А. Очкинъ.

ОБОЗРѢНІЕ
РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВАГО.

Je voudrais bien savoir si la grande régle de toutes les régles n'est pas de plaire, et si une pièce de théâtre qui a attrapé son but n'a pas suivi un bon chemin.

MOLIÈRE.

Однажды мы уже сообщали читателямъ о намѣреніи печатать въ нашемъ изданіи рядъ статей о старыхъ и новыхъ драматическихъ произведеніяхъ русской литературы, имѣвшихъ или имѣющихъ какое-либо значеніе. Исполняемъ это обѣщаніе, которое откладывали доселѣ за предполагаемыми измѣненіями въ объемѣ и формѣ изданія. «Репертуаръ и Пантеонъ» не журналъ, а просто—*театральное обозрѣніе*: статьи наши не будутъ «критикою», а также и простымъ обозрѣніемъ драматической дѣятельности того или другаго автора. Говорятъ, для критики нужны кошачьи зубы, кошачьи когти и другія свойства этого благороднаго звѣря *; слѣд.

* См. «Литературную Газету» на 1844 годъ, № 2-й, стр. 39, въ отдѣлѣ «Библіографіи», гдѣ объясняется значеніе политипажа кошки, занимающейся своимъ ремесломъ въ мучномъ лабазѣ.

надо имѣть дѣло съ чуланами, подпольями и прочими неопрятными мѣстами. Нѣтъ! охотно соглашаемся, что для этого нуженъ особый талантъ, особое призваніе, и обѣими руками отдаемъ права на «критику» людямъ, призваннымъ откуда-бъ то ни было. Плохо вѣруя, чтобы журнальные возгласы могли, у насъ по-крайней-мѣрѣ, породить то, для чего еще нѣтъ сѣмянъ въ обществѣ, мы удовольствуемся такимъ литературнымъ добромъ, какое покуда есть, будемъ смиренно обозрѣвать русскую драматургію, не превознося ничего и не унижая больше должнаго, стараясь, по-возможности, показать историческое мѣсто и связь съ современнымъ обществомъ для каждаго явленія, sine ira et studio, какъ говорилось въ старину. Говоря: историческое мѣсто, связь съ обществомъ, — мы отнюдь не разумѣемъ ни исторіи искусства вообще, ни поклепа на наше доброе общество, будто-бы занятое такъ называемыми «гуманными» вопросами. Помилуй Богъ! Разсуждать объ индѣйскомъ и греческомъ искусствѣ по поводу такихъ созданій русскаго генія, которыхъ никто не хочетъ и знать, кромѣ насъ Русскихъ, или приписывать имъ отношеніе къ такимъ идеямъ, которыхъ покамѣстъ мы, Русскіе, знать не хотимъ, — было-бъ не дѣло, а *порожнія рѣчи*, какъ говоритъ одинъ нашъ землякъ, Славянинъ съ головы до пятокъ. Относительно исторіи, ограничимся недлинной исторіей русской литературы, а въ обществѣ будемъ видѣть ни болѣе, ни менѣе, какъ большинство читателей и зрителей. По всѣмъ этимъ причинамъ, предметомъ нашего обозрѣнія будетъ каждый драматическій писатель, имѣвшій того или другаго рода успѣхъ въ публикѣ. Писателей необильныхъ и одновременныхъ или однородныхъ, станемъ разсматривать группами. О постановкѣ піесъ на сцену, объ ихъ сценическомъ выполненіи, не скажемъ ни слова: для прошедшихъ это вообще лишнее, а для настоящихъ «Репертуаръ» имѣетъ особый отдѣлъ, до котораго непосредственно касаются подобныя вещи. Точка зрѣнія наша не въ облакахъ, а на землѣ, именно на почвѣ двухъ русскихъ столицъ, и по-возможности въ приличной близости къ сценѣ, положимъ хоть Александринскаго театра. До какой степени мы успѣемъ, должны рѣшить читатели, которыхъ *печатность* (la presse) съ самаго изобрѣтенія типографскаго станка величаетъ «благосклонными». На первый разъ беремъ драматическія произведенія заслуженаго Н. А. Полеваго, который въ теченіе жизни перебывалъ у всѣхъ музъ русскаго «Парнасса», и подъ-вечеръ дней согрѣлъ себѣ мѣстечко у русской Таліи и Мельпомены, какъ менѣе прихотливыхъ. Добрая публика то-и-дѣло свиваетъ ему вѣнки, по крайнему разумѣнію въ искусствѣ свиванія вѣнковъ; жестокая критика въ

каждый вѣнокъ подбавляетъ plena manu шиповъ и терній. Это одно изъ тѣхъ рѣдкихъ на русской землѣ явленій, гдѣ публика какъ-будто не вѣритъ даже *напечатанному*, а такое явленіе во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ быть разсмотрѣно поближе. Потомъ, осмотримъ со всѣхъ сторонъ г. Кукольника, какъ драматическаго писателя; вызовемъ тѣни стариковъ, Княжнина и Озерова и пр.; поглядимъ попристальнѣе даже на гг. Кони и Перепельскаго, по ихъ званію *русскихъ водевилистовъ*, и т. д. и т. д. Тулкуя объ авторахъ, упражнявшихся или упражняющихся не въ одномъ только драматическомъ родѣ, нельзя, конечно, не коснуться нѣсколько ихъ дѣятельности въ другихъ родахъ литературы, чтобы вполнѣ и по справедливости опредѣлить характеръ и достоинство каждаго писателя. Большой поживы для нашихъ обозрѣній ждать нечего; однако будетъ о чомъ поговорить. Если рядъ этихъ «обозрѣній» и вовсе будетъ похожъ на пантеонъ, по-крайней-мѣрѣ озаботимся придать ему всѣ качества тщательно собраннаго музеума.

—

Самъ Н. А. Полевой, издавая, съ годъ тому назадъ, небольшо сборникъ своихъ трудовъ для сцены, говоритъ:

«Драматическія занятія мои встрѣтили двѣ противоположности «*вниманіе* публики и *осужденіе* критики.

«За немногими исключеніями, все, что можно сказать объ Але «ксандрахъ Аѳимовичахъ Орловыхъ и подобныхъ ему писакахъ «было обо мнѣ сказано критиками. Они находили, что даже самый «родъ драматическихъ піесъ моихъ ложный; что онѣ доказываютъ безвкусіе, безграмотность, безсмыслiе; что онѣ спекуляціи «литературныя; что я обобралъ въ моихъ драматическихъ сочиненіяхъ Шекспира, Гёте, Шиллера, В. Скотта, Мольера» и пр. и пр.

«Такъ поступала со мною *критика*.

«Напротивъ, въ теченіе пяти лѣтъ, я имѣлъ честь удостоиться «за пятнадцать піесъ драгоцѣннаго мнѣ одобренія зрителей петербургскихъ и московскихъ. Успѣхъ нѣкоторыхъ изъ піесъ моихъ «превзошелъ всякое мое ожиданіе.

«Такъ поступала со мною *публика*.

«Чѣмъ рѣшить такое *противорѣчіе*?»

Въ самомъ-дѣлѣ, бранить русскую сцену вошло нѣсколько лѣтъ въ такой обычай у нашей журналистики, что похвалы, сколько

нибудь единогласныя, піесъ встрѣтить въ ней можно гораздо рѣже, чѣмъ здравый смыслъ или правду на свѣтѣ. Уже не принимая въ-счотъ присяжныхъ враговъ нашей бѣдной сцены, людей, которые хотятъ мѣрять ея созданія чужеземной мѣркою, даже тѣ, кто обязанъ ея полмосткамъ своей бо́льшой или мéньшой извѣстностью, кто изъ сценическихъ подсудимыхъ перешолъ въ сценическіе судьи, порицаютъ ее въ-запуски, осуждаютъ все на ней *повально* и *въ разбой*, какъ говоритъ Н. А. Полевой. Даже такіе рецензенты, которые знаютъ богатства иностранныхъ театровъ только по-наслышкѣ, считаютъ долгомъ бросить хоть какой-нибудь камень въ каждое произведеніе русскаго театра. Даже—о времена!—«Сѣверная Пчела» чаще подтруниваетъ надъ этими произведеніями, нежели ихъ хвалитъ, и если хвалитъ, то уже не съ прежней увѣренностью, какъ-то перѣшительно, очевидно, увлекаясь второй натурой, привычкою. Сама Москва, гдѣ нѣмецкая философія очень патріархально уживается съ разными качествами православнаго быта, сама она глядитъ на свою сцену не иначе, какъ съ снисходительной улыбкою. Между-прочимъ это весьма разительна доказываетъ, что самый дѣйствительный двигатель человѣческихъ вещей—время. Только провинціи, добрыя провинціи не возстаютъ покуда противъ роднаго драматическаго генія.

Что́-же теперь дѣлаетъ русскій театръ? Судя по отзывамъ текущей публицистики, положеніе его должно быть жалко до слезъ?—Ничего не бывало! По обширнымъ равнинамъ православнаго государства, на всякомъ пунктѣ, гдѣ мало-мальски есть нѣчто похожее на общественную централизацію, непремѣнно заводится театръ, селится постоянная труппа актеровъ. Въ мѣстахъ, гдѣ такая централизація бываетъ временною, напр. въ ярмарочную пору, все-таки бываетъ свой театральный сезонъ. Положеніе провинціальныхъ артистовъ представляетъ мало завиднаго, особливо въ кочующихъ труппахъ; дѣло весьма-обыкновенное, что содержатель записываетъ въ счотъ жалованья перваго любовника 1 р. серебра на сапоги: нужды нѣтъ, въ званіе артистовъ всегда есть охотники, стало-быть оно имѣетъ свои выгоды сравнительно съ другими родами промысла; а на Руси, гдѣ голодной смерти и слыхо́мъ-не-слыхать, это много значитъ. Бѣлокаменная очень-великолѣпно поновила и выбѣлила свою театральную залу, которая, при всей своей вмѣстительности, просторна небываетъ. Именитые Ѳедулы Григорьичи, которые въ прежнее время посѣщали только такія публичныя мѣста, гдѣ можно было проѣхаться, вывозятъ тамъ нынче своихъ Аринъ Афанасьевенъ въ жемчужныхъ окладахъ потѣшаться сценою, показываютъ своихъ отмѣнно-дюжихъ

рысаковъ и отмѣнно-бородатыхъ кучеровъ у подъѣзда Петровскаго театра. А нашъ Александринскій театръ, столько хулимый въ печати и столько слышащій рукоплесканій отъ своихъ довольныхъ посѣтителей? Помилуйте! Да-вѣдь онъ въ Петербургѣ исключительный представитель цѣлаго новаго свѣта, возникшаго почти на нашихъ глазахъ, подлѣ стараго, въ русскомъ обществѣ. Истекшая-зима могла убѣдить самыхъ невѣрующихъ въ нашъ общественный прогрессъ, что существованіе этого новаго свѣта не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Русская сцена какъ-будто и не замѣтила присутствія такой опасной соперницы, какъ итальянская опера, удержала за собою всегдашнее число зрителей, и при каждой новинкѣ полнота Александринской залы не уступала ни наволосъ залѣ Большаго театра въ самые фурорные вечера оперы. Такъ напр. 1350 человѣкъ восхищались Рубини, Тамбурини и Гарціей, русская сцена имѣла ровно столько-же зрителей, неистовавшихъ въ восторгѣ отъ гг. Каратыгиныхъ, Максимова, Григорьевыхъ, Самойловой.... Одна только видѣлась разница въ оффиціальныхъ показаніяхъ чиселъ: тамъ приходилось 300 каретъ на тоже число посѣтителей, при какомъ Александринскій подъѣздъ освѣщалъ только 30. Сверхъ того, вы могли на-угадъ, не боясь ошибиться, сказать, что двѣ трети этого скромнаго числа составляли кареты, нанятыя на-складчину или пожертвованіемъ какого-нибудь «галантерейнаго» кавалера невеликолѣпнаго круга, а остальная треть была движимой собственностью, благоприобрѣтенной съ помощью разныхъ невинныхъ доходовъ людьми, которые умѣютъ по-маленьку обдѣлывать свои дѣла. Увы! таково покуда устройство человѣческихъ обществъ, что преимущества экипажей сопровождаютъ преимущества образованія. Да и дѣло не въ томъ. Очень-приятно видѣть музыкальность петербургскихъ ушей, какъ хорошее настоящее; но вдвое пріятнѣе слышать рукоплесканія теперешней русской сценѣ, какъ отрадное будущее. Не даромъ одинъ фѣльетонистъ назвалъ Александринскій театръ «основнымъ камнемъ нашей національности». Конечно, почтенному фѣльетонисту Александринская сцена съ-родни, а еще патріархальной памяти Фамусовъ признавался, что

«Какъ не порадѣть родному человѣчку!»

и названіе немножко перехитрено; однако, за всѣмъ смѣшнымъ, оно имѣетъ свою значительную долю правды.

Panem et circenses! Пріѣхали въ Питеръ какіе-нибудь калязинскіе торговцы, изъ тѣхъ, которые ѣздятъ партіями, и останови-

лись въ нумерѣ грязноватой гостинницы съ тѣмъ, чтобъ расположиться въ этомъ курятникѣ одинъ на кровати, другой подъ кроватью, третій, гдѣ Богъ послалъ: къ-вечеру того-жъ дня вы услышите звонкій голосъ котораго-нибудь, наказывающій такъ называемому «половому,» что «придетъ-де молодецъ, такъ сказать, не будутъ вечеръ дома, а будутъ-молъ въ Александрійскомъ!» Освободилась отъ дневныхъ заботъ суетливая популяція гостинаго двора, такъ нелюбящаго освѣщенія по-вечерамъ, или Апраксина двора, такъ наклоннаго къ потьмамъ круглый день, — значительная часть ея окажется въ разныхъ дольныхъ и горнихъ вмѣстилищахъ Александринскаго театра. А Пироговы, Кувшинниковы и пр., истинное украшеніе партера, прелюбезные молодые люди, которые, если немного учились наукамъ, за то отличные любители театра. А тотъ благородный и высокоблагородный классъ, который составляетъ отличительную и неотъемлемую принадлежность Петербурга, — классъ чиновниковъ, отъ богатаго радужными надеждами молодаго племени, до убѣленнаго лѣтами и житейской мудростью поколѣнія, которое давно перешагнуло завѣтный ассессорскій рангъ, и которому каждый шагъ на лѣствицѣ гражданской іерархіи стоилъ посеребренія или убыли прически? А дамы и дѣвицы, мечтающія въ цвѣтущую пору года на лугахъ Охты или по берегамъ Чорной-рѣчки? А пріѣзжіе помѣщики середней руки, которые спѣшатъ позаимствоваться столичнымъ вкусомъ для блага своихъ отдаленныхъ губерній и уѣздовъ? Натурально, все это данники Александринской сцены деньгами и удивленіемъ. Крупная соль сыплется на сценѣ, всего чаще непереваренная, въ первоначальномъ видѣ, какъ добыта съ парижскихъ солончаковъ; герои храбрости — настоящіе «желѣзоѣды»; герои нѣжности испаряются во вздохахъ — сущая Аркадія, *сынъ струй*; герои разочарованія клянутъ людей и жизнь, жизнь и людей, на чомъ свѣтъ стоитъ: публика въ восхищеніи, обѣими руками свѣтъ свое «драгоцѣнное одобреніе» авторамъ, раздаетъ направо и налѣво ореолы артистамъ, предовольна драмою и собою. Иногда, напитавшись или наслушавшись неясныхъ для нея, но весьма-навязчивыхъ журальныхъ мудрствованій, она на-время усомнится, — рукоплескать-ли даже любимому автору: но это только на-время — піеса примется какъ-будто холодно; скоро она становится щедрѣе прежняго на благосклонность, шумно и весело воздаетъ должному должное: авторы и артисты знаютъ свою публику, публика знаетъ своихъ авторовъ и артистовъ, и все идетъ какъ нельзя лучше. Угодливость авторовъ начала даже производить піесы на современныя обстоятельства и случаи, занимающіе публику въ общественномъ

быту, піесы à propos. До-сихъ-поръ этого еще не бывало. Едва-ли не единственною піесою *кстати* была на нашемъ театрѣ нѣкогда устарѣлая теперь и забытая трагедія Крюковскаго «Пожарскій,» и тамъ это кстати пришлось совершенно случайно, когда смутно предчувствовалась гроза Наполеонова нашествія. Что ни говорите, а успѣхъ сцены очевидный, если не по качеству, то по роду потребностей публики.

Все это, къ-счастію, такъ; но и жестокосердая *критика*, къ счастію, справедлива, по-крайней-мѣрѣ во многомъ. Въ справедливости ея мы будемъ имѣть много случаевъ убѣдиться, какъ въ теченіе предлежащей статьи, такъ и во многихъ послѣдующихъ. Говоримъ: къ-счастію, потому что видимое противорѣчіе такихъ двухъ несогласныхъ предметовъ, какъ мнѣніе о теперешней сценѣ *публики* и *критики*, очень-просто снимается тою истиною, что *критика* служитъ отголоскомъ прежней *публики*, вращается на отвердѣлой почвѣ прежде-образовавшагося слоя общества, тогда-какъ сцена служитъ потребностямъ-вновь возникшаго пласта. Этимъ совершенно разрѣшается недоумѣніе почтеннаго Н. А. Полевато на-счотъ *поступковъ* съ нимъ *публики* и *критики*.

Критика права, взятая сама по себѣ; но заслуживаетъ большаго упрека за неумѣренность своихъ выходокъ противъ такихъ вещей, на которыя выходки почти безполезны и совершенно-смѣшны; за духъ нетерпимости, мѣшающій ей признать право на свою степень эстетическаго наслажденія въ людяхъ, у которыхъ вкусъ изящнаго развитъ по-обстоятельствамъ менѣе, чѣмъ ей хотѣлось-бы, и право на уваженіе въ тѣхъ писателяхъ, которые удовлетворяютъ этой эстетической потребности ни болѣе, ни менѣе, какъ сколько нужно. Въ настоящее время русскій театръ, на пр. Александринскій въ Петербургѣ, за самыми рѣдкими исключеніями, отправляетъ для публики ту самую должность, какая въ Парижѣ раздѣлена между толпою бульварныхъ театровъ. Мало-ли въ Парижѣ писателей, исключительно трудящихся для этихъ театровъ? однакожъ такіе писатели пользуются своего рода уваженіемъ, коль-скоро они успѣваютъ во вкусѣ ихъ публики. Возьмемъ въ примѣръ хоть Анисе Буржуа, творца безконечной вереницы бульварныхъ драмъ и мелодрамъ. Едва-ли нужно прибавлять, что Анисе Буржуа для Парижа никакъ не больше, а скорѣе меньше, нежели г. Полевой для Петербурга. А между-тѣмъ нѣтъ порицаній и насмѣшекъ, какими-бъ не осыпали г. Полеваго наши критики и рецензенты! При каждомъ появленіи его новой піесы, треножникъ одной петербургской критики потрясается; услужли-

вое *мало-вѣдѣніе* усердно повторяетъ запальчивую брань пиѳіи; изъ Москвы при первомъ удобномъ случаѣ является то косой взглядъ, то презрительная усмѣшка съ какихъ-нибудь важныхъ креселъ. Подобныя излишества всего менѣе оправдываются отсутствіемъ положительной цѣли, которое дѣлаетъ ихъ какъ-то невольно похожими на личности. Est modus in rebus — правило нетлѣнной истинности.

Итакъ, существованіе новой публики для насъ несомнѣнно, — публики, которая меньше читаетъ книгъ, нежели смотритъ піесъ, продовольствуется такою степенью искусства, какая для прежней кажется уже груба, стоитъ на понятіяхъ, для прежней устарѣвшихъ, и которая потому въ явномъ разладѣ съ критикою. Могутъ возразить, что еще въ тѣ давнія времена нашей сцены, о какихъ порою такъ интересно разсказываетъ свои воспоминанія М. Н. Макаровъ, театръ посѣщался также классами недальняго образованія? Такъ; но тогда русская сцена не была ихъ исключительнымъ достояніемъ, да и посѣщали они ее больше для того, чтобы *смотрѣть*, нежели *слушать* и судить такъ или иначе: нынче они ходятъ *смотрѣть* только оперы, а для прочаго — внимательные *слушатели* и полномочные судьи. Они подросли для театра, театръ нѣсколько спустился для нихъ, и на такой взаимности утвердился новый порядокъ вещей.

—

Судя по общему движенію нашей литературы, теперешняя сцена не бѣдна количествомъ ежегодно являющихся на ней новыхъ произведеній. Что̀ касается до качества—то успѣхъ самой бо̀льшей ихъ части доказываетъ, что это качество именно таково̀, какое нужно, и какъ сверхъ-того самыя условія достоинства или долговѣчности на сценѣ иныя, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ искусства, то драматическій капиталъ современной русской литературы можетъ считаться весьма-удовлетворительнымъ. Переводовъ и передѣлокъ съ иностраннаго бываетъ гораздо-больше оригинальныхъ піесъ — на это есть свои основательныя причины, о которыхъ скажемъ ниже.

Кто-же теперешніе дѣлатели на этомъ поприщѣ?

Часть нашихъ драматическихъ писателей — сами артисты петербургской и московской трупнъ. Въ-старину, изъ артистовъ писалъ

для сцены одинъ Плавильщиковъ. И то сказать, въ-старину псевдо-классическія формы были тяжолыми веригами для авторовъ: нынче писать для сцены легче. Натурально, что гг. артисты пишутъ или, точнѣе, передѣлываютъ или, еще точнѣе, переводятъ съ французскаго преимущественно піесы для собственныхъ амплуа. Впрочемъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ не безъ исключеній: пишется иногда дѣйствительно оригинальное въ комическомъ родѣ, и съ цѣлію болѣе общею. Плодовитѣйшій изъ актеровъ-писателей есть г. *Ленскій*, владѣющій дарованіемъ, которое, при бо́льшей обработкѣ и при обильнѣйшихъ данныхъ для его рода въ русской жизни, сдѣлало-бъ его весьма-замѣчательнымъ комическимъ авторомъ. Не говоря уже о гг. *Каратыгинѣ* 2 и *Григорьевѣ* 1, нельзя отрицать нѣкотораго таланта даже у г. *Григорьева* 2 на тотъ сортъ фарсовъ или, пожалуй, водевилей, въ которомъ онъ столько хорошъ, какъ актеръ. Какъ по роду, такъ и по качеству своихъ, переводныхъ только, трудовъ заслуживаетъ всякой благодарности г. *Каратыгинъ* 1, который впрочемъ очень-скупъ на количество и трудится исключительно для своихъ бенефисовъ. Есть, кажется, кромѣ того безъимянная фаланга писателей, о которой интересно знать только ея существованіе. Піески г. *Коровкина* даются нынче рѣдко, и самъ онъ мало заботится напоминать о себѣ на сценѣ. Утрату, однакожъ неприскорбную, понесла русская драматургія мелкаго разбора въ лицѣ г. *Кони*, который теперь овладѣлъ перомъ Кліо, и щедро множитъ разные историческіе промахи въ одномъ твореніи, писанномъ для историческихъ политипажей. Надо признаться, что остроуміе его піесокъ много поустарѣло для вкуса публики. Другая потеря есть выбытіе изъ ряда небольшихъ драматическихъ писателей г. *Перепельскаго*, о которомъ стало совершенно не слышно около года; нѣкоторые изъ его трудовъ приходились очень по вкусу невзыскательныхъ зрителей; это былъ талантъ, зажженный искрами водевильнаго генія г. Кони.

Всѣ названные авторы принадлежатъ не столько настоящему, сколько прошедшему, въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшаго развитія ихъ дѣятельности не предвидится, и таланты ихъ уже рѣзко обозначались. Сюда-же слѣдуетъ отнести г. *Ободовскаго*, усерднаго переводчика піесъ нѣмецкаго театра, бо́льшаго или меньшаго достоинства. Будущее чревато надеждами бо́льше со стороны публики, чѣмъ со стороны авторовъ; но нельзя не отдать справедливости г. *В. Зотову*, котораго ненавистники современной сцены гонятъ, по обычаю, преступая всякую мѣру и всякую правду. Талантъ его не изъ первостепенныхъ—а намъ, изволите видѣть, нужны писатели не иначе, какъ геніальные,—но онъ еще не опредѣлился вполнѣ

и не окрѣпъ; а между-тѣмъ обѣщаетъ большую дѣятельность и отличается стремленіемъ къ серьёзному образованію.

Капитальное между теперешнимъ сценическимъ добромъ составляютъ піесы г. *Кукольника*, которыя могли-бы удовлетворить далеко-болѣе требовательную публику, и которыхъ, можетъ-быть, по этой самой причинѣ очень-немного, и наконецъ, длинный рядъ піесъ г. *Полеваго*, цѣлый репертуаръ, котораго лучшее достоинство то, что въ-теченіе семи лѣтъ драматическаго поприща автора, почти ни одно изъ его произведеній не сошло со сцены.

Н. А. Полевой одинъ изъ тѣхъ писателей, которымъ доступны всѣ роды литературной дѣятельности, которые потому не останавливаются прочно ни на одномъ, но не бываютъ и послѣдними ни въ одномъ, не создаютъ образцовъ, но производятъ полезные образчики, всюду идутъ во-главѣ движенія, то есть, все начинаютъ, и углаживаютъ дорогу другимъ. Это распространители, сѣятели; роль ихъ заслуживаетъ всякаго почтенія въ настоящемъ и всякой признательности въ будущемъ. Двадцать лѣтъ извѣстенъ г. Полевой въ литературѣ, около семи лѣтъ на сценѣ, и всегда труды его вѣнчаются полнымъ успѣхомъ у той публики, для которой онъ трудится. Онъ былъ нѣкогда душою и представителемъ русской журналистики, которая только съ его времени получила настоящее общественное значеніе и доселѣ движется только въ тѣхъ формахъ, какія онъ первый далъ ей; онъ теперь душа и во всѣхъ смыслахъ *представитель* русской сцены, который потребности такъ хорошо знаетъ и удовлетворяетъ. По свойству своего дарованія, или по призванію своему, стоя всегда въ рядахъ младшаго, онъ естественно навлекаетъ на себя гоненія старшаго. Будучи журналистомъ и увлекаясь духомъ романтизма и энциклопедическимъ направленіемъ тогдашняго молодаго поколѣнія, онъ былъ предметомъ благочестиваго негодованія париковъ; сдѣлавшись драматическимъ писателемъ, онъ передъ нынѣшнею критикою сталъ отвѣтчикомъ за недостатки вкуса новой театральной публики. Эта невыгода неразлучна съ преимуществами его литературной роли. Прежде обвиняли его во *всезнайствѣ*, въ шарлатанствѣ; нынче осуждаютъ за безвкусіе. Мало того: при нынѣшнемъ, болѣе положительномъ взглядѣ на вещи, ему ставятъ въ упрекъ матеріальныя побудительныя причины дѣятельности. Какъ подобные упреки съ литературою никакой связи не имѣютъ, то замѣтимъ только ихъ очень-неевропейскую невѣжливость для критиковъ, претендующихъ на совершенный европеизмъ. Упрекъ съ-виду больше основательный, что нашъ авторъ неглубокъ такъ-называемымъ классическимъ образованіемъ; но во-первыхъ той-же укоризнѣ доселѣ под-

лежатъ едва-ли не всѣ русскіе литераторы, кромѣ исключительно ученыхъ, даже такого поколѣнія, для котораго классическое образованіе было много возможнѣе, и г. Полевой виноватъ въ этомъ недостаткѣ ровно столько-же, сколько въ томъ, что родился слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ, а во-вторыхъ, самая роль его, роль всемѣстнаго начинателя, едва-ли нуждалась въ подобномъ достоинствѣ. Ученое образованіе г. Полеваго чрезвычайно-велико для человѣка, который обязанъ имъ не школѣ, а чисто собственному влеченію и собственнымъ усиліямъ. Изъ дѣятелей русской литературы, отъ дней Ломоносова до нашихъ включительно, очень-многими сдѣлано добра меньше, и очень-немногими больше, чѣмъ г. Полевымъ. Впрочемъ самимъ обвинителямъ все это извѣстно какъ нельзя лучше. Тѣмъ только предосудительнѣе ихъ излишніе нападки, которыхъ источникъ весьма-сомнительной прозрачности.

Лѣта равнѣй юности г. Полеваго совпадаютъ съ той эпохой, когда нашу читающую публику трогали романы Дюкре-Дюмениля и Августа Лафонтена сильнѣе, чѣмъ нынѣшнюю романы Ежена Сю, и мадамъ Коттѣнъ находила больше почитателей, нежели нынче имѣетъ ихъ мадамъ Дюдева́нъ; когда Державинъ считался безусловновдохновенъ и недосягаемо-великъ; когда карамзинская чувствительность была нормою чувствованій. Періодъ свѣжей и пылкой мужской дѣятельности автора относится ко времени романтическаго переворота въ европейской литературѣ, которой онъ былъ тогда однимъ изъ проводниковъ для русскаго общества,—времени туманныхъ идеаловъ, заключавшихъ больше отрицанія старой дѣйствительности, чѣмъ утвержденія какой-либо новой; высшихъ взглядовъ, которые теперь кажутся общими мѣстами; не совсѣмъ-то основательныхъ разочарованій и мрачной ненависти къ мелочности, низости и злобѣ людей; неопредѣленной грусти по неопредѣленнымъ несбывшимся надеждамъ; презрѣнія къ этой пошлой и скучной жизни, столько благопріятнаго бездѣлью — словомъ, отчаянной вражды между такъ-называемымъ *идеаломъ* и такъ-называемою *жизнью*, поэзіею и прозою, точнѣе, между мечтою и дѣйствительностью. Подъ вліяніемъ такихъ идей, самъ авторъ писалъ повѣсти, которымъ потомъ далъ общее заглавіе *Мечты и жизнь*; началъ длинный романъ *Абадонна*, извѣстныя варіаціи на туже тему. Между-тѣмъ, въ туже пору читался у насъ и перечитывался шотландскій историко-романистъ, переводимый съ французскаго, какъ попало, и расходился въ торговлѣ бойчѣе, чѣмъ что-нибудь и когда-нибудь. Романъ Вальтера-Скотта породилъ у насъ повѣсти изъ русской старины покойнаго Марлинскаго, романы Загоскина и прочихъ, и отозвался подъ перомъ Н. А. Полеваго *Клятвою*

при гробѣ Господнемъ, на которую Марлинскій написалъ такую длинную и такую хвалебную рецензію. Карамзинскія понятія о русской исторіи уже находили порицателей и во-главѣ ихъ самого г. Полеваго; но въ сущности разумѣніе русской старины еще не далеко ушло отъ карамзинскаго, что̀ иначе не могло и быть, когда работы исторической критики едва-едва начинались.

Увидимъ, что слѣды всего этого ярки на драматическихъ сочиненіяхъ автора.

Съ прекращеніемъ *Московскаго Телеграфа*, миновалась для г. Полеваго роль журналиста; всему своя чреда, и неоднократныя попытки его дѣйствовать снова редакторомъ не имѣли ожиданнаго успѣха: въ три-четыре года утекло много воды. Теперь г. Полевой пользуется весьма почотною извѣстностью въ литературѣ, нынѣшніе труды его находятъ гораздо-больше почитателей, чѣмъ новыя произведенія его современника и, въ былые годы, журнальнаго соперника, г. Булгарина, однако за всѣмъ тѣмъ нельзя не повторить Горація:

Eheu! fugaces
Labuntur anni.

И невольно вспоминается опредѣленіе, какое давалъ покойный Пушкинъ роли Н. И. Греча въ литературѣ, сравнивая его съ такимъ почтеннымъ человѣкомъ, котораго обыкновенно приглашаютъ въ кумовья....

Но *огромная* слава не совершенно прошла для нашего автора: съ журнальной и литературной почвы она перемѣстилась на сцену, и любимецъ прежней публики по-воспоминаніямъ имѣетъ все достоинство настоящаго для новой публики, постоянно-приходящей въ восторгъ отъ его *историческихъ былей* и *драматическихъ представленій*.

Съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ служитъ Н. А. Полевой нашимъ драматическимъ музамъ, (и развѣ кн. Шаховской можетъ поспорить съ нимъ въ обиліи), не-смотря на то, что труды г. Полеваго не посвящены исключительно театру, а идутъ какъ-бы между-прочимъ. До-сихъ-поръ число оригинальныхъ и переводныхъ или, вѣрнѣе, заимствованныхъ піесъ простирается до *тридцати*; по-крайней-мѣрѣ *двадцать-пять* изъ нихъ игрались и играются на театрѣ, нѣкоторыя съ успѣхомъ просто колоссальнымъ. Часть ихъ собрана авторомъ въ четыре тома *Драматическихъ сочиненій и переводовъ*, изданныхъ въ 1842 году, часть разсѣяна по разнымъ періодическимъ изданіямъ, въ томъ числѣ также въ «Репертуарѣ и

Пантеонѣ», какъ извѣстно читателямъ. Неутомимость автора служитъ ручательствомъ, что къ этому запасу прибавится еще не мало новаго, и въ добрый часъ!

А въ ожиданіи новаго будетъ нелишнимъ поглядѣть повнимательнѣе на то, что̀ уже есть.

—

Прежде всего о родѣ драматическихъ сочиненій, который — жалуется авторъ — называютъ у него «ложнымъ».

Нормою новѣйшаго театра мы принимаемъ театръ Французовъ, народа, котораго общественный бытъ служитъ больше или меньше нормою всѣмъ другимъ европейскимъ бытамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, даже въ Англіи, гдѣ драматургія довольно своеобразно и пораньше французскаго развилась во-времена Шекспира, теперешній театръ имѣетъ образцомъ французскій; испанскій и итальянскій театры, нѣкогда обильно вносившіе свои элементы на французскую сцену, приняли ихъ обратно, переработанными общественнымъ геніемъ сосѣдовъ. Про Германію нечего и говорить: отецъ нѣмецкаго театра, Лессингъ, писалъ послѣ Дидрò. Въ Россіи, гдѣ такъ многое заимствовано въ свое время у Французовъ, съ театромъ иначе не могло быть. Какою-же дорогой шолъ французскій театръ по нынѣшній день?

Драматическій родъ древнихъ была *трагедія*, когда древность еще не дожила до точки поворота къ новому порядку вещей, и потомъ *комедія*, когда началось мелленное разрушеніе настоящаго *древняго* быта, вѣковое гніеніе общества, умиравшаго, чтобы ожило новое и лучшее. Истинное опредѣленіе древности, существенный ея характеръ — преданіе, которое было религіей, религія, которая была ничто-иное, какъ преданіе, и лежала въ основѣ общества. Апотеоза жизни у древнихъ — въ преданіи: отсюда содержаніе и форма трагедій Эсхила, Софокла, Еврипида. Содержаніе это вы знаете: тотъ прекрасный, гармоническій міръ, о которомъ вздыхалъ Шиллеръ:

Da die Götter menschlicher noch waren,
Waren Menschen göttlicher!

Самое губительное для гармоніи жизни, но вмѣстѣ и самое человѣческое свойство духа, именно то, что̀ духъ дѣлается духомъ, и чѣмъ особенно тяжко болѣетъ теперешній свѣтъ, *сознаніе* обратило

общество къ настоящему, гдѣ жизнь, послѣ преданія, показалась отнюдь не въ апотеозѣ, очень-будничною, породило комедію, которая, какъ вамъ извѣстно, возникла одновременно съ практическою философіей Сократа, страшно виноватаго передъ древнимъ міромъ. *Ἀδικεῖ Σωκράτης, Σοφρονίσκου υἱός*, «онъ оскорбитель боговъ, развратитель юношей», заговорили настоящіе, религіозные Аѳиняне, и шли смотрѣть, какъ онъ смѣшонъ въ «Облакахъ» Аристофана, который собственно былъ еще опаснѣе Сократа. Впрочемъ, мы только припоминаемъ то, что читатели знаютъ, вѣроятно, лучше насъ.

Средніе вѣка, особенно у Романскихъ народовъ, по-преимуществу наслѣдниковъ древней образованности, имѣли свои драматическіе роды, *мистеріи*, *моральности*, *фарсы*, *дурачества*, которые вскорѣ послѣ *возрожденія*, т. е. ученаго, схоластическаго возобновленія знакомства съ древностью, произвели драму Марлова, аллегорическаго Спенсера, наконецъ Шекспира. Между-тѣмъ, во Франціи возрожденіе подняло трагедію въ формѣ, похожей на древнюю, съ содержаніемъ, существенно-новымъ. Общество тогдашней Франціи, т. е. Парижа, состояло изъ *двора* и *города*: для перваго, какъ для образованнѣйшаго, другими словами для *дворянства*, писалась и игралась трагедія конца XVI и всего XVII столѣтія. Что-же служило содержаніемъ *этой* трагедіи? Душа человѣка вообще и тогдашняго въ особенности: у Корнеля и Расина, гдѣ трагедія достигла самаго высшаго своего развитія и раздвинулась въ самые дальніе свои предѣлы, находимъ разные роды страстей олицетворенными подъ классическими именами лицъ древности или героевъ старины. Умный фарсъ среднихъ вѣковъ, явясь при дворѣ великаго короля въ лицѣ его великаго камердинера, также сталъ принаряжаться въ напудренный парикъ, и далъ начало псевдоклассической *высокой* комедіи. Въ XVIII вѣкѣ городъ или мѣщанство (bourgeoisie, roture, tiers-état) начинало брать свое, и появились *мѣщанскія трагедіи*, родъ средній между тогдашней трагедіей и комедіей, т. е. гдѣ дѣйствующія лица были обыкновенные люди, не изъ героическаго міра и не изъ круга исключительнаго людей, стоящихъ *надъ* обществомъ. Комедія явилась въ новомъ и оригинальномъ видѣ водевиля. Когда вышла, въ 1741 году, піеса Ла-Шосѐ, *Мелапида*, изъ рода мѣщанскихъ трагедій, то журналистъ того времени, аббатъ Дефонтенъ, писалъ: «Почему-бы для этого рода піесъ, которыя не суть ни трагическія, «ни комическія, а все-жъ-таки театральныя, не употребить намъ «слова, существующаго въ нашемъ языкѣ и заимствованнаго нами у древнихъ,—именно слова *драма*?» Такимъ-образомъ, за словомъ

«драма» утвердилось его частное, новѣйшее значеніе, и родъ піесъ, носящихъ это названіе, въ полнѣйшемъ развитіи своемъ сдѣлался истиннымъ драматическимъ родомъ новѣйшаго, т. е. нашего общества. Этимъ полнѣйшимъ развитіемъ обязана драма пламенному проповѣднику тогдашней реформы, душѣ союза энциклопедистовъ, Дидро, котораго самое рожденіе не могло мирить съ современнымъ ему порядкомъ вещей. Вы помните, какъ философъ, считавшій своею матерью крестьянку, благородно отказался отъ чести быть незаконнымъ сыномъ знатной дамы. Дидро, однакожъ, сочиняя настоящія новѣйшія драмы, звалъ ихъ въ силу преданія «комедіями». Какъ живо проговорилась насущная потребность общества въ пріемѣ піесы Дидро – «Отецъ Семейства!» Самъ авторъ, въ домашнемъ письмѣ къ одной пріятельницѣ, говорилъ послѣ перваго представленія «Père de Famille»: «Піеса такъ быстра, такъ мо«гуча, такъ крѣпка, что невозможно ее убить... Не запомнятъ по«добнаго успѣха... Слышно только одно: Прекрасная піеса... Я «самъ изумился...» Съ-этихъ-поръ началось владычество драмы, которой предметъ – серьёзныя противорѣчія жизни, несовершенства и слабости обыкновенныхъ людей; преступленіями ихъ занялась въ-послѣдствіи *мелодрама*. Что-же было въ это время съ трагедіей? Вольтеръ хорошо понималъ возниканіе новой силы и новыхъ потребностей; но, не-смотря на весь свой либерализмъ, самъ въ душѣ былъ отчаянный «красный каблукъ», гнушался новымъ родомъ, и прекрасными стихами писалъ дряпныя трагедіи, искусственныя и безжизненныя, какъ современная имъ аристократія, для которой онѣ собственно писаны. Вольтеромъ создана настоящая псевдоклассическая трагедія, вялая и скучная мелопея, бывшій предметъ поклоненія педантовъ. Въ наше время, когда, съ помощію генія Рашели, Французскій Театръ возобновляетъ старину, трагедіи Корнеля и Расина нравятся, ибо въ нихъ есть непосредственная поэтическая истина, трагедіи вольтеровской школы не удаются, потому-что никакой гальванизмъ не оживитъ, хотя понаружности, вещества неорганическаго. То, что нынче называется трагедіей, есть драма высшаго разбора, и предметы ея могутъ быть исключительно историческіе: современное общество гладко и ровно; ни доблести, ни недостатки его лицъ не выходятъ изъ предѣловъ обыкновеннаго, а воспроизведеніе обыкновенной жизни на сценѣ, не съ мелкой и смѣшной ея стороны, есть драма, которая, принаравливаясь ко вкусу не совсѣмъ-то благовоспитанной публики, видящей только слишкомъ яркія черты, бываетъ мелодрамою. Но и мелодрама беретъ свои сюжеты изъ прошедшаго, а не изъ настоящаго.

Итакъ, чтобъ имѣть драму, надо имѣть общественную жизнь, въ нѣдрѣ которой могла-бы происходить драма, слѣд. жизнь, по которой прошелъ уровень образованія, которой формы болѣе или менѣе остыли и окрѣпли, общество, которое имѣло-бы свои законы не въ гражданскихъ и уголовныхъ учрежденіяхъ государства, а, такъ-сказать, въ крови своихъ членовъ. Піесу смотритъ пестрая, разнородная толпа зрителей: нужно, чтобъ каждый могъ видѣть въ ней ту жизнь, середи которой самъ дѣйствуетъ, которая его чело бороздитъ морщинами, о которой онъ имѣетъ полное понятіе; иначе достоинства и недостатки піесы будутъ подлежать самой случайной условности, самому нестройному разногласію, т. е., въ отношеніи къ піесѣ, ихъ вовсе не будетъ существовать. Что такихъ необходимыхъ общихъ условій не находится до-сихъ-поръ у насъ, гдѣ нравственныя стихіи общества или еще не создались вовсе, или въ хаотическомъ броженіи, гдѣ привольно и раздольно гуляетъ слѣпая случайность,— это явно изъ простаго факта,— отсутствія драмы на сценѣ и неудачныхъ попытокъ произвесть что-нибудь на нее похожее. Единственныя точки, въ которыхъ общее мнѣніе можетъ сходиться, которыя сознательно или безсознательно понятны у насъ всякому, суть черты комизма невысокаго разбора довольно грубоватыя, проведенныя приливомъ разумной, образованной жизни по нравамъ и быту, какіе завѣщаны намъ преданіемъ: эти черты служатъ на сценѣ пищею фарсамъ, называемымъ у насъ «оригинальными водевилями», а поочищенныя еще болѣе образованнымъ воззрѣніемъ и переданныя болѣе мастерской кистью, даютъ содержаніе комедіямъ Гоголя. Съ нашей драмою покуда тоже, что̀ съ нашимъ романомъ. Есть много повѣстей, ловко разсказаны больше или меньше общіе и возможные случаи въ больше или меньше всѣмъ понятныхъ рамкахъ жизни, но онѣ только элементы романа, а не романъ, которому еще многаго не достаетъ. Если Лермонтовъ успѣлъ создать одинъ русскій романъ, несовсѣмъ однако отчетливый, если Пушкинъ не успѣлъ кончить начатаго романа, изъ котораго мы знаемъ только превосходный отрывокъ, то во-первыхъ Пушкиныхъ и Лермонтовыхъ по-двое вдругъ не бываетъ, а во-вторыхъ романъ того и другаго вращается въ тѣсной сферѣ нашего высшаго общества, и слѣд. указаніе на нихъ не имѣетъ еще никакой силы доказательства. Гоголь пишетъ «поэму» о Чичиковѣ; другіе пишутъ все, кромѣ романа. Но, возразятъ, можетъ однако существовать драма историческая. Отвѣчаемъ: покуда и того нѣтъ, или почти нѣтъ, по слѣдующимъ причинамъ. Если соблюсти въ ней историческую вѣрность быта и характеровъ,—а наше прошедшее не представляетъ

на это обильной жатвы —, то, съ одной стороны, надо нѣсколько больше знать духъ разныхъ прошедшихъ эпохъ, нежели покуда мы его знаемъ, а съ другой, красоты такого рода условны, т. е. предполагаютъ въ зрителяхъ количество образованія, далеко превосходящее теперешнее. Если писать историческія драмы на томъ основаніи, на какомъ Гёте говоритъ: «для поэта нѣтъ историче-«скихъ лицъ; ему угодно изобразить свой нравственный міръ, и съ «этой цѣлью онъ оказываетъ нѣкоторымъ лицамъ изъ исторіи «честь, давая ихъ имена своимъ твореніямъ *»: то здѣсь препятствуетъ тоже обстоятельство, въ какомъ мы видимъ невозможность драмы изъ современной жизни. Просимъ не забывать, что, говоря это, имѣемъ въ виду преимущественно драмы, которыя должны даваться на сценѣ: читатели не совсѣмъ то, что̀ зрители.

Разсуждая такимъ-образомъ, по нашему мнѣнію, очень-справедливо, мы находимъ, что родъ драматическихъ сочиненій Н. А. Полевого во всѣхъ отношеніяхъ именно таковъ, какой нуженъ и какой возможенъ. Онъ пишетъ *драматическія представленія*, *сцены въ родѣ драмы*, легонькія *комедіи*, *историческія были*, *русскія были*, *сибирскія сказки*.

По-поводу этихъ *историческихъ былей* и *русскихъ былей*, гонительница автора, критика, насмѣшливо замѣчала, что изобрѣтательность г. Полевого умѣетъ извлекать драматическія представленія даже изъ того, изъ чего, по-видимому, не добыла-бы ихъ никакая человѣческая мудрость. Почему-же такъ? Драматически трактованъ можетъ быть всякой предметъ безъ изъятія; даже курсъ философіи можетъ принять драматическую форму, какъ видимъ образчики въ сочиненіяхъ Платона, форму не-на-шутку драматическую, ибо въ развитіи мыслей есть свое дѣйствіе, своя борьба, свои столкновенія. Впрочемъ, говоря посерьёзнѣе, приведемъ въ примѣръ извѣстныя *хроники* Шекспира, гдѣ часть англійской исторіи представлена рядомъ драмъ. Въ близкіе къ Шекспиру годы въ Швеціи была цѣлая школа *Іоганна Мессеніуса* (+1637) съ подражателями, которая излагала шведскую исторію въ драмахъ, имѣвшихъ огромный успѣхъ. Самъ Мессеніусъ намѣревался для этого написать ровно 50 трагедій и комедій; но смерть остановила дѣло только на шести. Въ наше время, когда драматическое искусство сбросило рабскія узы псевдоклассицизма, тѣмъ

* Für den Dichter ist keine Person historisch; *es beliebt ihm* seine sittliche Welt darzustellen und er erweist zu diesem Zwecke gewissen Personen aus der Geschichte die Ehre ihren Namen seinen Geschöpfen zu leihen. — Слова по поводу разбора сочиненій графа К. Манцони.

возможнѣе всякаго сорта драматическія представленія. Настоящая русская драма, русскій романъ — дѣло другое. Самъ г. Ивельевъ, придумавшій способъ постановки піесъ, по которому очень-удобно можно цѣликомъ представлять великое переселеніе народовъ, не придумаетъ способа добыть русскую драму; самъ г. Аксаковъ, видящій въ современной русской жизни гомерическій эпосъ, не разглядитъ въ ней романа; самъ г. Студитскій, московскій славянофилъ и поэтъ, ограничиваетъ свои ожиданія только вообще славянской драмою, которая, по его разсчоту, должна не сегодня-завтра родиться и проявить собою дивные драматическіе образцы. — Но воротимся къ нашему автору.

Обвиняютъ его въ безконечныхъ заимствованіяхъ у всякаго, у кого можно заимствовать. Говорятъ, будто онъ нещадно *обираетъ* то того, то другаго, и на чужое добро покупаетъ себѣ рукоплесканія. Съ-виду подобное обвиненіе основательнѣе всѣхъ прочихъ, но — только съ-виду.

По общепринятому теперь опредѣленію, искусство есть свободное, слѣдовательно, разумное воспроизведеніе жизни или — какъ все существующее есть жизнь — возсозданіе природы. Слово «природа» имѣетъ тутъ значеніе весьма-обширное: подъ нимъ разумѣется все такъ-называемое феноменальное бытіе, всѣ явленія, происшедшія-ли безъ вѣдома человѣка или имъ самимъ произведенныя, все, что *видъ* насъ и можетъ служить предметомъ познанія. Процессъ этого возсозданія основанъ на тожествѣ законовъ, т. е. смысла, природы и нашего духа, или — выражаясь проще — на отсутствіи смысла въ феноменальномъ бытіи, которое имѣетъ значеніе лишь въ умѣ человѣка. Въ-послѣдствіи скажемъ больше. Называется технически опъ *творчествомъ*, а способность къ нему — даромъ творчества, художническимъ геніемъ. Ученое, точнѣе, школьное иллюминатство, остатокъ варварства, котораго держались magistri umbraticі среднихъ вѣковъ и которое теперь падаетъ даже у Нѣмцевъ, «гелертеровъ» по-натурѣ, сдѣлало изъ самыхъ простыхъ познаній элевзинскія таинства и понять съ-непривычки искусственный языкъ одной германской эстетики почти труднѣе, нежели написать ихъ дюжину, однажды одолѣвъ хитроумную терминологію. Однакожъ, какъ всякое ремесло имѣетъ для краткости выраженій свои техническія слова, то и мы употребимъ нѣсколько словъ неуклюжихъ, подобно всему цеховому. Постараемся яснѣе разсказать, въ чомъ именно заключается даръ творчества и какъ опъ дѣйствуетъ.

Онъ есть въ каждомъ изъ насъ, какъ есть разсудокъ, память и пр. Въ иныхъ его больше, въ иныхъ меньше; у одного столько,

что онъ дѣлается художникомъ, у другаго въ такой степени, что онъ съ трудомъ понимаетъ художество. Бываетъ и такъ, что то-же лицо, которое лишено этого дара въ способности выражаться языкомъ, въ словѣ, обильно имѣетъ его въ способности выражаться звуками или очертаніями. Въ дѣйствительномъ видѣ даръ творчества есть художническій геній, въ страдательномъ — вкусъ критика, тактъ любителя. Подобно всѣмъ прочимъ силамъ души, онъ подлежитъ развитію, усовершенствованію. Иногда отъ случайнаго характера развитія, а иногда отъ существеннаго свойства, художническій геній бываетъ поэтическій, музыкальный, сценическій и т. д. Природа, т. е. все внѣшнее, совокупность явленій, не существуетъ иначе, нежели мы ее знаемъ: она существуетъ только *для* насъ, а не *для себя*, хотя существуетъ однакожъ *само-по-себѣ*, иначе-бъ мы ея не знали или, другими словами, она для насъ не была-бы внѣшнимъ явленіемъ. Быть-можетъ, существованіе ея имѣетъ и такой смыслъ, котораго мы не постигаемъ; но намъ, людямъ, до того нѣтъ никакой надобности, — мы ее знаемъ только такъ, какъ она отражается въ зеркалѣ нашей души, слѣд. на наши глаза она и существуетъ только для насъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что наша душа служитъ хранилищемъ для образовъ природы, принимаемыхъ или черезъ внѣшнія чувства или черезъ силу разсудка, — послѣднее разумѣется о такихъ предметахъ, которые не подлежатъ свидѣтельству чувствъ, напр. разсказы о происшествіяхъ, вообще о томъ, чего мы лично не видали. Для того у насъ есть воображеніе, есть память. Блаженный Августинъ хорошо сравниваетъ память съ огромнымъ дворцомъ или замкомъ, гдѣ по отдаленнѣйшимъ или ближайшимъ комнатамъ размѣщены и толпятся образы природы (все-таки въ обширномъ смыслѣ слова), и могутъ быть вызываемы по желанію. Натурально, что населеніе этого замка тѣмъ обильнѣе, чѣмъ человѣкъ больше пріобрѣтаетъ познаній. Хранясь въ памяти, образы природы удерживаютъ больше или меньше ихъ первоначальный видъ, въ какомъ они намъ достались; въ немъ много несущественнаго, не того, что одно дѣлаетъ эти предметы именно этими предметами. Судительная сила отличаетъ въ предметахъ такія стороны — т. е. такія отношенія къ другимъ предметамъ — которыя составляютъ ихъ характеристику, ихъ сущность. Вмѣсто прежнихъ, получаются уже новые предметы или образы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ случайныхъ чертъ, могущихъ и быть и не быть въ предметѣ, не уничтожая тѣмъ его личности, его характера. Остались однѣ существенныя черты, по которымъ въ такомъ новозданномъ предметѣ заключается многое множество однородныхъ съ нимъ, но неочищен-

ныхъ отъ случайныхъ чертъ, условливающихъ взаимное различіе всѣхъ ихъ, личность каждаго. Воображеніе сообщаетъ новому предмету тѣло и краски, придаетъ ему своего рода личность, или, какъ технически говорится, *конкретируетъ* его. Конечно, чѣмъ могучѣе судительная сила, тѣмъ полнѣе и рѣзче схватываетъ она сущность предмета; чѣмъ ярче и правильнѣе воображеніе, тѣмъ живѣе и личнѣе новый образъ. Этотъ процессъ совершается какъ надъ вещами порознь, такъ и надъ цѣлой совокупностью вещей, какъ надъ дѣйствіями отдѣльно, такъ и надъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій или событіемъ. Отъ различія способовъ воплощенія пересозданныхъ такъ предметовъ зависитъ разница родовъ и видовъ искусства. Новые предметы, сотворенные этимъ процессомъ, въ свою очередь становятся матеріалами познанія. — Для поясненія всего сказаннаго беремъ самый ежедневный и простой примѣръ акта творчества, врожденнаго больше или меньше каждому, — примѣръ ловкаго свѣтскаго злословія, мѣткой насмѣшки. Вы ихъ часто слышите, часто сами говорите. Вглядитесь въ любую изъ нихъ, найдете, что она мѣтка и забавна, зла и любезна помощію того самаго духовнаго процесса, совершающагося тутъ мгновенно, о которомъ мы говорили такъ серьёзно. Возьмите-жъ образъ болѣе выношенный въ душѣ, болѣе полный, — вы получите комическое лицо или комическое дѣйствіе. Отъ смѣшнаго нетрудно перейдти къ важному: вѣдь «отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ», сказалъ, помнится, Наполеонъ.

О степени творчества у г. Полеваго нельзя сказать многаго, но она есть: мы увидимъ. Создаваемыя имъ фигуры не совсѣмъ полны и опредѣленны; если надо ихъ съ чѣмъ нибудь сравнить для ясности, то они могутъ быть уподоблены китайскимъ тѣнямъ. Упрекать его тутъ ровно не за что: роль его драматическихъ сочиненій такова, что бо́льшая сила художническаго генія не значила-бы для нея ничего. Вспомните, какъ публикою, для которой онъ пишетъ, приняты были созданія Гоголя, гораздо-высшія по искусству. Что́ касается до заимствованій, то они частію ненамѣренны: память представляетъ готовые образы, которые могутъ быть приняты за произведенія собственной фантазіи, какъ случается принимать слышанныя или вычитанныя чужія мысли за собственныя; частію потребность искать предметовъ иноземныхъ для піесы, или почерпаніе ея содержанія изъ повѣсти производятъ это; частію наконецъ, они — общее добро, и безъ оборота ихъ въ употребленіи не было-бы и процесса совершенствованія и искусства. А главное, осужденіе за это совершенно излишне, и ни къ чему не ведетъ.

Какъ художественная степень писателя опредѣляется его даромъ

творчества, такъ его характеръ зависитъ отъ угла зрѣнія на жизнь или міръ явленій, отъ *міросозерцанія*.

Природа (все-таки въ значеніи міра явленій вообще) лишена всякаго смысла внѣ духа. Для краткости пусть будетъ простымъ примѣромъ хоть мёблированная комната. Отнимите мысленно у этой мёбели смыслъ ея назначенія, даваемаго человѣкомъ, соотношенія ея между собою, красоту размѣщенія и отдѣлки, т. е. всѣ свойства, придаваемыя только нами, смотрящими, но несуществующія въ ней самой, — что̀ это такое? Безобразная, нестройная, мертвая масса вещества. Перенеситесь такимъ-же образомъ къ ландшафту; представить себѣ это не слишкомъ-трудно. Какъ это напоминаетъ образъ хаоса, бывшаго до сотворенія человѣка! Тоже самое можно приложить къ міру нравственныхъ явленій или событій. Приводимъ все для того, чтобы лучше опредѣлить знаменательность міросозерцанія. Духъ всеобщій существуетъ только для буддистовъ; а мы, не имѣя честь быть ими, знаемъ только существованіе духа такъ-называемаго «субъективнаго», т. е. воплощеннаго въ лицахъ. Подъ всеобщимъ духомъ мы разумѣемъ лишь единство законовъ духа для лицъ, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ онъ имѣлъ особое существованіе. Различіемъ личностей условливается различіе міросозерцаній: у одного оно обширнѣе, у другаго тѣснѣе; для того природа представляется въ такомъ цвѣтѣ, для другаго въ инаковомъ. Нужно-ли прибавлять, что подобная разница въ непосредственной связи съ вѣрованіями, частнымъ характеромъ, образованіемъ писателя и пр., вообще подлежитъ обыкновеннымъ условіямъ мѣста и времени, какъ-бы ни казался иной свободенъ отъ нихъ по обширности и, оттуда, разнообразію своего воззрѣнія на міръ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, одна молодая философская школа, въ Германіи, хлопоча о нѣкоторой эстетической реформѣ, наткнулась на вопросъ, прямо слѣдующій изъ сказаннаго, именно о такъ-называемомъ «объективномъ» и «субъективномъ творчествѣ». Мы не стали-бъ упоминать объ этой школьной комедіи, еслибъ отголоски ея не появились въ русской печати, съ тѣми-же забавными послѣдствіями. Попавши сперва въ одну крайность вопроса, потомъ въ другую, затѣйливая нѣмецкая мыслительность развѣнчивала и снова короновала нѣсколько прочно-утвержденныхъ писательскихъ славъ, противорѣча сама-себѣ уморительнымъ образомъ, пока догадалась, что ларчикъ просто открывается. Читатели знаютъ, что мнимо-объективнымъ творчествомъ называлось такое его разнообразіе въ писателѣ, что лицо творца какъ-бы изчезало въ

созданіяхъ; субъективнымъ противное. Вѣсы, на которыхъ сравнительно взвѣшивали, между-прочимъ, достоинства Гёте и Шиллера, чрезвычайно колебались то въ одну, то въ другую сторону. Охотники до готовыхъ теорій, съ жаромъ повторяли это явленіе на Руси. Какъ-будто лицо можетъ сдѣлаться не лицомъ, т. е. человѣкъ перестать быть человѣкомъ: чисто объективный писатель, еслибы онъ былъ возможенъ, былъ-бы вѣченъ, и слѣд. противорѣчилъ-бы такому условію, на которомъ зиждется міръ, условію феноменальности или преходимости, а слѣд. совершенствованія.

Ужъ кстати о міросозерцаніи. Когда-то, говоря о покойномъ Лермонтовѣ, «Репертуаръ и Пантеонъ» высказалъ мысль, что изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ русскихъ писателей онъ ни у кого не знаетъ столько опредѣленнаго и столько стоящаго въ уровень съ современностью міросозерцанія, какъ у Карамзина и потомъ у Лермонтова. Эта смиренная мысль не на-шутку разсердила одного раздражительнаго критика. Была-ль она сама сказана не довольно отчотливо, ему-ли показалась вторженіемъ въ его владѣнія, или такъ нужно было по неизвѣстнымъ особливымъ причинамъ, — только критикъ не долго думалъ, при первомъ случаѣ сдѣлалъ вылазку изъ большой статьи, гдѣ дѣло шло вовсе не о Лермонтовѣ и не о Карамзинѣ, и объявилъ, что «только *невѣжество* можетъ сравнивать Лермонтова съ Карамзинымъ, что одинъ былъ поэтъ, а другой нѣтъ» и пр. Не зная ни за кѣмъ другимъ въ печати грѣшной мысли, которая подверглась гнѣву критика, мы принуждены были отнести его выходку къ себѣ, какъ ни усердно желали-бы, чтобъ онъ занимался предметами, достойнѣйшими его вниманія. Боже мой! будто ему мало, о чомъ толковать; какъ-будто, за недостаткомъ всего другаго, нельзя наговорить кучу прекрасныхъ и поучительныхъ вещей о «гуманности», «соціальности» и пр. по-поводу какаго-нибудь букваря! Выходка, какъ видите, исполненная *вѣжливости* и терпимости; но съ треножника не разбираютъ выраженій и съ натурой дѣлать нечего, слѣд. минуя приличія, обратимся прямо къ законности вылазки. Къ-несчастію, мы очень-хорошо знаемъ, что Лермонтовъ былъ исключительно поэтомъ, а Карамзинъ сверхъ-того историкомъ, что степень поэтическаго дарованія Лермонтова по-всему была далеко выше карамзинской, что Лермонтовъ умеръ очень-молодъ, а Карамзинъ очень-немолодъ, что Карамзинъ для своего времени былъ столькоже нравственъ, сколько Лермонтовъ для своего безнравственъ — характеръ его времени, — знаемъ далѣе, что критикъ весьма-*несоціально* трактуетъ поэтовъ, отказывая имъ въ общей людской способности жить интересами своей эпохи, что этимъ онъ чуть-

ли не противорѣчитъ горько самъ-себѣ, и пр. и пр. Очень-благодарны за честь, какую критикъ придалъ своей запальчивой вылазкой вскользь-сказанной, довольно-неважной мысли; но оставимъ его и его треножникъ, на которомъ желаемъ ему подвизаться еще много лѣтъ, къ утѣшенію собственному и назиданію своихъ почитателей.

Итакъ, что̀ касается до міросозерцанія г. Полеваго въ его драматическихъ сочиненіяхъ, то оно — вражда идеала съ дѣйствительностью, *мечты* и *жизнь*, *жизнь* и *поэзія*.

Идеалъ этотъ двоякъ. Если можно, ради краткости, принять для того и другаго формулы, заимствованныя изъ самихъ «драматическихъ сочиненій», то первый выразится такъ :

— Падшій ангелъ ! — Страшно... страшно !... — Дальше, дальше отъ людей... въ пустыни... на дикій берегъ морл... — О, поскорѣе отдохнуть, отдохнуть въ могилѣ отъ этой жизни... — Еслибъ ты понялъ всю мерзость дѣлъ и рѣчей человѣческихъ, ты подумалъ-бы, что тебѣ сказку сказываютъ ! — Что̀ мнѣ жизнь въ этихъ цѣпяхъ приличій, притворства, ненависти !... — Ничтожная толпа ! — Проклятое золото ! — Позолоченная дружба !

А второй такъ :

— Русская рука ! — русское сердце ! — не бѣлы-то снѣги ! — русская баба ! — русскій штыкъ ! — ай, жги — говори ! — русскій морякъ ! — русскій флагъ ! — русское ура ! урра ! уррра !

Разумѣется, мы не шутимъ.

Послѣдній образуетъ циклъ піесъ *патріотическихъ*, первый даетъ жизнь піесамъ *не-патріотическимъ*.

Какъ видите, тотъ и другой не очень-опредѣленны и кажутся очень-изношены. Но вѣдь извѣстно, что идеалы на свѣтѣ раздѣляютъ участь платья. На Мартиникѣ носили моды регентства, когда во Франціи короновался Наполеонъ. — Достовѣрно одно, что публика при этихъ піесахъ потрясаетъ театръ рукоплесканіями : мы не даромъ уподобили ее новому свѣту. Цѣль піесъ между-тѣмъ достигается вполнѣ, и — слава Богу !

Жизнь, т. е., дѣйствительная жизнь, не можетъ, конечно, представляться иначе, какъ въ самомъ неутѣшительномъ образѣ. Она олицетворяется въ людяхъ, которые, по словамъ Макара (Русскій морякъ, явл. 1.) «какъ-бы сказать, вотъ этакъ — не то, что̀ мухо-«моръ, не то что̀ крапива, а между ними, середка на половинѣ...» Вообще въ нихъ можно различить два разряда, дураковъ и плутовъ. За то первые *ни съ чѣмъ не сравнительно* глупы и смѣшны,

а овторыхъ всюду или намѣкается, что ихъ били, или тутъ-же на сценѣ бьютъ, или обѣщаютъ, что будутъ бить. Оно комическаго эффекта много, и нравственность выигрываетъ. Еще точнѣе дѣйствительность предстаетъ у автора въ видѣ сосѣдовъ-сплетниковъ, подъячихъ, ростовщиковъ, пролазовъ-секретарей, лѣнтяевъ-вельможъ. Ихъ увидимъ почти въ каждой піесѣ полный комплетъ.

Теперь, о самыхъ піесахъ, о каждой порознь, придерживаясь хронологическаго порядка : онъ всегда нелишній. Содержанія ихъ разсказывать не будемъ, потому-что оно вѣдомо всякому, кому есть надобность до русскаго театра; но будемъ отмѣчать ихъ общія характеристическія черты, въ подтвержденіе всего говореннаго выше.

—

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ литературѣ нашей совершался нѣкоторый переворотъ и она, по-видимому, принимала болѣе прочное торговое направленіе, сцена обмелѣла самымъ ощутительнымъ образомъ для своихъ посѣтителей. Небольшое число крупныхъ старыхъ произведеній устарѣли чрезвычайно, два — три перевода шиллеровыхъ трагедій приглядѣлись, многолюдное семейство драматическаго ветерана, князя Шаховскаго, потеряло прежнюю занимательность; начала постепенно натекать новая публика, а съ нею новыя потребности вкуса; на театръ нахлынула легкая кавалерія парижскихъ водевилей, и, въ неопасномъ водоворотѣ его репертуара, между мелочью, вращались только двѣ большія трагедіи Кукольника — «Рука Всевышняго» и «Кн. Скопинъ-Шуйскій». Показалась-было «Битва при Тиверіадѣ» и скрылась за первымъ опущеннымъ занавѣсомъ. Въ это время Гоголь надѣлалъ своимъ «Ревизоромъ» сильной суматохи, и сцена какъ-будто сбиралась догнать прежній потокъ образованія ; но она уже имѣла властителей, для которыхъ должна была пойдти ихъ вкусомъ назначенною дорогою. Между-тѣмъ въ Москвѣ, въ кабинетѣ г. Полеваго, незадолго передъ тѣмъ сошедшаго съ собственной журнальной арены, рѣшался вопросъ «быть иль не быть» на русской сценѣ для одной старинной вѣчно-молодой драмы, которую, въ январѣ 1837 года, театральная аффиша на бенефисъ артиста Мочалова возвѣстила такъ :

ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, *драматическое представленіе.* Соч. Вилліама Шекспира.

Оказалось, что шекспирову Гамлету *быть*, но съ укройкой по мѣркѣ сцены и съ разбавкою слишкомъ-цѣльнаго для вкуса зрителей вина стараго англійскаго генія. Кто, не зная подлинника, пожелалъ-бы подтвержденія этихъ словъ, тому напомнимъ разборъ перевода г. Полеваго, сдѣланный въ 1839 году покойнымъ Кронебергомъ и помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», когда она еще занималась не звѣринцемъ, не кухнею, не биржею, не объявленіями о цѣнѣ винъ и табаку, а въ-самомъ-дѣлѣ литературою, и читалась безъ тщетнаго приглашенія «сдѣлать одолженіе, читать.» Какъ-бы то ни было, но прежній переводъ г. Вронченки, не-смотря на полноту и свои достоинства, отчасти по этой самой причинѣ, не могъ быть на театрѣ; укройка лучше, чѣмъ ни крохи, и успѣхъ «Гамлета», поставленнаго на сценѣ, былъ неслыханный. Москва, по преклонности лѣтъ, мало-способная къ умственному движенію, на этотъ разъ рѣшительно переполошилась. Издававшійся въ ней очень-красивый журналъ, который все намѣревался быть отмѣнно-ученымъ журналомъ и благочестиво негодовалъ на современный промышленный характеръ литературы, горячо возсталъ на новый переводъ піесы, но бѣлокаменная не слушала журнала и «драматическое представленіе» давалось представленіе за представленіемъ. Актеръ Мочаловъ, игравшій роль Гамлета, превосходилъ въ ней самаго-себя. Въ придачу ко всему, піеса имѣла на сценѣ полную цѣну новости. Бушуя на помостахъ столичныхъ театровъ, Гамлетъ г. Полеваго и въ литературѣ породилъ свою литературу (въ біографическомъ смыслѣ, по-нѣмецки). Еще не остыли въ Москвѣ продолжительные первые восторги піесою, какъ въ одномъ затѣянномъ тогда германо-московскою молодежью періодическомъ изданіи своихъ досуговъ показалась длинная статья, весьма-длинная, протянувшаяся во всю длину недолговѣчной жизни этого изданія. Въ ней плодорѣчиво, мѣстами очень-краснорѣчиво и энергически, разсматривались и жизнь, и искусство, и Шекспиръ, и Гамлетъ, и Мочаловъ, и Полевой, со всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ сторонъ. Переводчикъ превозносился именно ad astra. Молодые люди принялись переводить Шекспира. Кто былъ посамостоятельнѣе, какъ г. Катковъ, тотъ взялъ свою дорогу и попробовалъ передать «Ромео и Джюльетту»*; другіе, какъ покойный М. М. Строевъ и г. Студитскій переводили того-же «Гамлета». Отрывки ихъ переводовъ были напечатаны въ тогдашнемъ «Московскомъ Наблюдателѣ». Соревнованіе распространилось и на Харьковъ, откуда начали появляться переводы Шекспировыхъ драмъ г. Кронеберга-

* Переводъ сполна напечатанъ въ «Пантеонѣ» 1840 года.

сына. Его-же существуетъ, какъ недавно было гдѣ-то печатное извѣстіе, переводъ Гамлета, трудъ, по обыкновенію исполненный красоты и солецизмовъ.

Много проносилось журнальныхъ слуховъ, что тѣ одинъ, тѣ другой неизвѣстный, тѣ переводитъ, тѣ перевелъ всего Шекспира. На московскую сцену г. Воскресенскій, въ былые годы переводчикъ В. Скотта съ французскаго, нынче авторъ замоскворѣцкихъ романовъ, пустилъ такъ нарѣченныхъ имъ «Виндзорскихъ кумушекъ» въ бенефисъ Щепкина, помнится, въ 1838 году. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» былъ напечатанъ второй переводъ «Ромео и Джульетты» г–на Росковшенки. Но всего не перечтешь: надо прибавить только главное, именно, что тогда-же неутомимый г. Кетчеръ началъ въ Москвѣ свои выпуски Шекспира въ прозѣ, отзывающіеся сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ переводовъ и щеголяющіе черемисскими именами дѣйствующихъ лицъ. При небольшихъ недостаткахъ, этотъ прозаическій переводъ полнаго Шекспира есть важное событіе въ русской литературѣ, которая впрочемъ не охотница до подобныхъ событій и не пріискала въ своихъ пустыряхъ мѣста «Испанскому театру» г. Тимковскаго. Нарочно разговорились мы попространнѣе объ этомъ рѣдкомъ у насъ литературномъ движеніи, какое произвелъ своимъ «Гамлетомъ», захуленный нынче въ конецъ прежними хвалителями, Н. А. Полевой.

Между-тѣмъ, самъ онъ, пожавъ свѣжіе лавры на московской сценѣ, переселился въ Петербургъ, куда звали его вдохнуть дыханіе жизни въ умиравшій тогда старый журналъ, нынѣ существующій баснословно. Но сцена нуждалась до-крайности въ услугахъ такого опытнаго писателя, какъ онъ, и первый успѣхъ почти обезпечивалъ послѣдующіе. Притомъ-же г. Полевой, по выраженію малоизвѣстной московской баллады,

.....былъ
Старый другъ Шекспиру.

Однако-жъ, по-причинѣ именно «старой дружбы», хорошо зная, что другъ его не полюбится зрителемъ съ своей колоссальной и диковатой старинной наружностью, и жалѣя прилично укорачивать и обдѣлывать его геній, онъ заблагоразсудилъ самъ написать драму въ его родѣ. Потомъ нашлось, что мудрѣе такого разсужденія не могло и быть. На Александринскомъ театрѣ въ Петербургѣ и на Петровскомъ въ Москвѣ одновременно, въ бенефисы гг. Каратыгина и Мочалова, явилась піеса:

Уголино, *драматическое представленіе*. Соч. Н. Полеваго 1838 г.

Вслѣдъ за тѣмъ она напечаталась съ унылымъ стихотворнымъ предисловіемъ:

Когда, съ погибшею для радости душой,
На міръ и на людей я мрачно озирался,
Когда, томимый жизнью, я скитался—
Всѣмъ чуждый странникъ—и пр. и пр.,

и съ длиннымъ прозаическимъ, гдѣ разсказывался ея историческій сюжетъ очень-подробно.

На происхожденіе «Уголино, драматическаго представленія» не столько имѣла вліяніе давнишняя нѣмецкая трагедія «Уголино» Герстенберга, сколько все тотъ-же, разумѣется, «старый другъ Шекспиръ». Вы сами знаете, что *Нино* немножко сумасбродъ въ родѣ Гамлета, что *Вероника* немножко мечтательница въ родѣ Джюльетты, что при ней есть также кормилица и пр. Жизнь побуднишнему щеголяетъ здѣсь въ лицѣ, между прочимъ, Гонзаго: вы помните, что онъ кропатель стиховъ, нищій, дворянинъ, большой трусъ и хвастунъ, и нѣсколько напоминаетъ нѣкоторыхъ вашихъ знакомцевъ изъ шекспировскаго круга. Нино—поэзія, Гонзаго—жизнь, слѣд. первый, по всѣмъ правамъ, неоднократно треплетъ втораго въ продолженіе піесы, и даритъ жизнь подъ-исходъ піесы презрѣнному, который вымаливаетъ этотъ подарокъ на колѣнахъ. Особенно поразительнаго въ «Уголино» немного, за то ужъ точно поразительное. Слушая начало піесы, вы привели себѣ на-память все, что̀ читывали похожаго, и изъ словъ Нино заключили, что онъ принадлежитъ къ трагической породѣ людей, по отзыву о немъ * одного харьковскаго рецензента, «съ замыслами,—высокими,—желаніями, которымъ нѣтъ предѣловъ,—страстями все заглушающими,—волею безграничною,—духомъ, борющимся со всѣми препятствіями...» Полагаете также, мимо всякой мысли о логической непослѣдовательности,—что почва болѣе историческая, нежели въ драмахъ Шекспира, взятая авторомъ, должна стѣснить его лишнюю свободу. Вдругъ передъ вами licence poétique, «которой нѣтъ предѣловъ», передъ вами гнѣздо горлицъ или чета аркадскихъ пастушковъ, которая только и дѣлаетъ что цѣлуется, которая трепещетъ разлучиться на-часъ. Нино повернулъ свою «без-

* См. Репертуаръ и Пантеонъ на 1843 годъ, кн. 3, въ отдѣлѣ *Провинціальные театры*.

граничную волю» на плетеніе ивовыхъ корзинокъ, его «духъ, борющійся со всѣми препятствіями» едва побораетъ желаніе Вероники провожать его на сельскую пирушку друзей-пастуховъ. Ну, да вы сами помните всѣ подробности этихъ ультра-нѣжныхъ сценъ.

Прослушавши ихъ или прочитавши,—какъ! что-жъ это такое?—спрашиваете вы съ удивленіемъ. — Такъ, ничего, герои удалились подъ «сѣнь струй», сцены во вкусѣ Дюкре-Дюмениля : вѣдь впечатлѣнія юности не проходятъ даромъ человѣку....

Но это бездѣлица, которая ничего не убавила изъ массы успѣха, стяжаннаго піесою, и «Уголино» дается до-сихъ-поръ, къ большому удовольствію публики.—Послѣ вторичнаго вѣнца, авторъ на нѣсколько лѣтъ сдѣлался почти исключительнымъ и почетнѣйшимъ бенефиснымъ писателемъ для знаменитостей между нашими артистами.

Въ томъ-же году начался циклъ патріотическихъ піесъ автора, и подъ такимъ-же трижды-счастливымъ созвѣдіемъ. Говоримъ о громкомъ тогда, любимомъ доселѣ

Дѣдушкѣ Русскаго флота, *русской были.*

Помните-ли, какъ «Дѣдушка» оспаривалъ удивленіе у юнаго въ ту пору на сценѣ «Гамлета»? Послѣдній однако одолѣлъ наконецъ перваго, и немудрено: у «Дѣдушки», въ союзѣ съ публикою, разродилось многочисленное потомство *былей* и небылицъ, иначе *сказокъ*, многіе потомки подъ разными именами очень походили на родоначальника, а «Гамлетъ» остался единственнымъ въ родѣ. Идеалъ піесы собственно значится въ третьемъ лицѣ, въ русскомъ *ура* съ колѣнопреклоненіемъ, которымъ она заключается. Мастеръ Карстенъ и подмастерье Питеръ, а равно и красавица Корнелія, имѣютъ много двойниковъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ автора. Дуракъ стрѣлецъ и старый ростовщикъ-волокита Ѳома, представители *жизни* тутъ, также не безъ двойниковъ, болѣе или менѣе точныхъ. Ѳому тутъ, какъ вы знаете, бьетъ Питеръ. За восторгомъ отъ «Дѣдушки» непосредственно слѣдовалъ восторгъ публики отъ

Иголкина, купца Новогородскаго, *исторической были.*

Безоружный плѣнникъ, человѣкъ у котораго давно есть внуки, въ одинъ мигъ—была-не-была! — убиваетъ двухъ вооруженныхъ шведскихъ часовыхъ *русскою рукою*, которая далѣе подъ этимъ именемъ рекомендуется шведскому королю, убиваетъ за то, что они обидѣли своею болтовнею его *русское чувство*. Ура! ура! такъ

повершается піеса. Жизнь—въ хвастунахъ солдатахъ, въ безхарактерномъ тюремщикѣ; настоящихъ Дарвандовъ, служителей Аримана, нѣтъ; врагъ поэтическаго свѣта, положительность, выказываетъ свои холодныя лапы въ лицѣ суроваго коменданта, строгаго блюстителя дисциплины и постановленій, но Карлъ XII самъ немножко идеалистъ и воздаетъ подобающую честь новогородскому старику.

Сколько «Дѣдушка русскаго флота» и дѣдушка новогородскихъ купцовъ износили декорацій—про то знаетъ государственный контроль, которому извѣстно все, даже справочныя цѣны на крылья Сильфиды; сколько слышали они рукоплесканій, о томъ засвидѣтельствуютъ нашимъ внукамъ стѣны теперешнихъ театральныхъ зданій. Это были первые ловкіе аккорды на струнахъ чувствительныхъ для русской публики. Около того-же времени, написаны

Черезполосныя владѣнія,

піеска, о которой самъ авторъ говоритъ, что она «была имъ на«писана въ нѣсколько часовъ, и какъ бенефисная шутка, была «принята довольно-благосклонно — довольно съ нея!» Именно — довольно! Мы упоминаемъ о ней пуще потому, что она еще въ 1838 году была піескою-кстати: дѣло шло объ искорененіи страшной отрасли сутяжничества, о полюбовномъ размежеваніи земель, которое продолжается доселѣ, а тогда было въ полномъ разгарѣ интереса, и прибавленія къ оффиціальнымъ «вѣдомостямъ» испещрялись объявленіями то помѣщиковъ, то посредниковъ. Для счота напомнимъ «Мнимаго больнаго» (Malade imaginaire), «Онъ за все платитъ» (C'est monsieur qui paie), «Ужаснаго незнакомца». Въ нихъ, какъ въ «Черезполосныхъ владѣніяхъ», авторъ кается, какъ «въ литературныхъ грѣхахъ.» Въ сборникѣ сочиненій ихъ нѣтъ; на сценѣ однако они бываютъ, кромѣ послѣдней, по поводу которой «сидя въ углу ложи, обшиканный авторъ философи«фически разрѣшалъ задачу объ условіяхъ и требованіяхъ сце«ны, когда занавѣсъ опускался при общемъ, весьма-гармониче«скомъ шиканьи зрителей.» Говорите-же послѣ этого, что русская сцена не имѣетъ своихъ опасностей и подводныхъ камней! Явно, что вездѣ нужна опытность.

Въ 1839 году начали мелькать отрывки третьей въ шекспировскомъ родѣ піесы, которой полное появленіе принадлежитъ исходу 1841 года. Въ—39-же году играна —

Смерть или честь! *драма въ пяти дѣйствіяхъ.*

Уже изъ заглавія явствуетъ, что тутъ идеалъ вдвойнѣ, и точно

есть идеалъ смерти за честь (Герцогиня, любовница своего подданнаго) и чести за смерть (Берта, сестра слесаря Гюга). Помните:

«Умерла?... Да, умерла!... Сестра моя! я выкупилъ честь твою дорогою цѣною!»

Для жизни, для несносной жизни — тутъ есть злоязычники-сосѣды, сплетницы-сосѣдки, которые находятъ, что для дѣвушки слишкомъ-много имѣть вдругъ жениха и любовника; есть негодяи-придворные всѣхъ возрастовъ и половъ, которые не любятъ, чтобъ ихъ повелитедь занимался дѣлами, а повелительница нѣжностями съ дѣловымъ и благодѣтельнымъ министромъ.

Вообще, если кому покажутся кой-какіе недостатки въ изобрѣтеніи событія, въ *басни* піесы, тотъ пусть разсудитъ, что въ этомъ собственно виноватъ авторъ повѣсти, Мишель Массонъ, у котораго нашъ авторъ заимствовалъ содержаніе драмы, желая, по его словамъ, «увѣриться: справедливо-ли мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ, будто изъ *повѣсти*, или *романа*, не можетъ-быть заимствовано *сценическое представленіе*, и съ тѣмъ вмѣстѣ испытать возможность въ наше время *драмы-собственно*, въ родѣ драмъ Лессинга, Иффланда, Дидерота.» Ужъ если нужно было повѣрять справедливость самаго несправедливаго, и испытывать возможность самаго возможнаго, то такая повѣрка и вмѣстѣ испытаніе принесли для зрителей самый удовлетворительный результатъ.

Если въ слесарѣ Гюгѣ вы узнаете нѣкоторыя знакомыя черты солдата Валентина, котораго сестру обольстилъ гётевъ «Фаустъ», то виновато, натурально, сходство положеній слесаря и солдата. Чуть-чуть было не забыли: идеалъ-Гюгъ буквально бьетъ въ одномъ мѣстѣ жизнь-Шнупфтуха, сосѣда и табачнаго торговца.

Главное — успѣхъ, колоссальный успѣхъ. Поспѣшимъ еще къ знаменитой піесѣ, данной въ 1840 году въ бенефисъ многодаровитой Асенковой, которой смерть часто вспоминается нынче съ такими вздохами и была двойной потерею, увлекши въ царство тѣней прекрасный сценическій талантъ и цѣлую поэзію одного петербургскаго поэта. Піеса есть

Параша Сибирячка. *Русская быль.*

Вотъ наконецъ она, слезоносная, мокрая какъ Гіады, *любимая* піеса автора, по его собственному признанію. Въ самыя грустныя эпохи исторіи не текло столько слезъ, сколько было ихъ пролито въ Россіи на безчисленныхъ представленіяхъ «Параши Сибирячки.» Не имѣй жидкости свойства испаряться или сохнуть, масса пролитыхъ слезъ давно-бъ образовала рѣку, которая прорвала-бы всѣ плотины и затопила-бъ, смыла съ лица земли ненавистную кри-

тику. Охъ, ужъ эта критика! только-что добрые люди расположились посмѣяться, либо поплакать вдоволь, она тутъ-какъ-тутъ съ ядовитой мефистофилевской улыбкой, а въ Россіи, пожалуй, съ непристойною бранью на устахъ. Авторъ зналъ, что для нея нѣтъ ничего священнаго, и въ печати поставилъ нѣчто въ родѣ стихотворнаго укрѣпленія, въ видѣ посвященія дорогой его сердцу особѣ.

Когда моей Сибири отдаленной
Изображалъ раздолье я степей,
Лѣса, пустыни, дѣвы вдохновенной
Святую мысль и подвигъ—и царей
Любовь и благость, и Тебя, Благословенный...
О, голосъ мой не тщетно слышенъ былъ—
Въ сердцахъ другихъ онъ отзывъ находилъ.
Я видѣлъ: Дочь Владыки полусвѣта,
Прекрасная, какъ божья благодать,
Какъ свѣтлая, святая мысль поэта,
Явилась намъ страданью сострадать,
И плакала, какъ чистый ангелъ свѣта...
Въ тотъ свѣтлый мигъ, какъ я благоговѣлъ—
Я говорить не могъ и—не умѣлъ...
Тѣ слезы, даръ святаго Провидѣнья,
Душа моя, какъ чистый перлъ, хранитъ;
Ихъ не отнимутъ люди и волненья,
И скорби—и ничто, ничто не истребитъ...

Оно, однако-жъ, было почти напрасно: благодаря участію, какое піеса весьма-основательно встрѣтила въ публикѣ, всѣ покушенія критики остались безсильными, тяжолая ея артиллерія тутъ ни къ чему не годилась. «Параша» осталась неизмѣнною любимицею публики. Въ Москвѣ, гдѣ вкусы еще постояннѣе, надъ ней до-сихъпоръ плачутъ: Кремль, соборы, коронація, трогательная царская милость, геройскій подвигъ молоденькой дѣвушки, говоръ толпы—эффектъ за эффектомъ, одинъ потрясательнѣе другаго. Сама «Аскольдова Могила», которая на московской сценѣ стоитъ чуть-не долѣе обыкновеннаго срока могилъ на свѣтѣ, не похвастаетъ въ послѣдніе годы такимъ количествомъ сбора, какъ «Параша Сибирячка, русская быль.»

Эта рѣдкая быль послужила въ свое время сюжетомъ для романа слезливой памяти мадамъ Коттенъ, какъ припоминаетъ нашъ авторъ. Случай съ *Прасковьею Лупаловою* впервые разсказанъ въ русской печати журналомъ, о которомъ теперь немногіе помнятъ, *Сіонскимъ Вѣстникомъ*, издававшемся немного въ мистико-пінти-

ческомъ духѣ покойнымъ Лабзинымъ. Тогда еще живъ былъ интересный знакомецъ Гёте — мечтательный и глубокоблагочестивый Генрихъ Юнгъ-Штиллингъ: онъ велъ дѣятельную переписку съ редакціей «Сіонскаго Вѣстника». Въ-послѣдствіи, когда-нибудь мы встрѣтимся еще съ характеромъ того времени. — «Параша» г. Полеваго родила оперу «Парашу» г-на Струйскаго, которая однакожъ не имѣла успѣха «Параши» г. Полеваго. Да! не вступись Н. А. Полевой въ положеніе нашей сцены и зрителей — первой не имѣть-бы удовольствія слышать, а послѣднимъ производить столько грома рукоплесканій.

Безъ-сомнѣнія, въ піесѣ идеализированы противъ дѣйствительнаго и Параша, и ссыльный Неизвѣстный, идеализированы отчасти въ старомодномъ вкусѣ; для эффекта приданъ богомольный Прохожій. Жизнь— она-же зло—предстаетъ въ подъячемъ Писулькинѣ, въ Оеклѣ Ѳедосѣевнѣ, которая, надо замѣтить, искусно взята въ типическія лица изъ русской жизни и хорошо выполнена авторомъ. И Писулькинъ и Оекла Ѳедосѣевна находятъ кару въ толпѣ народа, гдѣ ихъ жмутъ и давятъ; они за физическою болью лишены даже отрады кричать: *ура*! съ веселымъ народомъ. «Братцы, други, русскіе люди!» говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, и освѣщеніе театра усиливается... отъ отраженія въ слезахъ, которыми полны глаза зрителей и глазки зрительницъ.

За тѣмъ появленіе или, лучше, появленія піесъ подъ перомъ автора имѣютъ всю частоту барабанной дроби, и память рѣшительно отказывается намъ служить для мало-мальски хронологическаго перечня. Впрочемъ, большой важности въ немъ нѣтъ. Беремъ, что̀ первое попалось, на–удачу, напримѣръ хоть

Отца и Откупщика, дочь и откупъ, *нѣсколько сценъ въ родѣ драмы или комедіи въ одномъ дѣйствіи.*

Страннымъ кажется намъ тутъ вотъ какое воспоминаніе: тѣже рецензенты, которые безусловно соглашались, какъ и надо, въ томъ, что эта піеска есть комедія, никакъ не хотѣли признать за комедіи игранныхъ на сценѣ одноактныхъ піесъ Гоголя. Должно быть, разница между–ними была *субъективная*, т. е. заключавшаяся въ личностяхъ рецензентовъ.—Въ піескѣ есть мѣста, гдѣ Хамовъ, откупщикъ, очень-похожъ на милаго мосьё Журдéна, съ которымъ если, паче чаянія, не были вы знакомы въ оригиналѣ, то познакомились въ переводѣ «Bourgeois-Gentilhomme», помѣщенномъ въ 1-й книжкѣ нашего изданія за нынѣшній годъ. За то имѣютъ цѣну непосредственной истины, т. е. существованія въ русской

жизни — отчасти Такушкинъ, и еще больше Ѳедька Кулакъ. Для памяти выпишемъ краткія мѣста изъ двухъ сценъ.

Хамовъ. Ну, что Ѳедора Матвѣевна сказала?

Ѳедька. Смѣю доложить, изволили сказать, что будутъ дома, и что благоволите послать, когда изволите возвратиться.

Хамовъ. А больше ничего?

Ѳедька. Ничего-съ, осмѣливаемся доложить.

Хамовъ. Ѳедька! ты разбойникъ!

Ѳедька. Покорнѣйше благодаримъ.

Хамовъ. Ты плутъ, мошенникъ!

Ѳедька. Не можемъ противорѣчить, батюшка Евстигней Созонтовичъ.

Хамовъ. Знаешь-ли, что я могу тебя прибить, притаскать...

Ѳедька. Ваше дѣло хозяйское — позвольте, батюшка, ручку поцѣловать!

Хамовъ. За что?

Ѳедька. За отеческія ласки, батюшка!

Хамовъ. Хорошо. — Ну, такъ она ничего больше не говорила?

Ѳедька. Ничего, батюшка — вотъ провались я сквозь землю!

Хамовъ. Послушай, Ѳедька — слушай, что я буду тебѣ говорить!

Ѳедька (*кланяется въ ноги*). Слушаемъ, батюшка!

Хамовъ. Я, братецъ, тобой доволенъ. Видишь; я услугу цѣню. Ты вспомни, что я взялъ тебя изъ самыхъ дрянныхъ цѣловальниковъ...

Ѳедька. Такъ, батюшка!

Хамовъ. И вотъ ужъ теперь ты въ людяхъ — повѣренный, получаешь ты по 300 рублей жалованья — крадешь ты еще столько-же.

Ѳедька. Батюшка! разступись земля, поглоти меня...

Хамовъ. Я, братецъ, и не взыскиваю — нельзя! Слушай: впереди у тебя, братецъ, надежды большія; я услугу цѣню — воруй у меня, да только берегись — попадешься, на себя пѣняй. Но услугу, братецъ, я цѣню. Водопьяновъ тобой доволенъ. Я прибавлю тебѣ 100 рублей!

Ѳедька (*кланяется въ землю*). Батюшка! благодѣтель! вѣчно долженъ за тебя Богу молить — служить!

Хамовъ (*садится*). Встань. (*Ѳедька встаетъ*). Чувствуй, братецъ, благодѣянія, такъ и самъ будешь со-временемъ человѣкомъ. Всѣ мы, братецъ, не съ большаго начинали...

Ѳедька. Ахъ! благодѣтель! благослови васъ Господи! Пошли вамъ долгіе вѣки и счастія... Вотъ я и хотѣлъ, батюшка Евстигней Созонтовичъ, милости вашей объяснить...

Хамовъ. Что такое?

Ѳедька. На-счотъ, въ разсужденіи, батюшка, откупа, по которому, вотъ ужъ другое трехлѣтіе служу. Слышалъ — простите великодушно, изволите снова брать его!

Хамовъ. Не твое дѣло.

Ѳедька. Конечно, благодѣтель, но на-счотъ нѣкакихъ мыслей излагаю.

Хамовъ. Коли хочешь, такъ видишь: убытокъ мнѣ отъ него, держать нѣ изъ чего...

Ѳедька. Такъ, батюшка!

Хамовъ. Поневолѣ беру — никто не торгуется, а мнѣ ужъ кстати. Можетъ, хоть убытку не будетъ. Оттого и тебѣ прибавить много не могу — послужи: будетъ мнѣ хорошо и тебѣ тоже.

Ѳедька. Смѣю-ли думать... Еслибы ужъ соблаговолили еще прибавочку мнѣ на бѣдность кинуть, нищему — ей! жить не чѣмъ — жена....

Хамовъ. А чортъ тебѣ велѣлъ жениться!

Ѳедька. Трое ребятишекъ...

Хамовъ. Я, братецъ, не виноватъ въ твоихъ ребятишкахъ.

Ѳедька. Да, вѣдь ужъ вамъ оно, конечно, убытку не имѣлось и въ сей минувшій откупъ, батюшка!

Хамовъ. Врешь дуракъ — убытокъ!

Ѳедька. Да ужъ, батюшка, я знаю.

Хамовъ. А какъ ты смѣешь знать?

Ѳедька. Согрѣшилъ, благодѣтель!

Хамовъ (*тихо*). Вотъ оно что! (*вслухъ*). Ну, братецъ, Ѳедоръ, слушай: если ты что и знаешь, такъ молчи — я прибавлю еще 100 рублей!

Ѳедька. Долженъ вѣкъ Богу молить! Но ужъ, родной....

Хамовъ. (*грозно*) Что еще такое?

Ѳедька. Не горячитесь, батюшка: гнѣваться нездорово. Я за тѣмъ и просилъ Ефима Сидорыча послать меня къ вамъ съ бумагами, что хотѣлъ досканально объясниться.

Хамовъ. Говори-же скорѣе!

Ѳедька. Благодѣтель мой Ефимъ Сидорычъ значительно пользовался....

Хамовъ. (*тихо*) Да, по моему разсчоту, онъ укралъ у меня тысячъ пятдесятъ, но вѣдь я его скручу, только что сниму откупъ и посажу новую піявицу.... (*усмѣхаясь*) Меня не проведутъ! (*громко*) Попользовался? Такъ для чего-жъ ты мнѣ этого не сказалъ?

Ѳедька. Да, вотъ, батюшка, и доношу, и ужъ если угодно, такъ и доказать могу, но — батюшка! ужъ не оставьте милостью!

Хамовъ. (*тихо*) Воръ у вора дубинку крадетъ! Такъ и надобно! (*громко*) Ѳедоръ! цѣлуй руку: я дамъ тебѣ 1000 рублей жалованья — выведи только плутни Водопьянова.

Ѳедька. Яко отцу и благодѣтелю, формально все выведу! Но, милостивецъ, кланяюсь, не оставь наградою!

Хамовъ. Чего-жъ ты хочешь?

Ѳедька. Да ужъ, батюшка, опредѣлите меня на мѣсто Ефима Сидорыча.

Хамовъ. Тебя главноуправляющимъ? 10,000 жалованья?
Ѳедька. Двѣнадцать, батюшка. И т. д.

—

Такушкинъ. Ѳедоръ, то есть, Кузьмичъ, Кулаковъ, то есть, пожаловалъ!
Ѳедька. (*въ богатомъ сюртукѣ*) Честь имѣемъ рекомендоваться, батюшка Евстигней Созонтовичъ — просимъ простить, что безпокоимъ вашу милость, да мы слышали, что здѣсь всѣ собрались, такъ и не преминули при сей оказіи.... Романъ Сидоровичъ, Карпъ Ильичъ, Ѳедора Матвѣевна матушка....
Хамовъ. Ѳедь... Ѳедоръ....
Ѳедька. Да, батюшка, просимъ не прогниваться, а любить, да жаловать насъ, купца по первой гильдіи, Ѳедора Кузмича Кулакова....
Хамовъ. Какъ? купца по первой гильдіи?
Ѳедька. Да, еще съ 1 января состояли въ запасѣ по третьей, а теперь приплатили по первой, поторговались по той губерніи, взяли ее и покорнѣйше просимъ распорядиться о сдачѣ.... А васъ, господа, просимъ любить да жаловать.... Матушка Ѳедора Матвѣевна! Вотъ и условіе о вашихъ залогахъ, а также и векселя въ 100,000 — хъ, которые вы изволите брать съ меня за уступку мнѣ и залоги....
Хамовъ и другіе. Сто-тысячъ!
Кривобокова. Хорошо. батюшка Ѳедоръ Кузьмичъ! Покорнѣйше благодаримъ — просимъ сегодня къ намъ откушать, и васъ Евстигней Созонтовичъ.... Что сердиться-то? Пожалуйте-ка старое условіе; оно ужъ не годится.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Хамовъ. А ты, мошенникъ....
Ѳедька. Потише, батюшка Евстигней Созонтовичъ: расплатитесь — при свидѣтеляхъ не дерутся, а наединѣ драться не дадимъ! Ѳедоръ Кузьмичъ Кулаковъ дѣлаетъ то, что вы изволили дѣлать — вспомните бывалое! (*тихо*) Вѣдь мы кое-что знаемъ! Понимаете, благодѣтель? (*Хамовъ столбенѣетъ*).

Не безъ особаго намѣренія дѣлали мы эту выписку изъ піесы: она стоитъ, чтобъ нѣсколько подумать; просимъ покорно найдти драму, вообще что-нибудь, кромѣ фарса, въ жизни, гдѣ всякому изъ насъ до-крайности понятны и обыкновенны подобные характеры и явленія. Увы! такъ, это изъ русской жизни, и отдѣлка мастерская во всемъ, по-крайней-мѣрѣ выписанномъ. Не дурна въ піескѣ и Ѳедора Матвѣевна: она также типическое лицо и понятна каждому изъ зрителей. Краски, какими набросанъ очеркъ до-

черы откупщика, слишкомъ-густы; того требуетъ вкусъ публики. Въ піесѣ есть также драка : вѣдь какъ-скоро изображаются нисшіе русскіе нравы (а высшихъ покуда никакъ не уловишь) или хоть иноземные для русскихъ зрителей, то безъ драки нѣтъ эффекта. Какъ «Отецъ и Откупщикъ» *комедія*, слѣд. имѣетъ дѣло исключительно съ жизнью, т. е. съ дѣйствительностью, то объ идеалѣ въ ней рѣчи быть не могло; однакожъ онъ нашолъ себѣ маленькій пріютъ въ персонажѣ опрометчиваго и неразсчотливаго отставнаго моряка Вымпелова. О немъ не стоитъ много говорить. Далѣе беремъ —

Первое представленіе, «Мельника колдуна, обманщика и свата», *комедія въ одномъ дѣйствіи.*

Комедійка въ одномъ ролѣ съ предъидущею; принадлежности имѣются такія-же. Есть анахронизмы, которыя надобились для связи и въ которыхъ признается самъ авторъ. Тредьяковскій казался публикѣ очень-смѣшонъ, и его слова «оррибельно сіе и не есть именуемо изящно,» вмѣстѣ съ прочими забавляли зрителей. Мы видимъ ту выгоду въ піесѣ, что она знакомила съ Сумароковыми и Тредьяковскими, тѣхъ, которые, можетъ-быть, безъ того и не знали-бъ объ нихъ. Идеалъ одѣтъ въ платье Аблесимова и невѣсты его, воспитанницы Сумарокова. Потомъ пусть слѣдуетъ

Ода премудрой царевнѣ Киргизъ-Кайсацкой Фелицѣ, *историческія сцены.*

«Сія піеса не была на сценѣ, хотя В. А. Каратыгинъ и И. И. Сосницкій весьма того желали.» Слова автора. Жаль, что не исполнилось желаніе В. А. Каратыгина и И. И. Сосницкаго: на сценѣ піеса принесла бы туже пользу, о которой сейчасъ мы замѣчали. Тутъ идеальничаетъ, натурально, Державинъ; ему нѣсколько помогаютъ Хемницеръ и Козодавлевъ. Вельможа — жизнь есть князь А. А., т. е. извѣстный генералъ-прокуроръ сената кн. Вяземскій; вельможа — поэзія есть Шуваловъ и Дашкова. Жизнь съ грѣхомъ пополамъ, настоящая «жизнь» въ лицѣ откупщика, который хочетъ подкупить Державина, и котораго Державинъ за то выталкиваетъ, и въ лицѣ чиновника Н. Н., раболѣпнаго поклонника всякой власти, съ которымъ Державинъ, какъ съ чиновною особою не дерется, но очень-презрительно обходится. Въ устахъ дѣйствующихъ лицъ много ихъ подлинныхъ стародавнихъ стиховъ: «этими вставочными подробностями автору хотѣлось показать поэтическій характеръ Державина и Хемницера.» Для публики именно такъ; а если бы Н. А. Полевой писалъ что-нибудь для

критики, то назначеніе этихъ вставочныхъ подробностей можно-бы растолковать стихами, которые, между прочимъ, читаетъ въ піесѣ Хемницеръ:

Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было-бы куда.

Далѣе:

Солдатское сердце, или бивуаки въ Саволаксѣ. *Военный анекдотъ изъ финляндской кампаніи.*

Главное или почти главное лицо этого анекдота — названнаго такъ изъ скромности, — собственно *были*, есть офицеръ Булгаровъ. Анекдотъ взятъ изъ тѣхъ давнихъ временъ, когда еще Булгаровъ былъ страшнымъ «желѣзоѣдомъ»; съ пикой и саблею скакалъ и бѣгалъ за орлами, гонялся за дымомъ пороха и славы; однимъ словомъ, не видалъ благой положительности, былъ идеалистомъ, — и по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ онъ тутъ и есть «поэзія.» Жизнь — въ персонажѣ шпіона клеветника: съ нею происходитъ надлежащая расправа. Есть частица идеала въ сладкихъ сценахъ сельской нѣжности и добродѣтелей, заимствованныхъ изъ быта крестьянъ, которыхъ піеса называетъ финляндскими. Авторъ разсказываетъ, что на сценѣ піеса «по особеннымъ обстоятельствамъ, «принята довольно-холодно.» Онъ прибавляетъ также нѣчто о частныхъ отношеніяхъ, поясняя тѣмъ свойство «особенныхъ обстоятельствъ.» Къ піесѣ приложена уланская пѣсня, кончающаяся такъ:

Память вѣчная, кто палъ;
Честь тому, кто живъ остался!

«Слава мертвымъ — честь живымъ!» (Стихъ изъ Шиллерова «Торжества побѣдителей», перев. Жуковскимъ.)

Русскій человѣкъ добро помнитъ. *Драматическая быль.*

Идеалъ, какъ вамъ извѣстно, *русское сердце*. Есть подъячіе въ нѣсколькихъ экземплярахъ; есть почти драка; есть крестьяне, горою стоящіе за своего помѣщика. Все очень-умилительно, тѣмъ умилительнѣе, что, говорятъ, это анекдотъ *невымышленный*; а вѣдь въ военномъ и гражданскомъ быту очень-много бываетъ анекдотовъ, которые безъ прибавки такаго эпитета очень-сомнительны. Нѣсколько чертъ Пудикова, богатаго купца, бывшаго крестьянина, набросаны очень-хорошо. Помните-ли «Шпоньку» у Гоголя; тутъ

есть его двойникъ подъ именемъ Гура Гурыча. Мѣстами два писателя встрѣчаются въ изображеніяхъ: такъ въ разсказанномъ уже «Отцѣ откупщикѣ» есть лакей, сдающійся на извѣстнаго Осипа. Разница въ томъ, что въ «Ревизорѣ» лакей, выѣхавшій изъ Петербурга, разсуждаетъ о петербургской жизни, а тутъ о ней разсуждаетъ лакей, пріѣхавшій въ Петербургъ. Это vice versa не обошлось безъ большихъ одобреній публики, постоянной въ привычкахъ, какъ быть слѣдуетъ благонравной публикѣ.

Иванъ Ивановичъ Недотрога. *Комедія въ одномъ дѣйствіи.*

Авторъ самъ признаетъ ее «вольнымъ переводомъ съ французскаго». Это комедійка Пикара, написавшаго цѣлые легіоны комедій въ началѣ текущаго столѣтія. Ихъ много давалось и на Французскомъ-Театрѣ (Théâtre-Français), когда Наполеонъ велѣлъ закрыть большую часть мелкихъ театровъ, для сбереженія чистоты драматическаго искусства, какъ объяснялось въ указѣ по этому предмету. На техническомъ языкѣ нашего современнаго драматическаго дѣла «вольно перевести съ французскаго» по-настоящему значитъ перевести піесу, выскоблить французскія названія ролей и написать русскія имена, на что̀ изобрѣтенія, конечно, достанетъ у всякаго. Авторъ однако пошолъ, натурально, гораздо-далѣе. Очень-трудно и рѣдко возможно пріискать для русской піесы характеры и положенія, соотвѣтственныя французскому оригиналу; причины мы много разъ говорили выше; слѣдовательно если въ піескѣ мало русскаго, то ужъ никто не виноватъ. При всемъ томъ, за ролью стараго купца Милованова должно остаться исключеніе изъ общаго порядка. Она довольно-русская и довольно-хорошо отдѣлана. На сценѣ она имѣла полный успѣхъ, точь-въ-точь по ожиданію автора, которому «казалось,' что въ піесѣ есть много-истинно-комическаго, и угадывая, какъ хороши будутъ въ ней два артиста наши, И. И. Сосницкій и П. А. Каратыгинъ, онъ спорилъ, что она должна имѣть успѣхъ на сценѣ». Надо прибавить, что Пикаровъ оригиналъ въ свое время не имѣлъ успѣха на французской сценѣ,

Обѣдъ у Барраса или на плута полтора плута. *Комедія въ одномъ дѣйствіи.*

Также піеска переводная и не по способу «вольнаго перевода». На сценѣ ея не было, ибо тамъ ей отнюдь не мѣсто. Конечно, не потому, что въ ней французскія имена и чисто французскіе нравы, не смѣсь французскихъ съ нижегородскими, какую видимъ въ «вольныхъ переводахъ»; а есть причины важнѣе. Именно, во-пер-

выхъ, соль піески слишкомъ-тонкаго вкуса и не по нервамъ нашихъ зрителей; во-вторыхъ, при самомъ переводѣ этой соли въ русскій языкъ, въ нее необходимо подбавилось много пѣснаго качества; въ третьихъ и послѣднихъ, въ зрителяхъ надо предположить довольно знанія исторіи, чтобъ ихъ могло позабавить состояніе Франціи подъ директоріей, и изысканные особые нравы временъ *позолоченнаго юношества* (de la jeunesse dorée).

Обратимся покуда опять къ циклу серьезныхъ и патріотическихъ піесъ, и углубимся въ

Костромскіе лѣса, *русскую быль.*

Чтобъ избѣжать стараго заглавія «Иванъ Сусанинъ» авторъ взялъ заглавіе отъ мѣста дѣйствія. Подвигъ родоначальника бѣлопашцевъ былъ однажды въ русской литературѣ предметомъ патріотической легенды, названной по обычаю того времени *думою*, и дважды на русской сценѣ предметомъ оперы по либреттамъ князя Шаховскаго и барона Розена. Съ г. Полевымъ онъ явился на сценѣ въ третій разъ; но быль эта такого свойства, что она можетъ служить для поэтической обработки еще много разъ. Въ до-Петровской Россіи, развившейся очень-недостаточно, но самобытно, *земщина* играла роль, похожую на ту, которую до-нынѣ имѣетъ она въ чисто-скандинавскихъ государствахъ, то-есть, въ Швеціи и Норвегіи: отсюда пуще всего явленіе Сусанина и Томилы и множество подобныхъ явленій. Въ піесѣ нашего автора хорошо схвачено нѣсколько чертъ крестьянскаго быта, который, конечно, мало измѣнился со временъ междуцарствія. Сусанинъ, какъ водится, идеаленъ, какъ отчасти все русское населеніе піесы; жизнь въ Полякахъ, именно въ Хорунжемъ, характерѣ свойственномъ тому времени и служившемъ для потѣхи русской публики, между-прочимъ, въ романѣ Загоскина «Юрій Милославскій». Для вящаго эффекта, на сценѣ есть раздольно-заунывная пѣсня «*не бѣлы-то снѣги*» и плясовая «*ой жги говори!*» нынѣшняя цыганская, подъ которую и пляшетъ Сусанинъ. Въ дѣйствительномъ мірѣ «поэзіи» также доводится иногда плясать подъ дудку «жизни».—Въ концѣ 1841 или началѣ 1842 — не упомнимъ хорошенько—публика была обрадована

Еленою Глинскою, *драматическимъ представленіемъ въ пяти дѣйствіяхъ.*

«Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ» значитъ у нашего автора шекспировскую драму. Натурально, безъ «стараго друга Шекспира» дѣло не обходится. На этотъ разъ жребій палъ на его Макбета, котораго вліяніе ощутительно въ «Еленѣ Глинской», на-

примѣръ, въ сценѣ Оболенскаго съ вѣдьмами... виноватъ! съ литовскимъ колдуномъ и такими-же вайделотами. Вообще въ пяти дѣйствіяхъ «драматическаго представленія» попадается по-немножку всего такого, что̀ недоброжелателямъ даетъ какъ-бы право обвинять г. Полеваго въ разныхъ *обобраніяхъ*. Положеніе Оболенскаго передъ Еленою похоже на положеніе Лейсстера передъ Елисаветою: тотчасъ говорятъ, что все заимствовано изъ «Замка Кенильворта» Вальтеръ-Скотта; находятъ, что Марія точь-въ-точь графиня Эми, что даже ея сторожъ, Трунило, есть Тони Фостеръ, переодѣтый въ русское платье. Сцена пословъ во дворцѣ правительницы заставляетъ недоброжелателей открывать сходство крымскаго посла съ посломъ Мамая, въ трагедіи Озерова «Дмитрій Донской», сходство польскаго посла съ такимъ-же у Хомякова, въ трагедіи «Дмитрій Самозванецъ», даетъ имъ случай утверждать, будто все это взято оттуда, равно какъ и сцена несчастной Маріи въ кельѣ насильно-постриженной Соломоніи будто-бы списана съ подобной сцены несчастной Ксеніи въ кельѣ насильно-постриженной Мароы, въ тойже трагедіи того-же Хомякова. Продолжая натягивать объясненіе, говорятъ, что дуракъ-умникъ Пахомко есть шутъ «Короля Лира», какъ-будто юродивые не составляютъ оригинальной черты нашей старины. Пахомко «драматическаго представленія» собственно есть Иванъ Гудошникъ, котораго мы знаемъ по «Клятвѣ при гробѣ», который еще недавно пустилъ въ русскую литературу нѣсколько своихъ интересныхъ повѣстей, и котораго первообразы заключаются въ романахъ шотландскаго адвоката-баронета. Разумѣется, «Елена Глинская» чрезвычайно-угодила публикѣ.—Въ половинѣ 1842 года западная Европа занималась депешами о судьбахъ той горсти рыжихъ варваровъ, которая потрясала бумажное царство съ тридцатью тысячами приличій и тремя-стами милліонами народа; а Петербургъ, не отставая отъ *гуманныхъ* интересовъ, занимался піесою на этотъ случай, именно:

Комедіей о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами, *сибирской сказкою*.

Авторъ уже прежде разнообразилъ представленія *былей*, представленіями *анекдотовъ*; на этотъ разъ онъ пошолъ еще далѣе, представилъ *сказку*, родъ нѣсколько вольный, подобно драмамъ Шекспира, гдѣ канвы обыкновенной дѣйствительности не бываетъ. Піеса давалась въ тотъ замысловатый бенефисъ, котораго аффиша была длинна, какъ старинная хартія, имѣла несчотное множество раздѣленій и подраздѣленій, сопровождала всѣ собственныя имена знаками восклицанія, и увѣковѣчена въ неповѣсти одного петербург-

скаго писателя. Замапчивость ея созвала страшное стеченіе публики; общій потокъ стремленія къ *гуманнымъ* интересамъ вообще и патріотическому характеру бенефиса въ особенности не могъ не увлечь насъ. Мы видѣли «Комедію о войнѣ съ Китайцами»; намъ казалось все очень-комически смѣшно; потомъ прочли «Комелію» въ тогдашнемъ «Дагерротипѣ»: опять было смѣшно. А публика? О, публика тоже оченьс мѣялась! Не-смотря однако на этотъ двоякій смѣхъ, можно самымъ серьёзнымъ образомъ замѣтить, что въ піесѣ есть много мастерскихъ чертъ русской женщины, замужней, среднихъ лѣтъ, съ веселымъ характеромъ и свѣтлой головою. Даже казакъ Мирошка, который на вопросы: «Какіе пришли бусурманы?» о которыхъ онъ-же извѣстилъ честную компанію, отвѣчаетъ: «А кто ихъ знаетъ какіе!» даже онъ помѣщенъ около Ѳедосьи Сидоровны весьма-удачно. Невѣроподобность басни піесы вполнѣ оправдывается ея названіемъ *сказки*. Поэзія піесы въ словахъ Ѳедосьи Сидоровны: «Ужъ коли эсаулъ струсилъ, такъ вотъ ему *баба русская* покажетъ, какъ драться съ бусурманами надо! Они смѣли мужа моего полонить? Они смѣли къ намъ подступить? Да не роди меня мать на свѣтъ!...» Разумѣется, мужъ Ѳедосьи Сидоровны полоненъ только пьяный; иначе, кто-бы взялъ такаго «желѣзоѣда?» Жизнь преимущественно выпала на долю Грамоткина, подъячаго, который тутъ читаетъ стихи, какъ Тредьяковскій. Очевидно, что онъ изъ семинаристовъ, — также нѣкоторымъ образомъ анахронизмъ для воображаемаго время дѣйствія сказки. Но сказка вольный родъ и для нея законъ не писанъ. — Тотъ-же 1842 годъ видѣлъ

Мать Испанку, *драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ.*

Она была въ то время напечатана отдѣльно, и потомъ обогатила собою сборникъ «Драматическихъ сочиненій и переводовъ». «Представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ» значитъ не-шекспировскую драму. Въ предъидущей піесѣ были нравы китайскіе, тутъ изображались испанскіе. Содержаніе піессы также взято изъ повѣсти прошедшихъ временъ, переведенной въ «Московскомъ Телеграфѣ», когда мы съ вами читали басни Крылова и не читали «Московскаго Телеграфа», за-тѣмъ, что намъ его въ руки не давали. Такая-же поэзія, такая-же жизнь, какимъ обыкновенно хлопаетъ русская публика. Слѣдовательно, мы не останавливаемся долѣе надъ «Матерью Испанкою», и идемъ своей дорогою. Въ самыхъ воротахъ новаго 1843 года намъ встрѣчается

Ломоносовъ или Жизнь и Поэзія, *драматическая повѣсть.*

Это по-преимуществу жизнь и поэзія, полнота жизни и поэзіи, которая необходимо должна была условить полноту восторга въ публикѣ и полноту сбора въ кассѣ Александринскаго театра. Видѣли-ль вы «Ломоносова»? читали-ль вы «Ломоносова»? Безъ-сомнѣнія, да! стало-быть про содержаніе «драматической повѣсти» говорить нечего. Если-жъ вы не видали его ни разу въ восемьнадцать представленій сряду и почти въ такое-же число добавочныхъ въ разное время, то — въ васъ рѣшительно не бьется сердце къ родному театру, и вы непремѣнно не читаете ни нашего изданія, ни нашей статьи теперь, не читали и статьи написанной о «Ломоносовѣ» современно его появленію на сценѣ. Главное и безусловное достоинство всякой піесы—успѣхъ, а успѣхъ «Ломоносова» былъ громадный. Жребій восхищаться «Ломоносовымъ» особенно палъ на прошлогоднюю масляницу: благодаря ея деннымъ и вечернимъ спектаклямъ, изъ-за блиновъ можно было переходить на «Ломоносова», отъ «Ломоносова» возвращаться къ блинамъ, и по вторичномъ перевареніи этого жирнаго снадобья опять идти смотрѣть «Ломоносова». Такимъ-образомъ, зритель круглый день могъ переходить отъ поэзіи къ жизни, отъ жизни къ поэзіи, и разнообразить свой досугъ истинно по-карнавальному. Кромѣ интересности содержанія и любопытности его для зрителей, которые прежде мало слыхали о «Ломоносовѣ», въ піесѣ былъ балъ прошлаго столѣтія, стало-быть маскерадъ. Но верхъ наслажденія, настоящая поэзія жизни и жизнь поэзіи, было для зрителя чувствовать себя въ «драматической повѣсти» совершенно въ знакомомъ кругу, dans un pays de connaissance. Тутъ совмѣщалась вся поэзія и вся жизнь, знакомая зрителямъ по-прежнимъ произведеніямъ. Тѣже лица, короткіе знакомые, только по-карнавальному переряженные въ другіе костюмы, слегка замаскированные; зритель узнавалъ ихъ одного за другимъ, и въ этомъ собственно заключалось очарованіе. Есть тутъ также «вставочныя подробности»: Ломоносовъ читаетъ свою оду на взятіе Хотина и не нахвалится самъ своею одою. Тредьяковскій пляшетъ подъ припѣвъ «вставочной подробности»:

Весна катитъ,
Зиму валитъ!
Поютъ птички,
Со синички! и. т. д.

На сценѣ хохотъ, въ партерѣ хохотъ, въ ложахъ всѣхъ ярусовъ хохотъ, въ райской галлереѣ *кольми паче*. Подъ конецъ піесы на

сценѣ кричатъ *ура!* зрители чувствуютъ искушеніе закричать тоже, но вспомнивъ, что тутъ жизнь смѣшана съ поэзіей, заливаются созвучнымъ *фора!* — Послѣ такаго аллопатическаго пріема успѣха, автору, безъ сомнѣнія, надо было нѣсколько воздержаться: явились піесы послабѣе успѣхомъ. Это были, во-первыхъ :

Волшебный бочонокъ или сонъ на яву. *Старинная нѣмецкая сказка.*

Старинная сказка, не-смотря на свое нѣмецкое происхожденіе (она передѣлана съ нѣмецкаго), была еще занимательнѣе сибирской и много естественнѣе. Вы ее знаете. Ея жизнь и ея идеалъ вращаются въ томъ мірѣ, котораго нравы навлекаютъ на автора подозрѣніе въ тайныхъ сношеніяхъ съ Коцебу. Но, слава Богу! студенческія времена Занловъ миновались вездѣ; а потому, если-бы подозрѣніе было и основательно, то автору еще нѣтъ упрека. Коцебу былъ очень-полезный статскій совѣтникъ при жизни; оказывается таковымъ-же и по смерти. Публика находитъ удовольствіе, и кто противъ публики? Характеры піесы опять знакомые зрителямъ и до-того знакомые автору, что онъ съ каждой піесою изображаетъ ихъ все отчетливѣе и искуснѣе. Нѣсколько похожіе нравы перенесены въ

Проектъ. *Говорятъ, будто не совсѣмъ сказка.*

Эта піеска не играна, хотя въ ней очень-много милаго. Не играна потому, что она кажется *не совсѣмъ сказкою*, и слѣдовательно не такъ обильна эффектами. Два, три ушибенные носа — эффектъ, вошедшій въ моду со временъ «Ревизора»,— недостаточная кара для сосѣдей-подслушивальщиковъ, и рукоплесканій было-бы меньше потребнаго.—Кромѣ этого авторомъ написана и напечатана въ нашемъ изданіи въ прошедшемъ году, но сцену увидѣвшая въ нынѣшнемъ

Сигарка. *Комедія.*

Провинціальныя нравы, гдѣ всего чаще ищетъ почвы наша сатирическая повѣсть, а за нею и комедія, образуютъ міръ, въ которомъ вращается «Сигарка» или «Страшная тайна». Точнѣе сказать, комедія относится по времени дѣйствія къ недавно-прошедшему, но не къ настоящему: если романическія похищенія съ цѣлію законнаго брака еще употребляются въ губерніяхъ, то мадамы, содержательницы пансіоновъ, нынче не таковы, чтобы осмѣлились помогать подобнымъ похищеніямъ своихъ воспитанницъ. Нравы піесы возведены въ приличную степень комизма, чтобы смѣшить зрите-

лей.— Еще была въ печати и на сценѣ прошлаго года маленькая комедія,

Полчаса за кулисами.

Комедія,—слѣдовательно поэзія тутъ чуть-чуть промелькиваетъ въ лицѣ благороднаго чиновника, который по-бѣдности подчиненъ негодяю. Поприще піесы и ея характеръ есть «жизнь». Успѣха, конечно, не могло не быть, хотя съ перваго раза публика, дурно расположенная осенней слякотью, по которой сошлась и съѣхась глядѣть піесу, приняла ее какъ-будто холодно, равно какъ и піесу изъ «нѣмецкой сказки». По обыкновенію, піесы даны во второй разъ—публика стала хлопать; въ третій,—публика въ восхищеніи, и такъ далѣе.—Начало новаго 1844 года, будучи привѣтствовано восклицаніями *ура!* въ жизни, не могло миновать ихъ въ поэзіи. На сценѣ оно не замедлило раздаться по поводу

Русскаго моряка, *исторической были.*

Порицатели, которые осуждали даже то, что «Полчаса за кулисами» взяты изъ прежняго «Живописца общества,» какимъ тогда былъ самъ издатель «Телеграфа,» не могли не напасть на новую историческую быль. Имъ казалось, будто изъ этой эпической были нельзя сдѣлать удовлетворительной драматической были. Опытъ съ подвигомъ капитана Сакена вполнѣ опровергаетъ несправедливый нападокъ, и, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать прекрасную и интересную на сценѣ *историческую быль* даже изъ крушенія корабля Ингерманландъ. Поэзія піесы въ героѣ Сакенѣ, въ женѣ Сакена, въ сынѣ Сакена, была-бы во внукахъ и правнукахъ Сакена, если бъ онъ взорвалъ свою дуббель-шлюпку не въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, — вообще поэзія въ морякахъ и земноводномъ военномъ народѣ. Жизнь, которая существенно противорѣчитъ войнѣ и военному времени, нашла себѣ однако мѣстечко въ кожѣ коммиссара Отчотина, котораго за годъ до дѣйствія піесы кто-то билъ, являетъ изъ словъ антагониста его, матроса Макара. Но поэзія, которая все покрываетъ, всего выше, есть поэзія пѣсни «*Не были-то сѣти*», которую поютъ матросы, пѣсни «*Ай жги-говори!*», которую пляшутъ матросы, поэзія вытяжки потомъ съ бравымъ форменнымъ восклицаніемъ: «Здрррравія желаемъ вашему высокоблагородію!,» наконецъ поэзія взрыва шлюпки и громоснаго *ура*, за которымъ слѣдуетъ *пѣснь русскому флагу*, и опять *ура! ура! ургрррра!*

Обращаясь къ общимъ замѣчаніямъ, прибавимъ, что всѣ піесы г. Полеваго ведены съ постояннымъ интересомъ, съ приличною

постепенностью хода, и отличаются нравственнымъ направленіемъ Ничего истинно-мрачнаго, никакихъ приводящихъ въ отчаяніе противорѣчій ни въ видѣ трагической развязки, ни въ видѣ ядовитой комической усмѣшки. Герой «Метромапіи» Пиррона. Дамисъ, говоритъ о своихъ сочиненіяхъ: La mére en prescriira la lecture pour sa fille. Нашъ авторъ можетъ смѣло повторить и дѣйствительно повторяетъ: «Мать семейства смѣло можетъ причислить мои «драматическія сочиненія къ библіотекѣ своего семейнаго чтенія, «и наградою моею будутъ ея слезы и ея улыбка. Если такъ — «для меня довольно.» Сборникъ его сочиненій посвященъ начальнику московскаго благочинія, или тамошнему Оберъ-Полицеймейстеру, Л. М. Цынскому.

Но замѣчательнѣе всѣхъ замѣчаній — удивительное, даже трогательное единодушіе драматическихъ сочиненій автора и ихъ зрителей; это настоящая sämja, что, вы знаете, на скандинавскомъ языкѣ значитъ — согласіе; авторъ и публика живутъ между собою, какъ прилично благонравнымъ семьянамъ. Если изрѣдка какой-нибудь «*Ужасный* незнакомецъ *ужасно* хлопнется на сценѣ.» то «авторъ вскорѣ, мѣсяца черезъ два потомъ, напишетъ «Парашу Си«бирячку.» И опять самое доброе согласіе возстановлено, опять истинная sämja. Чего-же больше?

—

«Любопытно-бы знать, что величайшее правило всѣхъ правилъ «не есть нравиться, и что піеса, которая достигла своей цѣли, не «шла правильной дорогою.»

Мы нарочно взяли эти слова за эпиграфъ нашей статьи, и теперь повторяемъ по-русски великую правду Мольера, добираясь до желаннаго берега всякой статьи, до благополучнаго конца. Н. А. Полевой избралъ какъ-бы девизомъ эти слова и число его неуспѣховъ по сей день, сравнительно съ успѣхами на сценѣ, можетъ быть выражено дробью $^{2}/_{30}$.

Но «критика» не хочетъ ничего знать: у нея свои правила правилъ. Она глубоко убѣждена, какъ неоднократно увѣряла, что безъ партій нѣтъ общества, безъ котерій нѣтъ критики. Въ дальнѣйшемъ развитіи, это глубокое убѣжденіе получаетъ такой видъ: наилучшая критика та, въ которой нѣтъ слова правды. Къ-счастію, *конь* (cheval de bataille) критики становится со дня-на-день похожѣе на знаменитаго *Россинанта*. Наѣзды неумѣренной критики никому не опасны, тѣмъ-больше Н. А. Полевому,

за котораго горою стоитъ участіе и признательность театральной публики.

Что же касается до рецензентовъ-москитосовъ, которые, соскучась писать свои рецензіи по правиламъ «невинной шутки и легкой ироніи,» пробавляются нынче крохами отъ каннибальской трапезы критики, — то видѣть въ ихъ писаніяхъ распространеніе или укорененіе духа высокопарной критики въ обществѣ будетъ совершеннымъ заблужденіемъ. Это явленіе просто означается извѣстными стихами:

Au peu d'ésprit que le bonhomme avait
L'esprit d'autrui par complément servait.

Будемъ-же снисходительны къ этому явленію, къ этому *проявленію разумной жизни*, говоря высокопарнымъ слогомъ.

Пишите и печатайте, почтенный авторъ «драматическихъ сочиненій и переводовъ!» Подарите на-дняхъ публику однимъ изъ тѣхъ драматическихъ представленій, которыя вы такъ искусно представляете. Пишите и представляйте долго, долго, пока хлопаетъ вамъ публика.

Когда-же и она, коварная, преклонитъ колѣна передъ иными кумирами, то вѣдь вѣкогда и солнце познаетъ западъ свой, и, еще гораздо-скорѣе, нынѣшняя критика перестанетъ читаться даже зѣвающими читателями, сущими героями терпѣнія и терпимости. Вы сами это знаете и прекрасно говорите:

«*Долговѣчность* не удѣлъ моихъ сочиненій — да и что такое «долговѣчность?»

=

* * *

Какъ чистая дѣва,
Она не горда, не спѣсива,
Какъ звуки напѣва,
Звучна ея рѣчь и красива.
И лаской живою
Тебя задарить она рада;
И часто, порою,
Не выманишь милаго взгляда.
То вдругъ замелькаетъ
Улыбка на губкахъ пурпурныхъ,
Огонь заиграетъ
Въ очахъ поднебесно-лазурныхъ.
То вдругъ грудью бѣлой
Вздохнетъ тяжело и уныло,
И взглядъ леденѣлый
Какъ-будто прошепчетъ: «гдѣ милый?»...
Любви не погубитъ,
А вѣрно и чисто оцѣнитъ;
И если полюбитъ
То послѣ по-гробъ не измѣнитъ.

Н. С.

ВЕСЕЛЫЙ ВЕЧЕРЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ,

или

ЧЕТВЕРО ЧАСОВЫХЪ У ОДНОЙ БУДКИ.

—

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ШУТКА ВЪ 1-мъ ДѢЙСТВІИ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фридрихъ II й, король Прусскій.
Камергеръ.
Капитанъ Дегенъ.
Фрицъ, молодой солдатъ.
Шарлотта, его невѣста,
Шпапсъ, ночной сторожъ.

—

Дѣйствіе происходитъ въ городкѣ Бранденбургѣ.

—

Театръ представляетъ улицу, съ заборомъ; на лѣвой сторонѣ сцены — слабо горитъ фонарь; на правой, подлѣ большаго дома съ надписью: «Пороховой магазинъ», стоитъ будка. Темная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фрицъ (*на часахъ, расхаживаетъ подлѣ будки*).

Фрицъ (*съ безпокойствомъ осматривался*). Шарлоты нѣтъ, какъ нѣтъ! А обѣщала придти ко мнѣ ровно въ 11-ть

часовъ. Ухъ, какъ холодно.... дай надѣну шинель (*вынимаетъ изъ будки шинель и надѣваетъ*). Вотъ теперь хорошо; теперь буду ждать ея хоть до разсвѣта. Ея не видать! Хоть-бы по-крайней-мѣрѣ я зналъ, легче-ли моему бѣдному, больному отцу, тогда стоялось-бы спокойнѣе на часахъ. Ну, г. Капитанъ, отвѣтишь ты предъ Богомъ, когда батюшка умретъ, не благословя сына своего. Ужъ я-ли не просилъ тебя: не наряжайте меня, Ваше Благородіе, сегодня на часы, батюшка мой при смерти. «Пустое, это все вздоръ, иди куда велятъ, дружба дружбой, а служба службой». (*Вдали бьютъ городскіе часы*). Одиннадцать! Я слышу шумъ шаговъ—кто-то идетъ сюда.—Это Шарлота, она — она. Какъ-бы не такъ.—Тамъ двое запоздалыхъ, чай, пройдутъ своей дорогой, — а то вѣдь они разстроятъ свиданіе мое съ Шарлотой (*окликаетъ*) Кто идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Король и Камергеръ (*оба закутанные въ плащи*).

камергеръ (*отвѣчаетъ на оклики часоваго*). Друзья.—Вотъ, Ваше Величество, и часовой.

король. Не ошибся-ли ты? точно-ли онъ?

камергеръ. Онъ точно, Государь.

король. А невѣста его не пришла?

камергеръ. Непремѣнно придетъ.—До меня дошло, что въ продолженіе двухъ лѣтъ всякой разъ, какъ онъ стоитъ на часахъ, дѣвушка приходитъ къ нему; я самъ на-дняхъ подстерегъ ихъ свиданіе, возвращаясь поздно съ холостой пирушки; невѣста его такая миленькая, живенькая.

король. И бѣдненькая! Ихъ судьба трогаетъ меня.

фрицъ. За-чѣмъ они здѣсь остановились?

король. Служивой, который часъ?

фрицъ. Только что било одиннадцать.

камергеръ (*королю*). Это обыкновенный часъ ихъ свиданія.

король. Мнѣ хотѣлось-бы поговорить съ этимъ солдатомъ.

камергеръ. Но съ чего начнете?

король. Это моя забота.

фрицъ. Надѣюсь, что они здѣсь не заговорятся.

король. Я хочу поразвѣдать объ этихъ молодыхъ людяхъ, и можетъ-быть успѣю составить ихъ счастіе, если только они достойны его. Ты мнѣ болѣе не нуженъ, ты трусъ, и все дѣло испортишь.

фрицъ (*услышавъ послѣднія слова*). Трусъ! не меня-ли онъ ругаетъ? Ахъ ты ночной филинъ—я докажу тебѣ, какой я трусъ.

КАМЕРГЕРЪ. Что вы намѣрены дѣлать Ваше Величество?— Посудите, вы безъ орденовъ и безъ шпаги.

КОРОЛЬ. Тѣмъ лучше. Кротостью вкрадусь въ сердце молодаго человѣка; оно скорѣе откроется предъ простымъ человѣкомъ, чѣмъ предъ Государемъ.

ФРИЦЪ. Они еще не ушли, ихъ надо припугнуть, пожалуй еще моя Шарлота ихъ боится и прячется гдѣ-нибудь за угломъ; не смѣетъ выдти. Смѣлѣе! (*громко*) Эй! Господа, не мѣсто толковать здѣсь.

КОРОЛЬ. А почему-бы здѣсь нельзя?

КАМЕРГЕРЪ. Мы никого не тревожимъ.

ФРИЦЪ. Въ этотъ часъ запрещено останавливаться для разговоровъ на улицѣ, особенно здѣсь, у пороховаго магазина. Я здѣсь часовой—и что тутъ за толки—убирайтесь.

КАМЕРГЕРЪ. Коротко и ясно.

КОРОЛЬ. Точно-ли тебѣ приказано гонять отсюда проходящихъ?

ФРИЦЪ. Строжайше, а въ случаѣ сопротивленія велѣно поподчивать упрямыхъ желѣзнымъ горохомъ.

КАМЕРГЕРЪ (*въ сторону отскакивая*). Какое глупое распоряженіе! онъ въ самомъ дѣлѣ поподчуетъ.

КОРОЛЬ. Позволь мнѣ остаться здѣсь, я жду одного пріятеля.

ФРИЦЪ. Ждать здѣсь не мѣсто—маршъ.

КАМЕРГЕРЪ (*тихо*). Нечего съ нимъ шутить; Ваше Величество, предложите ему кошелекъ.

КОРОЛЬ. Молчи (*громко солдату*). Какая дерзость! Всякой можетъ ходить по этой улицѣ, сколько ему угодно.

ФРИЦЪ. Не ходить, а проходить. Коли ты лучше знаешь должность часоваго, такъ поди-ка, попробуй постоять за меня на часахъ.

КОРОЛЬ. Я придерусь къ словамъ твоимъ землякъ, дамъ тебѣ денегъ, если ты уступишь мнѣ ружье, и шпиль, и дашь мнѣ постоять на часахъ.

ФРИЦЪ. Ты шутишь братъ.

КОРОЛЬ. Нѣтъ, право шутки въ сторону.

ФРИЦЪ. Вотъ такъ на тебя и чешется у меня рука. Землякъ, какъ задамъ тебѣ такой трезвонъ, что отлетишь отсюда на сто шаговъ, такъ у тебя пройдетъ охота искушать честнаго служиваго. Мнѣ оставить мой постъ? Мнѣ отдать тебѣ ружье? Господа, кто-бы вы ни были, я даю вамъ еще минуту на размышленіе — отсюда прочь, или я васъ арестую.

КАМЕРГЕРЪ. Да это чортъ-у будки, а не гренадеръ.

КОРОЛЬ. Выслушай по-крайней-мѣрѣ.

ФРИЦЪ. И слышать не хочу. На право, кругомъ,—маршъ.

КОРОЛЬ. Но ты не знаешь....

ФРИЦЪ. И знать ничего не хочу—маршъ... а не то...

(Накладывал руку на курокъ)

КОРОЛЬ. Вотъ тебѣ дружокъ два лундора.

ФРИЦЪ. Да хоть-бы ты мнѣ давалъ сто такихъ лундоровъ, такъ и тутъ-бы я, какъ честный служивой, прежде пошолъ бы самъ подъ пулю, чѣмъ взялъ ихъ. Мнѣ осрамить себя такимъ дѣломъ, и когда-же? Когда Его Величество Король Фридрихъ II-й посѣтилъ нашъ городъ Бранденбургъ.

КОРОЛЬ. Точно-ли ты имѣешь такія чувства? Если такъ, то останься при нихъ, и возьми деньги въ награду за твое постоянство.

ФРИЦЪ. На часахъ, денегъ не беретъ солдатъ.

КАМЕРГЕРЪ *(въ-сторону)*. Его ни чѣмъ не уломаешь.

КОРОЛЬ. Да, полно-же, возьми; это останется между нами.

ФРИЦЪ. Чего нельзя, такъ нельзя. Если-же ты хочешь мнѣ помочь, — а видитъ Богъ, что я нуждаюсь въ помощи, не для себя, а для бѣднаго больнаго моего отца, — то положи деньги на землю; я попрошу знакомыхъ прохожихъ поднять ихъ и спрятать для меня.

КОРОЛЬ. Лучше нельзя придумать *(кладетъ деньги на землю не далеко отъ будки)*.

КАМЕРГЕРЪ. А я скажу за нихъ спасибо. *(Хочетъ взять)*.

ФРИЦЪ. Не трудись, братъ *(двумя скорыми шагами подходитъ къ деньгамъ, и закрываетъ ихъ ногой)*.

КАМЕРГЕРЪ. Ай, ай, ты чуть мнѣ руки не придавилъ.

ФРИЦЪ *(Королю)*. Такъ тебѣ и надо. Спасибо тебѣ, пріятель, за эту помощь! Батюшка мой давно нуждается въ такомъ рецептѣ, и ни одинъ лекарь ему его не прописывалъ. Господа, если вы хотите прославиться искусными лекарями, то прибѣгайте почаще къ этому средству; въ одинъ часъ вы излечите гораздо-больше больныхъ, чѣмъ всѣ ваши лекаря въ цѣлый годъ своими пилюлями и микстурами.

КАМЕРГЕРЪ. Этотъ солдатъ въ карманъ за словами не пойдетъ.

ФРИЦЪ. Да благословитъ васъ Богъ, честные господа, теперь сдѣлайте мнѣ милость, отойдите.

КОРОЛЬ. Прощай-же землякъ, да какъ тебя звать?

ФРИЦЪ. Фрицомъ, а по фамиліи Редлихомъ.

КОРОЛЬ. Не забуду, не забуду; это имя мнѣ нравится.

ФРИЦЪ. Мудренаго нѣтъ; это лучшее и любимое имя въ Пруссіи Король нашъ Фрицъ умѣлъ заставить весь міръ уважать его. Я

горжусь тѣмъ, что пошу имя нашего добраго Великаго Государя, Отца нашего.

КОРОЛЬ (*Камергеру*). Этого я не услышу отъ тебя; эти слова отъ простаго солдатскаго сердца. Я проѣздомъ въ этомъ городкѣ; заѣду въ другой разъ, отыщу добраго Фрица Редлиха, и мы разопьемъ бутылочку стараго рейнвейна за здоровье твоего отца.

ФРИЦЪ. И Короля Фрица.

КОРОЛЬ. Прощай, мой другъ. (*Камергеру*) Ты знаешь, гдѣ живетъ его отецъ? веди меня къ нему, — хочу узнать его покороче.

ЯВЛЕНІЕ III.

ФРИЦЪ (*одинъ*). Что за чудесный человѣкъ этотъ незнакомецъ! видно русскій баринъ или англійскій лордъ, какой щедрый! Ахъ ты Господи, дать семь луидоровъ ни за-что ни про-что, а такъ, какъ будто это семь крейцеровъ. У меня въ жизнь не было столько денегъ. Какъ удивится моя Шарлота при видѣ золота. Что за денежки? Вотъ мы и обзаведемся! да и женимся — ну не глупъ-ли я—смѣю думать о своей свадьбѣ, когда отецъ при смерти; да я всѣ деньги отдамъ за то только, чтобы онъ поправился. Ахъ, если-бы я могъ хотя на минутку сбѣгать къ нему, и отнести ему деньги. Вотъ такъ-бы и пустился бѣжать; чьи-то шаги. — Кто идетъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФРИЦЪ и ШАРЛОТА (*въ мантильѣ*).

ШАРЛОТА (*тихо и робко*). Фрицъ! Фрицинька.

ФРИЦЪ. Ахъ, это ты Шарлота.

ШАРЛОТА. Я—я, милой мой Фрицъ. Каково поживаешь?

ФРИЦЪ. Худо.

ШАРЛОТА. Тебѣ холодно?

ФРИЦЪ. Нѣтъ.

ШАРЛОТА. Ты на меня сердишь?

ФРИЦЪ. Да какъ не сердиться! обѣщать придти въ 11-ть часовъ и увѣдомить меня о больномъ батюшкѣ и не придти во-время!

ШАРЛОТА. Твой отецъ задержалъ меня.

ФРИЦЪ. Ну, что, легче-ли ему?

ШАРЛОТА. Сегодня онъ труднѣе вчерашняго: вишь, старикъ огорчается, что тебя сегодня не видалъ.

ФРИЦЪ. А все по милости капитана; да впрочемъ къ лучшему для отца и для насъ съ тобой.

ШАРЛОТА. Какъ такъ?

ФРИЦЪ. Погляди-ка, что̀ тамъ лежитъ на землѣ.

ШАРЛОТА. Гдѣ?

ФРИЦЪ. Вонъ тамъ, поищи хорошенько.

ШАРЛОТА (*удивленная*). Ахъ, Господи.

ФРИЦЪ. А, что увидѣла?

ШАРЛОТА. Золото.

ФРИЦЪ. Да, чистое, червонное золото. Семь луидоровъ! Какой-то прохожій, должно-быть или русскій князь или англійскій лордъ подарилъ ихъ мнѣ.

ШАРЛОТА. За что́?

ФРИЦЪ. За мою твердость и постоянство. Я разскажу тебѣ послѣ все, что́ случилось со мной, теперь возьми деньги.

ШАРЛОТА. Да полно взять-ли ихъ?

ФРИЦЪ. Боишься, не обожгутъ-ли тебя онѣ — ха, ха, ха! Бери смѣлѣе, да неси къ отцу; купи ему лекарства, скажи, что я самъ полетѣлъ-бы къ нему, но не могу, стою на часахъ.

ШАРЛОТА. Нѣтъ, самъ отнеси ему деньги, самъ обрадуй его неожиданной помощью.

ФРИЦЪ. Нельзя, придется ждать до утра, а онъ останется безъ денегъ.

ШАРЛОТА. Сбѣгай къ нему теперь.

ФРИЦЪ. Ты съ-ума сошла, я не могу оставить моего поста.

ШАРЛОТА. Вотъ тебѣ на! Будь увѣренъ, что въ этотъ часъ никто не заглянетъ въ это захолустье а черезъ четверть часа ты вернешься.

ФРИЦЪ. Ну, а если кто случаемъ зайдетъ сюда.

ШАРЛОТА. Развѣ какая шальная кошка забѣжитъ сюда. Вотъ счастливая мысль пришла мнѣ въ голову : ты сбѣгай къ отцу, а я за тебя постою на часахъ. Душенька, Фрицинька, сдѣлай мнѣ это удовольствіе.

ФРИЦЪ. Но ты не разсчитываешь, чего мнѣ будетъ стоить этотъ поступокъ.

ШАРЛОТА. А ты не разсчитываешь, какое удовольствіе ты доставишь умирающему отцу; скорѣе, давай мнѣ твой киверъ, шинель и ружье. (*Она съ него снимаетъ киверъ, шинель, а ружье кладетъ на землю*). Вотъ такъ, теперь одѣнь меня; научи какъ стоять на часахъ, какъ дѣлать честь, какъ окликать. Такъ-ли я окликаю? (*басомъ*). Кто идетъ? Не нужно-ли погромче, дружочекъ? Скажи, хорошо-ли я окликаю, и похожа-ли я на солдата?

ФРИЦЪ. Ахъ, ты моя рѣзвушка, какая-же ты миленькая въ киверѣ—точно хорошенькій юнкеръ или кадетикъ—матушкинъ сы-

нокъ: все-бы глядѣлъ на тебя, да время дорого, ну, г. служивый, учись-ка фрунтовой службѣ. (*Фрицъ командуетъ, Шарлота въ точности исполняетъ его команду, наконецъ онъ ставитъ ее у будки*). Ну, хорошо, теперь окликни: кто идетъ?

ШАРЛОТА. Кто идетъ?

ФРИЦЪ. Отвѣчай или застрѣлю.

ШАРЛОТА (*басомъ*). Отвѣчай или застрѣлю? (*своимъ голосомъ* Фрицинька, ружье-то въ-самомъ-дѣлѣ не заряжено-ли?

ФРИЦЪ. Само-по-себѣ.

ШАРЛОТА. Ай, ай, ну, если оно выстрѣлитъ?

ФРИЦЪ. Будешь осторожна, такъ не выстрѣлитъ — впрочемъ, коли боишься его, такъ лучше отдай ружье, нагрянетъ капитанъ, такъ что̀ тогда будетъ.

ШАРЛОТА. Бѣги, я не боюсь и ружья, и тебя не выдамъ. Не теряй времени, Богъ не оставитъ насъ.

ФРИЦЪ. Прощай-же душечка моя (*обнимаетъ ее и убѣгаетъ въ лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ШАРЛОТА, (*расхаживаетъ подлѣ будки, потомъ*) ШНАПСЪ.

ШАРЛОТА. Бѣды я въ этомъ дѣлѣ не вижу; ужъ какъ-нибудь да простою, шинель длинновата; ноги въ ней такъ и заплетаются... что̀, если я упаду, а ружью придетъ охота выстрѣлить? Сбѣжится народъ — и мы пропали.... стану-ка лучше у будки.... не сѣсть-ли мнѣ тамъ? А что̀ и впрямъ, тамъ теплѣе и вѣрнѣе; вѣдь сюда никто не зайдетъ (*она садится въ будкѣ, слышны шаги за сценой*). Это что̀ такое?

ШНАПСЪ (*за сценой*). Хотѣлось-бы побывать дома, что̀-то дѣлаетъ моя Катерина? Чай спитъ голубушка. (*Онъ выходитъ на сцену съ ключомъ въ рукѣ, и дѣлаетъ имъ движеніе, какъ-бы желая попасть въ замо́къ*).

ШАРЛОТА. Это кто? вѣрно запоздалый гуляка (*громко*). Кто идетъ?

ШНАПСЪ (*смотря въ улицу, изъ которой вышелъ*). Шнапсъ — ночной сторожъ. Кой чортъ, скоро-ли попаду въ замо́къ моего домишки? вотъ и промахъ, тфу пропасть! домы такъ и ходятъ — и мой домишка тутъ-же тащится. Ну, стой старикъ; гдѣ твоя калитка? гдѣ замо́къ? давай его сюда.

ШАРЛОТА (*закрываясь шинелью*). Господи! не сумасшедшій-ли это, чего добраго подниметъ кутерьму, затянетъ меня въ бѣду; послѣ

раздѣлывайся съ нимъ. Припугну-ка его, какъ умѣю. Ей, землякъ, не стоять здѣсь; иди далѣе.

ШИПСЪ. Иду, служивый, иду.... дай только домъ поймать, вишь ты всѣ домы ходенемъ расходились около меня — авось я поймаю свой домъ на этотъ ключъ... такъ и идти не надо. Ну, сердечный мой, подходи скорѣе. (*Шатается съ ключомъ*).

ШАРЛОТА. Да онъ пьянъ, у него кружится голова, а ему кажется, что домы кружатся. Онъ не узнаетъ меня! (*Громко*). Нечего здѣсь прохлаждаться—иди своей дорогой.

ШИПСЪ (*въ сердцахъ*). Тфу пропасть, домишка упрямится, не слушается (*Шарлотъ*). А? что? я по должности здѣсь, гнать меня не за-что̀, я господинъ на улицѣ... Самъ ко-роль ме-ня не про-го-нитъ отсюда, я скажу ему.... ваше-ве-ли-чество... Вы стражъ королевства — я стражъ бранденбургскихъ улицъ... мы съ вами равны... разница межъ нами та.... что̀ вы сторожите и днемъ и ночью, а я только ночью. Ваше величество, прошу не прогнѣваться (*расшаркивается учтиво*). Покорнѣйшій слуга Яковъ Шипсъ, мое почтеніе....

(*Поетъ*).

Смерклось, смерклось, господа;
Даже солнце грѣть устало;
Время отдыха настало
Отъ заботъ и отъ труда,
На часахъ пробило....

А сколько, я не знаю; я тамъ вздремнулъ на скамьѣ у дома погребщика Купца, не слыхалъ, какъ и часы били. Эй, служивой, который часъ?

ШАРЛОТА. Било одиннадцать.

ШИПСЪ. Вотъ чудо! а я еще не прокричалъ и о десяти.

ШАРЛОТА. Часамъ до этого нѣтъ дѣла.

ШИПСЪ. Тѣмъ-лучше для нихъ, а для меня лучше не шутить съ часами. Ну, теперь сперва я прокричу своимъ порядкомъ.

(*Поетъ*).

Десять било, господа,
Печи, очаги гасите —
Отъ огня домъ берегите,
Чтобъ въ дому была вода.

Ну, вотъ дѣло сдѣлано. (*Обращаясь къ часовому*). Я здѣсь потолкую немножко съ тобой, а потомъ прокричу одиннадцать ча-

совъ, и обойду улицы. Что ты, землякъ, закрываешься шинелью, какъ мамелюкъ? вѣдь не холодно.

ШАРЛОТА. Я продрогъ до костей.

ШНАПСЪ. Чудеса! а мнѣ тепло—какъ лѣтомъ. (*Вынимаетъ трубку и высѣкаетъ огонь*). Землякъ, не хочешь-ли покурить, табакъ чудесный—берлинскій.

ШАРЛОТА. Спасибо.

ШНАПСЪ. Понимаю, табакъ не грѣетъ; тебѣ хочется съѣсть и глотнуть—подожди, у меня есть отличная водка и картофель. На, пей, землякъ, да согрѣйся (*подаетъ флягу Шарлоть*). Бери-же.

ШАРЛОТА. Спасибо, я не пью водки.

ШНАПСЪ. А что ты пьешь такое? Ужъ не бургонское-ли вино? Не пить водки! экая притча! худой-же ты, братъ, служивой!

(*Поетъ*).

Бьетъ одиннадцать часовъ,
Господа огни гасите.

(*Говоритъ*).

Если ты не научишься пить, такъ на вѣкъ останешься бабой.

(*Поетъ*).

Домы ваши берегите
Отъ печей и очаговъ!

Ну, смотри-же послушайся моего совѣта.

Пей и водку и вино -
Въ нихъ веселье намъ дано!

(*Присвистываетъ, прищолкивая пальцами, притопываетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ШАРЛОТА (*одна*).

Помучилась-же я съ этимъ молодцомъ. Счастье, что онъ былъ пьянъ, оттого меня и не узналъ.... ну, а если еще кто зайдетъ до Фрицова прихода, право я брошу ружье и убѣгу. Тише, кто-то сюда идетъ, да еще и двое. Теперь за милліонъ не встану на-часы.... окликать-ли? Промолчу, авось и такъ пройдутъ, не замѣтятъ часоваго.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Король, Камергеръ и Шарлота.

КОРОЛЬ. Почему Фрицъ насъ не окликаетъ?

КАМЕРГЕРЪ. Можетъ-быть, онъ узналъ насъ въ темнотѣ по походкѣ.

КОРОЛЬ (*Шарлотѣ*). Пріятель, я былъ у твоего отца; онъ въ-самомъ-дѣлѣ достойный человѣкъ! Опасность его теперь миновалась, надѣюсь, что мое посѣщеніе для него было полезнѣе всякаго лекарства.

ШАРЛОТА. Хоть-бы мнѣ сквозь землю провалиться, я дрожу какъ листъ.

КАМЕРГЕРЪ (*королю*). Мнѣ, кажется, ваше величество, что это не тотъ солдатъ.

КОРОЛЬ (*Шарлотѣ*). Ты мнѣ не отвѣчаешь?

ШАРЛОТА (*сбираясь съ духомъ, окликаетъ басомъ*). Кто идетъ?

КАМЕРГЕРЪ (*постыпно подбѣгаетъ къ королю и удерживаетъ смѣхъ*). Государь, да этотъ солдатъ особеннаго рода—это женщина, посмотрите, какъ она держитъ ружье.

КОРОЛЬ. И въ-самомъ-дѣлѣ.

КАМЕРГЕРЪ. Женщина—часовой—ха, ха, ха!

КОРОЛЬ. Какъ могло это случиться?

КАМЕРГЕРЪ. Легко объяснить: она дежуритъ за своего жениха.

КОРОЛЬ. Увидимъ. (*Шарлотѣ*). Часовой! зачѣмъ ты не исполняешь своего долга? Держишь ружье не по формѣ?

ШАРЛОТА (*въ-сторону*). Я вся окостенѣла отъ страха, языкъ не ворочается.

КОРОЛЬ, Отвѣчай-же, а не то сейчасъ-же объявлю на гауптвахтѣ капитану. Тебя арестуютъ и накажутъ военнымъ судомъ.

ШАРЛОТА (*сбрасываетъ съ себя киверъ, шинель, бросаетъ ружье и падаетъ на колѣна*). Помилуйте меня и бѣднаго моего Фрица; онъ невиноватъ, я ввела его въ бѣду, онъ никакъ не хотѣлъ оставить свою будку; я уговорила его повидаться съ больнымъ отцомъ. Ради Бога, милостивый государь, подождите не множко, онъ сію минуту воротится.

КАМЕРГЕРЪ (*въ-сторону*). Какая хорошенькая дѣвушка! Я готовъ быть капитаномъ такой гренадерской роты.

КОРОЛЬ. Встань, милая, встань.

ШАРЛОТА. Сжальтесь надъ нами.

КОРОЛЬ. Встань, мы посмотримъ, какъ помочь горю. Я что-нибудь да значу у Короля.

ШАРЛОТА (*вставая*). Не встану: Король не долженъ знать о нашей винѣ.

КОРОЛЬ. Даю тебѣ честное слово, что онъ не узнаетъ.

ШАРЛОТА. Король добрѣйшій человѣкъ, я это знаю; но я слыхала отъ Фрица, что онъ очень-строгъ къ военной службѣ.

КОРОЛЬ. Такъ я попрошу Капитана Дегена.

ШАРЛОТА. И капитанъ не долженъ знать! Да какіе-же вы чудаки, и видно вы иностранецъ, понятія не имѣете о нашей военной службѣ.

КОРОЛЬ. А почему такъ?

ШАРЛОТА. Потому, кабы не этотъ капитанъ, такъ съ нами и не было-бы такого несчастія.

КОРОЛЬ. Ну, теперь что́-жъ намъ дѣлать; жениха твоего не видать, скоро зайдетъ сюда рундъ и тогда....

ШАРЛОТА. И въ-самомъ-дѣлѣ? все узнаютъ.

КОРОЛЬ. Что́-жъ намъ дѣлать?

ШАРЛОТА. Такъ помогите мнѣ.

КОРОЛЬ. А что́ мнѣ прикажешь дѣлать?

ШАРЛОТА. Вамъ стоитъ только.

КОРОЛЬ. Ну что́-жъ?

ШАРЛОТА. Вы, вѣрно, тотъ богачъ, который далъ моему Фрицу денегъ.

КОРОЛЬ. И еслибъ я былъ тотъ самый?

ШАРЛОТА. Такъ вы и мнѣ не отказали-бы въ милости.

КОРОЛЬ. Охотно, душенька. Скажи, чего-же ты хочешь отъ меня?

ШАРЛОТА. Слушайте: я знаю ближайшую дорогу къ дому, гдѣ живетъ отецъ Фрицовъ — я духомъ сбѣгаю и приведу Фрица.

КОРОЛЬ. Очень-хорошо, а между тѣмъ, что́ будетъ?

ШАРЛОТА. А вы между тѣмъ, вы, сдѣлаете милость. Ахъ, сердце говоритъ мнѣ, что вы не откажете.

КОРОЛЬ. Въ чемъ-же?

ШАРЛОТА. До моего возвращенія съ Фрицомъ, постойте за меня на-часахъ.

КАМЕРГЕРЪ (*въ сторону*). Это было-бъ очень-забавно.

КОРОЛЬ. Экъ, что́ придумала! Я иностранецъ, и не знаю вашего артикула.

ШАРЛОТА. О, это бездѣлица; ребенокъ пойметъ его. Дѣлайте лишь то, что́ я буду командовать, а прежде всего надѣвайте киверъ (*она надѣваетъ*). Вотъ такъ; онъ вамъ въ самую пору, теперь надѣньте шинель (*король снимаетъ плащъ и отдаетъ камергеру*)

хорошо.... теперь положите ружье на лѣвое плечо... браво... да, вы видный гренадеръ. Не хуже моего Фрица. Ну, дѣлайте, что́ велю, (*она повторяетъ команду и все, чему училъ ее Фрицъ; Король все ловко исполняетъ*).

ШАРЛОТА (*прыгая и хлопая въ ладоши*). Какіе-же вы понятливые, какъ будто ввѣкъ были солдатомъ. Кабы нашъ Король увидалъ васъ, онъ непремѣнно прибралъ-бы васъ къ рукамъ, въ гвардію, сударь, въ гвардію; онъ любитъ такихъ молодцовъ, какъ вы. Ну, теперь станьте у будки; а вы ходите по улицѣ, да присматривайте — нейдетъ-ли кто; когда увидите кого издалече, дайте знать часовому, а вы, часовой окликнете громко и грозно вотъ такъ: — Кто идетъ? — Я сейчасъ приведу моего Фрица. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Король и Камергеръ.

КАМЕРГЕРЪ. Не во снѣ-ли я вижу Ваше Величество на часахъ!

КОРОЛЬ. Что́ прикажешь дѣлать?

КАМЕРГЕРЪ. Вы въ гренадерскомъ киверѣ?

КОРОЛЬ. Который, между-прочимъ, мнѣ очень къ лицу, какъ увѣряла меня дѣвушка.

КАМЕРГЕРЪ. Клянусь честью, что никогда не воображалъ, что Ваше Величество пожалуете себя въ часовые.

КОРОЛЬ. Меня это приключеніе очень забавляетъ; увидимъ, чѣмъ оно кончится.

КАМЕРГЕРЪ. Сбросьте, по-крайней-мѣрѣ, съ себя эту кожу, этотъ суконный черепокъ, который вы зовете шинелью.

КОРОЛЬ. А для чего? Мнѣ не стыдно носить эту шинель, хотя она изъ толстаго сукна: она, можетъ-быть, была, попеременно, на плечахъ у тысячи изъ моихъ храбрыхъ гренадеровъ, которые покрыли Пруссію неувядаемыми лаврами (*Въ отдаленіи раздается громкій окликъ часоваго; эхо разноситъ слова «Кто идетъ». Въ слѣдъ за тѣмъ слышенъ голосъ Капита Дегена*) «Рундъ».

КОРОЛЬ. Вотъ еще странное сцѣпленіе обстоятельствъ!

КАМЕРГЕРЪ. Развѣ рунду должно проходить мимо этого поста?

КОРОЛЬ. Безъ сомнѣнія.

КАМЕРГЕРЪ. Ваше Величество, позвольте мнѣ встать за васъ на часы.

КОРОЛЬ. Это за-чѣмъ? развѣ ты думаешь, что я не гожусь въ часовые? увидишь, что я исправлю дѣло не хуже другаго рядоваго.

КАМЕРГЕРЪ. Но, ради Бога, если васъ узнаютъ.

КОРОЛЬ. Велика бѣда!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Капитанъ Дегенъ (*съ солдатами и прочіе*).

король (*громко*). Кто идетъ?

капитанъ. Рундъ.

король. Рундъ мимо.

капитанъ (*подходя къ королю*). Все-ли въ порядкѣ?

король. Бездѣлица случилась, г. Капитанъ. Гренадеръ Фрицъ Редлихъ оставилъ свой постъ, который я теперь занимаю.

капитанъ. Редлихъ? Ахъ, онъ негодяй!

король. Онъ пошолъ навѣстить больнаго отца своего. Этого-бы не случилось, еслибъ вы уволили его на нынѣшній день отъ службы.

капитанъ. Вотъ я съ нимъ раздѣлаюсь; сію-же минуту велю арестовать и примѣрно наказать.

король. Напрасно трудитесь. Я самъ позволилъ ему побывать у отца.

капитанъ. Ты? А что ты за птица?

король (*распахивая свою шинель, говоритъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ*). Развѣ вы меня не узнаете? капитанъ.

капитанъ (*снявъ шляпу*). Возможно-ли? Ваше Величество!

камергеръ (*въ-сторону*). Какое чудо! еще не видно, чтобъ капитанъ такъ учтиво-обращался съ простымъ часовымъ.

король. Да, я самъ. Удалите вашихъ солдатъ.

капитанъ. Слушаю. (*Солдатамъ*). Идите на ближайшую гауптвахту, и ждите тамъ меня (*солдаты уходятъ*). Всеподданнѣйше прошу прощенія у Вашего Величества въ томъ, что не вдругъ узналъ васъ.

король. Нелегко было и узнать меня. Капитанъ, у меня до васъ есть просьба; надѣюсь, что вы мнѣ не откажите.

капитанъ. Помилуйте....

король. Важное дѣло требуетъ моего присутствія во дворцѣ, а этотъ постъ не долженъ остаться безъ часоваго; не угодно-ли вамъ одолжить меня и занять его до моего возвращенія.

капитанъ. Но....

король. Я понимаю. Обязанность трудновата, я знаю, но вѣдь вы дали мнѣ ваше слово. Впрочемъ, не думайте, что для васъ унизительна должность, которую исполнялъ я. Вотъ вамъ шинель, киверъ и ружье (*камергеру*). Графъ, помогите капитану одѣться (*камергеръ снимаетъ съ короля шинель и киверъ и передаетъ все это капитану, а самъ надѣваетъ на короля плащъ*).

КАМЕРГЕРЪ. Охотно.

КАПИТАНЪ. Ваше Величество, я въ такомъ замѣшательствѣ, что...

КОРОЛЬ. Я тоже чувствовалъ, когда мнѣ предложили постоять на часахъ, но я долженъ былъ взять на себя этотъ трудъ: я уступилъ необходимости. Прошу васъ не разглашать капитанъ объ этомъ случаѣ, пусть онъ останется между нами. Прощайте. Графъ, пойдемъ.

(*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

КАПИТАНЪ (*одинъ*). Проклятый случай! Я не знаю, смѣяться-ли мнѣ или сердиться? кажется, лучше рѣшиться на первое... впрочемъ, вѣдь я смѣнилъ короля, такъ тутъ нѣтъ никакого униженія. Ужъ достанется же послѣ этому бездѣльнику Редлиху! я съ нимъ расплачу́сь по-свойски. Желалъ-бы узнать въ связи это приключеніе.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ФРИЦЪ И КАПИТАНЪ.

ФРИЦЪ. Милая Шарлота, батюшкѣ моему легче. Вѣдь ты на меня не сердишься, радость моя, милочка (*хочетъ взять капитана за руку*).

КАПИТАНЪ. Такъ-то ты поступаешь, бездѣльникъ!

ФРИЦЪ (*въ ужасѣ*). Боже, что̀ со мной будетъ, я пропалъ!

КАПИТАНЪ. И по-дѣломъ тебѣ.

ФРИЦЪ. Ради Бога, скажите, гдѣ моя Шарлота?

КАПИТАНЪ. Ты оставилъ свой постъ: знаешь-ли, какое наказаніе ты заслужилъ за это? — Двѣ пули въ лобъ!

ФРИЦЪ. Задавайте ихъ, сколько вамъ угодно, только скажите, гдѣ моя Шарлота?

КАПИТАНЪ. Вотъ забавно! я-же отдавай ему отчотъ въ его Шарлотѣ, мало того, что я изъ за-тебя стою на часахъ у этой проклятой будки. Пошолъ, возьми свою шинель, ружье и киверъ, (*онъ бросаетъ все съ себя*) а завтра, что̀ Богъ велитъ. Король знаетъ о твоемъ проступкѣ, и тебѣ не избѣжать казни.

ФРИЦЪ (*который во-время угрозъ капитана осматриваетъ и ищетъ взорами Шарлоту*). Шарлота, душечка моя, гдѣ ты? (*хочетъ уйдти*).

КАПИТАНЪ. Какъ! ты хочешь во-второй разъ бѣжать съ своего поста. Стой—или клянусь Богомъ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Шарлота, Капитанъ и Фрицъ.

ШАРЛОТА. Что здѣсь за шумъ?

ФРИЦЪ. Ахъ, Шарлота, гдѣ ты была? Зачѣмъ оставила ты мою будку.

ШАРЛОТА. Все искала тебя, но мы, вѣрно, разошлись съ тобой по разнымъ улицамъ. Уходя отсюда, я передала ружье свое одному иностранцу.

КАПИТАНЪ. А тотъ иностранецъ былъ самъ король.

ФРИЦЪ. Возможно-ли? Король?

КАПИТАНЪ. Я самъ смѣнилъ его съ часовъ.

ФРИЦЪ. Пропали мы!

ШАРЛОТА. Пропали....

ФРИЦЪ. Намъ нѣтъ никакой пощады!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же, Король и Камергеръ, *потомъ* Шпансъ.

КОРОЛЬ. Нѣтъ, дѣти мои, я васъ не выдамъ.

ФРИЦЪ. Простите меня, ваше величество.

ШАРЛОТА. Сжальтесь надъ нами.

КОРОЛЬ. Встаньте. Капитанъ, мы всѣ виноваты и правы. Всѣ мы оставили нашъ постъ. Вы сами сдали ружье Фрицу безъ моего повелѣнія. Не лучше-ли будетъ, если мы простимъ другъ-другу наши проступки.

ФРИЦЪ. Обожаемый государь!

ШАРЛОТА. Ангелъ нашъ хранитель.

КОРОЛЬ. Послѣ случившагося, Фрицъ, ты болѣе не будешь рядовымъ. Сохрани свои благородныя сыновнія чувства и женись на Шарлотѣ; я даю тебѣ мѣсто стража въ моемъ дворцовомъ арсеналѣ.

ШАРЛОТА. Какая милость!

ФРИЦЪ. Вы заставили меня плакать отъ благодарности, ваше величество, но позвольте-же мнѣ еще изложить предъ вами мое вѣрноподданнѣйшее прошеніе.

КОРОЛЬ. Говори.

ФРИЦЪ. Позвольте служить въ рядахъ вашего войска, въ случаѣ войны.

КОРОЛЬ. Согласенъ.

(Въ продолженіе этой сцены вдали на городскихъ часахъ пробило 12-ть ч., глухой гулъ раздается на сценѣ).

ШНАПСЪ (*за сценой поетъ*).

Спите люди въ добрый часъ,
Добрый Шнапсъ не спитъ за васъ.

КОРОЛЬ. Это кто такой?

ШАРЛОТА. Шнапсъ, ночной сторожъ.

КОРОЛЬ. Презабавная фигура! Капитанъ, пошлите другаго рядоваго на часы, и увольте Фрица. Пойдемъ графъ. (*Фрицу*) А ты завтра явись ко мнѣ.

ШНАПСЪ (*загораждаетъ дорогу*). Какая честная кампанія! Мое почтеніе! да куда такъ спѣшите, землякъ.... побесѣдуемъ, я сторожъ Шна...

ШАРЛОТА (*толкая его въ будку*). Дай дорогу Его Величеству, а самъ встань на часы.

ФРИЦЪ. И безъ него было четверо часовыхъ у одной будки.

ШНАПСЪ (*шатается и удивленный, разинувъ ротъ, смотритъ въ слѣдъ Королю, снявъ шапку*). Его Величеству? мое почтеніе! мое почтеніе! честь имѣю рекомендоваться, я вашъ вѣрноподданный Яковъ Шнапсъ (*онъ снимаетъ шляпу и расшаркивается и хочетъ заговорить съ прочими, смотря на уходящаго короля*). Да какъ это могло случиться, чтобъ Его Величе .. (*въ это время занавѣсъ опускается и Шнапсъ показываетъ свое на то негодованіе*).

Перед. съ *итальянскаго* П. Ободовскій.

ПѢСНЯ.

Я тебя обниму,
Къ груди пылкой прижму,
Дѣва, въ сумрачный часъ.
Поцѣлую тебя,
Страстью нѣжной кипя,
Лишь одинъ только разъ.
Въ поцѣлуѣ-же томъ,
Жаркомъ, нѣжномъ, нѣмомъ,
Тебѣ жизнь передамъ;
А въ объятьяхъ твоихъ,
Пылкихъ, страстныхъ, живыхъ,
Трупъ холодный отдамъ.

М. ЯСТРЕБОВЪ.

Село Мурино.
1842.

ФИЛОСОФІЯ и ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА МУЗЫКУ РОССИНИ.

(ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ РОССИНИ И ВОЛЬТЕРОМЪ)*.

Россини! Сколько лѣтъ уже твердятъ о Россини! Имя это сдѣлалось столь обще-извѣстнымъ въ музыкальномъ мірѣ, что покажется, можетъ-быть, излишнимъ говорить о немъ. Развѣ не все уже сказано о композиторѣ, который, по-видимому, исчерпалъ всѣ роды похвалъ и критикъ?—Нѣтъ, не все еще, если захотимъ выйдти изъ ограниченной сферы одного искусства и одного только человѣка. Благодаря тому, что нынче нѣтъ уже нужды показывать отношенія, связующія общество, литературу и искусства,—человѣка нельзя отдѣлять отъ его вѣка, все-равно сообщилъ-ли онъ ему преобладающій характеръ, или только ускорилъ движеніе, его увлекающее. Въ глазахъ всякаго, изучившаго непреложныя основанія, на которыхъ зиждется цѣлое міра нравственнаго, все такъ тѣсно связуется между собою, вещи такъ хорошо объясняютъ людей, что, для опредѣленія симъ послѣднимъ приличныхъ имъ мѣстъ, достаточно сравнить ихъ съ ихъ временемъ или съ другими людьми, которые въ иное время и на иномъ поприщѣ шли одинаковымъ образомъ. Тогда легко увидимъ, подъ вліяніемъ какихъ идей составились извѣстныя репутаціи, и кто съ наименьшими пособіями станетъ наивыше, того и слѣдуетъ помѣщать

* Отвѣтъ тому, кто назвалъ когда-то Россини «Шекспиромъ» музыки.

въ первый рядъ. И такъ, судя о личномъ достоинствѣ Россини, о мѣстѣ, какое долженъ онъ занять въ ряду великихъ людей, надо тщательно отличать человѣка, создавшаго свой вѣкъ, отъ человѣка, созданнаго вѣкомъ, и разбирать, больше-ли доля наслѣдованнаго имъ отъ вѣка, или меньше доли дарованнаго вѣку. Вопросъ, явно, не ограничивается однимъ музыкальнымъ диспутомъ. Если-бъ тутъ неумѣстно было прилагать общія всѣмъ искусствамъ начала и подняться повыше правилъ контрапункта, мы охотно уступили-бы судъ искуснымъ теоретикамъ, которые поставили себѣ музыку исключительнымъ предметомъ изученія; но область нашего изслѣдованія не столь разобщена съ прочими, чтобъ не подлежала общимъ правиламъ и верховнымъ законамъ, которые управляютъ нравственнымъ міромъ. Перевороты, происходящіе въ общественномъ быту, совершаются потомъ въ литературѣ, и оканчиваются напослѣдокъ въ искусствахъ. Фактъ неоспоримый. Сообразно сему правилу послѣдовательнаго перехода принциповъ, намъ слѣдуетъ отыскать въ движеніи литературы, возникшей во Франціи прежде музыки, точку, соотвѣтственную той, на которой стоитъ нынѣ музыка. Не трудно дѣлать приложеніе этого закона, внимательно слѣдя за успѣхами человѣческаго ума. Итакъ, мы пойдемъ столько-жъ путемъ аналогіи, сколько разсужденія.

Немногіе изъ геніальныхъ людей наслаждались полною славой, и были справедливо суждены на судѣ современниковъ. Великимъ людямъ опредѣлено проходить сквозь всѣ мытарства критики, терпѣть всѣ прихоти пристрастія, прежде чѣмъ станутъ на ту степень, какую они должны занимать на лѣствицѣ славы. Моцарта не признали современники: вѣку его предлежало еще сдѣлать нѣсколько шаговъ; несчастіе маэстро состояло въ томъ, что онъ опередилъ вѣкъ. Моцартъ, угасшій въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, не подозрѣвалъ, что достигъ крайнихъ предѣловъ своего искусства, и на смертномъ одрѣ мечталъ о совершенствѣ, котораго одинъ онъ могъ-бы достигнуть. Онъ уцѣлѣлъ больше въ памяти людей со вкусомъ, чѣмъ на театрѣ, гдѣ впечатлѣнія слишкомъ-мимолетны. Какъ-бы то ни было, но лучъ безсмертія загорался лишь на могилѣ этого генія. — Вольтеръ, по замѣчанію одного глубокомысленнаго писателя, созданный совершенно для своего вѣка и образованный вѣкомъ, вмѣсто того, чтобъ опережать вѣкъ, слѣдовалъ за нимъ и скоро сталъ во-главѣ его. Вольтеръ гораздо-больше человѣкъ XVIII вѣка, нежели XVIII вѣкъ есть вѣкъ Вольтера: онъ баловень своего вѣка. Оттого, для славы Вольтера вѣкъ не оставилъ потомству дѣлать ничего, какъ развѣ только часто убавлять ее.

Въ ту пору, когда пезаррскій лебедь направилъ свой полетъ къ

берегамъ Сены, музыка находилась почти на той-же точкѣ, на какой стояла литература во Франціи во-время появленія автора «Ганріады». Никто не воображалъ, чтобы можно было превзойти на томъ-же поприщѣ Глюка, Саккини, Мегюля, Херубини, Бертона, Боельдьё, Спонтини и проч. Молодые композиторы, вѣрные однимъ и тѣмъ-же преданіямъ, шли однимъ и тѣмъ-же путемъ. Искусство достигло точки стоянія: за этой точкою никто не видалъ ничего; а между-тѣмъ, какъ при Вольтерѣ творенія двухъ великихъ трагиковъ (Расина и Корнеля) почти исчѣрпали удивленіе къ себѣ, точно такъ-же, во-время прибытія Россини, великія классическія композиціи, конечно, всегда достойныя удивленія, возбуждали рукоплесканія лишь по привычкѣ. Какое-то принужденіе отзывалось въ умахъ, которые духъ вѣка увлекалъ къ независимости. Иго правилъ казалось все тягостнѣе и тягостнѣе, хотя никто не смѣлъ оспаривать необходимости этого ига. Успѣхъ разныхъ піесъ достаточно доказывалъ, что не столько нужны были новыя оперы, сколько новый родъ музыки. Надлежало не столько упростить искусство, сколько сдѣлать его доступнѣе; требовалось меньше истины и больше эффекта; нуженъ былъ авторъ, котораго понимали-бы тотчасъ, не имѣя надобности изучать его предварительно; нужно было прикрыть ослѣпительнымъ блескомъ торжества, первые шаги упадка; словомъ, нуженъ былъ Россини.

Не въ первый разъ приходится сравнивать Россини съ Вольтеромъ. Послѣдній, въ свое время, заимствовалъ у Шекспира способы къ произведенію переворота на французскомъ трагическомъ театрѣ. Россини, подобно ему, принесъ во Францію тѣ начала реформы, какія до него измѣнили систему лирическаго искусства въ Италіи. Вникнемъ хорошенько въ эту характерическую черту. И тотъ и другой произвели переворотъ въ своемъ искусствѣ; но ни тотъ, ни другой не произвелъ его самъ по себѣ, то-есть, способами, неизвѣстными его предшественникамъ и принадлежащими лично ему. Если справедливо, что одинакія средства произвели одинакіе результаты, мы назначимъ Россини мѣсто, какое слѣдуетъ ему занимать, прежде, чѣмъ скажемъ хоть слово объ его недостаткахъ и достоинствахъ. Но, продолжая такое подробное изслѣдованіе, откроемъ новыя точки сходства съ поэтомъ, съ которымъ его сравнили.

Подобно всѣмъ людямъ, быстро-составившимъ себѣ славу, Россини имѣлъ страстныхъ поклонниковъ и отъявленныхъ порицателей. Можетъ-быть, намъ удастся найдти причину этого сугубаго успѣха, потому-что имѣть враговъ есть также немаловажный

успѣхъ. Въ искусствахъ надо различать то, что по плечу всѣмъ, и то, что доступно только малому числу знатоковъ. Въ нихъ есть сторона *матеріальная* и сторона *духовная*. Послѣдняя почти не существуетъ для тѣхъ, кто судитъ по однимъ внѣшнимъ чувствамъ; но она есть главное для человѣка съ развитымъ вкусомъ, одареннаго надлежащей глубиною внутренняго чувства. Въ живописи, напримѣръ, почти всякій любитель способенъ судить о колоритѣ, о перспективѣ, словомъ, обо всемъ, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ; но лишь художникъ можетъ оцѣнять достоинство композиціи, глубокую выразительность фигуръ, чистоту рисунка, оттѣнки, тонкости искусства, и проч., и проч.

Надо признаться, что Россини въ высочайшей степени обладалъ поверхностями и блестящими достоинствами. Онъ вполнѣ постигъ духъ своего вѣка, считающаго за педанство науку, которую дотолѣ полагали необходимостью для всякаго композитора, какъ для всякаго писателя. Слѣдствіемъ было, что тѣ, кто справедливо удивлялся граціи и свѣжести пѣсенъ, богатству аккомпаньементовъ, изяществу и смѣлости формъ, колориту, пламени музыкальной рѣчи, не могли понять, почему болѣе-взыскательные знатоки, которые хвалятъ съ разборомъ, медлили поставить въ первый рядъ композиторовъ человѣка, часто уступающаго великимъ мастерамъ въ существенныхъ сторонахъ, но за то превосходящаго ихъ въ качествахъ второстепенныхъ. Что, при такомъ слишкомъ-исключительномъ пристрастіи, критики такъ-же были черезъ-чуръ строги, мы уже сказали; но оставимъ преувеличенныя мнѣнія. Какъ нѣкоторыхъ прежнихъ музыкантовъ можно было упрекать въ неумѣніи извлекать всю должную выгоду изъ силъ оркестра, такъ точно Россини упрекали въ излишней роскоши аккомпаньементовъ и въ избыткѣ механическихъ эффектовъ. Вмѣсто того, чтобы сознаться, что онъ подвинулъ впередъ драматическую музыку, музыканты эти находили, будто онъ только замѣнялъ недостатокъ учености средствами, которыми, правда, удачно пользовался, но которыхъ употребленіе, по необходимости ограниченное, гораздо-легче и служитъ вреднымъ примѣромъ. Оттуда у него скучныя повторенія, безпрестанныя возвращенія къ прежнему, разрушающія всю прелесть новаго и свѣжаго мотива; оттуда, смѣсь оригинальныхъ идей съ ходячими фразами; оттуда любимыя модуляціи, избитыя перемѣны, которыя, всѣмъ прислушавшись, довольно походятъ на заплаты; и монотонія, однообразіе сочиненія, замѣтное въ его аріяхъ, піесахъ, увертюрахъ: какъ-будто у него была одна рама для всѣхъ различныхъ картинъ; одна форма, въ которую онъ отливалъ свои идеи, получившія оттого одинаковый видъ, одинако-

вый отпечатокъ, одинъ и тотъ-же характеръ. Все это свидѣтельствуетъ не столько безсильность генія, сколько ошибочность рода, останавливающую полетъ его.

Вопіютъ противъ правилъ, противъ науки: къ чему, говорятъ, служатъ онѣ публикѣ, которая ихъ не знаетъ? Смѣшно, что въ нашъ вѣкъ, столько кичащійся ученостью всякаго рода, такъ нападаютъ на науку! Къ чему служатъ правила? Къ тому, чтобы распредѣлять идеи композитора такъ, чтобъ онѣ не истощились разомъ; правила даютъ самому плодовитому автору способъ не быть часто безплоднымъ, указываютъ ему всю пользу, какую можно извлекать изъ счастливаго вдохновенія. Помощію ихъ соблюдается мудрый распорядокъ во всѣхъ частяхъ музыкальной рѣчи, ничто въ ней не бываетъ слабо, все взаимно поддерживается, и она въ-теченіи своемъ, словно, пріобрѣтаетъ новыя силы, чтобы раскрыть ихъ въ минуту взрыва. Этой-то неисчерпаемой плодовитости удивляемся мы въ Моцартѣ, въ Гайднѣ. Послѣдній является ученымъ во всякомъ простѣйшемъ своемъ анданте; и ни одинъ композиторъ не умѣлъ, подобно ему, открывать сокровища въ самыхъ обыкновенныхъ предметахъ.

Знаемъ, что публикѣ очень-мало дѣла до правилъ; но должны-ли не знать ихъ тотъ, кто сочиняетъ? И если-бъ онъ ихъ не зналъ, все-же слѣдуетъ-ли, что ихъ быть не должно? Толпа, проходящая мимо часовъ, любуется только вѣрностью, съ какой они показываютъ время, не думая о томъ, что видимое ею есть результатъ прекраснаго распредѣленія колесъ, скрытыхъ за циферблатомъ. Конечно, не въ недостаткѣ идей упрекнемъ мы Россини. Но весьма-часто, не имѣя средствъ, необходимыхъ для того, чтобъ извлечь всю должную пользу изъ своихъ идей, онъ принужденъ то и дѣло повторять ихъ; и тутъ-то является у него трескотня присяжныхъ транзицій, избитыхъ формулъ, поношенныхъ фразъ, чѣмъ думаетъ онъ замѣнить богатства развитія, живописныя и разнообразныя формы, которыя составляютъ очарованіе искусства и придаютъ столь-яркую новость извѣстному мотиву, помощію которыхъ искусный музыкантъ иногда какъ-будто покидаетъ свой сюжетъ, чтобы потомъ снова выставить его съ бо́льшимъ блескомъ или бо́льшей прелестью.

Все, что̀ говорено было противъ правилъ, въ сущности, приводится къ стиху: Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. (Всѣ роды хороши, лишь скучный дуренъ родъ). Ужъ конечно не на послѣднюю часть этого предложенія обратится наша критика. Для насъ нѣтъ ничего въ мірѣ ненавистнѣе скуки, въ какой бы формѣ она ни представала, въ какія-бы прекрасныя одежды

ни облекалась; но, кромѣ скучнаго рода, находится другой, столько-же дурной и болѣе опасный. Кто не согласится въ-самомъ-дѣлѣ, что если-бъ всѣ роды были равно *хороши*, то надлежало-бъ допустить, что всѣ они равно *истинны*, или, другими словами, что въ искусствахъ не бываетъ ни истиннаго, ни ложнаго? Если-бъ это было такъ, то умы, чуждые власти, законовъ, началъ, носились-бы слѣпо по прихоти безпорядочнаго воображенія; и, въ такой духовной анархіи, также было-бы нельзя полагать границъ своеволія, какъ нельзя назначать предѣловъ вдохновенію генія, развитаго долговременной дѣятельностью, укрѣпленнаго основательнымъ ученіемъ.

Въ оправданіе нашихъ словъ стоитъ взглянуть на увертюры Россини. Нѣтъ музыканта, который не согласился-бы, что родъ, имъ принятый и столь-много употребляемый во зло подражателями, есть убѣжище для посредственности, которую онъ прикрывалъ, и въ тоже время подводный камень для таланта, которому заграждалъ обширное поле гармоніи.—Даже не знаю, замѣчено-ли, что большая часть увертюръ Россини писаны на два или на три тона: re majeur, re mineur, ut majeur, и пр. и пр. Вовсе нѣтъ или есть очень-мало писанныхъ на тоны fa, sol mineur, ut mineur, которые между-тѣмъ такъ хорошо идутъ къ выраженію сильныхъ и мрачныхъ страстей. Говорятъ, что эти, его любимые тоны, съ ихъ относительными, блестящѣе прочихъ, и тѣмъ простодушно сознаются, что, не умѣя выгодно пользоваться средствами, предлагаемыми наукою, онъ принужденъ выбирать наиболѣе яркіе тоны діапазона и обработывать свои эффекты по даннымъ. Такая спѣшная и экономическая манера свойственна уму, который въ легкости своей ищетъ извиненія лѣности. Прослушавъ одно или два этихъ изящныхъ solo, сопровождаемыхъ шумнымъ tutti и одушевленнымъ crescendo, знаешь наизустъ всѣ прочія. У всякаго автора свой особый характеръ; но можно походить на себя самого, не повторяя себя.

Прежде чѣмъ пойдемъ далѣе, для лучшаго поясненія того, о чомъ собираемся говорить, необходимо, сколь-возможно проще и короче, растолковать, что̀ разумѣемъ мы подъ *музыкальнымъ выраженіемъ*.

Напомнимъ различіе, какое мы полагали выше между *матеріальной* стороною въ искусствахъ и *духовною*. Живопись, говорили мы, представляетъ двѣ стороны: изложеніе или *изображеніе предмета*, и выраженіе *мысли*. Въ музыкѣ матеріальная сторона состоитъ въ сочетаніи звуковъ, котораго результатомъ должно быть пріятное для слуха цѣлое; духовная сторона — въ чувствахъ, какія

музыка выражаетъ, и въ настройствѣ, какое сообщаетъ она душѣ слушающаго. Искать въ какой-бы то ни было мелодіи того или другаго опредѣленнаго ощущенія, было-бы нелѣпостью. Несомнѣнно, что ни аккорды, ни элементы, изъ которыхъ слагается музыкальная рѣчь, сами-по-себѣ не имѣютъ никакого значенія; соединеніе ихъ также никакого не имѣетъ. Но тѣмъ-не-менѣе справедливо, что, не видя въ этомъ искусствѣ ничего иного, кромѣ звуковъ, отвергнемъ все его существованіе: одни звуки также не составляютъ музыки, какъ краски не составляютъ живописи. Итакъ есть, если не рѣзкое, не положительное, не точное, то, по-крайней-мѣрѣ, неопредѣленное и общее выраженіе, слышимое въ піесѣ, даже во фразѣ. Замѣтимъ, что если-бъ этого не было, то названія: *музыкальная рѣчь*, *фраза*, *идея*, *музыкальный стиль*, были-бъ словами, лишенными смысла; а между-тѣмъ языкъ освятилъ ихъ употребленіе.

Музыкальное выраженіе можно уподобить тому, которое возникаетъ изъ цѣлаго какой-либо фигуры и опредѣляетъ физіономію гораздо-больше, чѣмъ опредѣляетъ ее разсмотрѣніе каждой черты порознь. Литературное и поэтическое выраженіе весьма-часто также выходитъ больше изъ цѣлаго піесы, нежели изъ прямаго смысла каждаго слова. Итакъ, языкъ того музыканта наиболѣе выразителенъ, который обращается больше къ душѣ, нежели къ слуху, и котораго звуки находятъ отголосокъ въ глубинѣ сердца.

Чтобы музыкальное выраженіе было полно, къ нему должны присоединяться слова. Это свѣтъ, озаряющій предметы и дающій имъ жизнь. — Слово дополняетъ также и выраженіе физіономіи, дотолѣ неверное и неопредѣленное. Но чтобы выраженіе было истинно, музыка должна совершенно гармонировать со смысломъ словъ. И вотъ чего нельзя никакъ простить Россини: во множествѣ мѣстъ у него смыслъ словъ разнорѣчитъ съ музыкою. Извѣстно, до какой степени пренебрегалъ онъ приличіями сцены, и, по мнѣнію нашему, одна изъ величайшихъ его погрѣшностей состоитъ въ томъ, что онъ приучилъ насъ къ такимъ поразительнымъ противорѣчіямъ между выраженіемъ и сюжетомъ, столь-же неестественнымъ, сколько безвкуснымъ.—Насъ упрекнутъ за то, что говоримъ о недостаткахъ Россини, не приводя примѣровъ; но мы поставили себѣ за правило обращаться больше къ свѣтскому человѣку, чѣмъ къ музыканту. Не можемъ однако не остановиться на прекрасной интродукціи въ *Моисеѣ* и слѣдующемъ за нею хорѣ. Замѣтимъ даже, что тутъ, въ частомъ возвращеніи къ фразѣ, повторяемой на два разные минорные тона, есть господствующая мысль грусти, отлично-выражающая изнеможеніе, въ какомъ сте-

наетъ Іудейскій народъ. Никогда, можетъ-быть, этотъ геніальный человѣкъ не возвышался до такой чистоты, благородной простоты пѣсенъ, до такого древняго и торжественнаго оттѣнка, какіе умѣлъ онъ разлить въ этой части своего творенія. Вся эта сцена и прибытіе Моисея высоко-изящны. Но кто, нелишенный ума и вкуса, не разочаруется, когда во-время благодарственнаго хора, за тѣмъ слѣдующаго, со скрипокъ слышится *польскій* въ тонѣ la mineur? Этотъ польскій (ничто другое, какъ польскій, и надо прибавить, что изъ него сдѣланъ контрдансъ), говорятъ, чрезвычайно-хорошъ; извиненіе недостаточно: здѣсь-то онъ не кстати. А между-тѣмъ, вкусъ нынче таковъ, что, еслибъ выкинуть эту часть, первый актъ показался-бы, пожалуй, скучнымъ: такъ устроены наши нравы.

Справедливость требуетъ сказать наконецъ, что, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, никто не выкупалъ ихъ столькими достоинствами; что даже достоинства эти такъ велики и такъ многочисленны, что часто заставляютъ забывать недостатки; что самые строгіе знатоки чувствуютъ себя невольно увлеченными волшебствомъ искусства, и не сильны устоять противъ обольщенія. Надо сознаться, что никто не превзошелъ Россини въ разумѣніи сценъ, въ знаніи пѣнія, въ употребленіи украшеній и роскоши аккомпаньементовъ. Въ его рукахъ, оркестръ—хамелеонъ, протей, облекающійся во всѣ формы, принимающій всѣ физіономіи. Тутъ все ясно, въ совершенствѣ расположено, распредѣлено. У всякаго инструмента есть свой языкъ; одни басы играютъ тутъ недостойную ихъ роль.

Вольтеръ, одаренный необыкновеннымъ умомъ, очень-хорошо понималъ, что желавшему стать на ряду съ Корнелемъ и Расиномъ надлежало имѣть геній, подобный или равный генію этихъ двухъ страшныхъ соперниковъ.—Въ-слѣдствіе того онъ избралъ смѣшанный родъ: не обладая ни силою зачатія (концепіи) и высокостью чувствованій одного, ни глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца другаго, онъ прибѣгнулъ къ спектаклю на сценѣ, преувеличенію въ характерахъ и декламаціи въ слогѣ. Онъ принялъ за правило, что надо *быть не столько вѣрно, сколько сильно*. Не думаемъ, чтобы кому-нибудь изъ почитателей Россини пришло въ голову оспаривать, что онъ часто, иногда даже вопреки истинѣ, держался правила *быть сильно*. Впрочемъ здѣсь не мѣсто упрекать его за многочисленныя неправильности. Непріятно было-бы пересчитывать у него ошибки противъ гармоніи, которыя онъ дѣлывалъ всего чаще; остановимся только на рѣзкихъ чертахъ сходства. Россини не такъ глубокъ, чтобы найдти природу въ глубинѣ ду-

ши. Его мелодіи отличаются не столько выраженіемъ и истиною, сколько украшеніями и правильнымъ покроемъ. Россини въ совершенствѣ знаетъ искусство; Корнель и Расинъ говорятъ; Вольтеръ декламируетъ; Россини заставляетъ своихъ актеровъ пѣть, точно также, какъ Вольтеръ заставлялъ своихъ декламировать. Глюкъ, Моцартъ, Мегюль, наконецъ творецъ *Весталки*, находили пѣснь сердца; Россини, надо признаться, всего чаще находилъ только пѣснь ума.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что публика Россини приписывала этому композитору заслугу новаго шага въ искусствѣ, точно также, какъ публика Вольтера находила въ своемъ поэтѣ заслугу распространенія трагическаго искусства; ибо эти два знаменитые человѣка, каждый въ своемъ родѣ, обладая въ высшей степени достоинствами второстепенными, не въ одинакой мѣрѣ отличались главными достоинствами. И тотъ и другой совершенно какъ-будто созданы были для умовъ, судящихъ только по наружности, и дилеттанты нашего времени не знали инаго идола, кромѣ Россини, подобно какъ остроумцы осьмнадцатаго вѣка провозглашали Вольтера «побѣдителемъ двухъ соперниковъ, царствовавшихъ на сценѣ.»

Должно присовокупить, что Россини больше, чѣмъ кто другой, нуждается въ образцовомъ выполненіи. Именно на это, можетъ-быть, не обращаютъ надлежащаго вниманія, составляя себѣ понятіе о славномъ композиторѣ. Притомъ-же музыка Россини отнюдь не для всѣхъ. У него слишкомъ-много вычуръ, чего-то такого, что̀ слишкомъ-далеко отъ простоты; онъ черезъ-чуръ *искусственъ*. Въ этомъ отношеніи, онъ можетъ быть усвоенъ извѣстнымъ классомъ любителей, но едва-ли когда будетъ общею собственностью. — Сверхъ-сего неоднократно было замѣчено, что во всѣхъ почти операхъ Россини красоты являются въ обиліи при началѣ, и становятся все рѣже и рѣже къ концу. Это можно объяснить во-первыхъ тѣмъ, что онъ писалъ слишкомъ-поспѣшно, а во-вторыхъ, что онъ, слишкомъ-сильно возбуждая чувства, скоро притупляетъ ихъ дѣятельность.

Понятно, что тѣ, кто не слыхалъ всего чистаго, истиннаго, меланхолическаго въ Моцартѣ; кто не выразумѣлъ этого стиля, въ простотѣ своей неупадающаго до низкости, въ благородствѣ не доходящаго до эмфаза, этой музыкальной рѣчи, равно чуждой длиннотъ и пропусковъ; понятно, что тѣ, болѣе чувствительные къ блеску пѣсенъ, къ шуму аккомпаньемента, словомъ, къ матеріальной сторонѣ искусства, провозгласили превосходство Россини надъ Моцартомъ. Замѣтимъ на этотъ счотъ, что всѣ авторы, къ

какому-бы они роду ни принадлежали, въ чьихъ твореніяхъ есть то, что̀ называется меланхоліей, оцѣниваемы были гораздо-позже авторовъ, неимѣющихъ этого качества. Причиною служитъ здѣсь то̀, что меланхолія, которая не есть смѣхъ сердца, но глубокое чувство, раждающееся въ человѣкѣ отъ пламеннаго стремленія къ безконечному благу, которымъ онъ, по слабости своей природы, не можетъ обладать, а о которомъ можетъ только мечтать, — это чувство вовсе не совмѣщается съ поверхностными и блестящими качествами, которыя сначала плѣняютъ, но скоро утомляютъ.— Впрочемъ, подобное замѣчаніе не идетъ къ Россини. *Отелло*, *Моисей*, доказываютъ, что онъ въ значительной степени обладаетъ этимъ качествомъ; зачѣмъ выказалъ онъ его только въ двухъ или трехъ операхъ?

Чѣмъ кто глубже по мысли, тѣмъ меньше тотъ успѣваетъ на театрѣ, особливо въ теперешнее время. Такова участь напр. Моцарта. Между-тѣмъ оперы Россини непремѣнно надобно слушать на сценѣ; оперы Моцарта читать въ партитурѣ. Оперы Россини, исполняемыя съ аккомпаньементомъ фортепіано, теряютъ чрезвычайно-много; и если Россини въ концертахъ превосходитъ всякаго другаго композитора, то по тому, что воображеніе, уже разогрѣтое очарованіями представленія, любитъ припоминать ихъ себѣ, а могущество воспоминанія нигдѣ такъ невелико, какъ въ музыкѣ.

Каково-бъ ни было развитіе, полученное драматическою музыкою въ рукахъ Россини, нельзя рѣшительно сказать, чтобъ онъ подвинулъ искусство впередъ. Для того, ему надлежало-бы усовершенствовать въ равной мѣрѣ всѣ его стороны. Но онъ оставилъ нѣкоторыя стороны вовсе безъ вниманія; и если творенія его еще кажутся въ глазахъ мало-опытныхъ людей исполненными новости, то нужно вглядѣться попристальнѣе и вполнѣ будетъ, что новость у него состоитъ только въ замѣнѣ прежнихъ способовъ иными легчайшими, или даже преувеличенными, каково напр. искусство аккомпаньементовъ, которые онъ сдѣлалъ уже слишкомъ-шумными. Фетисъ открылъ, что кажущееся для насъ новымъ въ Россини только заимствовано имъ у прочихъ итальянскихъ композиторовъ. Неутѣшительно было этимъ господамъ трудиться для чужой славы, не могши утвердить собственной столь-же блестящимъ образомъ.

Не станемъ упрекать современниковъ Россини въ излишнемъ расточеніи похвалъ ему: это значило-бы не знать людей и власти, какую пріобрѣтаетъ надъ ними всякое превосходство. Находимъ только то̀ удивительнымъ, что ученые не полагали почти никакихъ границъ своимъ похваламъ, и что предубѣжденіе въ пользу человѣка ослѣпляло ихъ на-счотъ погрѣшностей школы, имъ создан-

ной. Кастиль-Блазъ, у котораго нельзя оспорить большаго вкуса и большихъ свѣдѣній, былъ очень-взыскателенъ къ Гретри и очень-снисходителенъ къ Россини. — А между-тѣмъ, Гретри, при всѣхъ недостаткахъ, умѣлъ содѣйствовать благопріятному перевороту, готовившемуся, въ его время, въ театральной музыкѣ; тогда-какъ Россини, не-смотря на свои достоинства, смогъ произвести въ ней только упадокъ, — результатъ, который конечно былъ предвидѣнъ Кастиль-Блазомъ, но на который онъ добровольно закрываетъ глаза, въ пользу своего кумира.

Мы сравнивали музыканта съ поэтомъ; чтобы сдѣлать еще ощутительнѣе истину такого сближенія, не считаемъ неумѣстнымъ представить читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ сужденія о томъ-же самомъ поэтѣ, которыя въ свою очередь примѣнимъ къ музыканту. Отрывки эти принадлежатъ перу де-Бональда *, который, никогда не имѣя притязаній на литераторство, высказывалъ однакожъ литтературныя мнѣнія чрезвычайно-вѣрныя. А для предупрежденія возраженія, что мнѣнія этого писателя не должны имѣть вѣса въ литтературѣ, прибавимъ, что онъ совершенно совпадаетъ въ мнѣніяхъ съ Вильменомъ, говорящимъ о Вольтерѣ тоже самое въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Сорбоннѣ. Читатели увидятъ справедливость этого примѣненія, если вмѣсто слова *трагедіи* станутъ читать *опера*; *музыка*, вмѣсто *поэзіи*; *слухъ*, вмѣсто *зрѣнія*; *Глюкъ* и *Моцартъ*, вмѣсто *Корнель* и *Расинъ*; наконецъ *Россини*, вмѣсто *Вольтеръ*.

«Рано догадался Вольтеръ, что для успѣха передъ толпою (а подъ этимъ названіемъ можно, смотря по времени, разумѣть и знатныхъ наравнѣ съ незнатными), должно, по его собственному выраженію, бить нестолько *вѣрно*, сколько *сильно*, особливо-же бить часто; не столько освѣщать, сколько ослѣплять.

«Вольтеръ блистательно явился въ трагедіи... Онъ выступилъ на это поприще въ началѣ вѣка, и умы тогдашнихъ Французовъ въ первомъ пылу литтературныхъ наслажденій, больше нашего чувствительные къ наслажденію трагедіею, послѣ другихъ нестоль-удачныхъ опытовъ, думали видѣть наконецъ въ одномъ Вольтерѣ оживши хъ Корнеля и Расина, которыхъ творенія, такъ-сказать, истомили удивленіе, не насытивъ его; и подлинно, надо сознаться, что если Вольтеръ не могъ замѣнить собою двухъ великихъ поэтовъ, то имѣлъ все нужное, чтобъ ихъ *дублировать*, говоря техническимъ театральнымъ словомъ.

«Думаю однако, что строгій Боало, поразившій въ первомъ ко-

* Mélanges de Bonald, т. I.

микѣ своего времени и всѣхъ временъ избытокъ комизма и шутку, простертую до фарса, осудилъ-бы въ трагедіяхъ Вольтера излишество трагизма... Людей не должно забавлять чувствами, или точнѣе, ощущеніями, которыя становятся сущими терзаніями и преступаютъ мѣру нашей чувствительности; а трагедія Вольтера, часто романическая по дѣйствію и напряженная по чувствованіямъ, воспламеняетъ воображеніе и притупляетъ чувствительность, подобно крѣпкимъ напиткамъ, которые горячатъ кровь и ослабляютъ нервы.

«Очарованіе, какимъ облечены его піесы въ представленіи, не всегда удерживается при чтеніи.

«Онъ своимъ примѣромъ сдѣлалъ сочиненіе трагедій легче прежняго, а искусство совершенствуется не такъ. Онъ есть великій трагическій поэтъ, но ни мало не подвинувшій впередъ трагическое искусство, ибо до него оно во всѣхъ частяхъ своихъ разработывалось успѣшнѣе. Характеръ генія есть идти впередъ, а не стоять на одномъ мѣстѣ.

«Вольтеръ сочинялъ свои трагедіи силою ума... Голова его разгорячалась; сердце оставалось холодно... Сверхъ-того онъ писалъ слишкомъ-спѣшно. Ему хотѣлось, во что-бы то ни стало, наслаждаться при жизни всей своей славою; а вообще тѣ, кто такъ настойчиво и нетерпѣливо добивается славы у современниковъ, мало надѣются на потомство. Вольтеръ былъ или, лучше сказать, обладалъ геніемъ своего вѣка, и вѣкъ, создавшій его, колѣнопреклонился предъ своимъ твореніемъ.

«Вольтеръ произвелъ переворотъ въ драматическомъ искусствѣ; онъ гораздо-болѣе желалъ быть представляемымъ, нежели читаемымъ, и даже принялъ за правило не столько *бить вѣрно* для людей образованныхъ, сколько *бить сильно* для толпы. — Въ его піесахъ слишкомъ-много машинъ и шуму.»

«Нынче играютъ Корнеля и Расина вольтеровыми актерами и въ его духѣ; можетъ-быть, у насъ нѣтъ уже *діапазона* этихъ двухъ великихъ мастеровъ, и мы разъигрываемъ ихъ музыку на иной ладъ и инымъ тономъ.

«Вольтеръ, больше чѣмъ кто-либо другой, могъ-бы обойдтись безъ сценическихъ прикрасъ; но онъ подалъ примѣръ дѣйствовать сильно на внѣшнія чувства зрителя, и примѣръ этотъ сдѣлался заразителенъ, ибо сочинять трагедію съ *перспективами* и *костюмами* легче, и скорѣе можно поставить на театръ десятокъ машинъ, нежели создать одинъ характеръ.»

Заключимъ самою поразительною чертою сходства:

«Вольтеръ увлекъ слабоумныхъ неслыханною дотолѣ смѣлостью

мнѣній; онъ обольстилъ свой народъ и Европу презрѣніемъ, какое провозглашалъ ко всему, что они полагали дотолѣ во-главѣ ихъ вѣрованій и постановленій. Впервые увидѣли, что писатель, едва кончивъ курсъ, объявляетъ совершенную независимость всѣхъ принциповъ, не удостоиваетъ вступать въ разсужденія съ народами и вѣками, но, опираясь на авторитетъ своего молодаго ума, клеймитъ насмѣшкою, какъ *дѣло рѣшоное*, вѣрованія, наиболѣе уважаемыя у просвѣщеннѣйшихъ народовъ.»

Послушаемъ теперь ученаго профессора музыки, Фетиса, котораго слова надо разобрать:

«Руководимый независимостью генія, благопріятствуемый стремленіемъ вѣка, который любитъ переизслѣдовать все, что казалось прежде доказаннымъ, Россини, стряхнулъ иго всякихъ преградъ, даже тѣхъ, можетъ-быть, которыя полагалъ ему собственный слухъ, и пустился по пути, діаметрально-противоположному пути его предшественниковъ. Одаренный счастливымъ геніемъ, творящимъ прекрасныя пѣсни, увѣренный въ эффектахъ, какіе хочетъ производить, онъ простираетъ до цинизма презрѣніе къ правиламъ порядка интерваловъ, правиламъ модуляціи и множеству другихъ пунктовъ схоластическаго ученія.»

Поспѣшимъ сказать, что серьёзно нельзя ставить Россини въ вину того, что онъ слѣдовалъ вкусу вѣка. — Если кому-либо позволительно сообразоваться съ духомъ времени, то ужъ конечно музыканту. Требовать отъ композитора, который не есть ни моралистъ, ни философъ, и который пуще всего долженъ заботиться о своей репутаціи, чтобъ онъ сталъ въ явное противорѣчіе съ своимъ вѣкомъ, и шолъ-бы противъ его стремленія, рискуя пасть, когда притомъ онъ увѣренъ, что, слѣдуя путемъ вѣка, очаруетъ его и увлечетъ, — значитъ быть черезъ-чуръ *требовательнымъ*. Самый смѣлый геній не отважится на это.

Тысячу разъ предлагали вопросъ, точно-ли у Россини есть геній? Жалки тѣ, кто отказываетъ въ геніи человѣку, который создалъ арію *Клеветы* (въ Севильскомъ цирюльникѣ), который *Отелло*, *Дездемонѣ* вложилъ такіе страшные и такіе потрясающіе голоса, который явился столько граціозенъ, столь обиленъ въ *Gazza*, *Cenerentola*, *Donna del Lago*, столько драматическимъ въ *Танкредѣ* и *Семирамидѣ*. Наконецъ мы знаемъ, что если важный, медленный и спокойный ходъ предшествующихъ столѣтій давалъ нѣкогда людямъ больше вліянія на ихъ время, то нынче движеніе такъ быстро, что самые мощные умы не могутъ стать во главѣ вѣка и сообщить ему то или другое направленіе, не согнувшись предварительно сами передъ нимъ и не принявъ отъ него сами какого-нибудь на-

правленія. Итакъ, не осуждая Россини за избранную имъ дорогу, мы станемъ искать только факта, станемъ разсматривать систему, а не человѣка. Охотно признаёмъ, что въ твореніяхъ Россини есть вещи превосходныя. — Но взглядимся пристальнѣе: эти перворазрядныя красоты не принадлежатъ роду, имъ принятому. Онѣ суть собственность только одного Россини, а потому мы порицаемъ нестолько его самого, сколько его школу.

Отсюда видно, какъ опасно судить о школѣ по тому, кто ее создалъ. Такъ-какъ основатель школы всегда бываетъ неоспоримо даровитый человѣкъ, то, натурально, рискуешь приписать школѣ достоинство, вполнѣ принадлежащее лишь ея-творцу. Взгляните на большую часть системъ, ходившихъ по свѣту: существованіе каждой не длилось долѣе періода жизни одного человѣка, именно — ея основателя. По смерти его, школа напрасно силится его пережить, и нерѣдко бываетъ, что система, изобрѣтатель, его имя, поглощаются одной и той-же струею забвенія.

Если-бы школа Россини была столько-же блестяща, какъ его музыка, столь-же обильна, какъ его геній, хотя-бъ она и не была чужда порицанія во многихъ отношеніяхъ, мы отнюдь-бы на нее не роптали. Но, подобно всѣмъ новымъ теоріямъ, она заслуживаетъ порицаніе за то, что не можетъ ничего создать сама-по-себѣ, и еще больше за то, что убила вкусъ къ существовавшему прежде нея. Впрочемъ, надобно сказать правду, что она уже не возбуждаетъ прежняго энтузіазма. Уже этотъ соблазительный родъ сдѣлался скучнымъ въ рукахъ подражателей. Между ними есть люди съ талантомъ; нужды нѣтъ. Воображеніе ихъ съ трудомъ влачится по тѣснымъ колеямъ. Ихъ композиціи, лишенныя силы и оригинальности, составляютъ не столько подражанія, сколько холодныя копіи съ твореній, въ которыхъ, по-крайней-мѣрѣ, нельзя не признать большаго ума и одушевленія. Все свидѣтельствуетъ, что искусство, рѣшительно, совмѣстилось въ геніи одного человѣка. Прекрасно, конечно, основать школу, и, глядя на произведенія, изъ нея вышедшія, быть въ состояніи сказать, какъ о собственныхъ образцовыхъ твореніяхъ: вотъ мое созданіе! Но наступаетъ время, когда самыя эти образцовыя творенія нравятся не больше карикатуръ копистовъ. Тутъ копіи, въ свою очередь, дѣйствуютъ отчасти на ихъ образецъ, который нѣсколько времени осѣнялъ ихъ своей славою. И теперь публикѣ, для которой все дѣлалось, столько-же хладнокровной, сколько прежде была восторженною, столь же измѣнчивой въ своихъ вкусахъ, какъ искусство въ своихъ формахъ, наскучаетъ уже родъ, который истощился и падаетъ самъ-собою, представляя любопытству, вѣчно алчущему новаго, только

безвкусную пищу. Между-тѣмъ, истинное преданіе утратилось; хорошая инструментальная музыка покинута; соната, больше чѣмъ когда-либо докучная, уступила мѣсто *фантазіи* и *капризу*, и услышать квартетъ Гайдна или Моцарта, стало нынче такою-жъ рѣдкостью, какъ увидѣть на сценѣ *Ифигенію въ Авлидѣ* или *Цинна*.

Довольно-оригинально, что таковы плоды системы, которая освобождаетъ геній отъ всякаго рода принужденія и освящаетъ даже самые безпорядки воображенія. А какъ родъ этотъ находитъ много подражателей,— потому-что онъ самый легкій — то, натурально, онъ становится общимъ; посредственность хватается за него для прикрытія своего безсилія, и истинный талантъ, подчиняясь ему, теряетъ свою энергію. Могло-бы показаться черезъ-чуръ страннымъ, что первые, подавшіе примѣръ абсолютной независимости становятся, въ свою очередь, предметами рабскаго подражанія, еслибъ не было безспорной истиною то, что воображеніе, предоставленное самому себѣ и оторванное отъ освященныхъ опытомъ преданій, гаснетъ въ безсиліи и стѣсняется въ ограниченную сферу. Замѣчательно также, что не слышно о подражателяхъ Моцарта, а извѣстны подражатели Россини: доказательство, что, не удаляясь отъ природы или отъ истины, художникъ всегда сохраняетъ оригинальность, которая есть не иное что, какъ высшая степень натуральности. Самыя оригинальныя, скажу даже — самыя странныя созданія гораздо-больше имѣютъ основанія въ природѣ, чѣмъ эти однообразныя произведенія, представляющія, въ столь превосходно-классической степени, сборъ всѣхъ общихъ качествъ. Итакъ, кто станетъ подражать природѣ, тотъ будетъ творить, тогда какъ тотъ, кто захочетъ творить по чьему-либо образцу, станетъ только подражать. Оттого-то считалось всегда за постоянное, непреложное, всеобщее правило, что *искусства имѣютъ цѣлію подражаніе природѣ*: правило истинное, хотя выраженное, можетъ-быть, нѣсколько неопредѣленно; ибо слѣдовало-бы объяснить, что есть двѣ природы, духовная и физическая, и что языкъ, говорящій душѣ, разумѣнію, неоспоримо, благороднѣе и могущественнѣе языка, говорящаго просто чувствамъ; что отъ выбора этихъ двухъ предметовъ подражанія, зависятъ натурально характеры *красоты духовной* и *красоты физической*, которые не встрѣчаются въ равной степени въ памятникахъ всѣхъ народовъ, и которые бываютъ сообразны съ успѣхами народа въ наукахъ физическихъ и нравственныхъ. Но дѣло не въ томъ. Несомнѣнно только, что природа должна быть постоянной цѣлію, къ которой надлежитъ стремиться, и которой нельзя достигнуть иначе, какъ слѣдуя этимъ непреложнымъ правиламъ, то-есть, этимъ главнымъ истинамъ, которыя

суть не иное что, какъ развитіе естественныхъ законовъ въ примѣненіи къ искусствамъ.

Мы видѣли Россини такимъ, каковъ онъ есть на-самомъ-дѣлѣ, во всей его послѣдовательности, если можно такъ выразиться; видѣли его повинующимся стремленію вѣка и съ своей стороны усиливающимъ это стремленіе; настоящимъ bel-esprit музыки, жертвующимъ современному вкусу къ прикрасамъ и блесткамъ истинностью положеній; — сложности матеріальныхъ средствъ, чистотою музыкальнаго языка, простотою пѣсенъ; ищущимъ въ музыкѣ *положительнаго*, котораго нынче рѣшено искать во всемъ, что имѣетъ основаніе въ нравственномъ порядкѣ.

Представимъ-же себѣ на минуту этого самого человѣка, со всѣми преимуществами науки, съ его прекраснымъ, обильнымъ воображеніемъ; со всѣмъ, чѣмъ, съ одной стороны, онъ восхищаетъ публику, а съ другой, чего не достаетъ ему для удовлетворенія знатоковъ; представимъ себѣ его заимствующимъ у вѣка только то, что, думаемъ мы, заимствовалъ-бы и самъ Моцартъ, съ независимостью, которой правила, какъ мы ихъ сей часъ опредѣлили, никогда не отнимали у истиннаго таланта; съ мощію, энергіею, которую порождаетъ препятствіе; пользующимся всею властію генія и авторитетомъ имени для борьбы съ своеволіемъ, которое образуется въ систему. Пойдя по этой дорогѣ, онъ, несомнѣнно, нашолъ-бы въ основательности своей славы то, за что не можетъ ему ручаться ея блестящая быстрота.

Посмотрите на германскаго гиганта, чьи импровизаціи, говорятъ, превосходили сочиненія цѣлымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ трудъ отъ вдохновенія, на дивнаго Бетховена, всегда новаго и притомъ всегда одинаковаго, капризнаго, иногда страннаго отъ опасенія повторять себя или походить на другихъ, ученаго, и еслибъ не былъ такимъ, находящаго въ силахъ своего генія пополненіе тому, чего-бъ ему не доставало; угадывающаго, создающаго правила, — правила, которыми онъ шутитъ, никогда ихъ не разрушая, и притомъ неистощимо обильнаго, ничѣмъ неудерживаемаго въ его пылѣ и стремительности.... Это рѣка, бушующая въ берегахъ, которые ее ограничиваютъ. — Иногда онъ переноситъ наше воображеніе въ отвлеченный міръ, и тамъ, подобно Клопштоку, погружаетъ его въ горнія мечтанія. Этотъ необыкновенный человѣкъ пошолъ въ симфоніи дальше Гайдна и Моцарта, потому-что, какъ-бы то ни было, натурально духъ человѣческій движется впередъ, когда не сбивается съ путей, ему предначертанныхъ. — Между-тѣмъ какъ неминуемымъ послѣдствіемъ ошибочной россиніевой системы будетъ упадокъ искусства, что и обнаружилось уже въ Италіи. Въ-заключеніе одна-

кожь мы считаемъ обязанностью присовокупить, что все вышесказанное о Россини и музыкѣ его не касается до *Вильгельма-Телл.* Здѣсь Россини явился истинно-великимъ геніемъ и нисколько не похожъ на самого себя. Это, такъ-сказать, вѣнецъ его славы.

Показавъ сближенія, какія можно дѣлать между людьми, принадлежащими къ различнымъ родамъ искусства, особливо между двумя людьми, которые, каждый въ своей области, произвели одинаковый переворотъ, мы представили новое доказательство существованія связи между обществомъ и искусствами, и общихъ законовъ, ими управляющихъ.

À VIARDOT-GARCIA.

Dream and vision as thou art —
I bless thee with a human hearth.

WORDSWORTH.

Чадо пламеннаго Юга!
О! на долго-ли судьба
Съ нашимъ небомъ, съ нашей вьюгой
Познакомила тебя? —
Изъ-подъ солнца цвѣтъ отрадный
Занесла на Сѣверъ хладный?
Какъ ты сумракъ нашъ своимъ
Посѣщеньемъ усладила!
Гостья дивная! Какимъ
Всю тебя огнемъ святымъ
Сердце Русскихъ полюбило!...
Много съ дальныхъ рубежей
Приносилось къ намъ гостей,
Въ тайны звуковъ посвященныхъ, —
Но какъ ты — никто изъ нихъ
Не видалъ отъ насъ такихъ
Взрывовъ сердца изступленныхъ!
Что изъ благъ своихъ на часть
Небеса землѣ послали;
Въ чомъ такая дышетъ власть,
Въ чомъ и радость и печали
Ищутъ отдыха порой;
Что, смиряя сердца бури,
На него покой лазури
Навѣваетъ, и съ собой
На рубежъ другаго свѣта
Увлекаетъ насъ — все это,

Все въ тебѣ воплощено!
Вся ты — Неба достоянье,
Вся — мелодія! — Дано
Лишь тебѣ очарованье
Оживить такъ идеалъ,
Чувствомъ созданный Беллини.
Ты мечта его. Въ Аминѣ
Онъ тебя воображалъ. —
Вопль души — твоя стихія.
Для тебя онъ неземныя
Эти слезы создавалъ,
Эти пламенныя муки,
Эту нѣгу, эти звуки,
Западающіе въ грудь
Усладительнымъ потокомъ
Такъ глубоко, такъ глубоко!!
Не предчувствія-ли грусть
Изливалъ онъ въ нихъ? Такъ рано,
Дуновеньемъ урагана
Цвѣтъ роскошный пораженъ! —
Кто отъ рока утаится?
О! кто мысли не страшится,
Что тому, кто наделёнъ
Всемъ *прекраснымъ* такъ, — сужденъ
На землѣ удѣлъ непрочный.
Какъ зарницы полуночной,
Гибнетъ слѣдъ его на ней! —
Лаву чувствъ въ душѣ твоей
Пламенитъ огонь священный;
И она-ли не должна
Быть возвышенна, стройна,
Какъ гармонія вселенной?...
Тѣша грезою себя,
За какое-то видѣнье
Любитъ, дивная! тебя
Принимать воображенье.
За какой-то свѣтлый духъ,
За чарующій такъ слухъ
Звукъ плѣнительный, нездѣшній,
Заронившійся на грѣшный
Міръ съ заоблачныхъ равнинъ,
Звукъ божественный! одинъ
Изъ аккордовъ этихъ дивныхъ
На которыхъ гласъ отзывный
Сфера сферѣ подаетъ! —
Столько чаръ и свѣта льетъ

Этотъ голосъ безъименный!
Невещественный металлъ,
Этотъ радужный кристаллъ,
Влагой нѣги освѣженный!
Какъ страсть сердца — сладокъ онъ.
Какъ мечта о Небѣ — полнъ
Такъ мелодіи и свѣта! —
Райской гость! въ далекой край
Не надолго улетай
Ты отъ русскаго привѣта.
Такъ-же тамъ тебя поймутъ;
Такъ-же тамъ тебя оцѣнятъ;
Но, быть-можетъ, не замѣнятъ
Нашей ласки; не дадутъ
Восхищеньямъ волю ту-же.
Русскій весь душой наружѣ.
Дань прекрасному всему
Воздавать онъ любитъ шумно:
Этотъ грохотъ, гулъ безумный
На привѣтъ тебѣ — ему
Свѣтлый праздникъ, — то радушный
Даръ семьи единодушной. —
И умчишься ль къ берегамъ
Ты далекимъ — до свиданья
Лучшимъ благомъ будетъ намъ
О тебѣ воспоминанье. —
Слѣдъ твой съ сердцемъ будетъ слитъ.
Полонъ чарою могучей,
Насъ надолго окружитъ
Міръ знакомыхъ такъ созвучій.
Не прожгли они кого?
Чувствъ въ какой не влили камень
«Incolparne» стонъ и пламень
«Mi abbraccia» твоего?....

г. въ....

6 февраля 1844.

ПАЖИ
ГЕРЦОГА ВАНДОМСКАГО.

—

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Герцогъ Вандомскій.
Графъ Мюре.
Маркизъ Франльё.
Моримонъ.
Викторъ.
Августъ. } Пажи Герцога.
Евгеній. }
Офицеръ.
Г-жа Сенъ-Анжъ.
Элиза, ея племянница.
Пажи.
Свита Герцога.

—

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, въ помѣстьѣ г-жи С. Анжъ.

—

Театръ представляетъ приятную долину. На лѣвой сторонѣ отъ зрителей домикъ въ испанскомъ вкусѣ На правой сторонѣ нѣсколько деревьевъ, между которыми дерновая скамья. — Ночь. — При поднятіи занавѣса слышенъ вдали шумъ сраженія, который скоро утихаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Г-жа Сенъ-Анжъ и Элиза.

СЕНЪ-АНЖЪ. Что?—ничего не видать?
ЭЛИЗА (*вдали.*) Ничего, тетушка... и пальба прекратилась.

СЕНЪ-АНЖЪ. Какая ужасная вещь, эта война!.. Однако войдемъ въ комнату — становится темно и сыро, а герцогъ, вѣрно, такъ поздно не пріѣдетъ.

ЭЛИЗА. Напротивъ, тетушка, въ письмѣ своемъ герцогъ пишетъ, что будетъ къ намъ сегодня. Да и когда военные люди разбираютъ время? Имъ никогда не поздно!

СЕНЪ-АНЖЪ. Да въ письмѣ ничего не сказано вѣрнаго.

ЭЛИЗА. Однако письмо писано Викторомъ, пажемъ герцога.

СЕНЪ-АНЖЪ. Что-жъ изъ этого?

ЭЛИЗА. Пажу должно быть это извѣстно.

СЕНЪ-АНЖЪ. Такъ прочтемъ еще разъ письмо... къ-счастью, луна свѣтитъ такъ ясно.

ЭЛИЗА. Съ удовольствіемъ, тетушка.

СЕНЪ-АНЖЪ (*читаетъ*). «Любезная, г-жа Сенъ-Анжъ!.. (*Элизѣ*) Герцогъ давно знакомъ со мною... (*читаетъ*)» Я надѣюсь встрѣтиться съ непріятелемъ завтра и въ вашихъ окрестностяхъ дать сраженіе...

ЭЛИЗА (*читаетъ украдкою другое письмо, которое вынула изъ кармана*) «Милая Элиза! завтра мы разобьемъ непріятеля...

СЕНЪ-АНЖЪ (*читаетъ*). «И съ помощью Божіею, останемся побѣдителями.

ЭЛИЗА (*читаетъ*). «Въ шесть часовъ дѣло будетъ кончено...

СЕНЪ-АНЖЪ (*читаетъ*). «Пользуясь нѣсколькими часами отдыха, «который я далъ войскамъ моимъ — пишу къ вамъ, чтобъ засви«дѣтельствовать вамъ мое уваженіе...

ЭЛИЗА (*нѣсколько громче*). «А въ восьмомъ я буду у ногъ ва«шихъ.»

СЕНЪ-АНЖЪ. Какъ? у моихъ ногъ

ЭЛИЗА (*въ замѣшательствѣ*). Да-съ, тетушка... вѣдь мужчина всегда такъ говорятъ дамамъ.

№ 1-й Мужчины всѣ, безъ исключенья,
Чему тутъ удивляться вамъ? —
Приносятъ нынче ужъ почтенье
Всегда у ногъ прекрасныхъ дамъ.

СЕНЪ-АНЖЪ. Ахъ какъ рѣдки такіе любезные мужчины... Да вотъ я ни одного еще у своихъ ногъ не видывала...

Бывало всѣ свое почтенье
Ко мнѣ несутъ, и что-жъ? — войдутъ,
Да въ препочтенномъ отдаленьи
Свое почтенье отдадутъ. —

Сначала это выводило меня изъ терпѣнья, но потомъ я привыкла къ этому. — Впрочемъ посѣщеніе герцога нѣсколько касается и тебя. Отецъ твой, умирая подъ его знаменами, поручилъ ему тебя, и герцогъ постоянно заботится о твоемъ благополучіи. Какъ потомокъ Генриха IV-го, онъ добръ и храбръ, и я увѣрена, что побѣды его возвратятъ намъ отнятое у насъ непріятелемъ.

ЭЛИЗА. Конечно, тетушка, но онъ хочетъ выдать меня за-мужъ за этого несноснаго графа Мюре, а я его терпѣть не могу.

СЕНЪ-АНЖЪ. Что? ты не любишь графа Мюре?

ЭЛИЗА. Терпѣть не могу... онъ такой...

СЕНЪ-АНЖЪ. Какой?

ЭЛИЗА. Ну, старый!

СЕНЪ-АНЖЪ. Пустое, сударыня, онъ знатный человѣкъ и...

ЭЛИЗА (*передразнивая Мюре*). И... слушаю-съ!.. такъ точно-съ.. слушаю-съ... да-съ... слушаю-съ... (*слышенъ шумъ*).

СЕНЪ-АНЖЪ. Что это? ужъ не герцогъ-ли?

ЭЛИЗА. И конечно онъ; я вѣдь вамъ говорила, что Викторъ никогда не ошибется... (*въ-сторону.*) Какое счастіе!.. Я его увижу...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Герцогъ, Мюре, Моримонъ, Маркизъ и Свита Герцога.

ГЕРЦОГЪ (*дамамъ*). Я сдержалъ свое слово... Непріятель былъ такъ любезенъ и вѣжливъ, что позволилъ мнѣ къ вамъ пріѣхать... Правда, что эти господа заставили его быть учтивымъ.

МОРИМОНЪ. Съ такимъ церемоніймейстеромъ, какъ ваша свѣтлость, непріятель по-неволѣ вооружился всею своею вѣжливостью.

ЭЛИЗА (*въ-сторону*). А его нѣтъ съ ними.

СЕНЪ-АНЖЪ. Ваша свѣтлость, можете быть увѣрены, что ни друзья, ни враги ваши не въ состояніи вамъ въ чомъ-нибудь отказать.

МЮРЕ (*кланяясь*). Точно-съ, такъ-съ.

ЭЛИЗА. Вся Кастилія полна славою дѣлъ герцога.

МЮРЕ (*тоже*). Точно-съ, такъ-съ.

ГЕРЦОГЪ. Полно, милая Элиза... Господа! мы всѣ исполнили долгъ нашъ! Графъ Мюре! Король жалуетъ васъ въ генералъ-лейтенанты.

МЮРЕ (*кланяясь*). Точно-съ... (*оправясь и съ другими поклонами.*) Слушаю-съ, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. Вы, маркизъ, назначены губернаторомъ Кастиліи,

такъ постарайтесь, чтобъ Кастильцы забыли, что ими начальствуетъ чужестранецъ.

(*Маркизъ кланяется*).

ГЕРЦОГЪ. А ты, мой храбрый Моримонъ...

МОРИМОНЪ. Мнѣ ничего!

ГЕРЦОГЪ. Какъ ничего!

МОРИМОНЪ. Пятнадцать лѣтъ я имѣю счастіе быть вашимъ другомъ и товарищемъ въ сраженіяхъ... Вы взяли двухъ сыновей моихъ, одинъ уже пажомъ при вашей свѣтлости, другой на ваканціи. Въ Германіи я потерялъ за васъ руку, въ Италіи глазъ, въ Испаніи жену — какого чорта еще мнѣ надо!..

ГЕРЦОГЪ. Устроить твое состояніе.

МОРИМОНЪ. Сохрани меня Боже!

№ 2-й. Изъ всѣхъ богатствъ я одного
Богатства чести добивался,
И каждый шагъ свой до него
Я кровью покупать старался.
Одной наградой я горю
Предъ гробовымъ моимъ порогомъ —
Сознаньемъ въ вѣрности Царю
И чистой совѣсти предъ Богомъ!

ГЕРЦОГЪ. Такъ знайте-же, что непріятельскій отрядъ скрылся въ замкѣ Бормидскомъ, въ двухъ миляхъ отсюда; я хотѣлъ сначала поручить вамъ освободить замокъ, и нынѣшнею-же ночью, но потомъ...

МОРИМОНЪ. Я берусь за это, герцогъ...

МАРКИЗЪ. И вы не одни пойдете...

МЮРЕ (*кланялсь.*) Точно-съ, такъ-съ!

ОФИЦЕРЪ (*входя.*) Палатка вашей свѣтлости готова.

ГЕРЦОГЪ. Хорошо! Когда пріѣдутъ пажи мои, то сказать имъ, что я выступаю завтра въ 6-ть часовъ. (*Дамамъ*) Мнѣ хотѣлось самому лично увѣдомить васъ о моихъ стараніяхъ на-счотъ вашего имѣнія. Я послалъ къ непріятельскому главнокомандующему просить объ этомъ и надѣюсь, что онъ исполнитъ мою просьбу. Пойдемте господа!

ЭЛИЗА. Какъ, ваша свѣтлость, вы просите генерала Стангопа...

ГЕРЦОГЪ. Чего-же вы боитесь?

№ 3-й Конечно, врагъ мой лицемѣренъ,
Когда стремлюсь съ оружьемъ я;

Но, вѣрно, долгу будетъ вѣренъ,
Когда вступаюсь за тебя.
И врагъ Элизѣ покорится,
Отбросивъ алчности мечты:
Враговъ оружье преклонится
Передъ оружьемъ красоты!—

(*Герцогъ уходитъ, дамы идутъ въ свой домъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Моримонъ, Мюре.

моримонъ. Такъ мы вмѣстѣ съ тобою отправимся въ Бормидской замокъ?.. И прекрасно! вдвоемъ бить непріятеля веселѣе!

мюре. Точно такъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Викторъ.

викторъ. Ахъ, батюшка!

моримонъ (*обнимая его.*) Извините, господа!.. природа... Чортъ возьми, какъ отъ тебя пахнетъ порохомъ... за это поцѣлуй еще разъ.

викторъ. Да; мы порядочно обкурились.

моримонъ. И даже ты черезъ-чуръ неосторожно вмѣстѣ съ братомъ бросался въ опасности.

викторъ. Надо-же отличиться...

моримонъ. Одному броситься на батарею...

викторъ. А что-жъ тутъ страшнаго?

моримонъ. Господа! Увидите, что этотъ шалунъ прежде меня будетъ маршаломъ.

викторъ. Тогда я васъ возьму въ адъютанты, уничтожу аресты, буду платить долги пажей и позволю имъ жениться, когда и на комъ хотятъ.

моримонъ. Жениться? Эге!... да нѣтъ-ли братъ ужъ и у тебя любовишки на-умѣ?

викторъ. У меня?... можете быть покойны.

моримонъ. Тѣмъ-лучше! Ну, герцогъ позволяетъ вамъ отдохнуть въ деревнѣ шесть часовъ, воспользуйтесь этимъ. А я, чтобы поспокойнѣе уснуть, выгоню непріятеля изъ Бормиды. Ну, прощай!... Ступай къ товарищамъ... прощай, спи спокойно.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Викторъ (*одинъ*).

Наконецъ они меня одного оставили (*радостно*) Я одинъ!... и цѣлые шесть часовъ! однако не надо терять ни минуты... Чтобы лучше и скорѣй найдти случай видѣться съ Элизою, расположимъ нашъ лагерь здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ... именно! (*кричитъ въ кулисы*) Эй!.. господа!... Гдѣ вы? Ступайте сюда... Что? Сюда?... Только вотъ что, если герцогъ.... о, да нѣтъ: онъ усталъ и, вѣрно, сегодня не будетъ ходить рундомъ, а господина моего соперника я не боюсь... ему покровительствуетъ герцогъ, а мнѣ сама Элиза, онъ вельможа-я пажъ—стало, я долженъ выиграть!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Викторъ, Августъ, Эвгеній, Пажи (*Они тащатъ все нужное, чтобы разбить палатку. Августъ и Евгеній несутъ непріятельскія знамена*).

викторъ. Куда вы пропали? Ступайте скорѣй!

ХОРЪ ПАЖЕЙ.

№ 4. Ла, ла, ла, ла, ла, ла, давайте рѣзвиться,
Пажамъ-ли остаться теперь безъ затѣй?
Свистъ ядеръ, звонъ сабель пускай замѣнится
Веселою пѣснью и шумомъ пажей.
Война уже взвѣсила наши награды,
Такъ шалости тоже сюда на вѣсы,
Красоткамъ нѣтъ спуску — цѣлуй безъ пощады, —
Мужьямъ и ревнивцамъ наклеимъ носы!

викторъ. Да что вы, перестанете сегодня или нѣтъ? Мы всего здѣсь на шесть часовъ, надо и отдохнуть.... я смертельно спать хочу.

августъ. Такъ ты здѣсь думаешь раскинуть палатку?

викторъ. Разумѣется, —чудесное мѣсто: взгляните, эти деревья, поле, этотъ домикъ... ручекъ журчитъ... романическое мѣстоположеніе.

августъ. Очень-нужно твое романическое мѣстоположеніе, для того, чтобъ спать.

викторъ. Все-равно... и спать гораздо-пріятнѣе... Давайте-же

ставить палатку. (*вколачиваютъ колья*). Ну, теперь маршъ на деревья укрѣпить кольца.

ВСѢ. Хорошо! хорошо! (*вплзаютъ на деревья и привязываютъ кольца*).

ВИКТОРЪ. А знаете что?... вотъ эту-бы сторону совсѣмъ приподнять.

АВГУСТЪ. Это зачѣмъ?

ВИКТОРЪ. Гораздо-свѣжѣе... не душно... да и я люблю утромъ наслаждаться природой.

ВСѢ. Какой вздоръ!

АВГУСТЪ и ЕВГЕНІЙ. И солнце тебя разбудитъ.

ВИКТОРЪ (*показывая на окно Элизы*). Если оно взойдетъ оттуда, я буду очень-радъ.

ЕВГЕНІЙ. Не достаетъ ковра, чтобъ еще спокойнѣе уснуть.

ВИКТОРЪ. Ковра? (*беретъ знамена и ставитъ ихъ къ палаткѣ*). Вотъ вамъ коверъ!

(*Разстилаютъ знамена въ палаткѣ и ложатся*)

ЕВГЕНІЙ. Прощайте, господа!

АВГУСТЪ. Спокойной ночи!

ВИКТОРЪ Спокойной ночи! (*остается у входа*). А я немного побуду. (*Въ-сторону*). Они устали и скоро заснутъ... какъ-бы дать знать Элизѣ, что я здѣсь... А! стану пѣть... если она не услышитъ, по-крайней-мѣрѣ я ихъ усыплю.

№5. Пажъ на битвы зовъ кровавый
Отъ любви итди спѣшитъ...
Бой оконченъ и со славой
Онъ къ любви своей летитъ.
Но напрасно ждетъ привѣта
И груститъ во тмѣ ночной,
Нѣтъ бѣдняжечкѣ отвѣта
И онъ жаждетъ снова въ бой!

ВСѢ ПАЖИ. Перестань, ты спать не даешь.

ВИКТОРЪ. Сейчасъ перестану...

Вотъ приютъ его прекрасной,
Вотъ родимый уголокъ...
Встрѣчи-жъ нѣтъ подруги страстной
И онъ бродитъ одинокъ!

ПАЖИ (*переговаривались*). Послушай, перестанешь-ли? Надоѣлъ!. дашь-ли ты намъ уснуть? Несносно!... перестань пожалуйста.

ВИКТОРЪ. Хорошо! хорошо! сейчасъ!...

ЭЛИЗА (*отворяетъ окно и поетъ*).

№ 6. Сердце ей само сказало,
Что любезный подъ окномъ,
Только скромность запрещала
Съ нимъ увидѣться тайкомъ.
Какъ онъ шолъ на бой кровавый
Въ бѣдной вся застыла кровь,
И увѣнчаннаго славой
Встрѣтитъ вѣчная любовь!

ВИКТОРЪ. Элиза!... милая Элиза!... Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой минуты.... Теперь я могу сказать вамъ, что я ни на минуту не переставалъ думать объ васъ, обожать васъ.. на бивакахъ, въ сраженіи, даже подъ арестомъ вы были со мною... гмъ!... что-съ?... что вы говорите?... что это? развѣ она не слышитъ... всамомъ-дѣлѣ немножко далеко... на этомъ балконѣ будетъ поближе... маршъ на балконъ! (*влѣзаетъ на балконъ*). Я здѣсь, Элиза!.. Что за чортъ!... что-то свѣтится... да, кто-то идетъ! Герцогъ!... не успѣешь сойти...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИКТОРЪ (*на балконѣ*) ПАЖИ (*спятъ.*) ГЕРЦОГЪ, ОФИЦЕРЪ И СВИТА.

ГЕРЦОГЪ. Посты исправны и я спокоенъ.... это что за палатка?

ОФИЦЕРЪ. Вашихъ пажей, ваша свѣтлость.

ГЕРЦОГЪ. Пажей?... Да кто-же имъ приказалъ? (*Свитѣ*). Вы можете идти господа отдыхать.

ВИКТОРЪ (*въ-сторону*). Онъ остается!

ГЕРЦОГЪ. Я не ошибся... это точно былъ голосъ Элизы.

ВИКТОРЪ. Ужъ не хочетъ-ли онъ здѣсь попѣть?

ГЕРЦОГЪ. Она мнѣ ввѣрена... а какъ знать, можетъ-быть, кто-нибудь изъ этихъ шалуновъ и осмѣлится...

ВИКТОРЪ Ай! ай!

ГЕРЦОГЪ. Впрочемъ, Элиза такъ скромна и умна... а между-тѣмъ я хорошо слышалъ, что она пѣла о любви... неужели сердце ея уже занято?... и мой бѣдный графъ Мюре будетъ?...

ВИКТОРЪ (*въ-сторону, дразня Мюре*). Точно-съ такъ, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. И шалунъ, который ее вызвалъ, вѣрно, недалеко.

ВИКТОРЪ (*въ-сторону*). Правда!

ГЕРЦОГЪ. Не захотятъ-ли они поговорить здѣсь?

ВИКТОРЪ (*скоро*). О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ!

ГЕРЦОГЪ. А пользуясь темнотою... очень...

ВИКТОРЪ. Можно уйдти! (*Сльзаетъ съ балкона и ложится въ палаткѣ*).

ГЕРЦОГЪ (*услыша шумъ*). А! кто-то сошолъ съ балкона... и пробѣжалъ въ палатку. . Это пажъ! Гей! Но что я дѣлаю! Это можетъ повредить доброму имени Элизы! .. Нѣтъ, надо только узнать повѣсу... А это очень-легко... его сердце измѣнитъ ему.

ЭЛИЗА (*смотря въ окно*). Боже мой! Что онъ это хочетъ дѣлать? Бѣдняжка Викторъ!

(*Герцогъ входитъ въ палатку и прикладываетъ руку къ сердцу пажей*).

ГЕРЦОГЪ. Не тотъ... нѣтъ и не этотъ... нѣтъ... (*подходитъ къ Виктору*). А!... вотъ онъ!... по эксельбанту, который я съ него снимаю, завтра можно будетъ узнать и наказать его (*уходитъ и уноситъ эксельбантъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЭЛИЗА (*у окна*). ВИКТОРЪ И ПАЖИ *спящіе*.

ВИКТОРЪ. Покорно благодарю, ваша свѣтлость! Вы мастерски раздѣваете вашихъ пажей!

ЭЛИЗА. Викторъ! Викторъ. Что онъ съ вами сдѣлалъ?

ВИКТОРЪ. Унесъ у меня эксельбантъ... я погибъ!

ЭЛИЗА. Что-же намъ дѣлать?

ВИКТОРЪ. Право не знаю... позвольте... Э! да я обману герцога (*снимаетъ эксельбанты у всѣхъ пажей и прячетъ къ себѣ въ карманъ*). Вотъ и дѣло съ концомъ... Только вы не проговоритесь тетушкѣ и герцогу, и любите меня... вотъ все, чего я прошу.

ЭЛИЗА. А я обѣщаю! (*уходитъ. Слышенъ барабанъ*).

ВИКТОРЪ (*входя въ палатку*). Барабань сколько хочешь — не испугаешь!

(*разсѣтаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПАЖИ, ГЕРЦОГЪ, МЮРЕ.

ГЕРЦОГЪ. Графъ! разбудите пажей! и котораго найдете безъ эксельбанта арестуйте!

МЮРЕ (*кланяясь*). Слушаю-съ, ваша свѣтлость! (*входя въ палатку*). Господа!

ВИКТОРЪ (*вставая*). Вставайте — зовутъ!

ПАЖИ (*становятся передъ палаткою*). (*Мюре*). Что прикажете, ваше сіятельство!

ГЕРЦОГЪ (*осматривая ихъ*). А!... шутка недурна!

МЮРЕ. Котораго прикажете арестовать, ваша свѣтлость?

ГЕРЦОГЪ. Позвольте!...

МЮРЕ (*кланяясь*). Слушаю-съ, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. Какъ вы смѣете явиться ко мнѣ безъ эксельбантовъ?

АВГУСТЪ (*осматривался*). Безъ эксельбантовъ?... Ахъ!

ЕВГЕНІЙ. Что это?

ГЕРЦОГЪ. Господа шалуны! одному изъ васъ хочется обмануть меня, но ему не удастся. Если черезъ часъ вы явитесь опять безъ эксельбантовъ, то всѣ будете разжалованы. Графъ Мюре я зайду къ г-жѣ Сенъ-Анжъ, а вы распорядитесь нашимъ отъѣздомъ.

МЮРЕ (*кланяясь*). Слушаю-съ, ваша, свѣтлость!

ПАЖИ (*Мюре*). Графъ! вы такъ добры и милостивы....

МЮРЕ. Точно такъ, господа!

ПАЖИ. Попросите за насъ.

МЮРЕ. Ваша свѣтлость! Осмѣлюсь спросить васъ о причинѣ такой строгости?

ГЕРЦОГЪ. Графъ! вы, кажется, довольно-разсудительны...

МЮРЕ. Точно такъ, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. Ну, такъ не спрашивайте! (*уходитъ въ домъ*).

МЮРЕ. Господа! я сдѣлалъ что могъ... но герцогъ не дозволилъ мнѣ сдѣлать больше (*уходитъ*).

(*Пажи смѣются*).

ВИКТОРЪ. Друзья мои!... воръ вашъ — я!

ЕВГЕНІЙ. Ты?

ВИКТОРЪ. Да; я влюбленъ въ прелестную дѣвушку; герцогъ засталъ меня, когда я ее дожидался; я убѣжалъ, притворился спящимъ, но біеніе сердца мнѣ измѣнило. — Чтобъ узнать меня, онъ снялъ съ меня эксельбантъ и я не нашолъ другаго средства провести его, какъ снять съ васъ всѣхъ эксельбанты.

ПАЖИ. И прекрасно сдѣлалъ.

ВИКТОРЪ. Прекрасно... однако вамъ всѣмъ грозитъ бѣда... а я не хочу отплатить вамъ такъ за вашу дружбу — вотъ ваши эксельбанты.

АВГУСТЪ. Мы не беремъ ихъ.

ВИКТОРЪ. Но вы подвергаете себя опасности.

ЕВГЕНІЙ. Тѣмъ-лучше.

АВГУСТЪ. Да неужели герцогъ поступитъ такъ строго, какъ говоритъ?

ЕВГЕНІЙ. Право, теперь ему не до насъ.

ВИКТОРЪ Благодарю васъ, друзья мои! Даю вамъ слово не жалѣть себя для васъ, когда понадобится... будьте покойны, я дождусь здѣсь герцога и изобрѣту всевозможныя хитрости, чтобы выпутаться... теперь пожалуйста уйдите отсюда и ждите меня съ добрыми вѣстями.

(*Пажи жмутъ ему руку и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВИКТОРЪ (*одинъ*). Придти черезъ часъ съ эксельбантомъ — или быть разжалованну... не хорошо! какъ-бы... Постой!... да чего лучше... прекрасно!... Теперь, ваша свѣтлость можете сюда пожаловать : я готовъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Герцогъ и Викторъ.

ГЕРЦОГЪ (*выходя изъ дому*). Г-жа Сенъ-Анжъ ничего не знаетъ... надо спросить Элизу... А! ты здѣсь! (*въ-сторону*). Я всегда считалъ этого пажа откровеннѣе другихъ (*въ-слухъ*). Что ты здѣсь дѣлаешь, Викторъ?

ВИКТОРЪ. Я ожидалъ вашу свѣтлость.

ГЕРЦОГЪ (*въ-сторону*). Онъ знаетъ! (*въ-слухъ*). Подойди! — Что тебѣ надо? Ну, въ чомъ дѣло?

ВИКТОРЪ. Я имѣю къ вамъ просьбу, ваша свѣтлость...

ГЕРЦОГЪ. Объ чомъ?

ВИКТОРЪ. Вы нѣсколько разъ удостоивали вашею лестною похвалою — моего брата...

ГЕРЦОГЪ. Ну!

ВИКТОРЪ. Онъ желаетъ имѣть счастіе быть при особѣ вашей свѣтлости... Теперь, когда одинъ изъ пажей вашихъ долженъ лишиться своего званія, я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость принять на его мѣсто моего брата.

ГЕРЦОГЪ. Я-же и обѣщалъ это... а дружба къ твоему отцу ручается въ исполненіи! — Ты можешь сказать ему о моемъ согласіи.

ВИКТОРЪ. Ахъ, ваша свѣтлость... (*въ-сторону*). Этого мнѣ мало! (*въ-слухъ*). Но онъ не повѣритъ мнѣ, ваша свѣтлость, будетъ сом-

нѣваться въ своемъ счастіи... еслибы я могъ представить ему залогъ... еслибы ваша свѣтлость пожаловали мнѣ знакъ отличія вашихъ пажей...

ГЕРЦОГЪ. Ты виноватый!

ВИКТОРЪ. Я, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. И ты просишь эксельбантъ для того, чтобъ сейчасъ съ нимъ ко мнѣ явиться.

ВИКТОРЪ. Ваша свѣтлость... Смѣю-ли я рѣшиться на такую дерзкую хитрость... (*вынимаетъ изъ кармана эксельбантъ*) Вотъ знакъ отличія, который я имѣлъ счастіе получить отъ вашей свѣтлости.

ГЕРЦОГЪ. И ты добровольно снялъ его?

ВИКТОРЪ. Чтобъ спасти товарища.

ГЕРЦОГЪ. А ты знаешь его.

ВИКТОРЪ. Знаю, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. Кто это?

ВИКТОРЪ. Не могу сказать, ваша свѣтлость.

ГЕРЦОГЪ. Я тебѣ приказываю!

ВИКТОРЪ. А дружба моя къ нему запрещаетъ.

Мнѣ испытаніе не ново,
Извольте приказать сейчасъ:
Одно мнѣ герцогское слово,
Вашъ пажъ, пойдетъ на смерть за васъ.
Во всемъ вамъ, герцогъ, подражая,
Какъ вы, ни въ чомъ не измѣнюсь,
И смерть, опасность презирая
Я дружбѣ измѣнить боюсь!

ГЕРЦОГЪ. Хорошо, молодой человѣкъ! — я-бы менѣе сталъ уважать тебя, еслибы ты мнѣ повиновался... возьми и отнеси эксельбантъ твоему брату.

(ЭЛИЗА *выходитъ изъ дому*).

ГЕРЦОГЪ. Элиза! Можетъ быть, отъ нея я узнаю болѣе.

ВИКТОРЪ (*принимая эксельбантъ*). Ахъ! ваша свѣтлость!

(*Убѣгаетъ, показывая Элизѣ эксельбантъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЭЛИЗА, ГЕРЦОГЪ.

ЭЛИЗА (*въ-сторону*). Не боюсь теперь!

ГЕРЦОГЪ. А! я очень-радъ, моя милая, что нашолъ случай пого-

ворить съ вами.... поговорить наединѣ.... Вы ничего не узнали новаго со вчерашняго вечера, какъ я васъ оставилъ?

ЭЛИЗА. Какъ-же, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ (*въ-сторону*). Вотъ и тайна открыта!

ЭЛИЗА. Тетушка разсказала мнѣ всѣ подробности вашего славнаго похода противъ союзниковъ.

ГЕРЦОГЪ. Я очень-благодаренъ вашей тетушкѣ. Но дѣло не о томъ.... Не замѣтили-ли вы сегодня ночью чего-нибудь особеннаго!... и для этого не выходили-ли на балконъ?

ЭЛИЗА. Да, ваша свѣтлость! Зная, что сегодня вы отправитесь къ новымъ побѣдамъ — я вышла посмотрѣть, хороша-ли будетъ погода.

ГЕРЦОГЪ. Благодарю за участіе.... но, смотря на погоду, не видали ли вы еще чего-нибудь?

ЭЛИЗА. Какъ-же, ваша свѣтлость! Я замѣтила ужасную тучу, и испугалась бури, но она скоро совершенно прошла, и союзники....

ГЕРЦОГЪ. Дѣло не о союзникахъ и не о бурѣ.... Вы пѣли сегодня ночью?

ЭЛИЗА. Пѣла, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. А, а!

ЭЛИЗА. Я очень-часто пою, ваша свѣтлость, когда я рада и когда мнѣ весело.

ГЕРЦОГЪ. Чему-же вы такъ радовались?

ЭЛИЗА. Побѣдѣ вашей надъ союзниками.

ГЕРЦОГЪ (*съ сердцемъ*). Это ужъ слишкомъ!.... Я ничего не могу узнать.... Пажи!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЭЛИЗА, ГЕРЦОГЪ, ПАЖИ, МЮРЕ, Г-ЖА СЕНЪ-АНЖЪ,

С. АНЖЪ (*выходя изъ дому*). Что прикажете, ваша свѣтлость?

ГЕРЦОГЪ. Извините меня, я спрашивалъ пажей.

МЮРЕ. Они ожидаютъ приказанія явиться къ вашей свѣтлости!

ПАЖИ (*построясь*). Что прикажете, ваша свѣтлость?

ГЕРЦОГЪ (*осматривая*). Всѣ съ эксельбантами!

АВГУСТЪ. Вы изволили приказать.

ГЕРЦОГЪ (*съ досадой*). Скоро-же нашлась ваша потеря! (*взявъ Виктора за руку.*) Гдѣ вашъ братъ?

ВИКТОРЪ. Передъ вами, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. Гдѣ-же?

ВИКТОРЪ. Въ каждомъ изъ моихъ товарищей.

ГЕРЦОГЪ (*въ сторону*). Какова хитрость! Я сто разъ узнавалъ тайны непріятеля и не могу теперь узнать тайны пажа.... хорошо.... (*притворялсь.*) Мнѣ очень-приятно, господа, видя между вами такую дружбу; но любопытство мое не должно пугать васъ.... я знаю тайну сердца Элизы.

ЭЛИЗА. Боже мой! Неужели!

ГЕРЦОГЪ. Знаю, что она любитъ одного изъ васъ....

МЮРЕ. Но, ваша свѣтлость!...

ГЕРЦОГЪ. Молчите!

МЮРЕ (*кланялсь*). Слушаю-съ ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. Я отыскивалъ того, который нынче ночью былъ на балконѣ, для-того только, чтобъ составить его счастіе.

ПАЖИ (*обрадовавшись*). Викторъ! теперь нечего скрываться!

ВИКТОРЪ (*бросаясь къ ногамъ герцога*). Ваша свѣтлость!....

ГЕРЦОГЪ (*съ гнѣвомъ*). А!.... шалунъ!.... Это ты?

(*Викторъ встаетъ и поспѣшно отходитъ*).

ЭЛИЗА. Ваша свѣтлость!.... Сейчасъ вы изволили быть такъ милостивы ...

ГЕРЦОГЪ (*Мюре*). Слышите, графъ!

МЮРЕ. Кажется, слышу, ваша свѣтлость!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже и Моримонъ.

МОРИМОНЪ. Побѣда! Непріятель бѣжитъ и Кастилія свободна!

ГЕРЦОГЪ (*Моримону*). Я былъ увѣренъ въ этомъ.... Не удастся-ли мнѣ хоть теперь заставить тебя принять награду.

МОРИМОНЪ. Не удастся, Ваша Свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ. А, такъ знай-же.... въ твое отсутствіе сынъ твой сдѣлался виновнымъ противъ законовъ, могъ подвергнуть дурной славѣ имя молодой дѣвушки, мнѣ ввѣренной, обманулъ меня непозволительною ложью, долженъ быть разжалованъ и удаленъ отъ меня навсегда. — Я предлагаю тебѣ его прощеніе.

МОРИМОНЪ. А я не принимаю.... Если мой сынъ виноватъ, долженъ быть наказанъ.

ГЕРЦОГЪ. Какъ? ты отказываешься и отъ этого?

МОРИМОНЪ. Отказываюсь!

ВИКТОРЪ. Ваша Свѣтлость! я не такъ упрямъ, какъ батюшка — я не отказываюсь!

ГЕРЦОГЪ. И я прощаю тебя!

ПАЖИ. Да здравствуетъ герцогъ!

ВИКТОРЪ. Достойный потомокъ Генриха IV!

ГЕРЦОГЪ. Однако, чтобъ впередъ этого, господа, не было! — Г-жа Сенъ-Анжъ, непріятель отступилъ, и всѣ ваши помѣстья освобождены.... соедините этихъ дѣтей, а будущую судьбу ихъ я беру на себя.

ВСѢ. Ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ (*Моримону*). Я не для васъ это дѣлаю.

МОРИМОНЪ. Потому-то я вамъ и не мѣшаю.

ГЕРЦОГЪ. А вы, графъ Мюре, старайтесь впередъ держать вашихъ невѣстъ подальше отъ сосѣдства пажей!

МЮРЕ (*кланяясь*). Слушаю-съ, ваша свѣтлость!

ГЕРЦОГЪ (*Мюре*).

№ 8. Графъ, прошу васъ, не сердитесь,
Самъ не думалъ я никакъ....
Эта пара — согласитесь
Будетъ лучше?....

МЮРЕ (*кланялсь почтительно*). Точно-съ такъ!

ЭЛИЗА (*Мюре*).

Гдѣ любовь взяла участье
Власть не дѣйствуетъ никакъ;
Я надѣюсь, наше счастье
Вамъ приятно?

(*приседая.*)

МЮРЕ (*кланялсь*). Точно-съ такъ!

С. АНЖЪ (*Мюре*).

Изъ чего-бы вы пробились,
И попались на-вѣрнякъ?
Ну, положимъ-бы, женились,
Да и вышли-бъ....

МЮРЕ (*комически*). Точно-съ такъ.

ВИКТОРЪ (*Мюре*).

Вы не думали намедни
Отъ пажа попасть въ просакъ,
Вы не первый, не послѣдній, —
Такъ утѣшьтесь....

МЮРЕ (*махнувъ рукой*). Точно такъ!

ВСѢ ПАЖИ (*выстроившись и приложивъ руки къ шляпамъ*). — *Къ публикѣ.*

Можетъ, мы безъ исключенья,
Всѣ попалися въ просакъ,
И отъ васъ пажи рѣшенья
Ожидаютъ....

МЮРЕ (*приложа руку къ шляпѣ — громко публикѣ*).

Точно-съ такъ!

Перев. Н. КОРОВКИНЪ.

СОЛОВЕЙ.

За горою, въ рощѣ темной,
Соловей, порой, скучаетъ,
Но всегда, къ закату солнца,
Съ поля въ рощу прилетаетъ.

Онъ, подъ-вечеръ, въ этой рощѣ,
Пѣсню дивную заводитъ....
Только, жаль, никто той пѣсни
Въ рощу слушать не приходитъ.

Н. С

ПОЭТЪ.

ПОСВЯЩЕНО М. Н. ЗАВИЛЕЙСКОЙ.

I.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Въ эту ночь, Римъ представлялъ необыкновенную картину. Улицы и площади, всегда пустыя и молчаливыя, теперь кипѣли народомъ; двери домовъ безпрестанно отворялись и выпускали на мостовыя «вѣчнаго города» новыхъ пришельцевъ. Смѣшанный шумъ шаговъ и голосовъ, поднимаясь отъ земли, раздавался въ воздухѣ; но небо было покрыто такими густыми облаками, что не возможно было различить въ этой толпѣ ни одной физіономіи, ни одного отдѣльнаго предмета. Иногда только проѣзжавшій экипажъ или носилки, окруженные людьми съ факелами, быстро разсѣкая толпу, освѣщали ее на мгновеніе. Все смѣшалось въ эту минуту — возрасты, полы и званія. Мужчины, тщательно закутавшись въ плащи, и разговаривая въ полголоса, быстро подвигались впередъ; женщины, влача дѣтей за руки, старались не отставать отъ своихъ мужей и братьевъ.

Съ самаго захожденія солнца, толпы уличныхъ разносчиковъ, съ громкими воззваніями, продавали священныя изображенія, которыя народъ спѣшилъ раскупать съ благоговѣніемъ.

На всѣхъ перекресткахъ, у подножія Мадоннъ, стояли пѣвцы, воспѣвавшіе гимнъ Рождества съ аккомпаньементомъ на мандо-

линѣ. Впрочемъ глубокое благоговѣніе изображалось на всѣхъ лицахъ, какъ-будто всѣ сердца были исполнены одною важною религіозною мыслію, приводившею въ движеніе цѣлое народонаселеніе Рима.

Кто могъ-бы наблюдать въ эту минуту съ какого нибудь возвышеннаго мѣста, тотъ легко замѣтилъ-бы, что эта толпа, составлявшая сначала общую густую массу, стала наконецъ раздѣляться на нѣсколько группъ, которыя все болѣе и болѣе сжимались, стягивались къ одному центру, а центромъ этихъ группъ были церкви. Съ растворенными настежъ дверьми, онѣ, то принимали толпу, то извергали волны свѣта и облака ѳиміама. Однако непрерывный звонъ колоколовъ все еще сзывалъ богомольцевъ, и наконецъ не только церкви наполнились молящимися, но даже паперти, дворы, прилегавшія къ нимъ улицы покрылись колѣно-преклоненнымъ народомъ.

Это въ было полночь 25 декабря 1714 года: всѣ христіане собирались тогда слушать всенощную.

Пока набожное народонаселеніе Рима спѣшило поклониться алтарямъ, много другихъ сценъ происходило въ разныхъ частяхъ города. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа растворились двери палаццо *Sachetti*, находившагося на сѣверной оконечности *Strada-Giulia*, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта великолѣпная улица примыкаетъ къ Тибру. Нѣсколько ливрейныхъ лакеевъ, съ факелами въ рукахъ, выстроились съ верху до низу, по мраморной лѣстницѣ. И въ-слѣдъ за тѣмъ показалась женщина, вся одѣтая въ бѣломъ, цвѣтущая молодостію и красотой. Она величественно сошла по мраморнымъ ступенямъ.

При ея появленіи, молодой человѣкъ, скрывавшійся до того времени за колонной подъѣзда, выставилъ голову; лицо его расцвѣло невыразимой улыбкой счастія и восторга. Молодая женщина сѣла въ богатую карету; два ея всадника стали по сторонамъ ея, и лошади пустились рысью. Не-смотря на скорость отъѣзда, молодой человѣкъ успѣлъ вскочить на запятки кареты и безъ церемоніи сѣлъ между ногъ стоявшихъ тамъ двухъ лакеевъ, которые, сначала удивленные, гнѣвно посмотрѣли на него; но потомъ, лишь только они узнали его, гнѣвъ ихъ обратился въ презрѣніе и жалость.

— *Il cane della signora* (это собака госпожи нашей), сказалъ одинъ изъ нихъ.

Другой отвѣчалъ смѣхомъ на это ругательство, и оба лакея, не думая болѣе о молодомъ человѣкѣ, стали заботиться лишь о томъ, чтобы крикомъ своимъ предупредить несчастія, которыя могли произойти отъ скорой ѣзды экипажа.

Проѣхавъ во всю длину *Strada Giulia* и потомъ быстро повернувъ на-лѣво, карета направила свой путь къ *Monte Capitolino*, на вершинѣ которой стоитъ церковь *Santa Maria d'Ara Celi*.

Въ этотъ день во всѣхъ римскихъ церквахъ существуетъ обычай выставлять находящіяся въ нихъ мощи, а равнымъ образомъ и различныя изображенія яслей, Святаго Семейства и другихъ лицъ, присутствовавшихъ при рожденіи Спасителя. Между-тѣмъ однако толпа преимущественно стремилась къ Капитолію. Впрочемъ, въ этотъ самый день, церковь *Santa Maria d'Ara Celi*, получила въ даръ образъ младенца Іисуса, сдѣланный изъ куска оливковаго дерева, принесеннаго съ Масличной-горы однимъ францисканскимъ монахомъ, нарочно съ этой цѣлью предпринявшимъ путешествіе во Святую землю. Еще и въ наше время, ежегодно въ день Рождества, множество поклонниковъ благоговѣйно восходятъ на колѣняхъ сто-двадцать-четыре ступени *Scala Santa*, ведущія въ церковь, въ надеждѣ получить у этого образа исцѣленіе отъ тяжкихъ болѣзней, или благословеніе на выигрышъ главной преміи въ лотерею, этого главнаго лекарства отъ страшнѣйшей болѣзни —бѣдности.

Тѣснота вокругъ церкви *Santa Maria* была невѣроятная. Кучеръ, видя невозможность добраться до главнаго подъѣзда, повернулъ въ сторону, и карета очутилась у задняго крыльца. Вышедъ изъ кареты, молодая женщина вынула изъ карманы ключъ, которымъ отворила небольшую потаенную дверь, ведущую во внутренность храма; намѣреваясь захлопнуть ее за собою, она увидѣла молодаго человѣка, безмолвно стоявшаго на порогѣ и смотрѣвшаго на нее съ печальнымъ и умоляющимъ взоромъ. Молодая женщина слишкомъ-хорошо поняла эту безмолвную просьбу: ласковая улыбка пробѣжала по лицу ея.

— Ну, войдите, сказала она ему. Потомъ, затворивъ дверь, она прошла въ отверстіе, сдѣланной на подобіе арки въ одной изъ колоннъ церкви, и наконецъ исчезла въ винтѣ мраморной лѣстницы. Молодой человѣкъ со вниманіемъ прислушивался къ шелесту ея платья: наконецъ когда этотъ шумъ замеръ въ высотѣ—онъ опустился на первую ступень лѣстницы и, закрывъ лицо руками, погрузился въ глубокую думу: казалось, онъ былъ чуждъ всего, что дѣлалось вокругъ него.

Въ это самое время, другая сцена происходила на *piazza Colonna*. Тамъ тоже стоялъ палаццо. Окна этого палаццо, великолѣпно иллюминованные, бросали ослѣпительный свѣтъ на проходящихъ и на сосѣдніе домы. Не-смотря на то, что двери дворца были крѣпко заперты, не рѣдко доходили оттуда крики и пѣсни, которые доказывали, что оби-

татели этого великолѣпнаго жилища предавались въ это время занятіямъ вовсе непохожимъ на тѣ, какія были-бы приличны въ такую священную ночь. По-временамъ въ окнахъ были видны тѣни лакеевъ, разносившихъ разныя блюда и бутылки; по-временамъ слышались звуки сладкой, гармонической музыки; потомъ громкій хохотъ, бѣшеные крики... такъ, что народъ, при видѣ этого соблазна, начиналъ роптать; нѣкоторые изъ толпы пожимали плечами; другіе—удаляясь въ ужасѣ отъ этого мѣста, осѣняли себя крестомъ, говоря другъ-другу:

— *Il dannato* (проклятый) веселится; ужъ, вѣрно, быть въ Римѣ дракѣ или убійству въ эту ночь.

Но вотъ ударила наконецъ полночь. Духовенство церкви Santa Магіа, въ золотыхъ митрахъ, вышло изъ ризницы и окружило алтарь. Благоговѣйное вниманіе овладѣло толпой, до-тѣхъ-поръ шумной и разсѣянной. Служба началась.

Это мѣсто, этотъ часъ, это торжественное пѣніе, раздававшееся посреди облаковъ ѳиміама, однимъ словомъ, эта важность богослуженія — шевелили душу Италіянцевъ, отъ природы настроенныхъ къ религіи. Колѣнопреклоненные, съ выраженіемъ кротостя на челѣ, съ руками крестообразно сложенными на груди, — присутствовавшіе, казалось, были глубоко проникнуты величіемъ совершаемаго предъ ними обряда. Вдругъ громовые звуки органа потрясли своды храма... раздался чистый, дрожащій голосъ женщины и, покрывая эти звуки, наполнилъ церковь сладкой гармоніею, отъ которой вздрогнули всѣ присутствовавшіе. Ничего чудеснѣе этого не потрясало никогда сводовъ дома Господня и не возглашало ему хвалы такъ достойно. Всѣ узнали этотъ голосъ; это пѣла Ромарина, примадонна театра *d'Alberti*. Необыкновенное чувство овладѣло всѣми присутствовавшими; души ихъ, сбросивъ съ себя послѣдніе узы, приковывавшіе ихъ къ землѣ, казалось, перенеслись въ надзвѣздную страну, въ сонмъ ангеловъ и сярафимовъ...

Наконецъ, божественный голосъ замолкъ. Звуки органа также замерли. Священникъ, обратясь къ предстоящимъ, произнесъ послѣднюю молитву. Служба кончилась. Умиленная толпа въ безмолвіи покинула церковь; свѣчи мало-по-малу погасли, и храмъ, за минуту многолюдный и свѣтлый, сдѣлался мраченъ и пустъ.

Тогда опять отворилась маленькая дверь мраморной лѣстницы, откуда вышло существо бѣлое и стройное: — это была Ромарина. Взявшись за дверь, она почувствовала, что руку ея сжала чья-то чужая ледяная рука, потомъ раздался поцѣлуй, и нѣсколько слезъ упало ей на пальцы.

— Ну, полноже, сказала она голосомъ исполненнымъ ласки : ты, просто, ребенокъ! Выйди отсюда; сейчасъ запрутъ церковь.

Молодой человѣкъ, не говоря ни слова, послѣдовалъ за пѣвицею, и помѣстился опять за ея каретою, которая тронулась въ направленіи къ палаццо *Sachetti*. Всѣ окна были освѣщены; Римъ еще не спалъ. Только ночной дозоръ, объѣзжавшій улицы, да неподвижныя мадонны, закутанныя въ ихъ длинныя серебряныя мантіи, вотъ все, что оставалось отъ этой толпы, за минуту наполнявшей улицы. Карета мчалась, не встрѣчая никакого препятствія, какъ вдругъ нѣсколько замаскированныхъ человѣкъ, выбѣжавшихъ изъ-за угла *Piazza di Campo di Fiore*, заградили ей дорогу.

Кучеръ, предвидя нападеніе, ударилъ по лошадямъ; но онѣ, вмѣсто того, чтобы тронуться впередъ, стали на дабы, и одна изъ нихъ упала на землю. Карету тотчасъ окружили; служители, сопровождавшіе ее, обнаживъ свои шпаги, завязали кровавый бой. Ромарина высунула голову въ дверцы, и въ тоже мгновеніе въ ужасѣ отскочила въ другой уголь экипажа. Одинъ изъ злоумышленниковъ добрался уже до нея, и, охвативъ станъ ея руками, силился вырвать ее изъ кареты. Ромарина угадала его намѣренія. Собравъ все свое мужество, она твердо боролась съ нимъ, но эта борьба была слишкомъ неравна. Скоро силы ея оставили... въ изнеможеніи, почти въ безпамятствѣ, она уже была почти во власти похитителя, какъ вдругъ онъ, съ страшными проклятіями, выпустивъ ее изъ рукъ повалился на землю.

Между-тѣмъ, множество народа, привлеченнаго шумомъ, показалось у оконъ; другіе, кто похрабрѣе, бросились на помощь. Злодѣи, видя общую тревогу, обратились въ бѣгство. Ромарина, не желая быть предметомъ любопытства зѣвакъ, и желая избѣжать послѣдствій, всегда непріятныхъ, при подобнаго рода приключеніяхъ, — приказала кучеру ударить по лошадямъ. Карета умчалась, и только любопытная толпа осталась на мѣстѣ происшествія, гдѣ два человѣка, валяясь въ пыли, продолжали ожесточенную борьбу. Ихъ тотчасъ розняли. На одномъ изъ нихъ, который былъ выше, замѣтно было подъ плащемъ великолѣпное испанское платье, которое было тогда въ модѣ у итальянскихъ вельможъ. Когда съ него сорвали маску, единодушный крикъ ужаса и ненависти раздался въ толпѣ.

— И dannato, il dannato! (Проклятый! Проклятый), завопили всѣ предстоявшіе.

Другой былъ молодой *mininte* : такъ называютъ въ Римѣ людей изъ черни. Большое кровавое пятно видно было на рукавѣ его одежды; онъ былъ раненъ. Одинъ изъ служителей Ромарины,

оставшійся здѣсь, чтобы посмотрѣть, чѣмъ эта исторія кончится, тотчасъ узналъ его; это былъ *il Cane*, или говоря правильнѣе — *il salvatore della signora*, (спаситель синьйоры).

Хотя Ромарина была внѣ опасности и, благодаря великодушію сосѣдей, сцена похищенія, которую мы разсказали, не имѣла дурныхъ послѣдствій, какихъ ожидать было можно, дѣло еще не совсѣмъ кончилась. Послѣдовавшій за-тѣмъ арестъ человѣка прозваннаго *il dannato*, этого проклятаго лица, одно имя котораго приводило въ ужасъ, было происшествіе особенной важности.

Il dannato былъ проклятъ недаромъ. Съ того роковаго дня, когда онъ, по случаю смерти отца своего, возвратился не извѣстно откуда, и поселился въ Римѣ, носилось много слуховъ о его необыкновенной дерзости, которой приключеніе нынѣшней ночи было только слабымъ образчикомъ. Сумасбродныя преступленія его, остававшіяся, по-видимому, всегда безнаказанными, изумленіе и ужасъ, имъ возбуждаемые, обращали вниманіе всего города на его поведеніе. Не проходило дня, чтобы онъ не увеличилъ итога своихъ злодѣяній; и, когда на вечернихъ *conversazoine* часовая стрѣлка давала знать гостямъ, что уже время удалиться, — то, находясь еще подъ вліяніемъ слышанныхъ ими разсказовъ, — они съ трепетомъ и неиначе какъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, расходились по своимъ жилищамъ.

Впрочемъ и то правда, что его смѣло можно было назвать самымъ красивымъ мужчиною во всѣхъ Папскихъ Владѣніяхъ. Молодость, высокій ростъ, стройная талія, и, кромѣ этого, испытанная храбрость, огромное состояніе и знатный родъ — вотъ достоинства этого *il dannato*, служившія ему рекомендаціею на любовь всѣхъ женщинъ, и, слѣдовательно, на ненависть мужей; а какъ между присутствовавшими при этой сценѣ находилось много и послѣднихъ, то легко понять, какъ нѣкоторые изъ нихъ были рады случаю — удовлетворить давно питаемое къ нему мщеніе. Къ-счастію *il dannato*, явился полицейскій чиновникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сбировъ, и они, не-смотря на сопротивленіе молодаго дворянина, едва успѣвшаго надѣть маску, принудили его идти съ нимъ для допроса въ palazzo римскаго градоначальника.

Толпа провожала ихъ съ ужасными воплями и проклятіями до самыхъ дверей; когда-жъ они вошли туда, двери за ними затворились, и народъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ напраснаго ожиданія, разбрелся по домамъ.

Во всѣхъ случаяхъ, когда какая-либо важная церемонія должна привлечь толпы народа, полиція не дремлетъ. Въ эту ночь въ особенности всѣ полицейскіе чиновники Рима были на своихъ по-

стахъ. Арестанта ввели въ большую комнату, всю обтянутую чернымъ, этимъ любимымъ цвѣтомъ инквизиціи. Вскорѣ послѣ того вошли папскіе алебардщики, которые помѣстились вдоль стѣнъ комнаты. За ними вышелъ человѣкъ котораго легко было узнать, по его одеждѣ, подбитой горностаемъ: это былъ префектъ полиціи. Алебардщики сдѣлали ему на-караулъ, онъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, и, не-смотря на то, что ему было уже извѣстно все происшествіе, предложилъ обвиненному нѣсколько вопросовъ. Но преступникъ отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ на все, о чомъ его ни спрашивали.

— Вы не хотите отвѣчать, милостивый государь! воскликнулъ, вставая, префектъ: берегитесь!... Вы знаете, что у насъ есть средства, которыя могутъ заставить нѣмыхъ говорить, и противъ воли признаться въ своихъ преступленіяхъ виновныхъ!

Il dannato, вмѣсто отвѣта, сорвалъ свою маску и совершенно открылъ лицо.

Префектъ, блѣдный и смущенный, опустился въ кресло.

— Синьйоръ Молинери! произнесъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

— Господинъ префектъ, сказалъ дворянинъ безъ малѣйшаго смущенія: улицы Рима теперь небезопасны; прошу васъ приказать нѣсколькимъ солдатамъ проводить меня...

Безъ сомнѣнія не страхъ внушилъ *Молинери* эту просьбу; ему не хотѣлось только упустить случая посмѣяться надъ правосудіемъ. Когда префектъ назначилъ четырехъ человѣкъ для сопровожденія его, дворянинъ вышелъ съ громкимъ хохотомъ изъ комнаты. Этотъ смѣхъ увеличилъ смущеніе бѣднаго начальника полиціи.

Оставшись одинъ, онъ поспѣшилъ къ губернатору.

— Ваше превосходительство! сказалъ префектъ, у котораго голова ходила кругомъ : я поручаю себя вашему снисхожденію, — я пропалъ.

Что̀ съ вами, господинъ префектъ? Вы меня пугаете!

— Племянникъ сеньйора Гравины снова напроказилъ въ эту ночь...

Губернаторъ наморщилъ брови.

— Что̀ онъ сдѣлалъ? спросилъ онъ быстро.

— Онъ напалъ съ толпой замаскированныхъ молодыхъ людей и служителей, на экипажъ Ромарины, возвращавшейся изъ церкви *Santa Maria d'Ara Celi*.

— Это не можетъ долѣе продолжаться, воскликнулъ раздраженный губернаторъ : арестованъ-ли Молинери?

— Точно такъ!

— Прикажите привести его ко мнѣ!

— Но, ваше превосходительство, когда я его узналъ, я приказалъ освободить его...

— Это для чего?

— Позвольте напомнить Вашему Превосходительству, что предшественникъ мой, префектъ Караволья, былъ смѣненъ вами за то, что арестовалъ этого молодаго человѣка...

— Но вѣдь вы знаете, что господинъ Гравина требуетъ теперь самъ, чтобы прекратили безпорядки, производимые его племянникомъ!

При сихъ словахъ, префектъ, до-тѣхъ-поръ согбенный почтительнымъ страхомъ, поднялъ голову.

— Вы сдѣлали глупость, господинъ префектъ, сказалъ опять губернаторъ: но она можетъ быть исправлена. Подайте мнѣ объ этомъ дѣлѣ записку.

Чрезъ часъ явился опять префектъ, держа въ рукахъ бумагу, которую онъ вручилъ губернатору. Губернаторъ приказалъ подать карету, всегда готовую къ его услугамъ, и, закутавшись въ свою тогу, отправился къ синьйору Гравинѣ.

II.

СОБАКА СИНЬЙОРЫ.

Особа, носившая между людьми Ромарины этотъ незавидный титулъ «собаки синьйоры», *il cane della signora*, былъ молодой человѣкъ лѣтъ шестнадцати. Можно было догадаться по его грубой одеждѣ, гладко обстриженнымъ волосамъ и босымъ ногамъ, къ какому разряду жителей принадлежалъ онъ. Это былъ сынъ одного римскаго столяра *Трапасси*.

Этотъ бѣдный ремесленникъ имѣлъ огромное семейство, для поддержанія котораго ремесла егоне было-бы достаточно, еслибъ сыновья его не увеличивали, по-возможности, своими трудами его скромнаго дохода. Слѣдовательно и Пьетро—такъ звали молодаго Трапасси — лишь только обнаружилось въ немъ довольно силы нужной для этого ремесла, — былъ, подобно братьямъ, посаженъ за станокъ. Однако онъ, по-видимому, не былъ рожденъ для этой трудной

и сидячей жизни. Часто старикъ отецъ, заставалъ его, что онъ, хотя съ рубанкомъ въ рукѣ, но неподвижный, съ выраженіемъ грусти во взорѣ, съ челомъ задумчиво-поникшимъ, казалось, былъ погруженъ въ размышленія, совершенно чуждыя его ремеслу. Сначала бѣдный столяръ ограничился однѣми замѣчаніями, которыя Пьетро выслушивалъ съ покорностію, и, подавляя невольный вздохъ принимался за работу; но скоро эта неволя сдѣлалась несносна.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, когда солнце великолѣпно горѣло надъ Римомъ, и онъ безпрестанно видѣлъ изъ оконъ мастерской то отрядъ швейцаровъ съ бердышами въ рукахъ, идущихъ въ Капитолій, то кареты кардиналовъ, съ развѣвающимися перьями ихъ лошадей, стремящіеся къ Ватикану, то наконецъ роскошныхъ *signore*, летящихъ на прогулку въ *Corso*,—его терпѣніе истощилось;—онъ бросилъ свои инструменты и упорхнулъ за швейцарами, кардиналами и гуляющими. Съ-тѣхъ-поръ старикъ Трапасси не щадилъ выговоровъ; но они вмѣсто того, чтобъ достигнуть своей цѣли, сдѣлали въ глазахъ дитяти его рабство несноснымъ. Онъ сталъ молчаливъ и задумчивъ, и какъ-будто обдумывалъ планъ своего освобожденія.

Вотъ наступилъ день *moccoli*. Этотъ день, какъ извѣстно, есть время общаго веселья Римлянъ. Съ ранняго утра улицы стали наполняться народомъ. Это была смѣсь жителей всѣхъ сосѣднихъ деревень. Мужчины изъ Кастель-Гандолфе съ серебряными пряжками на башмакахъ, были перемѣшаны съ женщинами изъ Неттуне, въ алыхъ, украшенныхъ золочоными бляхами, корсетахъ, и дѣвицами изъ Альбано съ чорными блестящими волосами, которыя удерживала зеленая сѣточка. Во всѣхъ лавкахъ выставлено было на болванахъ множество масокъ и маскерадныхъ нарядовъ; разнощики съ корзинами, нагруженными сластями, наполняли улицы, и наконецъ много веселыхъ танцевъ затѣвалось на берегу Тибра. Пьетро могъ слышать весь этотъ шумъ и видѣть всѣ праздничныя приготовленія—изъ мастерской, къ которой приковывала его воля отца. Изъ его движеній можно было заключить, какъ сильно мучило его нетерпѣніе. Вдругъ въ два часа раздался колоколъ *campidoglio*, звуки котораго раздаются только въ важныхъ случахъ; теперь—это былъ знакъ для начатія *mascherata*. Пьетро не выдержалъ, и опрометью кинулся вонъ изъ мастерской.

О! чудесный день! а въ особенности чудеснѣйшая ночь!

Корсо было наполнено гуляющими. Всѣ балконы были убраны пунцовыми дамасскими коврами, отороченными золотою каймою. Два ряда великолѣпныхъ экипажей медленно тянулись посреди самыхъ разнообразныхъ и самыхъ богатыхъ масокъ. Конфекты, вы-

летавшія, при невыразимыхъ крикахъ общей радости, изъ оконъ, съ балконовъ и бросаемыя на улицахъ наполняли атмосферу бѣлой пылью, которая, не щадя ни возрастовъ, ни половъ, ослѣпляла глаза и падала на платье всѣхъ. Въ этотъ день не существуетъ ни кардиналовъ, ни вельможъ, ни гордыхъ нѣжныхъ красавицъ. Это время наслажденія, равенства и безумія; однимъ словомъ, это день *matti* (*matto*—безумецъ .

Въ четыре часа, пушечный выстрѣлъ раздавшійся съ крѣпости Св. Ангела—возвѣстилъ начатіе скачки. Всѣ экипажи удалились, и отрядъ драгуновъ промчался чрезъ Корсо, на которомъ два ряда пѣшихъ солдатъ удерживали свободный проѣздъ. Вскорѣ глухой шумъ далъ знать, что лошади уже пущены. И вотъ наконецъ онѣ показались издали, несущіяся во всю прыть, безъ сѣдоковъ; ихъ хвосты и гривы горятъ золотыми бѣлстками, удары ихъ копытъ исторгаютъ искры изъ мостовой, и зажжоные факелы сверкаютъ на ихъ бокахъ. Тысячи радостныхъ криковъ раздаются при ихъ появленіи; толпа, прорвавъ ряды солдатъ, преслѣдуетъ бѣгуновъ до самаго венеціанскаго дворца, гдѣ судьи ожидаютъ побѣдителя, чтобы вручить ему призъ.

Наконецъ наступила ночь; всѣ окна освѣтились, и улицы опять наполнились гуляющими, изъ которыхъ у каждаго въ рукахъ высокой шестъ, а на концѣ его прилѣплены маленькія зажжоныя свѣчи; стоящіе на балконахъ наперерывъ стараются гасить ихъ. *Moccoli* (*moccolo* церковная свѣча, употребляемая при похоронахъ) блестятъ у всѣхъ въ рукахъ; общая веселость достигаетъ высшей степени.

Наконецъ огни мало-по-малу погасли; улицы и балконы опустѣли, только иногда на перекресткахъ замѣтны были запоздалыя маски, поспѣшно возвращавшіяся по домамъ. Разсвѣло. Францисканцы въ темныхъ и Камальдулы въ бѣлыхъ рясахъ смѣнили шумныя вчерашнія маски и напомнили городу, что наступило время поста и покаянія.

Пьетро, вооружась бодростію, рѣшился возвратиться къ своему отцу; въ его взглядѣ было теперь что-то необыкновенно-дерзкое.

—Гдѣ ты былъ? спросилъ его отецъ строгимъ голосомъ.

—Я былъ на Корсо, отвѣчалъ юноша.

— Ну, ты можешь возвратиться туда; ты лѣнтяй, а я не хочу имѣть лѣнтяевъ въ своемъ семействѣ.

Этотъ отвѣтъ, вмѣсто того, чтобы смутить Пьетро, придалъ ему рѣшительности.

— Батюшка, отвѣчалъ онъ хладнокровно: я не лѣнтяй; но я родился Трастевериномъ и потому презираю рабство!

Эта мысль пришла ему ночью. *Trastevere*, какъ всѣмъ извѣстно, есть часть города, расположенная на правомъ берегу Тибра; жители ея считаютъ себя потомками, и притомъ единственными потомками древнихъ Римлянъ. Пьетро точно родился въ *Trastevere*; однако старикъ Трапасси не раздѣлялъ мнѣнія сына своего, и потому взявъ его за плечи вскричалъ :

— Per bacco! вотъ еще новость; но ты не знаешь, что я родился на Марсовомъ-полѣ. Видишь-ли, намъ нельзя понять другъ-друга.

Съ этими словами, онъ вытолкнулъ сына на улицу и защолкнулъ за нимъ дверь.

Не-смотря на удовольствіе, которое должно было доставить Пьетро его освобожденіе, скорость, съ какою онъ получилъ свободу, не могла не удивить его. Онъ какъ будто испугался избытка своей независимости. Впрочемъ, его безпечный и вѣтряный характеръ вскорѣ восторжествовалъ.

— *Basta!* воскликнулъ онъ, щолкнувъ пальцами : мнѣ все равно!

И, повернувшись на пяткахъ, онъ отправился въ церковь *св. Іоанна*, гдѣ въ это время происходила торжественная церемонія цѣлованія креста.

Съ-тѣхъ-поръ, Пьетро вполнѣ предался своей любимой мечтательной жизни. Ему не трудно было работой содержать себя въ странѣ, гдѣ за нѣсколько *baiocchi* можно быть сытымъ цѣлый день

Странствующіе *friggitori* (повара), на всѣхъ углахъ предлагающіе прохожимъ жареную рыбу и тѣсто, печоное въ маслѣ, снабжали и Пьетро нужной ему пищею. Въ свободное время, онъ бродилъ по городу, или игралъ въ карты съ нищими и бродягами на ступеняхъ крыльца *Trinità del Monte*. По воскресеньямъ, онъ забавлялся съ ремесленниками на горѣ *Testaccio*, этомъ пантеонѣ битыхъ горшковъ. Когда открытые фонтаны наводняли площадь *Navone*—онъ отправлялся туда за толпой, и обрызгивалъ экипажи, приѣзжавшіе для обычной прогулки въ этомъ искусственномъ озерѣ. Вечеромъ, онъ отправлялся на Испанскую площадь, гдѣ иностранцамъ нѣтъ отбоя отъ *buone robe*, и *ruffieri*.

Но самое большое впечатлѣніе производили на него импровизаторы.

Можно было замѣтить по важному внимательному виду, съ которымъ Пьетро слушалъ ихъ, что онъ ощущалъ въ себѣ все волненіе, весь жаръ, одушевлявшіе поэта. Случалось, что толпа и поэтъ уже давно изчезли, а Пьетро все еще стоялъ на прежнемъ мѣ-

сгѣ и, казалось, оканчивалъ въ своемъ умѣ прерванную импровизацію. Наконецъ подобное препровожденіе времени совершенно измѣнило характеръ юноши. Онъ сдѣлался задумчивъ и часто произносилъ слова невнятныя и безъ всякой связи; замѣтно было, что въ немъ происходило что-то странное. И въ самомъ-дѣлѣ, въ одинъ прекрасный день, Пьетро почувствовалъ въ груди своей неизвѣстный ему дотолѣ пламень; голова его была вся въ огнѣ; ему показалось, что идеи его, до-тѣхъ-поръ смутныя, начали вдругъ приходить въ порядокъ, котораго онъ не зналъ прежде. Пьетро взобрался на подмостки, передъ толпою, и когда онъ сошолъ оттуда—онъ уже былъ поэтъ: рукоплесканія толпы поздравили его съ талантомъ импровизатора.

Съ этого времени физіономія молодаго *Трапасси* сдѣлалась важною и задумчивою, что впрочемъ казалось страннымъ у дитяти его лѣтъ. Какое-то вдохновеніе оживило его взглядъ; и простота его одежды не только не уменьшала эффекта этой перемѣны, но напротивъ возвышала его. Однако Пьетро вовсе не измѣнилъ образа своей бродяжнической жизни;—онъ по-прежнему проводилъ ночи подъ навѣсами портиковъ, подъ которыми сонъ и усталость его останавливали.

Разъ вечеромъ Пьетро помѣстился на крыльцѣ одного великолѣпнаго палаццо. Въ этотъ день онъ бѣгалъ и пѣлъ болѣе обыкновеннаго. Уже прошло нѣсколько часовъ, какъ онъ, усталый, прислонивъ голову къ колоннѣ, спокойно отдыхалъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ гармоническіе звуки внезапно разбудили его. Пьетро прислушался; это былъ голосъ женщины. Этотъ голосъ выходилъ изъ окна палаццо, и былъ такъ чистъ, гибокъ и пріятенъ, что Пьетро, услышавъ его, почувствовалъ себя проникнутымъ какимъ-то невыразимо-пріятнымъ ощущеніемъ. Онъ еще никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Ночь была прелестная: настоящая итальянскаяая.... глубокая тишина царствовала кругомъ — тишина спящаго города! Дыханіе Пьетро остановилось; онъ жилъ только сердцемъ и головою; онъ былъ въ восторгѣ.

На другой день, вопреки своему обыкновенію, Пьетро проснулся печальнымъ и озабоченнымъ. Онъ исправно каждое утро отправлялся къ заставѣ и декламировалъ тамъ свои стихи деревенскимъ жителямъ, привозившимъ въ городъ разныя овощи и т.п.; но въ этотъ день, солнце уже давно выступило изъ-за зубчатыхъ стѣнъ Венеціанскаго дворца, а Пьетро все еще былъ подъ портикомъ, подъ которымъ онъ провелъ ночь. Лежа почти поперекъ самой двери, устремленными на окна, съ глазами онъ внимательно разсма-

тривалъ каждаго выходившаго изъ палаццо, и старался подмѣтить всѣхъ особъ, показывавшихся у оконъ.

Это былъ часъ, въ который *синьйоры* выходили на балконы, пока полуденный зной не заставлялъ ихъ прятаться за ставни. Наконецъ головка женщины наклонилась чрезъ балюстраду. По красотѣ ея лица, по ея величественной осанкѣ, однимъ-словомъ, по прелести, которой она была исполнена, молодой поэтъ не могъ не узнать ея. Онъ вскочилъ съ своего мѣста.... Но прекрасное видѣніе скоро исчезло.

Солнце стало прямо надъ городомъ, и мраморъ дворцовъ началъ уже раскаляться отъ его палящихъ лучей. Ставни тотчасъ закрылись, и наружность палаццо сдѣлалась гладка и безжизненна. Пьетро легъ на прежнее мѣсто, закрылъ лицо руками и былъ нѣкоторое время погруженъ въ глубокую задумчивость. Онъ слышалъ, онъ видѣлъ, теперь онъ хотѣлъ знать. Случай для этого скоро представился.

Около полудня, Пьетро замѣтилъ человѣка вышедшаго изъ церкви *San Giovanni di Fiorentini*, и направлявшаго шаги свои къ нему, тщательно придерживаясь тѣнистой стороны улицы. Во всякое другое время Пьетро вовсе не обратилъ-бы вниманія на это явленіе; но кромѣ того, что улицы Рима были въ эту минуту совершенно пусты, по причинѣ удушливаго жара, наружность этого человѣка была такъ смѣшна, одежда его такъ странна, что молодой поэтъ не могъ не замѣтить его. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста, худощавый, и въ цѣломъ сущее подобіе гвоздя; его загорѣлое лицо, покрытое ручьями пота, до половины скрывалось подъ шляпой съ широкими полями, на которой торчало полусожоное солнцемъ перо; на верхней губѣ грозно поднимались на фабренные сѣдые усы; остроконечная борода, дѣлая его лицо безобразно-длиннымъ, закрывала совершенно подобородокъ. На одномъ плечѣ его драпировался жалкій атласный плащъ, и за старымъ кожанымъ поясомъ, охватывавшимъ его станъ, была заткнута длинная шпага; наконецъ негодное исподнее платье покрывало часть его тѣла. Перчатки *à la Crispin* и сапоги, пожелтѣвшіе отъ времени дополняли этотъ оригинальный нарядъ.

Незнакомецъ ступалъ большими, но медленными шагами, принимая множество предосторожностей, чтобы не удариться о стѣну своей костливой особой, которая въ-самомъ-дѣлѣ могла-бы разбиться при подобномъ прикосновеніи.

Когда это странное лицо приблизилось къ Пьетро, онъ узналъ въ немъ синьйора Булгарелли.

Синьйоръ Булгарелли пользовался въ Римѣ всеобщей извѣстно-

стію. Его необыкновенная худощавость, снискавъ ему славу голоднѣйшаго существа во всей Церковной Области, была достаточна для того, чтобы обратить на него всеобщее вниманіе. Но, кромѣ этого, Булгарелли имѣлъ еще притязаніе быть супругомъ Ромарины; и это ужасное притязаніе, которое всѣ приписывали болѣзненной маніи нѣкоторыхъ людей, — влюбляться въ знаменитыхъ женщинъ, окончательно утвердило его жалкую извѣстность. Днемъ онъ не могъ отвязаться отъ уличныхъ мальчишекъ, которые бѣгали за нимъ и бросали песокъ въ его ботфорты; вечеромъ, видя при свѣтѣ луны свой длинный и худой силуэтъ гуляющимъ по стѣнамъ, онъ поспѣшно скрывался.

Безпрерывный предметъ жалости и ужаса, Булгарелли, вѣчно занятый своимъ по томъ, казалось, одинъ не зналъ своей печальной знаменитости.

Булгарелли однимъ скачкомъ очутился у двери палаццо. Раздались три полновѣсныхъ удара. Дверь медленно растворилась, и толстый слуга, съ веселой физіономіею, показался у порога. Едва онъ узналъ это смѣшное лицо, какъ тотчасъ-же вскричалъ :

— Опять этотъ проклятый дуракъ!

И съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ затворить дверь. Но Булгарелли, подозрѣвая его намѣреніе, проворно помѣстился между двумя половинками.

— Лоренцо! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ: другъ мой, не дави такъ сильно.

— Ну, такъ убирайтесь.

— Позволь мнѣ переговорить съ моей женой...

Лоренцо не могъ удержать нетерпѣливаго движенія.

— Ужъ это слишкомъ!... сказалъ онъ : онъ не можетъ выбить изъ головы своей этой глупой мысли!... Вѣдь вы знаете, что Синьйора запретила мнѣ принимать васъ.

— Такъ въ ней вовсе нѣтъ состраданія!

Лоренцо презрительно пожалъ плечами.

— Ахъ! Лоренцо, Лоренцо, сказалъ Булгарелли печальнымъ голосомъ : ты безжалостенъ.

Между-тѣмъ Булгарелли, стараясь смягчить неумолимаго Цербера, дѣлалъ небольшія усилія, чтобы проникнуть во внутренность дворца. Лоренцо замѣтилъ это, и, придавивъ дверь всею своею тяжестію, сказалъ съ сердцемъ.

— Ну, уйдете-ли вы наконецъ?

— Другъ мой, отвѣчалъ Булгарелли покорнымъ голосомъ, показывая глубокій рубецъ, сдѣланный дверью на его животѣ: это зависитъ отъ васъ.

Лоренцо отворилъ немного дверь; однако, опасаясь, чтобы Булгарелли не воспользовался этимъ и не проскользнулъ во внутренность палаццо, онъ укрѣпился между двухъ половинокъ, и жестоко толкнулъ безотвязнаго, который упалъ въ объятія Пьетро, равнодушнаго свидѣтеля этой сцены. Дверь тотчасъ затворилась.

Булгарелли хладнокровно всталъ и, сложивъ крестообразно руки, казалось, былъ погруженъ въ задумчивость. Вдругъ онъ выпрямился, и взявъ руку поэта сказалъ:

— Молодой человѣкъ! вы-бы усомнились, если-бы я вамъ сказалъ теперь, что я мужъ Ромарины!

Пьетро, давно зная носившіеся про Булгарелли слухи, не могъ удержаться отъ улыбки.

— Да, продолжалъ Булгарелли... а между-тѣмъ вотъ какъ она обходится со мною!

— Развѣ это не отъ васъ зависитъ сказалъ Пьетро. Если вы точно Ромарины, въ чомъ я и не сомнѣваюсь, то отъ чего-же вы мужъ не предъявляете вашихъ правъ?

Булгарелли бросилъ недовѣрчивый взглядъ на своего собесѣдника; но видя, что это возраженіе было сдѣлано не шутя:

— Увы, теперь, онъ отвѣчалъ: невозможно. Я долженъ бы для этого съѣздить въ Венецію, а у меня нѣтъ денегъ; но придетъ время, когда я буду въ силахъ доказать свои права, и тогда, молодой человѣкъ, вы услышите обо мнѣ!

Съ этими словами Булгарелли повернулся назадъ, и, поддерживая обѣими руками свою шпагу, которая непріятно била его по ногамъ, удалился съ такимъ же-важнымъ видомъ, какъ и пришолъ.

Наконецъ Пьетро удовлетворилъ своему любопытству: онъ зналъ, что его сердце билось для Ромарины, этого прелестнаго существа, которое любилъ весь Римъ, какъ вообще любятъ въ Италіи артистовъ. И, ни мало не устрашась дерзости своихъ чувствъ, онъ напротивъ ощутилъ гордость, которая удвоила его смѣлость.

Видѣть ее утромъ, когда она показывалась на балконѣ, и вечеромъ, когда она гуляла на террассѣ, слышать ее, когда ночью, возвратясь изъ театра, еще подъ вліяніемъ восторженныхъ рукоплесканій, она повторяла для себя самой божественныя *canzoni*, доставившія ей такое торжество, — въ этомъ состояло все честолюбіе поэта. Съ-тѣхъ-поръ Пьетро не покидалъ палаццо. Сидя печально на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы, онъ съ героическимъ терпѣніемъ по цѣлымъ днямъ ожидалъ случая восхищаться своимъ предметомъ. Пьетро былъ вполнѣ блаженъ, когда онъ, въ то

время, когда проходили синьйора, могъ дотронуться до ея платья. Еслибъ онъ смѣлъ, онъ расцѣловалъ-бы слѣды ея шаговъ.

Ромарина скоро замѣтила упорное присутствіе юноши подъ портикомъ дворца. Сначала она испугалась; но взглядъ и пріемы бѣднаго ребенка не были способны внушить надолго опасенія. Молодая женщина отгадала настоящую причину такого упорства, и, глубоко тронутая этимъ наивнымъ удивленіемъ ея таланту и красотѣ, она отвѣтила ему улыбкой. Эта улыбка наполнила сердце Пьетро невыразимою радостію. Съ той минуты ему уже было не довольно восхищаться синьйорой въ то время, когда она проходила. Онъ уже слѣдовалъ за нею по пятамъ, сдѣлался ея тѣнью. Въ церкви, въ Корсо, однимъ-словомъ, куда-бы она ни отправлялась, его можно было встрѣтить вездѣ, внимательно устремившаго на нее взоры. Когда она входила въ такое мѣсто, куда онъ не могъ проникнуть, какъ, напримѣръ, въ театръ, онъ ложился у дверей, преспокойно ожидая ея появленія, чтобы отвести ее домой.

Чѣмъ-болѣе эта сумазбродная страсть казалась Ромаринѣ достойной сожалѣнія, тѣмъ болѣе служители пѣвицы находили ее смѣшной и безумной. Пьетро сдѣлался для нихъ предметомъ грубостей и насмѣшекъ; но молодая женщина взяла его подъ свое покровительство и запретила дѣлать ему непріятности; люди, желая отмстить ему, прозвали его *il cane della signora*.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда произошли событія, разсказанныя нами въ предъидущей главѣ. Когда Пьетро увидѣлъ своего противника въ рукахъ полиціи, то, безпокоясь объ участи Ромарины, онъ проворно убѣжалъ къ палаццо *Сакетти*. Когда онъ прибылъ туда — дверь затворялась. Немного погодя окна наполнились свѣтомъ, и Пьетро увидѣлъ Синьйору, проходящую по своимъ комнатамъ. Увѣрившись, что она была внѣ опасности, Пьетро занялся своей раною; онъ приблизился къ уличному фонарю, висѣвшему надъ Мадонной, и, увѣрившись, что она не была опасна, отеръ и перевязалъ ее своимъ платкомъ и легъ на обыкновенное свое мѣсто, вовсе не заботясь о боли.

Опасность, которой только что избѣжала Ромарина, произвела на нее глубокое впечатлѣніе. Она легко могла подавлять свое волненіе, покуда находилась подъ вліяніемъ этого рода восторженности, внушаемой борьбой и инстинктомъ самохраненія; но когда, возвратившись домой, она могла обдумать наединѣ всю важность нападенія, котораго она была предметомъ,—ею овладѣлъ невыразимый ужасъ. Быстро схватившъ снурокъ колокольчика, она сильно дернула его. Слуга явился.

— Возвратился-ли *Girolamo*?

Girolamo былъ слуга, котораго она оставила на *Piazza di Campo di Fiore*, чтобы слѣдить за ходомъ этого событія и развѣдать о его послѣдствіяхъ.

— Нѣтъ еще, синьйора, отвѣчалъ слуга.

Ромарина посмотрѣла на часы; было два часа утра.

— Когда онъ возвратится, пусть явится ко мнѣ.

Слуга, отвѣсивъ низкій поклонъ, удалился. Ромарина, взволнованная, безпокойная, бѣгала по комнатѣ, напрасно стараясь разгадать эту таинственную загадку. Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ *Girolamo*. Синьйора бросилась къ нему.

— Ну, что? спросила она.

— Синьйора, сказалъ слуга: виновный арестованъ.

— Кто онъ такой?

— Il dannato!

Этотъ отвѣтъ произвелъ страшное дѣйствіе на молодую женщину; ея чело покрылось румянцемъ, судорожный трепетъ потрясъ ея губы; она съ негодованіемъ отскочила назадъ.

— Синьйоръ Молинери! воскликнула она... этотъ разбойникъ, которымъ гнушается весь Римъ!.. Этотъ человѣкъ безъ закона и вѣры, котораго поступки служатъ вѣчнымъ соблазномъ!.. Этотъ развратникъ, пятнающій однимъ приближеніемъ своимъ, осмѣлился тронуть меня!.. О! чѣмъ заслужила я подобное безчестіе!

Произнеся слова эти, Ромарина, закрыла глаза обѣими руками, и, по-видимому, впала въ глубокое уныніе.

Хотя она и не знала лично молодаго дворянина, однако репутація Молинери была ей извѣстна. Всякій, незнавшій его, горѣлъ нетерпѣніемъ съ нимъ познакомиться; и тѣ, которые уже были знакомы съ нимъ, спѣшили удовлетворить это любопытство. Сама Ромарина изъявила желаніе видѣть Молинери, и ей указали его однажды въ театрѣ.

Въ то время для дворянъ были назначены особыя мѣста по обѣимъ сторонамъ авансцены. Но въ этотъ день, только одинъ Молинери находился на избранной имъ сторонѣ. При его появленіи, всѣ находившіеся тамъ зрители перешли на противоположную оконечность сцены. Молинери, казалось, не замѣтилъ этого обиднаго для него поступка; онъ снялъ хладнокровно свои перчатки, свернулъ ихъ, и бросилъ на ровное разстояніе между имъ и его обидчиками; потомъ, безпечно растянувшись въ креслѣ, онъ окинулъ залъ дерзкимъ взглядомъ.

Можетъ-быть, не всѣмъ извѣстно, какъ итальянская публика ведетъ себя въ театрѣ. Никто не обращаетъ вниманія ни на актеровъ, ни на музыку, ни на піесу; слышенъ только стукъ дверей,

каблуковъ и шумъ разговоровъ. Тамошнія ложи ни что-иное, какъ маленькія гостиныя, великолѣпно убранныя, гдѣ принимаютъ посѣтителей, смѣются, бесѣдуютъ, играютъ и лакомятся. Ничего этого не было въ минуту, про которую мы говоримъ: глубокое молчаніе царствовало въ залѣ, всѣ головы нагнулись за перилы, всѣ глаза устремлены были на одно мѣсто; только Молинери могъ сдѣлать подобное чудо. Никогда не представлялось Ромаринѣ лучшаго случая блеснуть своимъ голосомъ; но когда она взошла на сцену и увидѣла возлѣ себя Молинери, она невольно смутилась; пораженная красотою этого молодаго и мужественнаго лица, она почувствовала глубокое состраданіе.

— Какъ жаль! думала она... такая прекрасная голова и такое гадкое сердце!

Однако представленіе кончилось благополучно. Когда занавѣсъ опустился, Молинери самъ поднялъ брошенную имъ своимъ противникамъ перчатку и въ молчаніи удалился. Но на другое утро, въ улицѣ *del Bambino*, было поднято тѣло женщины выброшенной изъ окна, и народная молва обвиняла *il dannato* въ этомъ преступленіи. Съ-тѣхъ-поръ Ромарина почувствовала непреодолимое отвращеніе къ Молинери; одна мысль объ этомъ человѣкѣ вселяла въ нее ужасъ и отвращеніе.

Вдругъ она подняла голову, и, обращаясь къ *Girolamo*, который терпѣливо ожидалъ приказаній своей госпожи, спросила его:

— Никто изъ васъ не раненъ?

— Никто, синьйора... Только молодой человѣкъ, сопровождавшій карету и схватившій похитителя — получилъ ударъ кинжаломъ.

— Онъ? воскликнула Ромарина съ безпокойствомъ... Молодой человѣкъ, который обыкновенно спитъ подъ портикомъ?.. Такъ это онъ остановилъ его?

Слуга отвѣчалъ утвердительно.

— Бѣдный ребенокъ! продолжала пѣвица съ чувствомъ... Опасна-ли его рана?

— Не думаю, Синьйора; потому-что она не заставила его выпустить свою добычу; онъ ушолъ тогда только, когда явились сбиры.

— Когда разсвѣнетъ—привести его ко мнѣ!

И, поднявъ къ небу свои прелестные глаза, исполненные слезами благодарности, она тихо прибавила:

— Пора наградить подобную преданность!

Когда разсвѣло, люди Ромарины поспѣшили исполнить ея приказаніе, но, къ удивленію всѣхъ, Пьетро не было подъ портикомъ.

Это послужило къ новымъ насмѣшкамъ со стороны слугъ пѣвицы; они искали его во всѣхъ углахъ и закоулкахъ, говоря, что собаки всегда прячутся предъ смертью. Пьетро не находили. Ромарина безпокоилась. Можетъ-быть, рана молодаго поэта была опаснѣе, нежели сначала полагали; или, можетъ-быть, въ это время, въ какой-нибудь мрачной тюрьмѣ, онъ получалъ наказаніе за дерзость, съ которой онъ воспротивился предпріятію столь сильнаго лица, какимъ казался племянникъ Гравины. Мало-по-малу эти печальныя предположенія замѣнились мыслями болѣе пріятными. Тысячи другихъ причинъ могли отвлечь Пьетро отъ его привычекъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, онъ возвратится. Ромарина ожидала его нѣсколько недѣль; но недѣли смѣнялись мѣсяцами, а молодой поэтъ не возвращался.

III.

СИНЬЙОРЪ МЕТАСТАЗІО.

Синьйоръ Гравина не былъ ни князь, ни герцогъ, ни кардиналъ; однимъ-словомъ, онъ не былъ вельможа, какъ другіе; однако его кредита было достаточно, чтобы спасать Молинери отъ наказанія, котораго онъ заслуживалъ своими поступками. Гравина былъ, просто, адвокатъ. Снискавъ въ этомъ званіи европейскую извѣстность, онъ пользовался силою, неразлучной съ талантомъ и честностію. Знаменитое общество, называемое Обществомъ Аркадцевъ, котораго цѣль есть литературная, обязано ему своимъ основаніемъ.

Правила этого общества были начертаны самимъ Гравиною, и папа Иннокентій XII, восхищенный мудростію и возвышенностію мыслей, служившихъ основаніемъ этимъ постановленіямъ, пожелалъ немедленно возвести автора ихъ въ духовныя почести; но Гравина, не чувствуя стремленія къ духовному поприщу, довольствовался титуломъ тайнаго совѣтника, которымъ пожаловалъ его Иннокентій и его наслѣдники.

Синьйору Гравинѣ было тогда пятдесятъ лѣтъ; однако, маленькій ростомъ, худощавый, истощенный трудами, онъ страдалъ уже всѣми признаками старости. Посѣщеніе губернатора въ этотъ необыкновенный часъ удивило его. Но полагая, что дѣло шло о важномъ предметѣ, онъ поспѣшно одѣлся и приказалъ ввести губернатора.

Свиданіе было продолжительно и оживлено. Когда губернаторъ

уходилъ, глаза провожавшаго его адвокати были наполнены слезами.

— Любезный губернаторъ, сказалъ онъ съ волненіемъ: простите еще на этотъ разъ. Я вамъ даю слово, что это уже будетъ въ послѣдній: съ сей минуты я предаю Молинери на его собственный произволъ, и отрекаюсь отъ моего родства съ нимъ.

Губернаторъ тѣмъ охотнѣе согласился на эту просьбу, что онъ надѣялся въ-скорости вознаградить это упущеніе: Молинери не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые долго оставляютъ полицію въ бездѣйствіи.

По отъѣздѣ губернатора, Гравина свободно предался своей глубокой и основательной горести. Тяжело было видѣть слезы, покрывавшія это важное и строгое лицо. Гравина питалъ чрезмѣрную нѣжность къ сыну своей сестры; онъ готовилъ ему блестящую и счастливую будущность. Легко понять, сколько труда стóило ему уничтожить столь сильную привязанность и отказаться отъ такихъ сладкихъ надеждъ. Однако Гравина понялъ, что бóльшее сожалѣніе было-бы слабостію. Онъ вдругъ всталъ и потребовалъ своего секретаря, который былъ его и повѣреннымъ, и другомъ.

— Якопо, сказалъ онъ ему: Молинери недостоинъ моихъ милостей. Я не хочу его видѣть; не хочу, чтобы мнѣ говорили о немъ; я лишаю его наслѣдства... Ступайте въ палаццо Сакетти; тамъ подъ портикомъ, вы найдете бѣдное, оставленное дитя. Приведите его сюда; я его усыновляю.

Гравина уже давно зналъ Пьетро. Однажды, проходя *Strada Giulia*, онъ слышалъ, какъ тотъ произносилъ передъ толпою свои стихи, изящество которыхъ его поразило. Кромѣ того, физіономія Пьетро выражала кротость и откровенность, что̀ всегда служитъ признакомъ чистой совѣсти и благородства души. Этого было довольно, чтобъ расположить въ его пользу человѣка столь ученаго и добродѣтельнаго, какъ Гравина.

День занимался; колокола уже сзывали къ заутрени. *Якопо*, закутавшись въ плащъ, отправился къ палаццо Сакетти. Пьетро, довольный важною услугою, оказанною имъ Ромаринѣ, и равною, изъза нея полученною, спалъ, какъ счастливецъ, на своемъ каменномъ ложѣ. Служитель Гравины взялъ его за руку и тихонько потрясъ ее.

— *Poverino*, сказалъ онъ, слѣдуй за мною!

Пьетро, внезапно разбуженный, устремилъ изумленные глаза на своего собесѣдника.

— Куда хотите вы вести меня? спросилъ онъ.

— Слѣдуй за мною; ты не будешь раскаяваться.

Пьетро ничего не понялъ изъ этого страннаго предложенія; онъ молча опустилъ глаза, голова его склонилась на грудь и онъ опять заснулъ.

— Ну! ну-же! продолжалъ Якопо, улыбаясь: фортуна подаетъ тебѣ руку; неужели ты будешь противиться ей?

Пьетро, насильно вырванный изъ объятій Морфея, сдѣлалъ надъ собою большое усиліе, и, вставъ поспѣшно съ своего мѣста, спросилъ:

— Да чего-же вы хотите отъ меня?

— Дитя мое, отвѣчалъ Якопо, удивленный видомъ достоинства и рѣшительности, съ которыми были произнесены эти слова: ты любопытенъ; впрочемъ, ты имѣешь на это право, я удовлетворю твоему требованію... Одинъ богатый и сильный вельможа желаетъ усыновить тебя.

— Меня! воскликнулъ Пьетро въ изумленіи. Мнѣ быть сыномъ вельможи!

— Да, тебя самого желаютъ усыновить.

— Такъ я буду богатъ?

— Ты будешь богатъ.

— Я буду имѣть великолѣпное платье?

— Да.

— Мнѣ можно будетъ учиться?

— Разумѣется.

— О! я согласенъ! я согласенъ! воскликнулъ онъ съ восторгомъ. Отправимся!

И, обратясь къ палаццо Сакетти, онъ тихонько прибавилъ:

— Съ этого времени, ужъ мнѣ не лежать у этой двери. Скоро, можетъ-быть, я войду въ нее.

Когда Пьетро былъ введенъ къ Гравинѣ, послѣдній находился еще подъ вліяніемъ волненія, причиненнаго ему разсказомъ губернатора. При входѣ молодаго человѣка, это волненіе разсѣялось, и Гравина устремилъ на него проницательный взоръ.

— Какъ твое имя, дитя мое? спросилъ онъ.

— Пьетро Трапасси, синьйоръ.

— Чѣмъ занимается твой отецъ?

— Онъ столяръ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Онъ живетъ вблизи Жидовскаго-Квартала, иначе называемаго *Chetto*.

— А ты самъ чѣмъ занимаешься?

— Я, синьйоръ? Когда я чувствую вѣтеръ, вѣющій отъ Аппенниновъ, когда я вижу небо проясняющееся надъ моею голо-

вою и слышу птицъ, поющихъ на берегахъ Тибра, — я подражаю птицамъ, я пою.

Гравина смотрѣлъ на молодаго поэта съ особенной благосклонностію.

Онъ продолжалъ :

— Мнѣ кажется, я слышалъ тебя нѣсколько разъ, когда ты импровизировалъ подъ окнами Ромарины?

— Да, отвѣчалъ молодой поэтъ съ печальною улыбкою: съ нѣкотораго времени я тамъ свилъ свое гнѣздышко.

Гравина молчалъ нѣсколько мгновеній.

— Пьетро, сказалъ онъ : поэзія искусство трудное ; чтобы заниматься ею съ честью, нужна ученость, которою настоящее твое положеніе не дало тебѣ воспользоваться. Но не унывай. Я думаю тебѣ уже извѣстны мои намѣренія на-счотъ тебя. Съ этой минуты, мы неразлучны; мы будемъ жить и работать вмѣстѣ. Я буду твой отецъ, ты—мой сынъ.

— О! синьйоръ, воскликнулъ Пьетро, падая на колѣни : ка́къ выражу я вамъ мою благодарность?

— Дитя мое, продолжалъ Гравина, поднимая его: я потребовалъ-бы только, чтобы ты любилъ меня немножко, побольше занимался, а, еще болѣе, чтобы ты былъ честенъ.

Пьетро съ восторгомъ поцѣловалъ руку своего благодѣтеля ; онъ былъ такъ тронутъ, что другимъ образомъ не могъ выразить своего счастія. Самъ адвокатъ былъ не менѣе его взволнованъ. Онъ былъ увѣренъ, что молодой поэтъ, занявшись науками подъ его руководствомъ, приобрѣтетъ большую знаменитость; и эта мысль сильно утѣшала основателя Общества Аркадцевъ.

Съ того времени, Пьетро, слѣдуя римскому обычаю, принялъ титулъ аббата; и, чтобы скрыть свое происхожденіе, перемѣнилъ имя и назвался Метастазіо, что́ на греческомъ значитъ *преобразованный*.

И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ въ скоромъ времени совершенно преобразился. Съ необыкновеннымъ жаромъ принявшись за науку, онъ чрезъ шесть мѣсяцевъ написалъ свою знаменитую трагедію *Giustino*, въ которой самые строгіе критики того времени находили только одну погрѣшность—слишкомъ-рабское подражаніе древнимъ. Но Пьетро было тогда только шестнадцать лѣтъ.

Около того-же времени, Пьетро сдѣлался довольно-красивымъ мужчиною. Частое обращеніе въ свѣтѣ, смягчивъ природную грубость его пріемовъ, придало ему этотъ видъ, вмѣстѣ надменный и ласковый, который отличаетъ вельможъ. Замѣтная блѣдность, слѣдствіе занятій, покрывая его лицо, возвышала достоинство его

обыкновенно-серьёзной физіономіи. Строгая разборчивость въ одеждѣ, и необыкновенная внимательность къ своему туалету,—довершали его измѣненіе. Когда Пьетро, въ великолѣпной одеждѣ, съ рукою на шпагѣ, проходилъ по мостовой и бренчалъ своими шпорами, толпа раздвигалась предъ нимъ, и прохожіе говорили другъ другу:

— Это Метастазіо, усыновленный синьйоромъ Гравиною.

Успѣхъ его перваго драматическаго творенія рѣшилъ призваніе его. Съ-тѣхъ-поръ Метастазіо сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ театра *Valle*, на которомъ давались тогда произведенія знаменитѣйшихъ писателей.

Однажды, Метастазіо, еще тронутый красотами Меропы, сочиненія Маффеи, которую онъ слышалъ въ этотъ вечеръ, задумчиво шолъ одинъ во дворецъ Гравины. Онъ держался своего обычнаго пути *Strada del Fonte*. Луна въ полномъ блескѣ сіяла на небѣ; но тѣни домовъ, покрывая улицы, дѣлали ихъ совершенно темными. Только кое-гдѣ на перекресткахъ. пробивавшійся лунный свѣтъ освѣщалъ нѣкоторые предметы. Вдругъ на углу одной улицы Метастазіо увидѣлъ худощавую и гигантскую фигуру, вытянувшуюся вдоль стѣны. Эта фигура, качаясь съ-заду на-передъ, безпрерывно измѣняла величину своей тѣни, падавшей на мостовую. Метастазіо остановился.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Пьетро сдѣлался вельможей, онъ узналъ опасность ночныхъ прогулокъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, улицы Рима не были надежны въ этотъ поздній часъ. Онъ хотѣлъ воротиться; но, преодолѣвая свою слабость и любопытствуя объяснить себѣ эту загадку, онъ обнажилъ шпагу, и придерживаясь стѣнъ, смѣло приблизился къ страшному призраку. Это былъ человѣкъ: онъ держалъ въ рукѣ длинную шпагу; но что было всего страннѣе, онъ спалъ—стоя.

IV.

ЗАПАДНЯ.

Молинери пришолъ въ сильное негодованіе, когда узналъ, что его мѣсто у синьйора Гравины было занято другимъ. Онъ вдругъ почувствовалъ все, что терялъ отъ этого обстоятельства, и предвидѣлъ всѣ послѣдствія его. Безъ сомнѣнія, его непріятели должны были воспользоваться случаемъ отмстить ему за всѣ его пре-

жнія дерзости; его кредиторы, соскучившись обѣщаніями и ободренные безсиліемъ Молинери, могли ежеминутно нагрянуть на него съ своими требованіями и разорить въ-конецъ; наконецъ самые друзья его, эти бабочки, порхающія только вокругъ огня, по всѣмъ вѣроятіямъ, должны были покинуть это погасшее свѣтило, лишенное блеска и теплоты. Но Молинери, не желая быть побѣжденнымъ, поклялся, во-что-бы ни стало, возвратить себѣ милость своего дяди, и, съ этою цѣлію, онъ рѣшился измѣнить свое поведеніе и отдѣлаться отъ соперника.

Молинери пересталъ показываться въ свѣтѣ; онъ измѣнилъ свой внутренній бытъ, отказалъ самымъ короткимъ знакомымъ, принялъ другую осанку, обрѣзалъ волосы и сдѣлался частымъ посѣтителемъ церквей. Подобная метаморфоза удивила всѣхъ; немногіе сочли ее искреннею, другіе, болѣе недовѣрчивые, удвоили вниманіе, полагая, что Молинери затѣвалъ подъ этой маской какое-либо новое злодѣяніе. Изъ числа этихъ послѣднихъ былъ римскій губернаторъ. Однако Молинери велъ себя такъ осторожно, что наконецъ всѣ повѣрили его наружной перемѣнѣ; на его обращеніе смотрѣли какъ на чудо, которое приписывали особенной милости неба.

Не такъ легко было ему отдѣлаться отъ Метастазіо. Въ это время, устройство римской полиціи было чрезвычайно плохо. Сбиры, т. е. разбойники, состоявшіе на жалованьи, безъ мундировъ, неподчиненные никакой дисциплинѣ, были, подобно своимъ начальникамъ, *barigelli*, гораздо-менѣе расположены къ попадавшимся въ ихъ руки жертвамъ, нежели къ убійцамъ, которые покупали у нихъ безнаказанность. Ночью, улицы были пусты и худо освѣщены; днемъ, цѣлое народонаселеніе было свидѣтелемъ этихъ зрѣлищъ разбоя, которыя до того забавляютъ толпу, что она остается благодарной тому, кто даетъ ей случай видѣть ихъ. Но, хотя ему и нечего было опасаться низшей полиціи, однако Молинери было очень-хорошо извѣстно, что онъ имѣлъ противъ себя высшихъ начальниковъ города, которыхъ онъ не-разъ оскорблялъ своими дерзостями и насмѣшками. Поэтому гораздо-лучше было поручить это дѣло человѣку, который-бы одинъ принялъ на себя всю отвѣтственность. Римъ былъ наводненъ такъ-называемыми *bravi* (смѣльчаки, разбойники); Молинери зналъ ихъ всѣхъ, и всѣ его знали; уже не разъ имѣли они общія дѣла. Это обстоятельство помѣшало молодому вельможѣ потребовать ихъ участія; чтобы отстранить подозрѣнія и скрыть свое соучастіе въ преступленіи ему нуженъ былъ человѣкъ, новый въ этомъ ремеслѣ, который-бы не зналъ— ни кто, ни съ какой цѣлью поручаетъ ему это дѣло. Молинери до-

лго искалъ подобнаго человѣка; наконецъ онъ вспомнилъ о синьорѣ Булгарелли.

Какъ мы уже сказали выше. Булгарелли пользовался въ Римѣ всеобщею извѣстностію. Тамъ не было ни одного жителя, который-бы не встрѣчалъ этого длиннаго страдающаго существа, вѣчно занятаго исканіемъ обѣда. Но эта-то самая вездѣсущность дѣлала его неуловимымъ. Молинери напрасно исходилъ весь городъ; наконецъ случай помогъ ему.

Это было въ Великій-Четвергъ 1716 года.

Съ самаго утра, огромная площадь Св. Петра была покрыта народомъ, сошедшимся со всѣхъ окрестностей на разстояніи пятнадцати миль. Лучшія мѣста на колоннадѣ знаменитой церкви, были оставлены для иностранцевъ и вельможъ. Можно было узнать природныхъ Римлянъ по ихъ длинному темнаго цвѣта плащу, покрывавшему лѣвое плечо, по высокой шляпѣ, украшенной красною лентою и по гордому и мрачному виду, съ которымъ они ожидали начатія высокой церемоніи. Кардинальскія кареты, выстроенныя предъ фасадомъ San-Lorenzo, придавали разнообразіе этой сценѣ; ливреи, сбруя, возжи, перья, — все было красное. Позолота замѣчалась только на рессорахъ, колесахъ и кузовахъ каретъ. Папскіе солдаты, съ карабинами въ рукахъ, окружали площадь, образуя вокругъ ея плотную стѣну; а швейцары, облеченные въ ихъ брони, покрытыя желѣзными иглами, примыкали къ портику, и не допускали толпы съ этой стороны.

Вдругъ всеобщіе клики возвѣстили приближеніе Папы; скоро онъ показался на главномъ балконѣ, несомый въ своемъ святительскомъ креслѣ; онъ былъ въ полномъ облаченіи; золотая тіара, украшенная драгоцѣнными каменьями, величественно возвышала тройную діадиму на его почтенномъ челѣ. Два дѣйствующія лица, также въ золотыхъ облаченіяхъ, стояли по бокамъ и, наблюдая за его малѣйшими движеніями, поддерживали платье, скрещенное на его колѣнахъ, и длинный шлейфъ. Два большіе вѣера изъ павлиныхъ перьевъ, несомые сзади, укрывали отъ солнца лицо Его Святѣйшества. Тогда вся духовная свита, князья, посланники, прелаты, епископы и кардиналы, въ красныхъ одеждахъ и горностаевыхъ мантіяхъ, окружили Папу. Послѣ краткой молитвы, Папа простеръ руки; всѣ предстоявшіе пали ницъ, и онъ благословилъ *urbem et orbem*, городъ и вселенную; потомъ, онъ бросилъ на вѣтеръ, въ знакъ отпущенія грѣховъ, горсть летучихъ листьевъ.

Молинери, вѣрный своему плану, не пропустилъ этой церемоніи. Смѣшавшись съ толпою народа, онъ обратилъ на себя вни-

маніе сосѣдей своею набожною осанкою. По-временамъ только, онъ бросалъ во всѣ стороны разсѣянный взглядъ, стараясь открыть неваходимаго Булгарелли.

Когда Папа удалился, толпа поспѣшно отправилась на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ происходить обрядъ омовенія ногъ. Молинери послѣдовалъ за нею. На концѣ огромной залы, на возвышеніи, находилось двѣнадцать человѣкъ, изображавшихъ двѣнадцать апостоловъ, одѣтыхъ въ бѣлыя туники и подпоясанныхъ веревкою. Чрезъ нѣсколько минутъ явился Папа. Когда съ него сняли верхнюю одежду и тіару, и, засучивъ рукава, подвязали ему фартукъ, тогда апостолы сняли свою обувь; Папа налилъ немного воды на ихъ ноги и обтеръ ихъ. Молинери и здѣсь окинулъ присутствовавшихъ любопытнымъ взоромъ; онъ не понималъ, отчего Булгарелли, человѣкъ нуждающійся въ безпрерывномъ развлеченіи, не находился ни на одномъ изъ этихъ любопытныхъ зрѣлищъ. Какъ-бы-то ни было, еще и на этотъ разъ его надежда не исполнилась.

Наконецъ долженъ былъ еще совершиться третій и послѣдній обрядъ. Папа, чтобы заключить день приличнымъ образомъ, долженъ былъ служить бѣднымъ за столомъ. Пока онъ облачался, Молинери, все еще продолжая свои безплодные розыски, отправился на назначенное мѣсто. Всѣ мѣста были уже заняты. Молинери, пробившись сквозь густую толпу зрителей, началъ внимательно разсматривать окружавшихъ его; но съ какимъ стараніемъ ни наблюдалъ онъ, все было напрасно; тогда молодой вельможа потерялъ послѣднюю надежду.

Въ это время прибылъ Папа и началъ исполнять смиренную обязанность. Утомленный излишнею набожностію и тщетными розысками, Молинери хотѣлъ уже удалиться; какъ вдругъ его взглядъ остановился на одномъ изъ нищихъ, сидѣвшихъ за столомъ, посреди залы. Странный костюмъ, въ которомъ этотъ нищій былъ одѣтъ, не позволилъ Молинери узнать его. Однако его чрезвычайная худоба и необыкновенное прожорство уничтожили его сомнѣніе.

— *Per bacco*! подумалъ онъ... да это Булгарелли!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Булгарелли, по догадливости и инстинкту, свойственному пустымъ желудкамъ, нашолъ средство быть участникомъ этого пира.

Молинери укорялъ себя въ недогадливости, которая не дала ему вспомнить о вѣчно-голодной натурѣ Булгарелли; но онъ легко утѣшился въ своихъ прошедшихъ неудачахъ, когда увидѣлъ, что предметъ его розысковъ наконецъ предъ нимъ, и, опасаясь, чтобы эта

странствующая звѣзда, носящая имя Булгарелли, опять не ускользнула отъ него до слѣдующей Пасхи, онъ осторожно помѣстился за нимъ.

По окончаніи обѣда, Булгарелли всталъ изъ-за стола; но, когда онъ хотѣлъ идти за другими гостями въ ризницу, чтобы тамъ надѣть свое платье, Молинери вдругъ остановилъ его за руку, и закрывъ свое лицо плащемъ, сказалъ ему:

— Синьйоръ! мнѣ поручено вручить вамъ двѣсти червонцевъ.

Эти слова сильно потрясли Булгарелли. Онъ протянулъ руку.

— Дайте, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Молинери: со мной нѣтъ этихъ денегъ. Вы получите ихъ въ десять часовъ, у статуи Паскина.

— Сегодня?

Молинери хотѣлъ-было отвѣтить утвердительно, потому-что желалъ кончить разговоръ; однако внезапно мелькнувшая мысль удержала его. Можетъ-быть, думалъ онъ: этотъ день неудобенъ для столь опаснаго предложенія, каково есть убійство Метастазіо; Булгарелли теперь сытъ, а лучше подождать до-тѣхъ-поръ, когда голодъ сдѣлаетъ его сговорчивѣе.

Poter di Bacco! отвѣчалъ Молинери: вы торопитесь. Дайте кончиться праздникамъ; теперь ночью улицы полны народа, а мнѣ надо поговорить съ вами на-единѣ: подождите до понедѣльника; это не долго.

Сказавъ это, Молинери оставилъ своего удивленнаго собесѣдника и скрылся въ толпѣ.

Въ назначенный день и часъ Булгарелли исправно явился на мѣсто свиданія. Молодой дворянинъ тоже не заставилъ себя дожидаться. Лицо сего послѣдняго было по-прежнему закрыто плащомъ, и шляпа, нахлобученная на глаза, не позволяла узнать его.

— Вы исправны! сказалъ Молинери.

— Какъ солнце, синьйоръ.

Молинери устремилъ внимательный взоръ на бѣдняка. Ночной мракъ, проникая въ глубокія впадины его лица, придавалъ ему грустный видъ, и онъ казался несчастнѣе обыкновеннаго. Минута была благопріятная; Булгарелли проголодался до крайности.

— Ну, сказалъ Молинери, вынимая кошелекъ, который онъ потрясъ возлѣ ушей своего собесѣдника: вотъ сто червонцевъ; но только ихъ нужно заработать.

Булгарелли, котораго взоръ, полный зависти, былъ устремленъ на кошелекъ, съ удивленіемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— Вы знаете Метастазіо? продолжалъ Молинери.

— Знаю, отвѣчалъ Булгарелли: прекрасный кавалеръ, клянусь честью! Сынъ синьйора Гравины.

— Именно... Онъ каждый день бываетъ въ театрѣ *Valle* и возвращается оттуда чрезъ улицу Фонтана: эта улица всегда пуста. Вы спрячетесь за угломъ какого-нибудь дома, и когда онъ будетъ проходить мимо васъ...

Не оканчивая этой фразы, Молинери посмотрѣлъ вокругъ себя — никого не было.

— Вы его убьете!

— А если меня поймаютъ? сказалъ онъ.

— Вы недогадливы!.. говорятъ, вы Неапольтанецъ, а неаполитанскій посланникъ живетъ въ улицѣ Фонтана: слѣдовательно, эта улица для васъ святилище.

Булгарелли не отвѣчалъ. Какъ ни казался ему этотъ доводъ вѣроятнымъ, однако онъ не былъ имъ убѣжденъ. Съ другой стороны, тайна, которою облекался его собесѣдникъ, ни мало не тревожившая его, покуда дѣло шло о полученіи кошелька, — теперь казалось ему подозрительною.

— Синьйоръ, сказалъ онъ наконецъ: могу-ли, по-крайней-мѣрѣ, знать, отъ кого вы мнѣ предлагаете это?

— Это безполезно.

— Однако...

Молинери сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— О! воскликнулъ онъ: мы сюда явились не для разсужденій.... Предлагаемое мною дѣло вамъ не нравится? Прощайте!

— Я не говорю этого! быстро подхватилъ Булгарелли, слѣдуя печальнымъ взоромъ за кошелькомъ, который Молинери пряталъ за поясъ... Вы видите, что я напротивъ соглашаюсь.

Молинери не могъ удержать улыбки.

— И такъ это кончено... Вы возьмете кинжалъ?

Булгарелли потрясъ головою.

— Синьйоръ, сказалъ онъ, я предпочитаю шпагу.

И въ-самомъ-дѣлѣ его шпага была удобнѣе кинжала; управляемая его рукою, она могла достать свою жертву на неизмѣримомъ пространствѣ.

— Это ваше дѣло, отвѣчалъ Молинери... Желаю вамъ удачи.

Сказавъ это, дворянинъ хотѣлъ удалиться.

— Синьйоръ! Синьйоръ! закричалъ Булгарелли, удерживая Молинери за полу его плаща... а кошелекъ?

— Когда вы его заслужите. Чрезъ три дня, я буду на этомъ-же мѣстѣ.

Булгарелли ничего не отвѣчалъ; но когда дворянинъ удалился, онъ засмѣялся и прибавилъ:

— А! теперь-то я знаю, кто ты такой, и понимаю твое порученіе...

И точно: въ движеніи, которое онъ сдѣлалъ, чтобъ удержать Молинери, онъ совершенно открылъ лицо племянника Гравины.

Булгарелли остался нѣкоторое время въ задумчивости, потомъ, повертываясь во всѣ четыре стороны, онъ втягивалъ въ себя воздухъ, какъ-будто желая узнать направленіе вѣтра. Наконецъ, послѣ минутнаго размышленія, онъ сказалъ:

— Ну, пора! Сегодня лучше, чѣмъ завтра... Теперь около одиннадцати часовъ; представленіе въ театрѣ *Valle* еще не кончилось...

Съ этими словами Булгарелли отправился въ улицу Фонтана, чтобъ засѣсть на пути поэта. Но, истощенный голодомъ и усталостію,— ибо этотъ внезапный браво, съ знаменитаго обѣда Великаго Четверга, питался только видомъ ракетъ крѣпости Ангела и плошекъ купола Св. Петра, — онъ невольно предался дремотѣ, которой никакъ не могъ преодолѣть.

Въ сію-то самую минуту Метастазіо, возвращаясь изъ театра *Valle*, увидѣлъ эту огромную тѣнь, роскошно плававшую въ лунномъ свѣтѣ. Молодой человѣкъ, какъ мы уже сказали, приблизился съ обнаженною шпагою, и, схвативъ вдругъ за конецъ невиннаго оружія этого таинственнаго лица —

— Я не ошибаюсь! воскликнулъ онъ: это Булгарелли.

Булгарелли, вдругъ пробужденный этимъ внезапнымъ нападеніемъ, не скоро опомнился:

— Вы меня знаете? спросилъ онъ наконецъ, съ какимъ-то безпокойствомъ.

— Ба! отвѣчалъ Метастазіо: кто не знаетъ въ Римѣ синьйора Булгарелли, супруга, *in partibus*, прелестной Ромаривы?

Этотъ отвѣтъ задѣлъ Булгарелли за живое; однако, не-смотря на то, что его положеніе вовсе не было благопріятно для хвастовства, онъ сказалъ:

— Скоро, синьйоръ, Булгарелли докажетъ, кто онъ такой!

— Красивѣйшій изъ кавалеровъ Папской Области.

— Довольно-длинный, но не довольно-широкій.

— Судя по слухамъ, храбрый какъ его шпага!

— Храбрѣе, синьйоръ: ибо онъ всегда впереди ее.

— А что дѣлаете вы въ этотъ часъ?

— Вы видѣли,—я спалъ.

— Стоя?

— Мостовая такъ холодна!

— Со шпагою въ рукѣ?

— Улицы такъ не надежны!

— Ба! ба! шепталъ Метастазіо... Синьйоръ Булгарелли, можетъ быть, я ошибаюсь, но, какъ мнѣ кажется, вы затѣвали что-то нечистое.

При этомъ неожиданномъ обвиненіи, Булгарелли, еще полусонный, видимо смутился; онъ боялся, не сказалъ-ли онъ какой-нибудь глупости.

— Вы думаете, синьйоръ? спросилъ онъ въ замѣшательствѣ.

— Я увѣренъ въ этомъ, ибо ваша рука дрожитъ, и шпага прыгаетъ, какъ-будто вы оба были въ лихорадкѣ.

— Это очень можетъ быть, пробормоталъ Булгарелли.

— Вы занимаетесь славнымъ ремесломъ! продолжалъ Метастазіо.

— Увы, синьйоръ, я испыталъ много другихъ, и всѣ онѣ сдѣлали меня такимъ худымъ!

— Правда; но за это васъ повѣсятъ.

Булгарелли затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Согласитесь, сказалъ поэтъ, выпуская шпагу своего противника, что у васъ вовсе не разбойническая наружность.

Булгарелли хотѣлъ быть убѣжденнымъ.

— Это правда, отвѣчалъ онъ, бросая сострадательный взглядъ на свою тонкую особу.

— Не лучше-ли-бъ вамъ было въ постелѣ?

— Синьйоръ, жалобно отвѣчалъ бѣднякъ: *я не обѣдалъ*.

— Но вѣдь кто спитъ, тотъ обѣдаетъ!

— Нѣтъ! скорѣе кто обѣдаетъ, тотъ спитъ.

— Ну, вотъ вамъ на что пообѣдать, сказалъ, вынимая кошелекъ, тронутый состраданіемъ Метастазіо: только вложите вашу шпагу въ ножны и откажитесь отъ ремесла ночнаго бродяги.

Булгарелли, тронутый до слезъ, не могъ удержать порыва благодарности; онъ упалъ къ ногамъ молодаго поэта и схвативъ его руки, воскликнулъ:

— Синьйоръ! Синьйоръ!... Я не достоинъ вашихъ милостей.

И онъ залился слезами.

— Что съ вами? спросилъ Метастазіо.

— Увы, синьйоръ! я виновенъ; но я хочу исправить свой поступокъ, и отблагодарить васъ за вашу щедрость полнымъ признаніемъ.

— Говорите же скорѣе, вы меня удивляете!

— И такъ синьйоръ, *я васъ* дожидался за этимъ угломъ.

— Меня? воскликнулъ Пьетро.... Развѣ вы меня знаете?

— Вы синьйоръ Метастазіо,

— Чего-жъ вы хотѣли отъ меня?

— Я хотѣлъ васъ убить.

Метастазіо вздрогнулъ и машинально спряталъ кошелекъ.

— Убить меня, несчастный!... Но что жъ я вамъ сдѣлалъ?

— Увы! синьйоръ, мнѣ посовѣтовали это.

— Кто-жъ далъ вамъ подобный совѣтъ?

— Синьйоръ Молинери.

— *Il dannato*!... но я никогда не говорилъ съ нимъ!

— Правда; но онъ племянникъ синьйора Гравины, а, какъ кажется, вы лишили его наслѣдства дяди.

Еслибы темнота не препятствовала видѣть лицо молодаго поэта, Булгарелли ужаснулся-бы дѣйствія, которое произвели на него эти слова: Метастазіо трепеталъ; взоръ его омрачился; зубы защолкали, и вдругъ, забывши и своего собесѣдника и все, что онъ обѣщалъ ему, — онъ пустился бѣжать и скрылся во мракѣ, прежде нежели изумленный Булгарелли успѣлъ замѣтить его движеніе и воспротивиться бѣгству.

Когда Булгарелли опомнился, онъ обтеръ полные слезъ глаза, а также шпагу, покрытую росою, и тщательно вложивъ ее въ ножны, удалился.

Но на половинѣ пути ему вдругъ пришла идея; идеи легче всего приходили къ нему. Въ одно и тоже время обманутый въ своей надеждѣ и Метастазіо, и Молинери, Булгарелли взлумалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, открывъ его синьйору Гравинѣ. Онъ не сомнѣвался, что этотъ послѣдній хорошо вознаградитъ за подобную откровенность. Мы уже сказали выше, что Булгарелли питалъ противъ Ромарины замыслы, исполненіе которыхъ останавливалось за недостаткомъ денегъ: ему надобно было ѣхать въ Венецію. Это размышленіе придало ему рѣшительности, — и на другой день, онъ явился въ домъ знаменитаго адвоката.

Когда Булгарелли вышелъ оттуда — его нельзя было узнать. Всѣ были изумлены его надмѣннымъ видомъ; цѣлое утро ходилъ онъ мимо палаццо Сакетти, и когда онъ смотрѣлъ на это великолѣпное зданіе, его взглядъ дѣлался такъ выразителенъ, что даже Лоренцо, этотъ неумолимый Аргусъ, стоящій на стражѣ Эдема, не могъ смотрѣть на него безъ трепета.

Вечеромъ того-же дня Булгарелли отправился въ Венецію.

—

V.

ВО-ВРЕМЯ КОНЧИНЫ.

Послѣднія слова Булгарелли произвели необыкновенное дѣйствіе на Метастазіо. Онъ сдѣлался печаленъ, задумчивъ, молчаливъ, не выходилъ изъ дома, говорилъ неохотно и почти не принималъ необходимой пищи. По цѣлымъ часамъ неподвижный, съ сложенными руками, онъ или сидѣлъ на краю постели, или стоялъ безмолвно, какъ мраморная статуя, на садовой дорожкѣ. Никто не зналъ, какая горькая мысль занимала молодаго поэта. Самъ Гравина, котораго нѣжность была испугана этою перемѣною, напрасно старался проникнуть тайну.

Наконецъ въ одно утро Метастазіо, казалось, преодолѣлъ тяготившее его оцѣпененіе.

— Это не можетъ продолжаться долѣе, сказалъ онъ : пора кончить.

И надѣвъ тотчасъ свою шпагу, плащъ и шляпу съ перьями, онъ направилъ шаги къ *Piazza Colonna*. Скоро онъ постучался въ дверь Молинери.

Пьетро, не останавливаясь, прошолъ двѣ комнаты. Слуга, полулежавшій на скамьѣ, всталъ при его появленіи и безмолвно провелъ его до дверей залы, гдѣ онъ былъ вѣжливо принятъ *maestro di camera*, который спросилъ его имя, отворилъ обѣ половинки двери, ведущей во внутренніе покои, и громко возгласилъ: «Синьйоръ Метастазіо.»

При этомъ имени, Молинери судорожно всталъ съ своего мѣста; страшная блѣдность покрыла лицо его. Метастазіо рѣшительно вошолъ въ комнату, и, бросивъ свою шляпу на стулъ, который только-что занималъ племянникъ Гравины, сказалъ ему съ важностію :

— Конечно, синьйоръ, мое появленіе васъ удивляетъ.

— Сказать по-правдѣ, синьйоръ, я вовсе не ожидалъ васъ.

— Очень вѣрю, сказалъ Метастазіо, и постараюсь объясниться.

Потомъ, окинувъ комнату медленнымъ и внимательнымъ взглядомо, онъ прибавилъ:

— Но разговоръ, который мы должны имѣть, довольно важенъ, а потому распорядитесь, чтобы мы не были обезпокоены въ продолженіе его.

Молинери позвонилъ и приказалъ никого не принимать. Тогда Метастазіо снялъ свою шпагу и положилъ ея вдоль стѣны, на протяженіе руки; потомъ усѣлся въ кресло, которое онъ выдвинулъ на средину комнаты.

— Я, синьйоръ, сказалъ онъ, давно имѣю честь знать васъ. Прежде нежели вы снискали извѣстность человѣка кроткаго и набожнаго, которой вы пользуетесь теперь, вы гремѣли другою славою, если не такъ похвальною, то не менѣе громкою.

— Синьйоръ, сухо отвѣчалъ Молинери: я знаю свою исторію.

— Позвольте, продолжалъ Метастазіо... я вамъ раскажу также и свою. Итакъ, ваша жизнь раздѣляется на двѣ половины, совершенно между собою противоположныя. Въ продолженіе первой изъ нихъ, я былъ ничто или почти ничто; однако я любилъ видѣть молодыхъ вельможъ, восхищаться ихъ нарядомъ и слушать расказы объ ихъ подвигахъ. Въ особенности одинъ изъ нихъ, *il dannato*, — вы его знаете — плѣнялъ мое воображеніе своего пышностію и смѣлостію. Но, не обращая вниманія на генеалогію, я зналъ только, что онъ былъ самый роскошный, самый красивый, самый предпріимчивый и храбрый дворянинъ Церковной Области. Въ послѣдствіи времени мое положеніе измѣнилось. Существованіе мое тоже дѣлится на два періода. Благодаря щедрости одного сильнаго человѣка я сдѣлался. . тѣмъ, чѣмъ вы меня видите... лицомъ неважнымъ, это правда!... однако я сдѣлалъ большой шагъ. За недостаткомъ рожденія, образованность и богатство возвели меня на степень тѣхъ, которымъ я недавно завидовалъ. Тогда узналъ я о чудесномъ превращеніи. *Il dannato*, какъ говорили всѣ, измѣнилъ свое поведеніе, разорвалъ связи, удалилъ всѣхъ товарищей его прежнихъ безумствъ и показалъ свѣту примѣръ добродѣтели, равняющейся его прошлому распутству. Но они имѣли какіе-нибудь виды скрывать отъ меня подробности, относившіяся до этого чуднаго лица, или, можетъ-быть, я былъ очень-занятъ исполненіемъ своихъ новыхъ обязанностей, только я былъ не слишкомъ-внимателенъ къ этимъ слухамъ и не старался ничего узнать о преобразовавшемся дворянинѣ.

— Синьйоръ, сказалъ Молинери: я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ.

— Я хочу сказать, отвѣчалъ Метастазіо, что до-сихъ-поръ я не зналъ, что вы племянникъ синьйора Гравины.

Это признаніе очень удивило Молинери; ему казалось страннымъ, что Метастазіо не зналъ обстоятельства, извѣстнаго всему городу. Однако онъ увѣрился въ истинѣ его словъ, когда, устре-

мивъ на поэта проницательный взоръ, замѣтилъ покойный видъ, съ которымъ онъ выдержалъ его.

— А теперь вамъ это извѣстно? спросилъ онъ.

— Теперь мнѣ это извѣстно, отвѣчалъ Метастазіо, — и вотъ причина моего теперешняго посѣщенія.

При этихъ словахъ удивленіе Молинери увеличилось еще болѣе.

— Синьйоръ, сказалъ онъ: признаюсь, что я вовсе не понимаю отношенія между вашимъ посѣщеніемъ и моимъ родствомъ съ синьйоромъ Гравиною.

— Вы это тотчасъ узнаете.

Вдругъ лицо поэта омрачилась; онъ задумался; казалось, онъ былъ жертвою внутренняго волненія, которое впрочемъ съ трудомъ преодолѣлъ.

Наконецъ онъ продолжалъ:

— Синьйоръ! богатство есть вещь прекрасная, въ особенности для тѣхъ, которыхъ, подобно мнѣ, оно неожиданно надѣляетъ своими дарами. Признанный, по милости синьйора Гравины, наслѣдникомъ его несмѣтнаго богатства, я, подобно другимъ, наслаждался прелестными мечтами и любовался блестящею будущностію, которую изображали мнѣ мои законныя надежды. Но тогда я не зналъ васъ. Теперь-же я чувствую, что это счастіе не можетъ и не должно мнѣ принадлежать. Признаюсь вамъ въ моей слабости, я долго боролся съ самимъ собою, прежде нежели рѣшился на жестокое пожертвованіе; однако голосъ совѣсти заглушилъ во мнѣ голосъ интереса, и я пришолъ къ вамъ, чтобы возвратить любовь и состояніе, на которыя вы одни имѣете право.

Не смотря на свое распутство, Молинери былъ живо тронутъ величіемъ этаго благороднаго поступка. Онъ быстро всталъ съ своего мѣста, и, увлеченный порывомъ радости и благодарности, воскликнулъ, схвативъ за руку молодаго поэта:

— Синьйоръ, подобное великодушіе можно только вознаградить безпредѣльною преданностію.

Метастазіо печально улыбнулся.

— Но, продолжалъ Молинери: неужели вы думаете, что примиреніе между мною и моимъ дядею возможно?

— Надѣюсь... заботливость, съ какою синьйоръ Гравина скрываетъ отъ меня ваше существованіе, желаніе, чтобы вы не являлись къ нему, слезы, которыя я замѣчалъ иногда на глазахъ его, все мнѣ доказываетъ, что онъ чувствуетъ еще къ вамъ нѣжность, которую старается заглушить, и что вамъ стóитъ только явиться, чтобы возвратить всю его любовь, которая скрыта лишь на-время на днѣ его сердца.

— Говорятъ, что синьйоръ Гравина страдаетъ теперь всѣми признаками преждевременной старости, и не покидаетъ дома. Какъ могу я встрѣтить его?

— Я проведу васъ къ нему.

— О синьйоръ! продолжалъ Молинери, снова сжимая руку молодаго поэта: послѣ подобной услуги, я вашъ до конца жизни.

Метастазіо всталъ; онъ бросилъ быстрый взглядъ на своего собесѣдника; потомъ, взявъ свою шпагу и шляпу, сказалъ:

— Синьйоръ! будьте завтра въ двѣнадцать часовъ за палаццо Гравины, возлѣ садовой калитки; я приду туда за вами....

И съ этимъ словами онъ удалился.

Это было воскресенье. Молинери исправно явился на назначенное мѣсто. Почти всѣ люди Гравины, даже Якопо, были въ церкви. Метастазіо сошолъ въ садъ и отворилъ калитку Молинери. Когда Молинери увидѣлъ эти густыя деревья, подъ тѣнью которыхъ протекла его первая молодость, эти прелестныя статуи, эти журчащіе фонтаны, когда-то увеселявшіе взоръ и слухъ его, этотъ великолѣпный дворецъ, гдѣ не разъ онъ былъ повелителемъ и изъ котораго теперь такъ безжалостно былъ изгнанъ, — онъ не могъ удержать завистливаго взгляда. Напротивъ, Метастазіо, томнымъ выраженіемъ своихъ глазъ, казалось, на-вѣки прощался со всѣми этими предметами.

Молодые люди шли, не говоря ни слова. Наконецъ, поднявшись на мраморное крыльцо, они вошли въ большой залъ, котораго окна съ одной стороны выходили въ садъ, а съ другой на дворъ. Здѣсь они остановились.

— Подождемъ здѣсь, синьйоръ, сказалъ Метастазіо: это время обычной прогулки синьйора Гравины; вы станьте на его дорогѣ.

Молинери былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; онъ зналъ, что чрезъ нѣсколько минутъ судьба его на-вѣки рѣшится. Метастазіо былъ неменѣе его взволнованъ; по мѣрѣ приближенія роковой минуты, онъ болѣе и болѣе чувствовалъ великость своего пожертвованія. Впрочемъ, это непріятное состояніе продолжалось недолго. Скоро они услышали большой шумъ въ сосѣдней комнатѣ; наконецъ дверь отворилась и синьйоръ Гравина, поддерживаемый, или, правильнѣе, несомый двумя здоровыми лакеями, явился въ залѣ.

Не-смотря на то, что синьйоръ Гравина былъ уже въ совершенномъ изнеможеніи, когда мы его видѣли въ первый разъ при посѣщеніи губернатора, — онъ въ этотъ промежутокъ времени еще болѣе перемѣнился. Имъ овладѣла чрезвычайная слабость. Члены его безпрерывно дрожали, и онъ дышалъ съ такимъ трудомъ, что каждый вздохъ его можно было считать послѣднимъ. Близость его

смерти не подлежала уже сомнѣнію. Не-смотря на полное физическое разстройство, Гравина сохранилъ необыкновенную ясность ума; его блестящій взоръ доказывалъ, что онъ не лишился еще природной энергіи.

Молинери тотчасъ понялъ, чего ему можно было надѣяться и опасаться отъ этихъ двухъ обстоятельствъ. Онъ медлилъ приблизиться къ Гравинѣ, ибо этотъ вовсе не замѣтилъ его присутствія. Тогда Метастазіо подошолъ къ старику. При этой знакомой походкѣ, Гравина поднялъ голову, и, обращаясь къ молодому поэту :

— А! сказалъ онъ, это ты, Метастазіо.... Здравствуй, дитя мое! Я очень-радъ, что вижу тебя.... я страдаю болѣе обыкновеннаго.

Метастазіо хотѣлъ было отвѣчать; но въ это самое время, взоръ старика остановился на Молинери, который неподвижно стоялъ на другомъ концѣ залы. Гравина выпрямился съ необыкновеннымъ усиліемъ, и, устремивъ на Молинери взоры, полные гнѣва, воскликнулъ :

— Праведное небо! вы, сударь, здѣсь!

Молинери понялъ, что пора было дѣйствовать; онъ бросился къ своему дядѣ, и, упавъ къ ногамъ его :

— О! синьйоръ, сказалъ онъ : простите меня!

— Никогда! отвѣчалъ старикъ, никогда!

— Если я прежде впалъ въ вашу немилость, я теперь считаю себя достойнымъ прощенія.... Совершенно перемѣнивъ свое поведеніе, я далъ довольно доказательствъ раскаянія моего.

— Напрасное лицемѣрство!.... Это значитъ, что, не желая, чтобы мое состояніе досталось другому, вы полагали, что личною добродѣтели возвратите его себѣ; но разувѣртесь сударь, я не хочу, чтобы мое имѣніе было промотано такъ, какъ имѣніе вашего отца.

— Дядюшка!

— Это напрасно, сударь : ваше присутствіе мнѣ противно, удалитесь.

Молинери всталъ въ отчаяніи.

— Синьйоръ, сказалъ Местатазіо, почтительно приближаясь къ старику : позвольте присоединить мою просьбу къ просьбѣ синьйора Молинери. Я не имѣю теперь права на ваши милости. Однако я вамъ многимъ обязанъ, синьйоръ; изъ ничтожнаго дитяти вы сдѣлали поэта; вы дали мнѣ блистательное образованіе, вы вселили во мнѣ чувство собственнаго достоинства. Этого довольно, синьйоръ; я теперь самъ могу заботиться о своей участи. Сохраните мнѣ ваше уваженіе, которое я считаю драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ въ мірѣ; но возвратите вашему племяннику мѣсто, которое онъ такъ долго

занималъ въ вашемъ сердцѣ, и часть вашихъ милостей, на которую онъ имѣетъ право.

Когда молодой поэтъ говорилъ, лицо Гравины приняло странное выраженіе.

— И ты, Метастазіо, ходатайствуешь за него? Развѣ ты не знаешь, что онъ посягалъ на твою жизнь?

Метастазіо, не говоря ни слова, опустилъ голову. Молинери вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Что говорите вы, синьйоръ? воскликнулъ онъ.

Гравина при этомъ вопросѣ повернулся къ Молинери, и, устремивъ на него огненный взглядъ, твердо сказалъ:

— Я говорю, что ты убійца, и проклинаю тебя!

Такая сцена была опасна для Гравины. Произнесши эти слова, онъ упалъ въ обморокъ. Его тотчасъ вынесли. Метастазіо въ безпокойствѣ послѣдовалъ за печальною свитою. Молинери, поражонный, уничтоженный отвѣтомъ дяди, остался одинъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ два лакея, унесшіе Гравину, поспѣшно проходили чрезъ залъ. По ихъ смущенному и озабоченному виду, Молинери понялъ, что происходило что-то необыкновенное.

— *Cameriere*, спросилъ онъ одного изъ нихъ : лучше-ли синьйору Гравинѣ?

— Синьйоръ Гравина кончается, отвѣчалъ лакей: мы идемъ за священникомъ и за докторомъ.

Услышавъ это, Молинери затрепеталъ.

— Все пропало! подумалъ онъ.

И, удовлетворяя непреодолимому любопытству, вошолъ въ сосѣднюю комнату : это былъ кабинетъ Гравины. Молинери зналъ, что слѣдующая затѣмъ комната была спальня; слѣдовательно, онъ могъ слышать отсюда разговоръ больнаго и подсматривать за всѣмъ, что дѣлалось въ его комнатѣ. Подошедъ на цыпочкахъ къ самой двери, и облокотясь на *scritojo*, родъ мебели, замѣнявшей въ то время наши письменные столы,—онъ весь обратился во вниманіе. Но ему слышалось только тяжолое хрипѣніе старика и рыданія Метастазіо.

Ничто не можетъ дать понятія объ отчаяніи Метастазіо. Печальное зрѣлище, которое было у него передъ глазами, страшная потеря, которой онъ ежеминутно ожидалъ и притомъ мысль, что онъ причиной смерти его благодѣтеля,—все это приводило его въ ужасъ. Неподвижно стоя на колѣняхъ возлѣ постели, онъ внимательно наблюдалъ за ходомъ этой медленной, но мучительной агоніи. Гравина не могъ еще говорить. Его сомкнутыя рѣсницы, синеватые губы, чрезвычайная блѣдность, покрывавшая лицо—изобра-

жали смерть совсѣмъ торжественною холодностію. Каждую минуту надо было ожидать, что эта драгоцѣнная жизнь угаснетъ: а между-тѣмъ не было доктора, чтобы поддержать ее, не было священника, чтобы утѣшить умирающаго,—никто не приходилъ!

Метастазіо въ нетерпѣніи вышелъ изъ комнаты. Въ кабинетѣ онъ засталъ Молинери, который съ безпокойствомъ ожидалъ конца этой сцены.

— Ну, что? спросилъ онъ.

— Ахъ! синьйоръ, сказалъ Метастазіо: изъ-за васъ я на всю жизнь потерялъ спокойствіе совѣсти.

— Какъ, развѣ дядюшкѣ не лучше?

— Увы! нѣтъ никакой надежды!

— Могу-ли я видѣть его прежде кончины?

— О! не дѣлайте этого! онъ васъ не узнаетъ; а хотя-бы и узналъ, то ваше присутствіе въ эту страшную минуту убьетъ его.

Вдругъ слабый голосъ послышался изъ комнаты больнаго.

— Боже! это его голосъ! воскликнулъ Метастазіо... Онъ зоветъ меня!...

И въ-самомъ-дѣлѣ Гравина только-что пришолъ въ себя. При видѣ Метастазіо, старикъ улыбнулся и протянулъ ему руку.

— Гдѣ мои слуги? спросилъ онъ.

— Увы! синьйоръ, они всѣ разошлись; тѣ, которые оставались, пошли за нѣкоторыми изъ вашихъ друзей, за докторомъ и за священникомъ. Я не знаю, отчего они до-сихъ-поръ не возвращаются.

Гравина печально покачалъ головою.

— Дитя мое, сказалъ онъ, я умираю. Усилія науки тщетны, когда Богъ требуетъ насъ къ себѣ; при томъ-же, кто прожилъ свой вѣкъ подобно мнѣ, тотъ можетъ безъ страха предстать предъ святой судъ Его.

Но видя, что Метастазіо при этихъ словахъ залился слезами, онъ прибавилъ:

— Для чего-же это отчаяніе, дитя мое? Теперь наступило время нашей земной разлуки; но придетъ и другое, гдѣ мы опять встрѣтимся на небѣ. Я чувствую, что силы меня оставляютъ, а я долженъ серьёзно побесѣдовать съ тобою, прежде нежели скажу тебѣ вѣчное прости! Выслушай меня.

И, собравшись съ мыслями, онъ продолжалъ:

— Ты еще слишкомъ-молодъ, Метастазіо; ты остаешься здѣсь одинъ на жертву злобы, зависти, измѣны; это участь всѣхъ геніальныхъ людей. Но я поручаю тебѣ драгоцѣнный талисманъ, посредствомъ котораго ты будешь открывать добрыхъ и избѣгать злыхъ; я завѣщаю тебѣ все мое имущество. Въ моемъ кабинетѣ,

въ *scritojo*, ты найдешь шкатулку, и тамъ завѣщаніе, которымъ я дѣлаю тебя полнымъ моимъ наслѣдникомъ. Это послѣднее доказательство моей нѣжности къ тебѣ, и благодарности за твои попеченія, благородство и добродѣтель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣщаю я тебѣ много несчастныхъ. Помни, дитя мое, что Богъ создалъ богатыхъ для того, чтобы помогать неимущимъ. Я исполнялъ во всю жизнь эту священную обязанность; надѣюсь, что и ты будешь исполнять ее въ мое воспоминаніе... Теперь, мой другъ, прощай!

Произнеся это послѣднее слово, Гравина улыбнулся въ послѣдній разъ; потомъ, устремивъ глаза на небо, онъ испустилъ духъ.

Метастазіо, внѣ себя, встревоженный, закрылъ глаза старика. Потомъ, желая сообщить Молинери страшную вѣсть, онъ бросился въ кабинетъ.

— Синьйоръ! Синьйоръ! воскликнулъ онъ: теперь вы можете обнять вашего дядю: синьйоръ Гравина скончался!

Но Молинери тамъ уже не было. Метастазіо окинулъ комнату блуждающимъ взоромъ; *scritojo* было отворено, и на одной изъ ея полокъ лежала разломанная и пустая шкатулка.

— О! несчастный! сказалъ онъ.... Молинери укралъ завѣщаніе.

VI.

ПОКИНУТАЯ ДИДОНА.

Смерть синьйора Гравины повергла въ глубокое уныніе жителей Рима. Въ продолженіе восьми дней, тѣло было выставлено у дверей палаццо, и прилегавшія къ нему улицы были такъ наполнены желавшими отдать послѣдній долгъ покойнику, что римскій губернаторъ долженъ былъ отрядить солдатъ для охраненія тѣла умершаго.

Наконецъ наступилъ день похоронъ. Никогда еще Римъ не видалъ церемоніи болѣе великолѣпной. Рано утромъ раздался погребальный колоколъ приходской церкви покойнаго, *Santa-Maria della Consolazione*; и народъ, всегда жадный до зрѣлищъ, покинувъ свои жилища, наполнилъ улицы, по которымъ должна была проходить печальная процессія. Однако погребеніе, слѣдуя давнишнему обычаю, должно было совершиться только вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ.

Когда настала ночь, процессія двинулась. Сначала шолъ отрядъ папскихъ драгуновъ, а за нимъ, въ благоговѣйномъ молчаніи, слѣдовали Общество бѣдныхъ и Братство мертвыхъ. Сословіе адокатовъ и академиковъ, предводимыхъ старѣйшинами и одѣтыхъ въ чорныхъ мантіяхъ, которыхъ концы влачились по землѣ, въ знакъ печали, и члены разныхъ академій, заключали шествіе. Аркадцы, которыхъ Гравина былъ основатель и глава, попеременно несли прахъ своего усопшаго учредителя.

Гравина, съ открытымъ лицомъ, съ руками крестообразно сложенными, со множествомъ знаковъ отличія на груди, обращалъ вниманіе всѣхъ ясностію своего чела, которой даже смерть не уничтожила.

За тѣломъ ѣхала карета, вся обтянутая чорнымъ; ея лошади были покрыты попонами изъ чорнаго, шитаго серебромъ бархата. При ея появленіи, въ толпѣ раздался глухой ропотъ: она узнала гербъ синьйора Молинери, племянника и единственнаго наслѣдника Гравины. Однако самого Молинери тамъ не было. Римскій обычай воспрещаетъ родственникамъ слѣдовать за покойникомъ; только, стоя у оконъ или на балконахъ, они оттуда провожаютъ взоромъ усопшаго и издали прощаются съ нимъ.

За каретой, подъ предводительствомъ безутѣшнаго Якопо, шла прислуга покойнаго.

Папа прислалъ свои пустыя кареты. За ними ѣхали экипажи кардиналовъ, князей, посланниковъ и прелатовъ; потомъ сжатая безконечная толпа, съ выраженіемъ благоговѣнія и скорби, — заключала шествіе.

Процессія медленно подвигалась во мракѣ; по бокамъ шли монахи, съ босыми ногами, подвязанные веревкою, съ головою совершенно закрытою капишономъ. Они пѣли погребальные гимны, и несли зажженыя восковыя свѣчи, которыхъ красноватый свѣтъ освѣщалъ домы во всю ихъ высоту.

По прибытіи въ церковь, Гравину положили на катафалкъ нарочно для этого приготовленный; въ-слѣдъ за симъ началось отпѣваніе. Когда окончили всѣ молитвы, то каждый изъ присутствовавшихъ окропилъ покойника святою водою; монахи опять запѣли погребальные гимны, и четыре человѣка, взявъ гробъ, опустили его въ склепъ, котораго зіяющая пасть была открыта подъ ногами зрителей. Скоро потомъ отверзтіе закрылось; монахи поочередно преклонили на камнѣ колѣна и загасили свѣчи. Тогда толпа покинула храмъ, и Гравина остался одинъ, на жертву мрака, безмолвія, вѣчности!

Уже прошло нѣкоторое время съ окончанія церемоніи. Серебря-

ная лампа, висѣвшая въ главномъ сводѣ храма, бросала тусклый свѣтъ на половую плиту и на окружныя колонны.

Вдругъ молодой человѣкъ, до-тѣхъ-поръ скрывавшійся въ складкахъ катафалка, показался въ церковномъ полумракѣ; по его чорной одеждѣ, по необыкновенной блѣдности, покрывавшей его лицо,—его можно было принять за призракъ. Онъ остановился, какъ будто прислушиваясь, бросилъ вокругъ себя безпокойный взглядъ, и, увѣрившись послѣ-этихъ предосторожностей, онъ кое-какъ дошолъ до надгробнаго камня. Здѣсь онъ упалъ на колѣна. Раздирающіе вопли вырвались изъ его груди. Онъ долго-бы еще оставался на этомъ мѣстѣ, ибо скорбь его казалась глубокой, но церковный сторожъ, проходившій въ это время дозоромъ, замѣтилъ его, и приблизившись, тихонько ударилъ по плечу.

— Синьйоръ, сказалъ онъ: какъ вы попали сюда?... Церковь заперта.

— Мнѣ хотѣлось-бы провести ночь на этомъ камнѣ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Это невозможно, выйдите.

Молодой человѣкъ, не говоря ни слова, отеръ свои глаза и въ сопровожденіи сторожа вышелъ изъ храма. Потомъ, сойдя съ крыльца, онъ исчезъ въ узкихъ улицахъ, ведущихъ къ *Campo Vacino*.

Это былъ Метастазіо.

Изгнанный изъ палаццо *Гравины* случившимися тамъ переворотами, Пьетро избралъ *Campo Vacino* мѣстомъ своего пребыванія. Это мѣсто, находящееся внѣ города, почти у самого входа въ это обширное поле, гдѣ разбросано столько величественныхъ памятниковъ древняго Рима, приличествовало болѣе всякаго другаго настоящему расположенію души поэта.

Занимаемый имъ домъ былъ самой жалкой наружности. Маленькій, почти затерянный между домами, находящимися на *Campo Vacino*, въ виду арки Септимія Севера, этотъ *casacciola*, казалось, былъ выстроенъ для подобнаго Метастазіо несчастливца, брошеннаго на произволъ судьбы своей.

Молодой поэтъ, возвратившись домой, опустился въ кресло, стоявшее предъ его рабочимъ столомъ. Облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками, онъ предался размышленію. Еще въ первый разъ въ жизни онъ ужаснулся своего положенія, которое въ-самомъ-дѣлѣ было затруднительно. Его любовь къ Ромаринѣ, его слава, всѣ его надежды, все это готово было рушиться. Онъ ощутилъ всю тягость испытанія, которое небо посылало его твердости.

Пока поэтъ оставался еще погружоннымъ въ размышленія, три сильныхъ удара въ дверь съ улицы раздались въ его комнатѣ. Метастазіо вдругъ поднялъ голову и, бросивъ быстрый взглядъ на деревянные часы, висѣвшіе въ углу комнаты:

— Уже одиннадцать часовъ, сказалъ онъ. Кто можетъ придти такъ поздно?

Раздались три новые удара.

— Посмотрю, сказалъ поэтъ.

И пошолъ отворить дверь.

Чрезъ мгновеніе онъ возвратился съ высокимъ и худощавымъ мужчиной, съ ногъ до головы одѣтымъ въ чорное.

— Якопо! Сказалъ Метастазіо.

— Да, сказалъ старый секретарь Гравины.

И посмотрѣвъ вокругъ себя подозрительнымъ взглядомъ, онъ спросилъ:

— Одни-ли мы здѣсь?

— Совершенно одни, отвѣчалъ удивленный Метастазіо... Этотъ домъ весь принадлежитъ мнѣ.

— Хорошо.

Произнеся эти слова, онъ приблизился къ молодому поэту, на котораго смотрѣлъ съ участіемъ нѣсколько мгновеній.

— Бѣдное дитя! сказалъ онъ наконецъ: какъ поразившее насъ несчастіе измѣнило вашу будущность!

— Что-жъ дѣлать! отвѣчалъ Метастазіо : пути Божіи неисповѣдимы!

— О! отвѣчалъ Якопо, съ страннымъ выраженіемъ, которое не ускользнуло отъ поэта : этому причиною—не Провидѣніе.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

Якопо не рѣшался отвѣчать.

— Метастазіо, сказалъ онъ наконецъ: я боюсь вашего великодушія.

Метастазіо выразилъ удивленіе.

— Вы не понимаете меня, сказалъ Якопо... Я обвиняю въ васъ столь рѣдкую добродѣтель!.. Впрочемъ, выслушайте меня.

Метастасіо, удивленный словами и пріемами прежняго секретаря Гравины, устремилъ на него все свое вниманіе.

— Другъ мой, продолжалъ Якопо: чрезъ нѣсколько дней, я отправляюсь въ свое отечество, въ Геную.

— Вы покидаете Римъ?

— Мнѣ нѣчего здѣсь больше дѣлать. Кто имѣлъ честь служить синьйору Гравинѣ, тотъ не долженъ уже подчинять себя другой службѣ. Итакъ, мой отъѣздъ рѣшонъ ; но прежде я хотѣлъ

васъ видѣть... Вы знаете, Метастазіо, что я пользовался до самаго конца довѣренностію синьйора Гравины; узнайте-же, что онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ вы назначены его единственнымъ наслѣдникомъ.

— Увѣрены-ли вы въ этомъ? спросилъ Метастазіо, стараясь казаться удивленнымъ.

— Да, отвѣчалъ Якопо: я увѣренъ... Къ несчастію я былъ въ отлучкѣ въ тотъ горестный день, когда скончался синьйоръ Гравина; но мнѣ все разказали. Пока вы на колѣняхъ рыдали у смертнаго одра, — Молинери, не знаю, какимъ образомъ пробравшійся туда, смотрѣлъ на все, что происходило, изъ кабинета. Завѣщаніе покойнаго хранилось въ этой комнатѣ, и вдругъ оно исчезло.

— Можетъ-быть, синьйоръ Гравина самъ уничтожилъ эту бумагу?

— Не думайте такъ.

— Такъ что-же должно заключить изъ этого? сказалъ Метастазіо.

— Что должно заключить! неистово вскричалъ секретарь: то, что синьйоръ Молинери похитилъ завѣщаніе!

— Якопо, важно сказалъ молодой поэтъ: есть-ли у васъ доказательства на подобное обвиненіе?

— Да, у меня есть доказательства... Хотите-ли, чтобъ я вамъ показалъ ихъ, для убѣжденія?

Метастазіо увидѣлъ, что притворство было здѣсь напрасно.

— Не нужно, отвѣчалъ молодой поэтъ тихимъ голосомъ... я все знаю!

Якопо сначала изумился; но послѣ, собравшись съ духомъ, онъ сказалъ:

— Я сомнѣвался въ этомъ!.. Впрочемъ, хотя вы и не хотите доказательствъ, однако моя обязанность вручить вамъ ихъ, ибо онѣ принадлежатъ вамъ.

Сказавъ это, Якопо вынулъ изъ кармана бумагу, которую онъ небрежно бросилъ на столъ. Пьетро схватилъ ее съ любопытствомъ и когда раскрылъ, то съ изумленіемъ вскричалъ:

— Завѣщаніе!

— Да, сухо отвѣчалъ Якопо: имъ беззаконно овладѣлъ Молинери; но я выманилъ эту бумагу чрезъ невѣрнаго служителя. Теперь отъ васъ однихъ зависитъ разбогатѣть, сдѣлаться сильнымъ, уважаемымъ, и тѣмъ исполнить волю вашего благодѣтеля.

Метастазіо былъ въ необыкновенномъ волненіи. Его сжатыя губы, суровый взглядъ, прерывасмое дыханіе, — все обнаруживало, что въ немъ происходила жестокая борьба. Никогда демонъ не

встрѣчалъ лучшаго, удобнѣйшаго обстоятельства для искушенія человѣка.

— Якопо, спросилъ застѣнчиво Метастазіо: есть-ли какое-нибудь средство получить наслѣдство, не компрометируя Молинери?

— Нѣтъ, сказалъ Якопо: это невозможно.

— Итакъ, я не хочу его! воскликнулъ молодой поэтъ, съ отвращеніемъ отталкивая завѣщаніе.

— Другъ мой, подумайте хорошенько, сказалъ Якопо: если не для себя, такъ, по-крайней-мѣрѣ, для общества, которое должно знать, что ни одно преступленіе не остается безнаказаннымъ.

— Не мнѣ быть судьею. Никогда, нѣтъ никогда, для кого и изъ какихъ бы то видовъ ни было, — не запятнаю имени родственника моего благодѣтеля.

— Итакъ, вы предаетесь вашей судьбѣ?

— Я покоряюсь ей...

Якопо слегка пожалъ плечами.

— Я былъ правъ, опасаясь за ваше великодушіе.

Эта жестокая сцена совершенно разстроила Метастазіо; его лицо было покрыто ручьями пота. Якопо далъ ему оправиться и, чтобъ перемѣнить разговоръ, сказалъ:

— Что-жъ вы думаете дѣлать теперь?

— Не знаю, отвѣчалъ Метастазіо: слѣдуя влеченію, я предался-бы театру; но я еще такъ молодъ, и, безъ друзей, безъ покровителей, чего могу надѣяться?

— Окончили-ли вы что-нибудь изъ вашихъ сочиненій?

— Да, сказалъ Пьетро : со времени успѣха моей трагедіи *Giustino*, я неусыпно трудился надъ новымъ сочиненіемъ, желая оправдать благосклонность публики, и надежды, которыя основывали на моемъ первомъ опытѣ.

— Дайте мнѣ его, сказалъ Якопо.

— На что вамъ оно?

— Метастазіо, вы вполнѣ достойны удивленія и участія всѣхъ тѣхъ, кто будетъ имѣть счастіе знать васъ; но вы слишкомъ-скромны и не можете себя выказать. Поручите мнѣ вашу рукопись. *Импрессаріо* театра *Valle* — одинъ изъ друзей моихъ; я самъ берусь переговорить съ нимъ; вашъ талантъ сдѣлаетъ остальное.

На это предложеніе, Метастазіо, — взволнованный радостью и удивленіемъ, — не могъ отвѣтчать съ-минуту.

— О! воскликнулъ онъ наконецъ съ жаромъ: Якопо: вы добрѣйшій изъ людей... Вотъ, вотъ, продолжалъ онъ, взявъ со стола толстую тетрадь; возьмите... Это «*La Didone Abbandonata*»... (Покинутая Дидона), мое милое созданіе!... Да, ваша правда; я скро-

менъ и слабъ, я не умѣю расточать похвалъ самому-себѣ и нагло принуждать кого-либо удивляться... Но вамъ я могу сказать это, будучи увѣренъ, что вы, по добротѣ и по любви вашей ко мнѣ, простите мнѣ мою ошибку, если точно она можетъ такъ назваться.... Итакъ, я думаю, что вы можете вполнѣ надѣяться на успѣхъ моей *Дидоны*.... Еслибы вы знали, съ какимъ стараніемъ, съ какой любовію, я ее обдумывалъ и отдѣлывалъ!... И когда я работалъ, мой восторженный умъ испытывалъ сверхъ-естественное, невыразимое наслажденіе ; въ головѣ моей рождались таинственные источники, откуда, безъ всякаго труда, выходили прелестныя и величественныя мысли.... Не правда-ли — это вдохновеніе?... О Боже! не дай, чтобы надежда, которую ты зарождаешь теперь въ моемъ сердцѣ, была только испытаніе; и если это сонъ, — удали отъ меня минуту пробужденія!

Когда Метастазіо говорилъ, выраженіе лица его измѣнилось. Якопо не могъ не улыбнуться при видѣ этого наивнаго энтузіазма поэта.

— Дайте, сказалъ онъ, дайте и надѣйтесь, Метастазіо; ваша надежда есть напитіе небесное!

— Когда мы опять увидимся? спросилъ Метастазіо.

— Скоро.

Чрезъ нѣсколько дней Якопо опять явился къ поэту. Метастазіо, увидѣвъ его, сначала было смутился; однако вѣсти были хорошія. *Дидона* была принята съ восторгомъ, и Метастазіо приглашали въ Театръ *Valle*, гдѣ должны были разучивать піесу, для присутствія при репетиціяхъ ея.

Трудно изобразить радость Метастазіо, доставленную этимъ первымъ успѣхомъ. Восторгъ узника, покидающаго темницу, не могъ-бы сравниться съ нею.

— Ну, сказалъ Якопо улыбаясь: пространство предъ вами; молодой орелъ, разверни свои крылья!

Метастазіо съ чувствомъ сжалъ руку своего друга. Двѣ блестящія слезы выкатились изъ глазъ его.

— Теперь, продолжалъ секретарь, я могу проститься съ вами.

— Вы меня покидаете? сказалъ молодой поэтъ.

— Я долженъ скорѣе возвратиться въ свое семейство. Впрочемъ, вы не можете имѣть во мнѣ теперь никакой нужды; съ этой минуты все зависитъ отъ васъ самихъ; мой слабый кредитъ вамъ безполезенъ теперь.

— Итакъ, прощайте, сказалъ Метастазіо.

— Прощайте, отвѣчалъ Якопо.

И, послѣ взаимныхъ объятій, два друга разстались, повторяя увѣренія въ вѣчной преданности.

Метастазіо поспѣшилъ явиться на приглашеніе *импрессаріо* театра Valle, который, какъ уже сказалъ ему *Якопо*, основывалъ большія надежды на *Дидонѣ*. Всѣ піесы, находившіяся въ то время въ разучиваніи, были оставлены, и дирекція занялась постановкою новаго произведенія. Метастазіо, внѣ себя отъ радости, совершенно перемѣнился. Казалось, онъ жилъ вдвое болѣе обыкновеннаго. Его чрезвычайное трудолюбіе при этихъ продолжительныхъ приготовленіяхъ могло сравниться только съ его нетерпѣніемъ.

Наконецъ великій день насталъ. Все, что́ было въ Римѣ знатнаго и образованнаго, все кинулось въ этотъ вечеръ въ театръ *Valle*. Вмѣсто того, чтобы смутиться предъ такимъ высокимъ судилищемъ, вѣренность Метастазіо удвоилась. Тайный голосъ шепталу его сердцу.

Въ-самомъ-дѣлѣ, успѣхъ былъ огромный. Двадцать разъ рукоплесканія, потрясая залу, угрожали ей разрушеніемъ. И когда, при всеобщемъ энтузіазмѣ, было провозглашено имя Метастазіо, молодой поэтъ, по сдѣланному ему пріему, увидѣлъ, что имя это, съ этой самой минуты, принадлежало уже потомству.

Въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца, успѣхъ увеличивался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. На площадяхъ, въ гостиныхъ, у вельможъ и у народа, не было другаго разговора. Вездѣ было слышно имя Метастазіо. Даже Ромарина увлеклась общимъ восторгомъ. Однажды Пьетро замѣтилъ ее въ ложѣ; она плакала и апплодировала, какъ и прочіе зрители. Пьетро испугался-было избытка своего счастія и славы. Впрочемъ, хотя его желанія всѣ исполнились, однако торжество его не было еще совершенно. Его слава мгновенно распространилась во всей Европѣ; со всѣхъ сторонъ стекались къ нему похвалы, подарки, вѣнцы. Одна Германія оставалась нѣкоторое время холодною; но вдругъ Метастазіо получаетъ письмо съ гербомъ Императора.

Молодой поэтъ сорвалъ печать и жадно пробѣжалъ посланіе. Императоръ Карлъ VI предлагалъ ему три тысячи флориновъ содержанія, квартиру во дворцѣ и, въ-добавокъ, титулъ — *Poeta Cesareo*, (цезарскаго поэта) то-есть, самое высокое званіе, въ какое только можно было возвести поэта въ то время.

— *Può far il mondo*! воскликнулъ удивленный Метастазіо... Хорошо-ли я прочолъ? — Но сомнѣній никакихъ не было; предложеніе было какъ нельзя яснѣе; Метастазіо наслѣдовалъ вѣнокъ Апостоло́ Зено, послѣдняго цезарскаго поэта, только-что умершаго.

При этомъ послѣднемъ ударѣ, Пьетро совершенно потерялъ го-

лову. Онъ уже воображалъ себя при Австрійскомъ Дворѣ, постояннымъ предметомъ празднествъ, почестей и искательствъ первѣйшихъ вельможъ и дамъ. Но эти честолюбивыя мечты были слишкомъ-противоположны характеру поэта, обыкновенно простому и доброму, и не могли уничтожить на-долго настоящихъ его чувствъ. Мало по малу, его воображеніе успокоилось; великодушныя побужденія воскресли, и, пока соблазнительный голосъ упорно кричалъ ему.

— Въ Вѣну! въ Вѣну!

Онъ слышалъ въ сердцѣ убѣдительнѣйшій голосъ, который ему говорилъ:

— Въ палаццо Саккетти!

И въ-самомъ-дѣлѣ уже пора было Метастазіо объясниться съ Ромариной. Его слава, его успѣхи, которые гремѣли еще въ Европѣ, внушали ему эту мысль. Гордый положеніемъ, до котораго онъ возвысился, и счастливый мыслію повергнуть его къ ногамъ обожаемаго предмета, Метастазіо отправился въ палаццо Саккетти, намѣреваясь, въ случаѣ неудачнаго объясненія съ Ромариной, искать развлеченія отъ своихъ страданій въ высокой должности, предлагаемой ему Императоромъ.

Метастазіо поднялся на гору капитолійскую, достигъ дома іезуитовъ и вошолъ въ *Strada Giulia*, почти у самой церкви Св. Лючіи. Ночь была темная. Но весь предшествовавшій ей день шолъ дождь, и потому улицы были грязны и покрыты выбоинами. Опасаясь запачкать свой новый нарядъ, Метастазіо взялъ на углу сенаторскаго дворца одного изъ этихъ *facchini*, которые въ темныя ночи предлагаютъ прохожимъ свои фонари. Этотъ человѣкъ шолъ впереди, освѣщая дорогу; Пьетро слѣдовалъ за нимъ, обдумывая планъ новой лирической трагедіи, въ которой онъ назначалъ роль Ромаринѣ.

Въ самое то время, когда онъ уже подходилъ къ палаццо Саккетти, вышелъ изъ сосѣдней улицы человѣкъ, который очутился лицомъ къ лицу съ Метастазіо. Хотя фонарь, освѣщая только мостовую, не позволялъ встрѣтившимся видѣть другъ-друга въ лицо, однако незнакомецъ пагнулъ поле своей шляпы и громовымъ голосомъ закричалъ:

— Накрой фонарь!

Услышавъ этотъ голосъ, Метастазіо затрепеталъ; ему нетрудно было узнать его. — Синьйоръ Молинери, идущій, вѣроятно, на какое-либо любовное свиданіе, подумалъ онъ.

И обратясь къ *facchino*, онъ приказалъ ему спрятать фонарь, ибо хотя въ Римѣ и позволено употребленіе фонарей, но тѣмъ онъ

менѣе лица, которымъ свѣтъ мѣшаетъ въ ихъ любовныхъ или другихъ какого-либо рода предпріятіяхъ, въ правѣ требовать ихъ закрытія. По этой самой причинѣ, тамъ употребляются только потаенные фонари.

Когда свѣтъ исчезъ, Молинери ускорилъ шаги и приблизился ко входу дворца. Метастазіо въ удивленіи отпустилъ слугу, и, пользуясь въ свою очередь темнотою, незамѣтно помѣстился за Молинери.

Подошедъ къ самому портику, Молинери поднялъ голову. Метастазіо слѣдилъ за его движеніями. Существо стройное и тонкое нагнулось чрезъ балконъ перваго этажа и потрясло чѣмъ-то бѣлымъ, похожимъ на шарфъ. При этотъ движеніи, тяжолое чувство стѣснило грудь поэта. Молинери, ободренный этимъ знакомъ, который, вѣроятно, былъ условленъ прежде, однимъ скачкомъ взошолъ на крыльцо. Дверь тотчасъ отворилась; струя свѣта выхлынула изъ передней, и счастливый дворянинъ скрылся въ палаццо.

Пьетро бѣшено вскрикнулъ и остался неподвиженъ, какъ пораженный молніею.

— *Sventurato*! воскликнулъ онъ... лишивъ меня состоянія, онъ еще оспариваетъ у меня счастіе!

VII.

СИНИГАЛЬСКАЯ ЯРМАРКА.

Ромарина, какъ мы уже сказали, была неслишкомъ расположена къ синьйору Молинери. Правда, что когда она увидѣла его въ первый разъ, благородная и гордая наружность дворянина произвела на нее сильное впечатлѣніе и родила въ ней чувства расположенія; однако, это продолжалось недолго. Безпрерывно повторявшіяся злодѣянія молодаго вельможи, и покушеніе его на ея свободу, возобновили все отвращеніе, которое чувствовала къ нему пѣвица.

Какимъ-образомъ *il dannato* успѣлъ побѣдить это отвращеніе? Какъ вошолъ онъ въ палаццо Саккетти? Что было причиной, что Ромарина, такъ сказать, сама отворила ему двери? Все это требуетъ объясненія. А дабы оно было полнѣе, намъ нужно возвратиться нѣсколько лѣтъ назадъ.

Это было въ 1706 году.

Маленькій городокъ Синигалія, находящійся, какъ всякому извѣстно, въ герцогствѣ Урбино, на берегу Адріатическаго моря, въ семи льё отъ Анконы,—есть мѣсто ежегодныхъ съѣздовъ, по-случаю ярмарки, бывающей тамъ въ іюлѣ. И теперь этотъ городокъ, обыкновенно тихій, вдругъ сдѣлался пестрымъ, шумнымъ, оживленнымъ; множество парѣчій, одеждъ и націй, привлеченныхъ сюда различными нуждами, были перемѣшаны здѣсь на нѣкоторое время. Рвы, гласисы и окружность города были покрыты палатками, балаганами, кухнями и лошадьми караульныхъ. Огромныя полотна, прикрѣпленныя къ балюстрадамъ террассъ, и отъ-времени-до-времени напитываемыя водою, защищали улицы отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Всѣ зданія, начиная съ кирпичныхъ домовъ до дворцовъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, были обращены въ магазины. Пристань и набережная, заваленныя товарами всевозможныхъ родовъ, привезенными со всѣхъ концовъ земнаго шара, представляли безконечную лавку, посреди которой вращались тысячи подвижныхъ лавочекъ. Тутъ были туфли, халаты, ароматическіе товары, привезенные моремъ съ Востока, моденскія маски и вуали, кіавенскія *cavezzi*, брешійскіе пистолеты, анконскія *ballani*, лоретскія чотки, ліонскія матеріи, и даже болонскія собачки, на которыхъ тогда была большая мода между важными Итальянками, и которыхъ порода теперь совершенно уничтожилась. Эти разнообразные предметы, своимъ искуснымъ расположеніемъ поражавшіе взоры покупателей, производили чудесный эффектъ, и сильно возбуждали зависть, а потому для предупрежденія воровства, было принято множество предосторожностей. Дѣятельная полиція наблюдала за внутреннимъ ходомъ ярмарки, тогда-какъ большія силы были сосредоточены извнѣ. Отъ Фано до Анконы берегъ былъ покрытъ войсками, стоявшими лагеремъ, и батареями съ пушками, наведенными на море; немного поодаль, два папскихъ судна, вполнѣ вооруженныя, защищали городъ отъ набѣговъ корсаровъ и контробандистовъ.

Любопытно было, не-смотря на безпорядокъ, неразлучный съ подобнымъ стеченіемъ народа, узнавать по ихъ пріемамъ различныя племена, составлявшія это неисчислимое множество людей. Растянувшись на мостовой, полусонный, образуя своимъ тѣломъ родъ навѣса для своей лавочки, Грекъ занимался торговлей, не утруждая себя ни малѣйшимъ движеніемъ. Ломбардіецъ, Швейцарецъ, Ліонецъ, весело приглашали прохожихъ покупателей, не лѣнясь развертывать предъ ними весь свой таваръ. Голландецъ, занятый чистотой своей лавки, безпрерывно убиралъ ее. Сициліецъ, при-

слонясь животомъ къ своей конторкѣ, съ нахлобученной на глаза шляпой, съ скрещенными и спрятанными въ кафтанъ руками, внутренно разсчитывалъ. Англичанинъ, гордый и презирающій, показывалъ свои товары и назначалъ имъ цѣну; но едва кто-либо намѣревался торговаться, онъ, молча, клалъ ихъ на мѣсто и важно продолжалъ ходить по лавкѣ.

Прибавьте къ этому безпрерывное движеніе покупщиковъ, зѣвакъ и любопытныхъ; потомъ возгласы и неутомимую дѣятельность *facchini*, навьюченныхъ тяжолыми тюками и безпрерывно разсѣкающихъ толпу, и вы будете имѣть полное понятіе о зрѣлищѣ, которое представляла въ 1706 году синигальская ярмарка, самая лучшая и самая важная въ Италіи.

Густая толпа любопытныхъ окружала разнаго рода зрѣлища; только одинъ балаганъ, всѣхъ менѣе привлекавшій зрителей, оставался какъ-бы одинокимъ въ толпѣ.

Этотъ балаганъ былъ расположенъ на полуденной оконечности пристани, и отличался своимъ балкономъ, перерѣзывавшимъ его на двѣ части. При наступленіи вечера, хоръ музыкантовъ являлся на этомъ балконѣ, и наполнялъ воздухъ шумными аккордами. Сверху, четыре дымящіяся плошки, оспаривая у ночи уголокъ ея мрачнаго царства, освѣщали размалеванную холстину, на которой было написано огромными буквами: «*Teatro Bulgarelli*». Человѣкъ лѣтъ за тридцать, великолѣпно разодѣтый, улыбающійся, съ шляпою въ рукѣ, стоялъ у двери и вѣжливо приглашалъ прохожихъ взглянуть на его представленіе. Однако, не-смотря на его золотыя фразы и великолѣпіе, блестѣвшее при входѣ въ его балаганъ, немного любопытныхъ рѣшались принять его приглашеніе.

Безъ сомнѣнія, это обидное равнодушіе должно было огорчать синьйора Булгарелли. Всѣ окружныя кофейни были наполнены аббатами и дворянами, угощавшими своихъ дамъ; однако онъ былъ силенъ душою и умѣлъ скрывать свои страданія.

— Ну, друзья мои, говорилъ онъ каждый разъ своимъ актерамъ: будьте повнимательнѣе въ вашей игрѣ сегодня; у насъ зрителей мало, это правда; но за то это избранная публика.

И бѣдняки, понуждаемые самымъ отвращеніемъ ихъ къ избраннымъ публикамъ, удвоивали стараніе.

Наконецъ, на третій день ярмарки, показался венеціанскій капитанъ, сопровождаемый кораблями и галерами. Онъ являлся сюда каждый годъ, подъ предлогомъ покровительствовать ярмаркѣ, но, въ сущности, для полученія опредѣленной римскимъ правительствомъ платы, которую Венеція считала данью, приносимой Папою ея владычеству надъ Адріатическимъ заливомъ. Капитанъ со-

шолъ на берегъ, при громѣ всей портовой артиллеріи, и былъ принятъ губернаторомъ, который отвелъ ему палаццо для его пребыванія. Съ этого времени положеніе кочеваго импрессаріо сдѣлалось еще затруднительнѣе, ибо начавшіеся затѣмъ праздники, балы и скачки, отвлекли совершенно отъ его театра народъ, всегда любопытствующій хотя изрѣдка присутствовать при наслажденіяхъ сильныхъ.

Булгарелли не могъ долѣе держаться. Онъ нашолъ необходимою разлуку съ своими товарищами, и, въ-слѣдствіе этого, собралъ ихъ и сказалъ:

— Друзья мои, не правда-ли, мы всѣ участники въ этомъ заведеніи?

— Правда, отвѣчали комедіанты.

— Слѣдовательно, мы должны раздѣлиться.

— Это слишкомъ-справедливо.

— Итакъ, каждый изъ васъ долженъ заплатить мнѣ двадцать пять скуди, ибо у насъ ровно двѣсти червонцевъ долга.

При этихъ словахъ раздался всеобщій крикъ укоризны.

— Чего-же вы хотите? важно продолжалъ Булгарелли: по нашему условію, я, какъ глава общества, имѣю право на двѣ части, а беру всего одну!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, не понявъ этого правдоподобнаго разсужденія, отвѣчали ему ропотомъ; другіе, тронутые самоотверженіемъ ихъ директора, рѣшили, чтобы требуемые имъ деньги были тотчасъ собраны. Упрямая партія должна была согласиться. Булгарелли спряталъ деньги и голосомъ, въ которомъ пробивалось сожалѣніе о разлукѣ, сказалъ:

— Теперь, дѣти мои, прощайте!.. Я довѣряю вамъ и не требую съ васъ росписки.

Произнеся эти слова, Булгарелли пожалъ руку каждому изъ своихъ товарищей, и удалился съ растерзаннымъ сердцемъ.

Было около одиннадцати часовъ. Гуляющіе расходились, лавки закрывались, и огни мало-по-малу погасали на всемъ ярмарочномъ пространствѣ. Булгарелли, мрачный и задумчивый, долго бродилъ по берегу моря. Наконецъ, изнуренный усталостію, преслѣдуемый чорными мыслями, онъ сѣлъ на камень и предался глубокому размышленію.

Въ это время, Булгарелли вовсе не походилъ на ту бѣдную, страдающую фигуру, которую мы не-разъ встрѣчали въ улицахъ Рима подъ тѣмъ же-названіемъ. Будучи молодъ, здоровъ, дѣятеленъ, управляя трупою странствующихъ комедіантовъ, онъ еще не зналъ жизни съ ея чорной стороны. Правда, счастье не

всегда служило ему, но онъ смѣло боролся съ нимъ, упорствуя или уступая, смотря по обстоятельствамъ.

На этотъ разъ, онъ нашолъ нужнымъ уступить. Его труппа, таскаемая имъ въ продолженіе пяти лѣтъ изъ города въ городъ, была совершенно истерта и не могла долѣе поддерживать его. Однако, весь преданный театру, какъ по призванію, такъ и по его спекуляціонному духу, Булгарелли тотчасъ занялся составленіемъ въ умѣ новой труппы, и это самое было причиной его глубокой задумчивости.

Зачинавшійся день засталъ Булгарелли на томъ-же мѣстѣ. Хотя ему и нетрудно было, принадлежа къ театральному міру, составить мысленно полную труппу; однако, была-ли то съ его стороны забывчивость, или, можетъ-быть, женщины-актриссы были въ то время рѣдки, — только ему не доставало еще примадонны. Какъ-бы то ни было, утомленный напрасными усиліями и надѣясь только на случай, Булгарелли всталъ и отправился по дорогѣ въ городъ.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ странный шумъ поразилъ его. Булгарелли поднялъ голову; на встрѣчу ему ѣхалъ огромный возъ, убранный множествомъ желѣзныхъ колецъ и цѣпей и походившій на древнія колесницы. Два жирныхъ быка тянули медленнымъ шагомъ этотъ гремучій снарядъ. Ихъ рога необыкновенной величины были украшены стальными полированными шариками, прикрѣпленными на окопечностяхъ. Сѣдой старикъ, съ благородной наружностью, шолъ впереди и управлялъ животными. Молодая дѣвица необыкновенной красоты, стояла въ телегѣ, облокотясь о боковую рѣшотку.

Булгарелли остановился, пораженный удивленіемъ. Когда телега приблизилась, новое чувство вспыхнуло въ его душѣ: молодая дѣвица — пѣла.

— О! О! подумалъ восхищенный импрессаріо... Чортъ возми! это по моей части!

И приблизясь къ старику, онъ сказалъ:

— *Messer*, вы ѣдете изъ Синигаліи?

— Да, отвѣчалъ старикъ: ярмарка кончилась; я продалъ всю свою кладь, и возвращаюсь въ отечество — Миланъ.

— Въ Миланъ?... *per Dio*! Лучше не можетъ быть!... я тоже туда иду. Согласитесь-ли за два червонца дать мнѣ мѣстечко въ вашей телегѣ?

— Синьйоръ, отвѣчалъ старикъ: поберегите ваши червонцы; если мѣсто въ моемъ экипажѣ вамъ пріятно, я съ большимъ удовольствіемъ предлагаю вамъ его.

Булгарелли не заставилъ повторять этого предложенія; онъ тотчасъ-же взобрался на возъ.

Это приключеніе прервало пѣніе дѣвицы.

— *Dolce mia*, сказалъ ей ловкій комедіантъ: прошу васъ, продолжайте.

Молодая дѣвица отвѣчала едва замѣтной улыбкой на эту просьбу и безъ церемоніи продолжела свою *canzonetta*. Булгарелли, неподвижный, углубленный въ самаго-себя, слушалъ ее съ восторгомъ. Отъ-времени до-времени въ немъ замѣтны были судорожныя движенія, какъ-будто производимыя внѣшнимъ воздухомъ, который потрясалъ этотъ чистый, прелестный голосъ. Наконецъ, молодая Миланка смолкла. Булгарелли съ восторгомъ взялъ ея за руку.

— О! благодарю тебя, красавица! воскликнулъ онъ.

Это испытаніе утвердило Булгарелли въ его первой мысли. И онъ рѣшился, во что-бы ни стало, пріобрѣсть это сокровище.

— *Messer*, сказалъ онъ старику: я Булгарелли, знаменитый *impressario*, извѣстный во всей Италіи. Поручите мнѣ синьйорину, и я обѣщаю вамъ, если она захочетъ поучиться немного, что она будетъ первѣйшая дѣвица въ Италіи.

При этихъ словахъ, замѣтный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ дѣвицы; она покраснѣла и устремила безпокойный взоръ на отца.

— О! О! подумалъ Булгарелли: *signorina* чувствительна къ славѣ!

Лицо старика тоже измѣнилось. Онъ посмотрѣлъ нѣсколько минуты на свою дочь, и замѣтивъ волненіе, ее одушевлявшее, сказалъ:

— Такъ это угодно Богу.

— Это очень-возможно, отвѣчалъ Булгарелли.

— Да, подхватила молодая дѣвица съ восторгомъ: это Богъ послалъ мнѣ *maestro*!... Вамъ давно уже извѣстно, батюшка, мое влеченіе къ театру.

— Ну, сказалъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ: если такъ, пусть исполнится твое предопредѣленіе!

Спустя нѣсколько дней, путешественники прибыли въ Миланъ. Булгарелли поспѣшилъ собрать свою труппу, которая была разсѣяна на разныхъ сценахъ Италіи. Онъ нанялъ близъ *Corso* большое мѣсто, и выстроилъ деревянный театръ въ новомъ вкусѣ. Булгарелли не щадилъ издержекъ, ибо онъ сильно надѣялся на благодарность публики.

Устроивъ помѣщеніе, и, слѣдовательно, не будучи уже такъ озабоченъ, онъ посвятилъ все свое время для образованія своей

воспитанницы. Фіорита, — такъ звали молодую пѣвицу, — сдѣлала столь-изумительные успѣхи, что чрезъ шесть мѣсяцевъ она смѣло могла выйдти на сцену. Булгарелли торжественно возвѣстилъ объ открытіи его театра и о дебютахъ его чудесной примадонны. Успѣхъ былъ блистательный. Фіорита сошла со сцены, задыхаясь подъ множествомъ букетовъ и вѣнковъ. Даже старикъ отецъ ея, присутствовавшій при представленіи, былъ растроганъ до слезъ, и, какъ будто для довершенія торжества дочери, онъ, по опущеніи занавѣса, съ гордостію сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Съ этого времени, положеніе Булгарелли вполнѣ перемѣнилось. Его театръ былъ всегда набитъ зрителями; деньги дождемъ сыпались въ его карманы; ему не было отбоя отъ молодыхъ вельможъ, очарованныхъ прелестями дебютантки и весьма-справедливо думавшихъ, что Булгарелли былъ ближайшій путь къ сердцу примадонны. Однако Булгарелли не былъ такъ глупъ, чтобъ выпустить изъ рукъ свое счастіе; онъ безъ затрудненія принималъ подарки и волокитство влюбленныхъ, тѣмъ не менѣе берегъ для себя особу и добродѣтель своей воспитанницы.

Около этого времени скончался отецъ Фіориты. Ничто не удерживало ее долѣе въ Миланѣ, и потому она поступила въ странствующую труппу Булгарелли, который, удовлетворивъ любопытству Миланцевъ, пустился объѣзжать всѣ города Италіи. Въ Веронѣ, въ Падуѣ, въ Болоньѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ городахъ, гдѣ эта труппа ни являлась, полный успѣхъ увѣнчалъ ея представленія, такъ, что когда Булгарелли прибылъ въ Венецію, онъ уже былъ въ состояніи управлять тамошнимъ Большимъ Театромъ, котораго разорившійся *impressario*, не задолго передъ тѣмъ, скрылся.

Между-тѣмъ, слава Фіориты все болѣе и болѣе распространялась. Булгарелли, увѣрившись, что счастіе тѣсно связано съ судьбою молодой дѣвицы, рѣшился соединиться съ нею неразрывными узами; и, однимъ утромъ, предложилъ ей свою руку и сердце.

При этомъ нелѣпомъ предложеніи, рожица Фіориты приняла презрительное выраженіе, которое замѣтилъ Булгарелли.

— Вы! сказала она.... Вы, маэстро, хотите быть моимъ мужемъ? Подумайте хорошенько о вашемъ предложеніи!... Правда, я вамъ обязана своей славой; но врядъ-ли я буду обязана вамъ своимъ счастіемъ.

— Отчего-же не такъ?

— Оттого, что въ васъ нѣтъ ни одного качества, нужнаго для хорошаго мужа.

— О! подхватилъ Булгарелли... ни одного, это слишкомъ-строго!

— Подумайте, продолжала Фіорита: когда театръ не требуетъ вашихъ занятій, что дѣлаете вы? Вы проводите день въ пьянствѣ и въ игрѣ съ распутной молодежью, а ночью вы любезничаете Богъ знаетъ съ какими женщинами. Согласитесь, что эти привычки вовсе негодны для мужа.

— *Cara mia*, сказалъ импрессаріо, голосомъ самымъ нѣжнымъ: я исправлюсь изъ любви моей къ вамъ!

— Нѣтъ, отвѣчала Фіорита: я желала-бъ мужа, которому не нужно было-бы исправляться.

Булгарелли не отвѣчалъ ни слова; онъ повернулся и удалился съ видомъ человѣка, который ворочаетъ измѣняетъ свое измѣреніе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ этой взаимной исповѣди. Булгарелли, казалось, вовсе не помышлялъ уже о бракѣ. Безъ сомнѣнія и Фіорита, занятая своей славой, уже давно забыла о предложеніи импрессаріо. Веселая и безпечая, какъ вообще всѣ дѣти ея лѣтъ, молодая дѣвица незамѣтно увлекалась стремленіемъ своей судьбы.

Однажды утромъ, вошедъ въ залу, Фіорита увидѣла прелестную корзинку, наполненную самыми лучшими и рѣдкими цвѣтами, которыхъ стебельки были еще покрыты росою. Привыкнувъ къ этимъ сюрпризамъ, дѣлаемымъ ей почти каждый день вздыхателями ея или друзьями, она только спросила у служанки, кто прислалъ эти цвѣты.

— *Signora*, отвѣчала сія послѣдняя: принесшій ихъ служитель не хотѣлъ сказать имени своего господина.

— Ну, сказала Фіорита улыбаясь: еще одинъ обожатель!

И приблизясь къ корзинкѣ, она осторожно оторвала нѣсколько цвѣтковъ, и кокетливо помѣстила ихъ у себя на груди. Во-время этого занятія, маленькая дощечка изъ слоновой кости, до-тѣхъ-поръ не замѣтная, выпала изъ букета.

— *Alla fè!* сказала Фіорита, съ любопытствомъ поднимая ее: вотъ и объясненіе!

Въ-самомъ-дѣлѣ, нѣсколько словъ было написано карандашомъ на дощечкѣ. Фіорита жадно пробѣжала ихъ; но вмѣсто ожиданнаго ею нѣжнаго признанія, она прочла слѣдующую лаконическую и грозную фразу:

«Фіорита, страшись будущаго!»

Легкое облако промчалось по челу молодой дѣвицы. Она задумалась, но вдругъ, бросивъ дощечку, и освободясь отъ порожденныхъ его мыслей:

— Basta! сказала она съ милой безпечностію... теперь-ли мнѣ думать о будущемъ!

Прошло нѣсколько дней, и никакое приключеніе не нарушило счастливаго спокойствія молодой примадонны.

Въ одинъ вечеръ она была въ своей уборной, ожидая минуты, когда ей должно будетъ явиться на сцену. Служанка ея только-что удалилась. Стоя передъ зеркаломъ, Фіорита оканчивала свой нарядъ; множество голосовъ требовало ея появленія, и эти крики долетали до нея. Одна съ своими мыслями, примадонна находилась подъ вліяніемъ мечтаній, порождаемыхъ надеждою на лестный пріемъ и близкое торжество. Вдругъ ей послышался зловѣщій голосъ, произнесшій эти ужасныя слова:

«Фіорита, страшись будущаго!»

Фіорита поспѣшно обернулась, — никого не было. Ледяной трепетъ пробѣжалъ по ея членамъ, и, блѣдная, дрожащая, она сошла въ залу. Здѣсь присутствіе подругъ и ихъ веселые разговоры разсѣяли отчасти ея ужасъ. Однако, когда она вышла на сцену, ея волненіе было еще такъ велико, что всѣ зрители, удивленные драматическимъ выраженіемъ ея чертъ, въ восторгѣ вскочили съ мѣстъ своихъ. Этотъ тріумфъ окончательно успокоилъ молодую пѣвицу.

— Ну, сказала она: это, вѣрно, шутка моихъ товарищей.... Видя вокругъ себя любовь и расположеніе, чего могу я бояться?

Представленіе кончилось благополучно. Никогда еще Фіорита не слыхала столько рукоплесканій. Пресыщенная славою и счастіемъ, она спокойно возвращалась домой; вдругъ замаскированный человѣкъ вышелъ изъ боковой улицы и заслонилъ ей дорогу. Молодая дѣвушка въ испугѣ подалась назадъ и прижалась къ своей служанкѣ; но незнакомецъ приблизился къ ней и, взявъ ее за руку:

— Фіорита, сказалъ онъ, страшись будущаго!

И послѣ этихъ словъ исчезъ во мракѣ.

На этотъ разъ Фіорита не могла побѣдить своего волненія; необыкновенный ужасъ овладѣлъ ея умомъ. Она возвратилась домой подъ вліяніемъ самыхъ чорныхъ предчувствій. Ночь провела она въ страшныхъ видѣніяхъ и безсонницѣ; такъ, что на другой день нельзя было узнать молодой дѣвушки. Она должна была въ десять часовъ присутствовать при репетиціи новой оперы, но совершенно-разслабленная, не могла выйти изъ комнаты. Въ полдень, Бульгарелли въ безпокойствѣ пришолъ узнать причину этой неисправности; но увидѣвъ свою примадонну, блѣдную и разстроенную, онъ не могъ удержать испуга.

— Что съ вами, Фіорита? сказалъ онъ.

— Булгарелли, печально отвѣчала молодая дѣвушка: я погибла! Не знаю, какая опасность угрожаетъ мнѣ, только вокругъ меня происходятъ событія, предсказывающія мнѣ много несчастій.

— Что-же такое? спросилъ удивленный Булгарелли.

Фіорита подробно разсказала импрессаріо все случившееся съ нею въ продолженіе недѣли.

— Странно! сказалъ Булгарелли. Вамъ-бы нужно посовѣтываться съ колдуномъ.

— Я сама думала объ этомъ, но не знаю ни одного.

Булгарелли повелъ вокругъ себя смущенный взоромъ, и, приблизившись къ дѣвушкѣ, сказалъ ей съ таинственнымъ видомъ:

— Дитя мое, я знакомъ съ однимъ колдуномъ. Но берегитесь! вы знаете, какъ преслѣдуетъ инквизиція подобныхъ людей, равно и тѣхъ, кто ихъ посѣщаетъ!

— Мнѣ все-равно! отвѣчала Фіорита. Мое положеніе нестерпимо и я, во что-бы то ни стало, хочу избавиться отъ него. И что-жъ! если мнѣ суждена горькая будущность, я хочу знать ее безъ отлагательства... Я прошу васъ сегодня-же проводить меня къ нему.

— О! это невозможно, вскричалъ въ ужасѣ Булгарелли.

— Такъ я пойду одна. Скажите мнѣ только, гдѣ онъ живетъ.

— Посреди улицы *del Mercato*; вы увидите тамъ домъ безъ оконъ, съ круглой дверью; ударьте три раза и вамъ отворятъ... Однако, Фіорита, будьте благоразумны и ступайте туда ночью.

— Хорошо, сказала дѣвушка. Завтра я буду знать свою судьбу.

Фіорита съ точностію выполнила наставленіе импрессаріо. Пробило одиннадцать часовъ на колокольнѣ св. Марка, когда она явилась у дома колдуна. Въ эту страшную минуту, молодая лѣвица, дрожащая, нерѣшительная, не смѣла постучаться; — она боялась правды, которую надѣялась узнать здѣсь. Наконецъ она рѣшилась дотронуться до роковой двери. Фіорита вошла и затрепетала. Она была окружена непроницаемымъ мракомъ; ни малѣйшій звукъ не далъ ей догадаться о направленіи, по которому она должна была идти. Изумленная, она на-удачу протянула руку: костливая и мохнатая рука тотчасъ схватила ее; молодая дѣвушка вскрикнула....

VIII.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

— Фіорита, сказалъ ей знакомый голосъ, два раза произнесшій наканунѣ роковую угрозу: не бойся, дитя мое; я желалъ предупредить тебя о несчастной участи, ожидающей тебя и о томъ, какими средствами отвратить ее.

— Говорите, синьйоръ, сказала Фіорита.

Не-смотря на эту наружную преданность судьбѣ, примадонна была ни жива, ни мертва Этотъ мракъ, эта таинственность, въ особенности-же это предисловіе къ какому-то ужасному предсказанію, совершенно смутили ее.

Фіорита чувствовала, что ледяной палецъ ощупывалъ ладонь ея, какъ-будто старался узнать всѣ возвышенія и линіи, ее пересѣкающія. Наконецъ колдунъ продолжалъ:

— Бѣдное дитя, судьба бываетъ иногда безжалостна; она безпрерывно играетъ нами, и часто богатые дары, посылаемые ею, суть вѣстники ожидающаго насъ горя. Ты молода, ты прекрасна, Фіорита; въ твоемъ горлѣ заключенъ талисманъ, доставляющій тебѣ тысячи удовольствій, тысячи торжествъ; знай-же, что эта молодость, красота, мелодія, однимъ-словомъ, всѣ эти прелестныя достоинства исчезнутъ въ одну ночь.

— Въ одну ночь! воскликнула изумленная Ромарина... Не можетъ-быть!

— Фіорита, такъ опредѣлено судьбою.

— Когда-же придетъ эта роковая ночь?

— Это тайна.

— О! это ужасно! лучше смерть!

— Фіорита, я сказалъ тебѣ, что ты можешь отвратить это несчастіе.

— Что-жъ я должна дѣлать?

— Ты должна любить.

— Любить! подхватила дѣвица въ удивленіи... Кого-же?

— Въ мірѣ есть человѣкъ, который долженъ совершить это чудо.

— Гдѣ-жъ я найду его?

— Онъ явится самъ.

— Почему-же мнѣ узнать его?

— По чудесному превращенію, которое совершитъ въ немъ любовь.

Легко понять, принявъ въ соображеніе возрастъ и природную простоту Фіориты, какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова на итальянскую душу, обыкновенно пылкую и наполненную предразсудками. Молодая дѣвушка удалилась, мучимая невыразимой тоской.

Когда Фіорита вышла изъ жилища колдуна, его дверь опять растворилась. Какой-то человѣкъ высунулъ изъ-за нея голову и слѣдилъ взоромъ за удалявшейся Миланкой. Когда она повернула въ другую улицу, таинственное существо совершенно показалось на порогѣ. Это былъ колдунъ. Онъ заперъ дверь, и вынувъ ключъ изъ замка, спряталъ его въ карманъ; потомъ отправился по направленію, противуположному тому, которое взяла примадонна.

Возвратившись домой, Фіорита застала свою служанку въ страшномъ безпокойствѣ. Только-что пришедшій Булгарелли, казалось, былъ въ такомъ-же волненіи.

— Несчастное дитя, сказалъ импрессаріо голосомъ, исполненнымъ ласки и упрека: куда вы ходили такъ поздно?

Фіорита знакомъ приказала служанкѣ выдти.

— Я была у колдуна, сказала она.

— У колдуна? подхватилъ Бургарелли, съ любопытствомъ приближаясь къ примадоннѣ... Что-жъ?

Фіорита нѣсколько мгновеній смотрѣла импрессаріо въ лицо, потомъ, заливаясь слезами, сказала:

— Булгарелли, я хочу умереть.

Булгарелли испугался этого отчаянія. Онъ съ состраданіемъ взялъ руку молодой дѣвицы и сжалъ ее съ чувствомъ.

— Умереть, сказалъ онъ: вамъ, молодой красавицѣ, обожаемой всѣми!.. Что за причина вашего отвращенія къ жизни?.. Такъ, вѣрно, вамъ предсказали что-нибудь ужасное?

Фіорита, глубоко-опечаленная, опустила голову и не отвѣчала ни слова.

— Если вы не довѣряете мнѣ, Фіорита, я не требую отъ васъ признанія. Но думаю однако-жъ, что я въ-правѣ требовать отъ васъ откровенности... Я люблю васъ... Чтобы заслужить вашу любовь, чтобъ быть достойнымъ васъ, я сдѣлалъ чудо, которое только можетъ сдѣлать смертный; я перемѣнилъ свое поведеніе, разорвалъ связи и совершенно преобразовалъ свой характеръ.

При этихъ словахъ, Фіорита быстро подняла голову и устремила проницательный взоръ на импрессаріо.

— Не правда-ли ? продолжалъ онъ улыбаясь : я совершенно преобразовался и смѣло могу вамъ предложить себя въ мужья?

Фіорита все еще смотрѣла на импрессаріо..

— Странно! думала она: неужели это его назначило небо мнѣ въ покровители?

— Отвѣтьте-же, продолжалъ Булгарелли... Я ожидаю своего приговора.

— Неужели вы все еще располагаете жениться на мнѣ? сказала Фіорита.

— Я никогда не переставалъ думать объ этомъ.

— Но когда я васъ не люблю?

— Вы полюбите.

Фіорита задумалась. Вдругъ, вспомнивъ ужасное предсказаніе колдуна, она затрепетала, и, поспѣшно протянувъ импрессаріо руку, сказала ему :

— Ну, я согласна быть вашей женой.... Только смотрите, Булгарелли, сдѣлайте меня счастливой, потому-что я *должна* любить васъ.

Булгарелли бросился къ ногамъ Фіориты и съ восторгомъ расцѣловалъ ихъ.

Скоро наступилъ день бракосочетанія. Булгарелли блаженствовалъ. Фіорита, старавшаяся заглушить свои настоящія чувства, тоже казалась счастливой. Театръ въ этотъ день былъ закрытъ, и всѣ актеры и актрисы были приглашены на праздникъ.

Около двухъ часовъ утра, молодая удалилась въ свою комнату; счастливый супругъ тоже не замедлилъ явиться туда; но достойный импрессаріо, котораго обращеніе никогда не было искренно, истощенный шестимѣсячными усиліями, не могъ уже долѣе противиться своей любимой страсти; онъ былъ въ высшей степени пьянъ.

Замѣтивъ свою ошибку, Фіорита вскрикнула и въ ужасѣ отскочила назадъ. Булгарелли не замѣтилъ ни этого отвращенія, ни испуга; онъ довѣрчиво приблизился къ женѣ своей. Но этотъ поступокъ привелъ въ отчаяніе молодую Миланку; она вынула маленькой кинжалъ, до-тѣхъ-поръ спрятанный въ ея платьѣ, и, повелительно указывая на дверь, сказала озадаченному импрессаріо :

— Вонъ отсюда!.... я ошиблась.... я не люблю и не должна любить тебя.

Булгарелли ничего не понималъ въ этомъ, вовсе несообразномъ съ обстоятельствами пріемѣ.

— Но, другъ мой, пробормоталъ онъ....

Фіорита не дала ему кончить; она выступила впередъ съ поднятымъ оружіемъ. Булгарелли ужаснулся этого движенія и поспѣшилъ выдти изъ комнаты.

— Теперь, сказала Фіорита: если ты сдѣлаешь шагъ въ эту комнату — ты погибъ.

Булгарелли не отвѣчалъ ни слова; онъ былъ совершенно лишонъ разсудка. Онъ видѣлъ, какъ жена его вышла въ свою комнату, затворила дверь; послѣ чего звукъ запиравшагося замка долетѣлъ до его слуха, однако это не воскресило въ немъ ни малѣйшаго признака разсудка. Эта жестокая сцена ускорила дѣйствіе винныхъ паровъ; онъ опустился на случившійся близъ него стулъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проснувшись чрезъ нѣсколько часовъ, Булгарелли очень удивился, замѣтивъ свое безпокойное ложе. Онъ уже могъ разсуждать. Мало-по-малу его воспоминанія оживились, и несчастный супругъ могъ понять тогда, въ какомъ жалкомъ положеніи находился онъ. Не-смотря на сдѣланную ему угрозу, онъ рѣшился помириться съ женой. Вставъ потихоньку съ своего мѣста, онъ подошолъ къ двери роковой комнаты и тихо произнесъ имя Фіориты. Никто не отвѣчалъ ему. Ободренный этимъ молчаніемъ, Булгарелли рѣшился постучать; однако и эта попытка осталась безотвѣтной. Ему оставалось только одно средство: насильно растворить дверь. Онъ было не рѣшился на эту крайность; однако надо было, во что-бы то ни стало, возстановить честь супруга и дать развязку этому приключенію. Булгарелли рѣшился. Онъ отошолъ нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ скачокъ и — однимъ разомъ выломавъ дверь, растянулся посреди другой комнаты.

Не-смотря на жестокій ушибъ, несчастный супругъ проворно сталъ на колѣни, и, сложивъ руки, намѣревался умолять жену о прощеніи; но, сверхъ его ожиданія, комната была пуста; постель, убранная подушками съ кружевами, доказывала, что на нее никто не ложился.

Когда первый порывъ удивленія прошолъ, сердце Булгарелли сжалось. Онъ повелъ вокругъ себя блуждающимъ взоромъ, и, увидѣвъ дверь, бросился къ ней. Эта дверь была отворена и вела на маленькую лѣстницу, выходившую на дворъ. Сомнѣваться было невозможно.

— Она ушла! сказалъ опечаленный импрессаріо.

Возвратясь въ комнату, Булгарелли нашолъ на столѣ письмо. Оно было на его имя; сломивъ печать, онъ прочолъ слѣдующее:

«Булгарелли, я жестоко обошлась съ вами въ эту ночь; но не рас-

щите на меня, я должна была такъ поступить. Я знаю все, чѣмъ я вамъ обязана : вы сдѣлали изъ меня то, что я теперь; и я сохраню вѣчную къ вамъ благодарность. Но я не могу быть вашей женой; мы вовсе не годимся другъ для друга. Притомъ-же, связанная предсказаніемъ, я не могу располагать своею судьбою. Простите меня; я болѣе несчастна, нежели виновна. Не старайтесь видѣть меня, это будетъ напрасно; между нами все кончено. *Фіорита.*»

Булгарелли былъ безутѣшенъ. Съ этой минуты фортуна совершенно измѣнила ему. Фіорита была его добрый геній; лишась ее, онъ лишился своей славы и своихъ успѣховъ. Публика перестала посѣщать его театръ, и Булгарелли разорился, какъ и его предшественникъ. Онъ опять началъ бродяжническую жизнь; но неудачи никогда не приходятъ въ половину. Несчастный импрессаріо совершенно развратился. Онъ уже не выходилъ изъ кабака. Съ этого-то самого времени началось состояніе худощавости и нищеты Булгарелли, которое еще упорно продолжалось при началѣ нашего разсказа.

Прошло три года съ этого печальнаго событія. Былъ 1713 годъ. Въ это время Булгарелли прибылъ въ Римъ. Не-смотря на всѣ его усилія отыскать Фіорпту, объ ней не было ни слуху, ни духу. Убѣдившись на опытѣ, что невозможно гоняться разомъ за двумя зайцами, Булгарелли пересталъ отыскивать жену свою, чтобъ удачнѣе отыскивать обѣды.

Однажды, проходя чрезъ Корсо, Булгарелли увидѣлъ нѣсколько группъ на ступеняхъ церкви *piazzo Sciara*. Между лицами, составлявшими эти группы, импрессаріо узналъ нѣсколько первѣйшихъ римскихъ вельможъ. Посреди нихъ были видны ливрейные лакеи, вѣроятно, принадлежавшіе къ двумъ экипажамъ, стоявшимъ на площади. Булгарелли подошолъ къ одному *staffiere*, котораго красное перо и серебряные галуны его замѣтно поразили, и спросилъ о причинѣ такого съѣзда.

— Синьёръ, отвѣчалъ лакей ; это *predica dille donne.*

Такъ называютъ проповѣдь, исключительно посвященную женщинамъ ; мужчины-же, собравшись у дверей храма, присутствуютъ при выходѣ слушательницъ и наслаждаются разсматриваніемъ ихъ прелестныхъ личекъ, орошенныхъ слезами раскаянія, — чѣмъ вполнѣ вознаграждаютъ себя за это исключеніе.

Булгарелли понравилось подобное общество ; онъ остановился на паперти и ожидалъ, какъ и прочіе присутствовавшіе, окончанія проповѣди. Скоро двери отворились, и блѣдныя, смущенныя герцогини и маркизы начали выходить изъ церкви, въ виду сво-

ихъ нескромныхъ обожателей. Вдругъ толпа взволновалась; раздалось общее восклицаніе :

— Ромарина!.... *la diva! la bellessima*!.... кричали со всѣхъ сторонъ.

Булгарелли поднялъ глаза и увидѣлъ молодую и красивую женщину, важно сходившую со ступеней храма. Одна между своими подругами она сохранила спокойное выраженіе лица.

— *Per Dio*! воскликнулъ очарованный импрессаріо... да это моя жена! — При этихъ словахъ взоры всѣхъ устремились на счастливаго супруга; даже молодая женщина бросила быстрый взглядъ въ ту сторону, и легкій трепетъ, пробѣжавшій по ея членамъ, обнаружилъ волненіе, которое причинилъ ей голосъ этотъ. Не-смотря на то, она, какъ ни въ чомъ не бывало, сошла съ крыльца и лакей съ краснымъ перомъ отворилъ ей дверцы великолѣпной кареты, которая удалилась съ быстротою молніи.

Булгарелли, изумленный этой чудесною встрѣчей, остался неподвижнымъ и какъ-бы лишеннымъ чувствъ; потомъ, пришедъ въ себя, онъ пустился преслѣдовать быстро-уѣзжавшій экипажъ. Красное перо лакея служило ему вожатаемъ. Однако экипажъ исчезъ изъ его глазъ. Импрессаріо ускорилъ бѣгъ, и, прибывъ на мѣсто, гдѣ, по его предположенію, карета должна была повернуть, спросилъ у прохожихъ, въ какую сторону поѣхалъ экипажъ.

— Синьйоръ, отвѣчали ему: эта карета взъѣхала на дворъ вотъ того палаццо, которое предъ вами, и которое принадлежитъ синьйорѣ Ромаринѣ, знаменитой пѣвицѣ.

— *Per Dio*! сказалъ Булгарелли... карета, ливрейные лакеи, дворецъ... словно какая *principessa*!

Булгарелли былъ очарованъ. Онъ даже ощущалъ какую-то гордость при мысли, что это его совѣтамъ и урокамъ примадонна была обязана своею славою и богатствомъ. Однако, когда бѣдный импрессаріо, подъ вліяніемъ еще этихъ утѣшительныхъ мыслей, бросилъ взглядъ на свою жалкую особу — вся эта гордость, казалось, вылетѣла сквозь дыры его платья. И въ-самомъ-дѣлѣ, ученица далеко опередила учителя. Тогда Булгарелли вздумалъ требовать себѣ часть состоянія жены своей. Этотъ палаццо, котораго орнаменты, ярко-освѣщенные въ эту минуту солнечными лучами, бросали отъ себя разнообразныя тѣни — болѣе всего обращалъ его вниманіе и возбуждалъ въ немъ зависть. Булгарелли рѣшился помириться; — но, постигая всю трудность этого дѣла онъ вошолъ въ сосѣдній кабакъ, надѣясь тамъ получить вдохновеніе.

Хорошенько обдумавъ планъ своего предпріятія, импрессаріо

отправился въ палаццо. Онъ горло прошолъ мимо удивленнаго швейцара, взбѣжалъ на лѣстницу, и, достигнувъ передней, съ увѣренностію приказалъ доложить о себѣ примадоннѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ, его пригласили въ пріемную знаменитой пѣвицы.

Увидѣвъ свою жену, Булгарелли затрепеталъ отъ-радости, и бросился къ ней съ отверстыми объятіями.

— Фіорита! воскликнулъ онъ съ восторгомъ.

Примадонна въ удивленіи отступила назадъ.

— Развѣ вы меня не узнаете? продолжалъ смущенный импрессаріо.

— Мнѣ кажется, продолжала молодая женщина съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ: что мы вовсе незнакомы другъ съ другомъ. Прежде этого, мнѣ никогда, какъ помнится, не случалось васъ видѣть, и судя по имени, которое вы мнѣ даете, я вижу, что вы ошибаетесь.

— Какъ? вы не помните синьйора Булгарелли, этого знаменитаго импрессаріо, который встрѣтилъ васъ на ярмаркѣ въ Синигаліи, подъ чьимъ руководствомъ вы дебютировали въ Миланѣ, съ которымъ вы вступили въ бракъ въ Венеціи, и, который наконецъ, будучи оставленъ вами въ этомъ городѣ, сдѣлался голоднѣйшимъ и несчастнѣйшимъ существомъ во всей Италіи?

— Я вполнѣ согласна съ тѣмъ, что вы можете быть знаменитымъ, худощавымъ и даже, если вамъ угодно, разореннымъ импрессаріо; что-жъ касается до остального, то позвольте увѣрить васъ, что я отъ-роду не была ни въ Синигаліи, ни въ Миланѣ, ни въ Венеціи.

Булгарелли изумился этой смѣлости.

— *Signora*, сказалъ онъ: я понимаю теперь, для чего вы перемѣнили имя; сначала я полагалъ, что это только прихоть комедіантки; но я отомщу вамъ за вашъ гнусный поступокъ.

— Какимъ-образомъ? спросила молодая женщина, устремивъ проницательный взоръ на импрессаріо.

— Я вижу, что вы стыдитесь меня, и что только одна гордость причиною вашего притворства.

Ромарина пожала плечами.

— Знайте же, что я повсюду разглашу, что я вашъ мужъ.

— Разглашайте, отвѣчала со смѣхомъ примадонна: вамъ никто не повѣритъ.

— Такъ я докажу это, съ увѣренностію продолжалъ импрессаріо.

Молодая женщина наморщила брови.

— Да, прибавилъ Булгарелли: я докажу это!... Я поѣду въ Венецію, возьму тамъ актъ о нашемъ бракосочетаніи, равно какъ

и другіе неопровержимые документы, и докажу, что вы Фіорита, дочь миланскаго поселянина, моя воспитанница и жена. Тогда посмотримъ, будете-ли вы такъ гордо и рѣшительно противиться моимъ правамъ.

При этой увѣренности, съ какою говорилъ импрессаріо, лицо Ромарины замѣтно измѣнялось; однако она остереглась другимъ образомъ обнаружить свое волненіе.

— Другъ мой, сказала она: вы съ ума сошли.

— Это мы увидимъ послѣ, *signora*... До свиданія!

Сказавъ это, и бросивъ бѣшеный взглядъ на молодую женщину, Булгарелли удалился.

Примадонна быстро дернула снурокъ колокольчика; лакей явился.

— Джироламо, сказала она: прикажи Лоренцо не принимать ни подъ какимъ предлогомъ этого человѣка, если онъ еще явится сюда.

Фіорита перемѣнила имя не безъ причины. Преслѣдуемая грустными событіями прошедшаго, она полагала, что эта перемѣна отдалитъ отъ нея непріятныя воспоминанія и, слѣдовательно, позволитъ ей насладиться ея новымъ, независимымъ положеніемъ. Внезапное появленіе ея мужа, посреди этой мечты, глубоко опечалило ее. И кромѣ того, эта встрѣча, не только нарушила ея спокойствіе, но даже возобновила опасенія, внушенныя ей предразсудками.

И въ-самомъ-дѣлѣ, не-смотря на три года, отдѣлявшіе ее отъ этого ужаснаго событія и на необыкновенное развитіе ея таланта и красоты, молодая женщина все еще находилась подъ вліяніемъ роковаго предсказанія венеціанскаго колдуна. Ея сонъ безпрестанно былъ прерываемъ страшными видѣніями — и бѣдная дѣвушка, полунагая, внѣ себя отъ ужаса, то бѣжала къ зеркалу и смотрѣлась въ него, то бросалась къ фортепіано и испытывала своей голосъ.

Эти безпрерывныя опасенія совершенно измѣнили характеръ Ромарины. Дѣвушка необыкновенно веселая, безпечная, — она сдѣлалась теперь задумчивой, мрачной. Ея походка, ея блѣдность, ея взглядъ, ея улыбка, однимъ-словомъ, вся она носила печать какого-то внутренняго страданія, тѣмъ-болѣе непонятнаго для толпы, что богатство, слава, красота, — эти высокіе дары, которыми осыпаетъ провидѣніе немногихъ смертныхъ, — были щедро расточены молодой Миланкѣ! Этого было достаточно чтобъ обратить на нее вниманіе всѣхъ. Тысяча поклонниковъ, одинъ другаго пламеннѣе, безпрерывно расточали ей всевозможныя утѣшенія. Но

сердце Ромарины никому и ничему не внимало. Только одинъ человѣкъ, еще неизвѣстный, непаходимый, долженъ былъ, уничтоживъ эту тяжолую тоску, имѣть преимущество расшевелить ея холодное сердце.

Около этого-то времени, Молинери, извѣстясь о рѣшительномъ отрѣченіи отъ него синьйора Гравины и желая избѣжать послѣдствій этого отрѣченія,—взгумалъ перемѣнить свое поведеніе. Это обращеніе, какъ мы уже сказали выше, надѣлало много шуму въ Римѣ, и дошло до Ромарины. Хотя она еще не относила этого обстоятельства къ сдѣланному ей предсказанію, однако почувствовала сильную радасть: этотъ молодой вельможа вполнѣ возбудилъ въ ней участіе.

Однажды, Ромарина была у обѣдни въ церкви *Santa Lucia del Confolone*. Стоя на колѣняхъ, она вся была погружена въ молитву; вдругъ, поднявъ голову, увидѣла она Молинери, который стоялъ, прислонившись къ колоннѣ и устремивъ на нее глаза. Молодая женщина смутилась и опустила взоръ на молитвенникъ; но, выходя изъ церкви, она опять увидѣла Молинери, стоявшаго у большой кропильницы. Она покраснѣла и устремила глаза въ землю. Молодой вельможа, обмокнувъ кончикъ своихъ пальцевъ въ святую воду, и подавая ихъ Ромаринѣ, сказалъ ей тихимъ голосомъ:

— *Signora*, я васъ жестоко оскорбилъ; прошу у васъ прощенія.

Безъ сомнѣнія, Молинери намѣкалъ на похищеніе, которое онъ было такъ неудачно предпринялъ.

— Синьйоръ, отвѣчала Ромарина: вы еще сильнѣе оскорбили Бога; пусть сначала Онъ васъ проститъ.

— Я надѣюсь, синьйора, на Его прощеніе. Онъ милосердъ.

— Такъ продолжайте надѣяться.

Сказавъ это, она поклонилась Молинери, и вышла изъ церкви, полная неизъяснимаго волненія. Радость, которую почувствовалъ Молинери при этомъ благосклонномъ пріемѣ, была невыразима.

Изъ всей молодежи, ухаживавшей за Ромариной, онъ одинъ хорошо понялъ ея характеръ; и, послѣ неудачнаго покушенія на похищеніе ея, онъ рѣшился дѣйствовать болѣе деликатнымъ и, слѣдовательно, болѣе вѣрнымъ образомъ: мы сейчасъ видѣли, какимъ успѣхомъ увѣнчалась его первая попытка.

Однако прошолъ ужъ годъ послѣ этой встрѣчи, а Молинери не искалъ случая увидѣться съ комедіанткой. Гравина уже скончался, и молодой вельможа наслѣдовалъ послѣ него имѣніе. Не-смотря на то, что принятая имъ личина добродѣтели была только средствомъ получить это наслѣдство, Молинери все-еще не перемѣнялъ своего поведенія, надѣясь воспользоваться этимъ для своей любви

къ Ромаринѣ. Наконецъ, пора уже было рѣшительно приступить къ дѣлу.

Былъ праздникъ. Молинери пораньше отправился въ церковь св. Лючіи, чтобъ опередить толпу и помѣститься у большой кропильницы, гдѣ онъ въ послѣдній разъ встрѣтился съ Ромариной, твердо надѣясь и теперь увидѣть ее на томъ-же самомъ мѣстѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, явилась Ромарина. Она тотчасъ узнала его и подошла къ нему съ видомъ весьма-благосклоннымъ. Молинери поднесъ ей святой воды, и, взявъ ее за руку, сказалъ:

—Синьйора, я пришолъ сюда въ надеждѣ получить обѣщанное прощеніе.

— Достойны-ли вы его, синьйоръ? спросила Фіорита съ пріятной улыбкой.

— Уже годъ, какъ я стараюсь заслужить его.

— И такъ, синьйоръ, я васъ прощаю.

— О! благодарю васъ! сказалъ Молинери съ восторгомъ. Могу-ли теперь открыть вамъ свое сердце?

Ромарина измѣнилась въ лицѣ. Она отняла свою руку отъ руки дворянина и, устремивъ на него смущенный взоръ: тихо прошептала:

— О! Боже! неужели *его* суждено мнѣ любить?

Молинери нисколько не сомнѣвался въ расположеніи къ нему Ромарины; каково-жъ было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ томное выраженіе, какое вдругъ приняло лицо ея.

— Синьйора, сказалъ онъ съ робостію: вамъ непріятно это признаніе?

Молодая женщина потрясла головой, не отвѣчая ни слова.

— Такъ позвольте мнѣ, синьйора, продолжалъ ободренный Молинери, просить у васъ особаго свиданія: мнѣ такъ много надобно высказать вамъ!

— Я буду сегодня вечеромъ дома.

— Однѣ?

— Я думаю .. Во всякомъ случаѣ, прибавила Ромарина, понизивъ голосъ : прежде нежели вы вздумаете войдти въ домъ — посмотрите на балконъ; если вы меня увидите тамъ, это будетъ значить, что я могу принять васъ....

Молинери, счастливый сверхъ ожиданія, прижалъ свою руку къ сердцу и бросилъ на примадонну взоръ, исполненный благодарности.

Въ это самое время, благовонное облако наполнило храмъ; звуки органа потрясли церковные своды; Ромарина подняла голову и увидѣла священника, идущаго къ олтарю. Пора было кончить этотъ

разговоръ. Молодая женщина обратилась къ Молинери, сдѣлала ему прощальный знакъ и—удалилась.

Когда наступилъ вечеръ, Молинери, опытный въ этихъ дѣлахъ, отправился одинъ и безъ фонаря въ палаццо Сакетти. Въ то-же самое время, какъ уже намъ извѣстно, Метастазіо, прославленный и облеченный титуломъ *Poeta Cesareo*, шолъ также туда, намѣреваясь открыться Ромаринѣ въ любви. Мы знаемъ, какъ встрѣтились эти два обожателя, и какъ Молинери, счастливѣе своего соперника, въ его глазахъ прошолъ въ палаццо.

Это странное приключеніе зажгло въ груди Метастазіо жестокую ревность.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, нерѣшительный, смущенный, молодой поэтъ въ бѣшенствѣ бродилъ около портика.

— Неужели, бормоталъ онъ по-временамъ, всѣ мои планы всегда должны рушиться предъ этой дверью!

Но вдругъ, влекомый вдохновеніемъ, онъ бросился по направленію моста св. Ангела; потомъ, сошедъ на берегъ Тибра, онъ продолжалъ свой путь къ пристани *Ripetta*.

IX.

ДВА СОПЕРНИКА.

Пристань *Ripetta* находилась довольно-далеко отъ палаццо *Сакетти*. Это было единственное мѣсто, гдѣ Тиберъ, обрамляемый домами во всю длину города, могъ быть доступенъ. Нѣсколько большихъ судовъ стояло здѣсь на якорѣ, и вокругъ ихъ толпилось множество великолѣпныхъ и легкихъ яликовъ. Метастазіо посмотрѣлъ вокругъ себя; лодки были пусты, и на пристани никого не было. Онъ осторожно сошолъ въ одну изъ ближайшихъ гондолъ, и пустился по-теченію.

Скоро онъ присталъ къ мраморной лѣстницѣ, которой нижнія ступени были покрыты водою. Эта лѣстница вела на невысокую террассу, за которой густыя деревья, остриженныя на подобіе портика, служили преддверіемъ тополевымъ аллеямъ. Метастазіо вскочилъ на лѣстницу, взошолъ на террассу, и углубился въ аллеи, окружавшія довольно-обширный садъ, въ глубинѣ котораго виднѣлись бѣлыя стѣны палаццо. Метастазіо пошолъ въ ту сторону; но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, и, опершись о дерево, далъ успокоиться своему волненію.

— Наконецъ я у нея! шепталъ онъ. Она гуляетъ въ этихъ аллеяхъ! Садится подъ этими деревьями! Я попираю песокъ, который былъ подъ ея ногами! Я дышу благоуханіемъ ея цвѣтовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, поэтъ былъ теперь въ саду палаццо Сакетти.

Скоро Метастазіо опомнился. Чувствуя, что силы его возвратились, онъ продолжалъ идти въ направленіи къ палаццо. Влажная земля не издавала никакого шума подъ его ногами; вокругъ ночной мракъ покрывалъ всѣ предметы; онъ думалъ, что достигнетъ до палаццо благополучно, какъ вдругъ его слухъ былъ пораженъ голосомъ Молинери. Пьетро внезапно остановился, посмотрѣлъ вокругъ себя; но ничего не замѣтилъ, кромѣ двухъ мраморныхъ статуй, неподвижно стоявшихъ въ своихъ зеленыхъ нишахъ и устремившихъ на него безжизненные глаза. Скоро послѣ того раздался голосъ чистый и звучный. Метастазіо тотчасъ узналъ его: это былъ голосъ Ромарины, который, безъ-сомнѣнія, выходилъ изъ ближайшаго кустарника. Полный неизъяснимаго волненія, Метастазіо тихонько подошелъ къ той сторонѣ, и помѣстился за деревомъ, намѣреваясь не пропустить ни одного слова изъ разговора, который онъ услышитъ.

— Да, синьйора, говорилъ Молинери: вы просвѣтили мою душу; вы уничтожили нечистое пламя, которое преступныя наклонности родили въ моемъ сердцѣ.

— Синьйоръ, по гордости, пробуждаемой во мнѣ вашими словами, я чувствую, что я была недостойна сдѣлать подобное чудо.

— А между тѣмъ, вы, и вы одни его сдѣлали... Да, синьйора, вашего взгляда было достаточно, чтобъ разсѣять мракъ, въ которомъ блуждалъ я. Да и можно-ли васъ видѣть и не ощутить этого непреодолимаго чувства, которое вы внушаете всѣмъ окружающимъ васъ, и любить васъ, не очистивъ сердце свое отъ всѣхъ постороннихъ и порочныхъ впечатлѣній!

— Такъ вы меня любите?

— Люблю-ли я васъ! Усилія, которыя я долженъ былъ сдѣлать надъ самимъ-собой, не служатъ-ли залогомъ любви моей?

— О! Боже! благодарю тебя! сказала Фіорита, поднявъ руки къ небу... Онъ меня любитъ... Я спасена.

Эти непонятныя для Молинери слова очень удивили его и остановили на-время его порывъ.

— Синьйоръ, продолжала молодая женщина: я вамъ вѣрю; но берегитесь обмануть меня. Мое счастіе, спокойствіе, слава — вся жизнь моя зависитъ отъ этого вѣрованія; уничтожить его — все равно, что умереть!

— Такъ любите-жъ и вы меня, страстно воскликнулъ Молинери: эта моя единственная надежда. Я также умеръ-бы, потерявъ ее.

Ромарина легко могла понять причину, для которой Молинери требовалъ свиданія съ нею, а потому нисколько не удивилась его любовному объясненію; но взаимное признаніе, котораго онъ требовалъ отъ нея, смутило молодую женщину.

— Синьйоръ, сказала она: къ чему вамъ мои увѣренія? Вы храбрый и благородный дворянинъ; поведеніемъ своимъ вы снискали уваженіе всѣхъ честныхъ людей; ваши чувства ко мнѣ — чисты; за что-жъ мнѣ не любить васъ?

— Если вы любите меня, докажите мнѣ это, сказалъ пылкій любовникъ, нетерпѣливо желая довершить побѣду.

— Развѣ вы не довольны еще тѣмъ, что я вамъ говорю это?

— Нѣтъ, продолжалъ Молинери: пустыя слова недостаточны, чтобы укротить бушующій во мнѣ пламень. Знайте, синьйора, что я люблю васъ какъ никто еще не любилъ; это первая любовь моя. Для васъ, я измѣнилъ свои наклонности, обуздалъ свои страсти, преобразовалъ свое сердце. Но мое новое чувство, не-смотря на чистоту его, ничуть не тише и не послушнѣе: оно родилось отъ моего пылкаго характера и вашихъ прелестей. Подобное чувство не укротимо; оно или убиваетъ, или удовлетворяется.

— Синьйоръ, вы меня ужасаете!

— Виноватъ, синьйора, я внѣ себя... Но будьте сострадательны; вы извлекли меня изъ бездны; вы направили меня на путь добра; окончите свое дѣло; будьте моимъ добрымъ геніемъ; вы одни можете дать мнѣ силу; оставьте меня — и я погибъ!

Эти слова повергли примадонну въ глубокую задумчивость. Она не отвѣчала ни слова. Неизвѣстно, былъ-ли то страхъ, произведенный на нее силою страсти Молинери, или, можетъ-быть, воспоминаніе о ея мужѣ, подавляло въ Фіоритѣ всѣ ея тайныя чувства. Однако ея критическое положеніе увеличилось еще новымъ безпокойствомъ. Ея отказъ, повлекши за собой смерть или прежнюю развратную жизнь Молинери, могъ имѣть пагубное вліяніе на ея собственное счастіе: она опять должна была впасть въ зависимость отъ неумолимаго рока, посягавшаго на драгоцѣннѣйшія для нея сокровища.

— Синьйоръ, сказала она наконецъ: пожалѣйте несчастную женщину!.. Чего вы требуете отъ меня? Любимая, уважаемая всѣми, могу-ли я пожертвовать добрымъ именемъ для удовлетворенія страсти, которая можетъ быть извинительна и понятна только въ въ нашихъ глазахъ? Эта жертва выше силъ моихъ, и надо быть безъ сердца, чтобы требовать ее.

Выговоривъ эти слова, Ромарина залилась слезами. Молинери

все больше и больше удивлялся; онъ не могъ постичь, какимъ-образомъ эта женщина, столь цѣломудренная и добродѣтельная, самасобою пріискиваетъ самое обидное толкованіе любви, которой освященію не предстояло нималѣйшаго явнаго препятствія. Полагая, что она этимъ хочетъ испытать чистоту его намѣреній, онъ съ безпримѣрнымъ безразсудствомъ и лицемѣріемъ отвѣчалъ:

— Синьйора, у меня и въ мысли никогда не было посягать на ваше доброе имя; я готовъ предложить вамъ мою руку..

— Праведное небо! воскликнула Фіорита, вскочивъ въ испугѣ: —выдти за васъ!.. мнѣ!.. это невозможно.

Фіорита находилась въ этотъ мигъ въ самомъ жестокомъ колебаніи. Отказываясь отъ предложенія Молинери, она неминуемо должна была открыть тайну своего перваго замужства, или показаться сама нищущею горькой нужды сдѣлаться его любовницей. Эта мысль довершила ударъ, и рыданія ея удвоились.

Молинери сталъ въ-тупикъ отъ изумленія. Вдругъ вспомнилась ему болтовня синьйора Булгарелли, и въ первый разъ началъ онъ подозрѣвать, что претензіи *импрессаріо* не лишены были основанія; но, ловко перескользнувъ черезъ эту преграду, и боясь повредить своимъ пользамъ, если углубится въ догадку, онъ сказалъ:

— Это ничего, *синьйора*,.. если неизвѣстныя мнѣ причины мѣшаютъ здѣсь свершенію нашего счастія, то вѣдь мы неприкованы къ Риму, уѣдемъ отсюда.

При этомъ новомъ предложеніи, Фіорита вздрогнула и опомнилась.

— Уѣдемъ!—сказала она.

И какъ-будто это рѣшимость полагала внезапно конецъ ея тоскѣ и терзаніямъ, она прибавила:

— Да, хорошо... Мнѣ надо перемѣнить воздухъ... Уѣдемъ, только поскорѣе; я чувствую, что здѣсь я умру.

Молинери торжествовалъ.

— *Синьйора*,—сказалъ онъ, цѣлуя съ восторгомъ руку *примадонны*, — я вашъ на-вѣкъ; вы свершили всѣ мои желанія. Завтра почтовая карета умчитъ насъ въ безвѣстный міръ, гдѣ ничто не возмутитъ нашей любви...

Въ это мгновеніе, въ кустахъ послышался легкій шорохъ. Фіорита выпрямилась, какъ испуганная серна.

— Тутъ кто-то есть,—сказала она.

— Какая-нибудь ночная птичка задѣла крыломъ за вѣтку,—отвѣчала Молинери.

— Погодите!

Молодая женщина тихо отошла и начала всматриваться въ глубь куртины. Оставшись одинъ, Молинери не могъ долѣе обуздывать изъявленія своей адской радости и голосомъ, обличавшимъ его презрѣнное вѣроломство, сказалъ:

— Она моя!

— Нѣтъ еще, синьйоръ, сказалъ Метастазіо: намъ съ вами надо напередъ разсчитаться.

Молинери быстро обернулся, и увидѣлъ сверкающіе глаза поэта, вперившіеся въ его глаза.

— Синьйоръ Метастазіо!—произнесъ онъ.

— Тише!—возразилъ Пьетро... мы не здѣсь должны увидѣться.

Съ этими словами, Метастазіо изчезъ во мракѣ, и опрометью кинулся къ лѣстницѣ, гдѣ оставилъ гондолу.

— Я ошиблась, сказала Фіорита, воротясь съ своего поиска: никого нѣтъ; но ужъ поздно... синьйоръ, пора намъ разстаться.

Дружески взявъ дворянина за руку, она потащила его по дорогѣ къ палаццо.

Черезъ нѣсколько минутъ, синьйоръ Молинери гордо сходилъ съ крыльца палаццо Сакетти, какъ вдругъ человѣкъ, выскочившій изъ-за одной колонны портика, быстро схватилъ его за руку.

— Ну, синьйоръ, теперь раздѣлаемся!—сказалъ онъ.

Впечатлѣніе, произведенное на Молинери неожиданнымъ появленіемъ Метастазіо въ садахъ Ромарины, было такъ внезапно, что дворянинъ, не-смотря на свою обычную дерзость, не нашолся ни однимъ словомъ выразить неудовольствіе или удивленіе. Но на этотъ разъ, сколь ни загадочнымъ казалось ему быстрое возвращеніе юнаго поэта, Молинери не потерялъ присутствія духа: проворно вырвалъ онъ руку и, отступивъ шагъ назадъ, сказалъ:

— А! ужъ вы тутъ!.. Кажется, у васъ есть талисманъ дѣлаться невидимкою и проходить сквозь стѣны.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Метастазіо.

— Безцѣнная вещь для шпіона.

Метастазіо живо занесъ руку на шпагу; но тотчасъ-же, подавивъ это тѣлодвиженіе, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Синьйоръ, эта обида должна-бы стоить вамъ жизни; но мнѣ нужно, чтобъ вы жили. Когда надобность эта пройдетъ, тогда увидимъ, что дѣлать.

Молинери расхохотался.

— Синьйоръ Метастазіо бываетъ иногда забавникомъ, сказалъ онъ.

— А вотъ сейчасъ увидите... Во-первыхъ, синьйоръ, узнайте, что я люблю Ромарину.

— Чтó мудренаго? отвѣчалъ Молинери... Трудно только ее заставить полюбить себя.

— Именно въ этомъ я надѣюсь успѣть, если вы мнѣ поможете, сказалъ Метастазіо.

Молинери на-минуту остолбенѣлъ.

— Я? вскричалъ онъ.

— Вы именно.

— Странная затѣя!

— Такія-ли еще удавались на свѣтѣ?... Когда мужчина, подобный вамъ, синьйоръ, успѣваетъ, помощію пронырства, лжей и притворства, встревожить женщину, вырвать у нея признаніе и согласіе, какія вы въ эту ночь получили отъ Ромарины, то почему-же не думать, что честный человѣкъ успѣетъ еще больше?

— О! это ужъ слишкомъ! вскричалъ Молинери, обнажая шпагу... Мнѣ не нужно, чтобъ вы жили... напротивъ .. Синьйоръ, защищайтесь...

Метастазіо сталъ въ оборонительное положеніе, и отражая удары противника, сказалъ:

— Да, вы низкій обольститель; но Ромарина никогда не будетъ вамъ принадлежать, потому-что я васъ знаю коротко и съумѣю, когда придетъ пора, сорвать съ васъ маску,

— Синьйоръ, синьйоръ! вскричалъ Молинери съ бѣшенствомъ: вы дорого поплатитесь за дерзость.

— Оттого-то я и остерегаюсь, отвѣчалъ Метастазіо, что знаю, какъ мало вамъ стóитъ губить людей по ночамъ.

Ярость Молинери достигла вершины.

— Мерзкій поэтъ! закричалъ онъ: я съ радостію отдамъ свою жизнь за твою!

— Въ-самомъ-дѣлѣ?... такъ не отступайте, синьйоръ, а не то я перестану драться... вамъ хочется заманить меня въ потьмы; останемтесь тутъ подъ фонаремъ; здѣсь намъ виднѣе.

— Раненъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Молинери, только кафтанъ мой разодранъ.

Молинери обыкновенно владѣлъ шпагою съ рѣдкимъ искусствомъ; но бѣшенство, въ какомъ онъ находился въ эту минуту, не позволяло ему пользоваться своими средствами и парализировало всю его ловкость. Метастазіо, которому нужно было его беречь, ограничился только собственною защитою, и дѣлалъ это съ легкостію, хладнокровіемъ и презрѣніемъ, которыя удвоили ярость и безсиліе врага.

— Синьйоръ, сказалъ молодой поэтъ: я съ вами заговорилъ о

Ромаринъ... Я вамъ сказалъ, что люблю ее; это значитъ, я желаю, чтобъ вы оставили ее въ покоѣ...

— Никогда, сказалъ Молинери: эта женщина меня любитъ и мнѣ принадлежитъ; я не уступлю ее никому.

— Синьйоръ, возразилъ Пьетро: вотъ ужъ въ другой разъ мы съ вами встрѣчаемся въ дѣлахъ. Первую игру вы выиграли, справедливость требуетъ выиграть вторую мнѣ.

— Это рѣшитъ жребій, сказалъ дворянинъ.

— Ничуть, отвѣчалъ Метастазіо... У васъ, какъ у меня, есть талисманъ... дѣлаться невидимкою и заклинать жребій.

— Я васъ не понимаю, сказалъ Молинери.

— Я разумѣю то, возразилъ Пьетро, что уже лишивши меня имущества, вы не отнимите также у меня любовницу.

Тутъ Молинери почувствовалъ нервическое содроганіе, котораго Пьетро даже не замѣтилъ.

— Синьйоръ Метастазіо, сказалъ дворянинъ: вы лжете! Эти слова васъ погубятъ!

— Я никогда не лгу, синьйоръ... Развѣ вы не украли завѣщанія вашего дяди?

Утомился-ли Молинери продолжительностью борьбы, или это прямое обвиненіе докончило разстройство его бодрости, только нападеніе его вдругъ стало слабѣе и неправильнѣе. Зубы его сильно застучали, холодный потъ смочилъ лицо.

— Кто осмѣливается говорить такія вещи, тотъ долженъ доказать, если онъ не подлецъ!

— Синьйоръ, отвѣчалъ Метастазіо: доказательства повели-бы васъ прямехонько на галеры; но, если они вамъ нужны, удовлетворить васъ легко: завѣщаніе уже не въ вашихъ рукахъ, оно у меня.

Молинери сталъ какъ вкопанный; шпага выпала у него изъ рукъ, и онъ задрожалъ такъ сильно, что принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ не упасть. Метастазіо далеко оттолкнулъ ногою оружіе противника, и, вложивъ свою шпагу въ ножны, сказалъ:

— Да, синьйоръ, завѣщаніе, которое вы, конечно, навсегда считали потеряннымъ, взято у васъ въ самый день преступленія, прежде чѣмъ вы успѣли его истребить. Съ-тѣхъ-поръ я ношу его на груди, какъ воспоминаніе о милости моего благодѣтеля. Мнѣ достаточно-бы одного слова, чтобъ обратить его въ орудіе вашей погибели и моего обогащенія.

— О, синьйоръ! — проговорилъ, заикаясь, Молинери: вы этого не сдѣлаете!

Въ тонѣ, какимъ произнесъ онъ эти слова, было столько ни-

зости и испуга, что Метастазіо не удержался отъ улыбки презрительнаго сожалѣнія.

— Синьйоръ, сказалъ онъ: чего вы больше боитесь въ сію минуту, безчестія или нищеты?

— И то и другое убьетъ меня, отвѣчалъ Молинери: потому-что и то и другое позоръ!

Метастазіо пожалъ плечами.

— Бѣдный безумецъ! молвилъ онъ.

И снова принявъ серьёзный и важный тонъ, онъ прибавилъ:

— Синьйоръ, послушайте... Мнѣ нечего щадить васъ въ словахъ. Римъ давно считалъ васъ за то, что вы есть; теперь, вы одни себя знаете; но я не коснусь до этого прошедшаго безразсудства, до этого настоящаго лицемѣрія; у меня довольно личностей съ вами. На рукѣ ношу я рубецъ, который вѣчно будетъ мнѣ напоминать нашу первую встрѣчу; это ударъ кинжала, полученный отъ васъ.

Молинери сдѣлалъ знакъ изумленія.

— Наканунѣ Рождества? спросилъ онъ.

— Точно такъ... Вижу, что вы помните свои дѣла; я очень-радъ; это позволитъ мнѣ говорить короче... Послѣ того, вы хотѣли подкупить убійцъ на меня, и отняли у меня состояніе. Теперь, вы стараетесь похитить у меня любовницу. Итакъ, жизнь, имѣніе, счастіе, все вы у меня оспоривали... Пора мнѣ отомстить за себя, и вы видите...

Метастазіо вынулъ изъ камзола бумагу, которую бережно развернулъ передъ дворяниномъ.

Молинери былъ уничтоженъ. Это подробное исчисленіе, свидѣтельствуя о твердомъ воспоминаніи, какое сохранилъ Метастазіо о его злодѣйствахъ, не подавало дворянину нималѣйшей надежды избѣжать справедливой мести юнаго поэта. Онъ безотвѣтно поникъ головою, и, молча, глоталъ свою ярость, какъ тигръ, запертый въ клѣткѣ.

— Между-тѣмъ, продолжалъ Метастазіо: сейчасъ я могъ отнять у васъ жизнь, и не сдѣлалъ этого; завтра я могу отнять у васъ богатство, и опять таки не сдѣлаю.

Молинери содрогнулся.

— Но съ условіемъ, синьйоръ... Я люблю Ромарину, я вамъ ужъ это говорилъ; люблю ее всѣми силами души. Съ-тѣхъ-поръ, какъ чувствую, что живу, я дышу только для нея одной. Для нея я совершилъ чудеса, потому-что изъ бѣднаго простолюдина сдѣлался поэтомъ. Въ ней заключилъ я всю мою будущность, всю мою славу, все мое счастіе!... Вы, вы ея не любите, вы чувствуете

къ этой женщинѣ одну мимолетную страсть, которой основаніемъ служатъ прихоть и тщеславіе, и которая пропадетъ тотчасъ, какъ скоро прихоть и тщеславіе удовлетворятся. Что вы хотите изъ нея сдѣлать?... Игрушку, которую рано или поздно ломаютъ или кидаютъ... Оставьте ее мнѣ!... Она не знаетъ, что я ее люблю, дайте мнѣ сказать ей это; я не буду стараться навязать ей свою любовь; если она ее приметъ, вы составите счастіе двухъ существъ; если она отвергнетъ, вы получите обратно всѣ ваши права.

Натура Метастазіо была такъ возвышенно-добра и довѣрчива, что, увлекшись сладкой повѣстью страсти своей къ *примадоннѣ*, онъ какъ-бы забылъ вражду къ дворянину и невольно обмѣнялся съ нимъ ролями. Молинери показался тронутымъ этой благородной снисходительностью.

— Синьйоръ, сказалъ онъ: при тѣхъ мысляхъ, какія вы имѣете на мой счотъ, я не смѣю надѣяться убѣдить васъ въ глубокомъ впечатлѣніи, которое сдѣлало на мое сердце ваше великодушіе. Я ужъ обманулъ васъ однажды; но я готовъ тотчасъ-же дать вамъ доказательство моей преданности и признательности. Что прикажете сдѣлать для этого?

— Синьйоръ, сказалъ Метастазіо: пусть Ромарина ѣдетъ съ вами завтра. Пусть этотъ отъѣздъ не будетъ ни изъ вашего, ни изъ ея палаццо. Назначьте ей свиданіе у меня.

При этомъ предложеніи, Молинери ощутилъ порывъ зависти и злобы, который насилу могъ преодолѣть.

— Гдѣ вы живете, синьйоръ? — спросилъ онъ.

— Середи Campo Vaccino.... насупротивъ арки Септимія Севера... Маленькій уединенный домикъ...

— Въ которомъ часу?

— Все равно, лишь-бы только ночью.

— Пожалуй!.... Но, примолвилъ онъ, увлеченный безразсудной недовѣрчивостью: отдайте мнѣ завѣщаніе въ обмѣнъ за мое слово.

Это вдругъ возвратило Метастазіо къ чувствамъ ненависти и презрѣнія.

— Синьйоръ, сказалъ онъ: тутъ условія не вы предписываете.... Завѣщаніе останется у меня; но обѣщаю вамъ, что его не будетъ существовать съ той самой минуты, какъ моя дверь затворится за Ромариною.

— Мнѣ этого довольно, отвѣчалъ съ живостью Молинери: даю вамъ слово, что она будетъ у васъ.

Метастазіо пристально поглядѣлъ на дворянина, и, помолчавъ съ минуту, сказалъ:

— Я жду. Не забудьте-же, синьйоръ, завтра рѣшается дѣло о вашемъ богатствѣ и моемъ счастіи.

Выговоривъ эти слова, Пьетро кивнулъ дворянину прощальный знакъ, и отвернувшись отъ него, пошолъ къ себѣ домой. Нѣсколько времени Молинери провожалъ его глазами и, потерявъ виду, сказалъ глухимъ и дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ:

— Синьйоръ Метастазіо, вы торжествуете, но между нами не все еще кончено, и торжество ваше будетъ коротко!

X.

РАЗВЯЗКА ИСТОРІИ.

На-дворѣ стояла ужасная погода. Вѣтеръ дулъ съ такою жестокостью, что всѣ стекла дрожали въ хуло-сплоченныхъ окончинахъ. Дождь лилъ ливмя и шумно хлесталъ по мостовымъ, кровлямъ и стѣнамъ. Ручьи, превратясь въ потоки, съ клокотаньемъ бѣжали ринуться въ стоки. Ночь была темная: ни одинъ лучъ свѣта, ни въ небесахъ, ни на землѣ, не озарялъ ужасовъ этой страшной бури.

Метастазіо, потерпѣвшій, встревоженный, крѣпко сжалъ руки на груди, чтобы заглушить жестокое біеніе сердца, прохаживался большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Маленькая лампа, яркая и искристая, горѣла на рабочемъ столѣ. Никогда молодой поэтъ не бывалъ такъ блѣденъ. Отъ-времени до-времени, онъ останавливался и внимательно слушалъ; но шумъ бури заглушалъ всякой иной шумъ; либо, отворивъ окно, жаднымъ взоромъ озиралъ онъ небо и старался прозрѣть сквозь густой мракъ, разстилавшійся на улицахъ; но ничего нельзя было разглядѣть, а вѣтеръ, вѣявшій въ комнату, до того задувалъ лампу, что окно тотчасъ должно было затворять.

— Боже мой! Боже мой! — твердилъ Метастазіо: не помѣшаетъ-ли ей придти эта буря?

Часы уже два раза били на высокомъ Капитоліи, и, въ послѣдній разъ, Пьетро насчиталъ до десяти звучныхъ сотрясеній мѣди. Скоро отчаяніе начало овладѣвать юнымъ поэтомъ. Удрученный усталостью и скорбію, онъ упалъ въ истощеніи на кресла

и схватилъ себя за волосы обѣими руками, какъ человѣкъ, видящій разрѣшеніе самой дорогой своей надежды.

Вдругъ топотъ шаговъ послышался на лѣстницѣ; дверь съ улицы оставалась нарочно незапертою. Метастазіо всталъ. Шумъ сталъ явственнѣе; очевидно, на лѣстницу всходили. Пьетро тихо отворилъ дверь комнаты; въ то же мгновеніе вошла къ нему Ромарина.

— Какъ она его любитъ! подумалъ Пьетро.

Пришедъ съ темноты, Ромарина сначала была ослѣплена яркимъ блескомъ лампы, и дико оглянулась вокругъ. Тутъ увидѣла она поэта.

— Синьйоръ Метастазіо! — сказала она.

Со-времени успѣха его *Покинутой Дидоны*, Метастазіо знали всѣ въ Римѣ.

— Гдѣ я?.... Я ошиблась!

Увидѣвъ, что Пьетро запираетъ за нею дверь на замокъ, съ ужасомъ прибавила :

— Синьйоръ, что̀ вы дѣлаете?

— *Синьйора*, отвѣчалъ Пьетро : вамъ нечего бояться.

— Но это страшный обманъ ! На что̀ вы запираете дверь?

— Надо говорить съ вами....

— А если я не хочу васъ слушать!

— *Синьйора*, сказалъ Метастазіо : ужели въ васъ нѣтъ жалости!

Пьетро молча подошолъ къ двери, и, отворивъ ее, сказалъ :

— Вы свободны.

— Теперь я остаюсь, сказала Ромарина, ободрившись.... Что̀ вамъ угодно отъ меня?

Пьетро поднялъ на красавицу взоръ, полный невыразимой нѣжности.

— *Синьйора*, промолвилъ онъ : я хочу сказать вамъ, что я васъ люблю.

Ромарина сдѣлала знакъ удивленія.

— Да, продолжалъ Метастазіо: я васъ люблю... первый разъ излетаетъ это признаніе изъ моей груди; до-сихъ-поръ я тщательно скрывалъ его въ сердцѣ; настало время высказать вамъ его.

— Синьйоръ, отвѣчала Ромарина: я могу только сожалѣть о вашей несчастной страсти... Недугъ, которымъ вы страждете, есть одинъ изъ тѣхъ неисцѣльныхъ недуговъ, который небо иногда посылаетъ на насъ для испытанія. Всѣ мы здѣсь долу игрушки болѣе или менѣе жестокой судьбы, а сердце человѣческое такъ сотворено,

что, если оно имѣетъ способность чувствовать этого рода страданія, то не имѣетъ силы заставить ихъ раздѣлять.

— Есть однако люди, возразилъ Метастазіо, которые умѣютъ заставить ихъ слушать.

— Это случай, сказала Ромарина: значитъ, они родились съ такимъ преимуществомъ,

— Нѣтъ, отвѣчалъ Метастазіо съ силою: они родились лицемѣрами и негодяями, которые умѣютъ лгать и обманывать!

Эта рѣзкая выходка странно поразила актрису.

— Синьйоръ, сказала она строго: если то, что вы говорите, правда, это доказываетъ, что мы должны слушать такого рода признанія только съ глубокою недовѣрчивостью.

— Увы! сказалъ Метастазіо: самой себѣ должны вы недовѣрять!.. Когда мужчина васъ любитъ, *синьйора*; когда, снѣдаемый страстію, этотъ мужчина скрываетъ свои мысли въ самомъ-себѣ, или когда, полный пламеннаго обожанія къ своему кумиру, онъ дерзаетъ выражать ему любовь лишь нѣмымъ языкомъ взоровъ, вы не умѣете ни угадать его, ни отличить въ толпѣ... Но когда другой, болѣе отважный или болѣе владѣющій собою, влекомый единственно сильною потребностью тщеславія или распутства, подходитъ къ вамъ и беретъ васъ за руку; когда онъ играетъ передъ вами настоящую роль комедіи, ловко выученную и придуманную напередъ; когда онъ хвастается дивнымъ преображеньемъ, внезапно въ немъ происшедшимъ при одномъ видѣ вашемъ; когда онъ вамъ грозитъ умереть у вашихъ ногъ, если вы не отвѣтите на его чувства; когда онъ осыпаетъ васъ лестію и лживыми обѣщаніями... вы вѣрите ему!... Бѣдныя женщины!.. Напрасно губитъ васъ обольщеніе! Опытъ ничему васъ не научилъ; и однѣ, подобно древнимъ жертвамъ, вы не знаете, куда васъ ведутъ, когда вѣнчаютъ цвѣтами!

Слова эти привели Ромарину въ невыразимое изумленіе; явно, они намекали на вещи, которыхъ Метастазіо не могъ знать. *Примадонна* устремила пытливый взглядъ на молодаго поэта, но онъ въ тотъ-же мигъ потупилъ глаза.

— Такъ значитъ, что не вы одинъ достойны сожалѣнія, сказала актриса.

— Я однако очень страдаю, примолвилъ юноша.

— Синьйоръ, сухо возразила Ромарина: жалѣю, что я служу причиною вашихъ мукъ, хотя невольною; но я не могу вамъ помочь... Мало еще любить женщину для того, чтобъ имѣть право требовать ея любви... Э, Боже мой! сами разсудите, на что вы меня любите? Нѣжность, которую вы чувствуете, говорите вы, ко

мнѣ одной, составила-бы можетъ-быть утѣшеніе многихъ другихъ женщинъ, которыхъ ваше равнодушіе заставляетъ изнывать!

Метастазіо горько улыбнулся.

— Такъ, сказалъ онъ... такъ... любовь не разсуждаетъ... Мнѣ нечего больше говорить, нечего узнавать.. на минуту я надѣялся-было... но рокъ судилъ иначе... Не удерживаю васъ... Прощайте, *синьйора*... Не хочу долѣе употреблять во зло ваше терпѣніе.

Метастазіо было въ то время двадцать лѣтъ; по характеру и по юности, она заключалъ въ своей натурѣ еще много женскаго и дѣтскаго. Едва произнесъ онъ эти слова, какъ, пересиленный горестью, зарыдалъ; но, устыдясь своей слабости, тщательно закрылъ лицо. Ромарина не могла равнодушно перенести это зрѣлище; она сама почувствовала пару слезинокъ у себя на рѣсницахъ.

— Синьйоръ, сказала она, ласково подходя къ Пьетро: напрасно вы такъ огорчаетесь... Боже мой! для чего человѣкъ обреченъ вѣчно гоняться за невозможнымъ, даже тогда, когда счастье у него подъ рукою! Чего вамъ недостаетъ?... Вы молоды; у васъ есть слава, богатство, почести, всего столько, сколько никогда у поэтовъ не бывало въ ваши годы: говорятъ, что императоръ пожаловалъ васъ въ цезарскіе поэты!... Передъ вами лежитъ блестящая будущность; я только помѣшала-бъ вашему ходу. Послушайтесь меня, синьйоръ, забудьте обо мнѣ. Время великій чародѣй; оно скоро разгонитъ вашу грусть.

Хотя слова эти удвоили его отчаяніе, Пьетро показался однако тронутъ доброжелательнымъ намѣреніемъ, которое внушало ихъ Ромаринѣ, и, обративъ на нее взоръ, орошенный слезами, онъ сказалъ:

— *Синьйора*, я искалъ славы и богатства для того только, чтобы повергнуть ихъ къ вашимъ ногамъ; а что до титула цезарскаго поэта, которое васъ такъ ослѣпляетъ, я надѣялся промѣнять его на титулъ болѣе пріятный и болѣе дорогой моему сердцу; смотрите же, что мнѣ остается отъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ грёзъ!

Тронутая до глубины души этимъ простымъ и наивнымъ признаніемъ, Ромарина не могла долѣе скрывать своихъ впечатлѣній, и, горячо пожавъ руку поэта, сказала:

— Метастазіо, вы мѣняете меня очень-несчастною... Одно небо знаетъ скорбь, какую я чувствую, что не могу утолить вашихъ страданій! Однако, послушайте: я могу располагать въ вашу пользу однимъ чувствомъ; но, каково-бъ оно ни было, предлагаю его вамъ... Любите меня какъ сестру, я готова любить васъ какъ брата... Дружба стоитъ любви, повѣрьте; это привязанность

не столь живая, за то болѣе прочная; и она не оставляетъ по себѣ никогда ни скорбей, ни угрызеній.

Слова ея воззвали Метастазіо къ жизни; взоръ его, поблекльй и мрачный, тотчасъ снова засіялъ своимъ блескомъ; лучъ надежды озарилъ его черты, и, въ упоеніи, онъ безумно прижималъ руку красавицы ко всѣмъ частямъ своей груди и лица.

— О, Боже мой! — воскликнулъ онъ съ восторгомъ: а есть счастіе еще бо̀льше этого!

Въ этотъ мигъ дверь комнаты, порывисто растворенная, крѣпко ударилась объ стѣну, и вошолъ Молинери.

При видѣ его, Метастазіо покраснѣлъ отъ негодованія и гнѣва; Фіорита, испуганная, кинулась промежъ имъ и дворяниномъ.

— *Синьйора*, — сказалъ юный поэтъ: не бойтесь; я его презираю.

И, обратясь къ Молинери, онъ прибавилъ:

— Синьйоръ, вы измѣнникъ!... Часы ваши сказали вамъ, что доказательство вашего преступленія должно быть уже истреблено, и вы явились стать между моей любовницей и мною... Къ-несчастію вашему, я забылъ сдержать обѣщаніе, и роковая бумага, которую вы считаете уничтоженною.... цѣла, видите!

Съ этими словами, Пьетро вынулъ изъ камзола завѣщаніе и показалъ его дворянину; этотъ посинѣлъ; всѣ мускулы его лица сжались.

— Синьйоръ,—проговорилъ онъ въ-полголоса, подходя къ Метастазіо: я сдержалъ свое слово!

— Да, — сказалъ Пьетро... и вы требуете, чтобъ я сдержалъ мое... совершенно справедливо... бумага ваша... возьмите.

Молинери жадно схватилъ завѣщаніе и съ радостью прижалъ его къ груди; пальцы его судорожно скорчились отъ прикосновенія.

— Теперь, продолжалъ Пьетро: мы квиты!

— Да, сказалъ дворянинъ, улыбаясь съ торжествующимъ видомъ.

— Однако-жъ, — прибавилъ Метастазіо, возвысивъ голосъ: между нами не все еще кончено... Я оставляю васъ богатымъ и почетнымъ въ глазахъ всѣхъ, потому-что я поклялся это сдѣлать; но хочу снять съ васъ личину здѣсь, потому-что вы мерзавецъ!

Молинери выпрямился съ безпокойствомъ.

— Пойдемте, *синьйора*, — сказалъ онъ, стараясь увести молодую женщину, — пойдемте... вы и то долго слушали этого безумца.

— *Синьйора*, — сказалъ съ силою Метастазіо: если пойдете, вы пропали!

Ромарина остановилась въ остолбенѣніи. Блуждающій взоръ ея переходилъ съ Метастазіо на Молинери, какъ-будто на ихъ лицахъ могла она прочесть истолкованіе этой загадочной для нея сцены.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнула наконецъ она: что̀ все это значитъ?

— *Синьйора*, отвѣчалъ Пьетро: я вамъ сейчасъ скажу... Этотъ человѣкъ—племянникъ синьйора Гравины. Разъ ночью, между другими негодничествами, ему пришла фантазія похитить одну актрису; но дерзость не удалась, благодаря одному бѣдному мальчику-простолюдину, который помѣшалъ предпріятію и даже былъ раненъ въ схваткѣ. Однако-жъ эта пакость надѣлала большаго шума. Синьйоръ Гравина воспользовался случаемъ отступиться отъ племянника и замѣстить его другимъ въ своей привязанности. Преемника ему подняли спящаго подъ портикомъ одного палаццо. По странному обстоятельству, оказалось, что палаццо принадлежалъ той самой актрисѣ, и что ребенокъ былъ именно тотъ, который спасъ ея честь. Беззаботный, какъ всѣ въ его лѣта, poveretto сначала мало прельстился блестящими предложеніями, ему сдѣланными; онъ имѣлъ счастіе слышать и видѣть каждый день актрису, а этого счастія достаточно было для его честолюбія. Однако, онъ далъ себя уговорить; надежда — со временемъ достигнуть положенія, которое позволило-бъ ему подойдти ближе къ своему кумиру, побѣдила его равнодушіе. Въ самомъ-дѣлѣ, онъ сталъ поэтомъ съ нѣкоторой извѣстностью, и нынче зовутъ его... Метастазіо!

— Праведное небо! — воскликнула Ромарина, кинувъ изумленный взглядъ на Пьетро: il cane della signora!

— Да,—отвѣчалъ Метастазіо, котораго чело вдругъ покрылось румянцемъ: il cane della signora... Но это еще не все... Сътѣхъ-поръ, синьйоръ Молинери догадался, что шолъ по ложной дорогѣ; онъ уже потерялъ общее уваженіе; видѣлъ, что дядино наслѣдство отъ него ускользаетъ; онъ захотѣлъ воротить разомъ то и другое: тотчасъ перемѣнилъ онъ поведеніе и принялъ степенный и постный видъ, которымъ свѣтъ обманулся; въ тоже время рѣшился онъ отдѣлаться отъ соперника, и однажды вечеромъ поставилъ наемнаго убійцу, который долженъ былъ его спровадить на тотъ свѣтъ.

— О! — сказала Ромарина съ ужасомъ.

— И на этотъ разъ,—продолжалъ Метастазіо: попытка не уда-

лась. Вовсе не думая сердиться на своего врага, молодой поэтъ, тронувшись его заблужденіемъ, пошолъ къ нему и вызвался помириться его съ дядею. Къ-несчастію, старанія его осталось безплодно; синьйоръ Гравина былъ непреклоненъ; онъ, въ присутствіи племянника, подписалъ актъ, лишавшій его наслѣдства, и скоропостижно умеръ, ослабѣвъ отъ усилій надъ собою при этой сценѣ. А между-тѣмъ, синьйоръ Молинери нашелъ средство взломать scrittojo и унести завѣщаніе, которое его разоряло.

— Украсть! — сказала Ромарина, быстро переносясь на Молинери взглядъ, который дотолѣ не сводила съ Метастазіо.

Но дворянинъ, казалось, не замѣтилъ этого движенія. Поднявъ глаза къ потолку, сложивъ руки на крестъ, онъ спокойно перебиралъ пальцами, и слушалъ эти страшныя обвиненія, по-видимому, съ совершеннымъ хладнокровіемъ.

— Въ сущности, для меня это было все равно! — продолжалъ Пьетро... Спустя нѣсколько дней, одинъ вѣрный другъ принесъ мнѣ назадъ завѣщаніе; я отказался имъ воспользоваться; надо было-бъ обезчестить племянника моего благодѣтеля... Притомъ-же я могъ жить своимъ трудомъ... Скоро усилія мои увѣнчались успѣхомъ; Германскій Императоръ пожаловалъ мени въ цезарскіе поэты и предложилъ мнѣ мѣсто при своемъ дворѣ. Итакъ, я сталъ богатъ, силенъ, даже славенъ; наконецъ я пріобрѣлъ, собственными силами, право предстать, не краснѣя, передъ вами... Тогда-то, *синьйора*, рѣшился я признаться вамъ въ любви, единственномъ помышленіи цѣлой моей жизни! Я подходилъ къ палаццу Сакетти; но судьба вѣчно ставила этого человѣка на мою дорогу! Я увидѣлъ его входящимъ въ ваше жилище въ самую ту минуту, когда я сбирался переступить порогъ!

При этой части разсказа Метастазіо, Ромарина не могла преодолѣть нѣкотораго чувства смущенія и поникла головою.

— Счастіе Молинери, продолжалъ Пьетро, пробудило въ моей груди несказанную ревность. Дверь ваша была мнѣ затворена; я пробрался въ салъ по лѣстницѣ, ведущей къ Тибру. Вдругъ два голоса поразили мой слухъ. Я остановился послушать, и, когда бесѣда кончилась, опрометью кинулся поджидать соперника у выхода... Ахъ! *синьйора*! этотъ человѣкъ уже покушался на мою жизнь; я простилъ ему; онъ отнялъ у меня имѣніе, я опять ему простилъ; но въ этотъ разъ онъ похищалъ у меня любовницу... Я не могъ воздержаться!.. Завѣщаніе было со мною; я держалъ въ своихъ рукахъ его состояніе. Я формально потребовалъ отъ него выбирать между имѣніемъ и вами... онъ пожертвовалъ вами!

Горестныя открытія Пьетро погрузили Ромарину въ весьма-

понятное отчаяніе. Вторично видѣла она полное разрушеніе своихъ надеждъ, и изъ среды этихъ развалинъ чувство новое, роковое, неодолимое, будто нарочно возникало, чтобъ усугубить ея тоску и опрокинуть разсудокъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, вдохновенный тонъ Метастазіо, его разсказъ, его любовь, его постоянство, произвели на Ромарину тѣмъ-болѣе живое впечатлѣніе, что юный поэтъ удовлетворялъ всѣмъ пророченьямъ венеціанскаго колдуна, и пробуждалъ въ сердцѣ молодой женщины воспоминанія, которыя никогда не изглаживались вполнѣ... Однакожъ ложный стыдъ еще удерживалъ ее. Дѣйствительно-ль она любила Молинери, или тщеславію ея тяжело было такъ скоро сознаться въ ошибкѣ и слабости, только Ромарина вздумала употребить послѣднее испытаніе надъ дворяниномъ. Она быстро подбѣжала къ нему и, сильно тряся его за руку, сказала:

— Отвѣчайте-же, синьйоръ, отвѣчайте; вѣдь вы видите, что я жду вашего оправданія.

Молинери съ невозмутимымъ хладнокровіемъ взглянулъ на актрису, и, захохотавъ, спросилъ:

— Какъ! развѣ вы не видите, что этотъ человѣкъ помѣшанъ?

— Нѣтъ, — сказала Ромарина, проведши руками по лицу, какъ-будто какая-нибудь докучная завѣса мрачила ея взоръ... Одинъ изъ васъ низко обманываетъ меня; я ужъ не знаю, что и думать. Ради Бога! сжальтесь надъ моимъ положеніемъ; освободите меня отъ этой пытки!

— Хорошо! — сказалъ съ горячностью Молинери, — если онъ не сумасшедшій.... то лжецъ.

Метастазіо сидѣлъ на концѣ своего рабочаго стола. При этомъ обидномъ словѣ, онъ запальчиво вскочилъ; но тотчасъ перемогъ свой гнѣвъ и снова сѣлъ, не отвѣчая ничего. Не-смотря на мгновенность этого движенія, Ромарина успѣла замѣтить и понять молнію негодованія, быстро сверкнувшую по челу юнаго поэта. Свѣтлая мысль мелькнула въ ея умѣ.

— Синьйоръ, — сказала она Молинери, указывая пальцемъ на мѣсто, куда онъ спряталъ въ камзолъ завѣщаніе: покажите мнѣ эту бумагу.

Молинери увидѣлъ, что погибаетъ; самонадѣянность вдругъ его оставила.

— *Синьйора*, отвѣчалъ онъ обиженнымъ тономъ: вы колеблетесь въ выборѣ между рѣчами бродяги и словомъ дворянина?

— Вы блѣднѣете и рука ваша дрожитъ...

— Отъ гнѣва...

— Губы ваши сжимаются...

— Отъ презрѣнія...

— Покажите мнѣ бумагу, повторила атриса рѣшительно: покажите, я такъ хочу!

— Это невозможно: она заключаетъ фамильный секретъ, неприкосновенный...

— Э! помилуйте! развѣ честь ваша не должна быть также неприкосновенна?

Молинери находился въ чрезвычайномъ волненіи, хотѣлъ говорить, но слова замирали на губахъ.

— Пойдемте же! — проговорилъ онъ наконецъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе: пойдемте... я исполню ваше желаніе... только не здѣсь... идемте!

Ромарина, обманутая этимъ обѣщаніемъ, пошла за дворяниномъ.

Метастазіо, который, будучи увѣренъ въ развязкѣ сцены, приблизился къ актрисѣ, чтобъ слѣдить за ходомъ этой сцены, потерялъ всю надежду.

— *Синьйора*, сказалъ онъ сокрушеннымъ голосомъ: да свершится ваша судьба!

Ромарина остановилась на порогѣ; потомъ, воротясь на средину комнаты, сказала:

— Нѣтъ! нѣтъ... я хочу прочесть бумагу здѣсь: защищаются передъ тѣмъ трибуналомъ, гдѣ обвинены.

Доведенный до крайности, Молинери схватилъ бумагу обѣими руками и изорвалъ ее съ бѣшенствомъ.

— Коли такъ! — сказалъ онъ, вамъ ея никогда не видать!

Фіорита пошатнулась, будто готова была упасть въ обморокъ; но, вдругъ выпрямившись съ сверхъ-естественною энергіею, воскликнула:

— Метастазіо, я люблю тебя!

Она кинулась въ объятія молодаго поэта, который страстно прижалъ ее къ сердцу.

Молинери, уничтоженный, произнесъ страшное проклятіе и бросился вонъ, сильно хлопнувъ дверью, которая снова съ трескомъ растворилась за нимъ.

Если бъ повѣствователь могъ послѣдовать только своему влеченію, то отъ всей души желалъ бы кончить исторію тутъ; но истина обязываетъ его продолжать, даже съ опасностью охладить чувствительность читателей.

Межъ-тѣмъ какъ эти событія происходили въ домѣ синьйора Метастазіо, на-дворѣ разсвѣло. Купцы уже отпирали свои лавки; хо-

рошенькія головки появлялись въ окошкахъ, и сосѣди, стоя на порогахъ своихъ дверей, вытянувшись тѣломъ впередъ, глаза поднявши къ-верху, весело разговаривали о страшной бурѣ прошедшей ночи.

Молинери, угрюмый и озабоченный, долго прогуливался по Campo Vaccino. Отъ-времени до-времени они кидалъ на домъ поэта взгляды ревности и ненависти; но, по нервическимъ судорогамъ, искажавшимъ тогда лицо его, видно было, что, если онъ замышлялъ еще какое-нибудь мщеніе, то злой геній его на этотъ разъ отказывался служить ему.

Вдругъ на углу del Campo раздался громкій шумъ. Молинери обернулся и увидѣлъ человѣка, бѣжавшаго прямо къ нему и преслѣдуемаго стаей мальчишекъ съ воемъ и криками.

— Benedetto! Benedetto!—Кричали они во все горло.

Это, безъ сомнѣнія, составляло самый ужасный концертъ, какой когда-либо терзалъ итальянскія уши.

Когда человѣкъ поровнялся съ нимъ, Молинери узналъ его совершенно, и, остановивъ за плащъ, сказалъ:

— Синьйоръ Булгарелли!.. Ба, ба! Куда это вы такъ бѣжите?

— Увы! —отвѣчалъ *импрессаріо*: я имѣлъ несчастіе проходить сегодня утромъ черезъ площадь Santa-Maria-Maggiore, въ то время, какъ благословляли скотину, и съ-тѣхъ-поръ эти негодяи-мальчики гоняются за мною, крича, что я «благословенный».

Въ-самомъ-дѣлѣ, ежегодно въ праздникъ св. Антонія, вся скотина Рима и окрестностей, быки, коровы, лошади, ослы, мулы, убранные ленточными бантами и искусственными цвѣтами, приводятся передъ церковь Santa-Maria-Maggiore и тамъ получаютъ благословеніе во имя празднуемаго угодника. Знатнѣйшіе вельможи не забываютъ посылать туда свою скотину.

Молинери поднялъ ножны своей шпаги и безъ труда разсѣялъ угрозою толпу шалуновъ, которая такъ жестоко мучила бѣднаго *импрессаріо*.

— Per Dio! — сказалъ, послѣ минутнаго размышленія, дворянинъ: вы пришли очень-кстати... Не мужъ-ли вы Ромарины?

— Да, какже, мужъ, — отвѣчалъ Булгарелли тономъ увѣренности, удивившимъ дворянина.

— Есть у васъ на это доказательства?

— Ну, разумѣется, есть... Вѣдь я недавно пріѣхалъ изъ Венеціи: тамъ оставались мои бумаги... Я воротился, чтобы заставить Ромарину признать меня... Но она скрылась сегодня ночью изъ своего палаццо!

— Посмотримъ,—сказалъ Молинери, протягивая руку.

Булгарелли вынулъ изъ кармана огромный бумажникъ и подалъ его дворянину.

Едва этотъ взглянулъ на бумаги, какъ адская радость разлилась по его лицу.

— Точно, правда! — бормоталъ онъ... она за-мужемъ!.. Я это подозрѣвалъ!

Тотчасъ-же, возвращая бумажникъ Булгарелли, онъ прибавилъ погромче:

— Хорошо, маестро; я знаю, гдѣ Ромарина; но прежде нежели пойдемъ къ ней, намъ надо взять кой-какія предосторожности... ступайте за мною.

Булгарелли плохо понималъ участіе, какое могло привлекать дворянина къ его дѣлу; однако-жъ безпрекословно пошолъ за нимъ, радуясь, что нашолъ такое покровительство.

Нѣсколько минутъ спустя, Молинери, въ сопровожденіи *импрессаріо*, входилъ къ губернатору Рима, сдѣлавшемуся однимъ изъ величайшихъ его друзей.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ: честь имѣю представить вамъ синьйора Булгарелли.

Импрессаріо, неожидавшій этого торжественнаго представленія, отвѣсилъ поклонъ подъ острымъ угломъ, что́, при его шпагѣ, дало ему видъ стѣннаго щипца съ громоотводомъ на верху.

— Синьйоръ, продолжалъ Молинери: есть супругъ у прекрасной Ромарины, но она отказывается признать его. Вотъ уже четыре года истощается онъ въ безплодныхъ усиліяхъ утвердить свои права; просьбы, угрозы, все было тщетно. Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ пришолъ нижайше просить ваше превосходительство, вступиться за него вашею властью.

Губернаторъ, подобно прочимъ зналъ о странныхъ притязаніяхъ Булгарелли на актрису, и, полагая, что Молинери въ эту минуту хочетъ какъ-нибудь подшутить надъ *импрессаріо*, съ улыбкою отвѣчалъ:

— Очень-радъ; но вѣдь надобно синьйору Булгарелли доказать свои права.

Булгарелли, чувствуя свою силу, раскрылъ не поморщась портфёль, и подалъ правителю нѣсколько бумагъ. Этотъ снисходительно ихъ разсмотрѣлъ. Вдругъ сильное удивленіе изобразилось въ его чертахъ, и онъ поднялъ голову, устремивъ на Молинери недоумѣвающій взглядъ. Дворянинъ кивнулъ головою и пожалъ плечами, будто говоря: странно, однако-жъ правда!

— Синьйоръ, сказалъ правитель, принявъ серьёзный тонъ: я пошлю съ вами *ассессора*, который введетъ васъ въ палаццо Сакетти, какъ супруга и хозяина.

— Ваше превосходительство, возразилъ Молинери: Ромарина больше не живетъ въ палаццо Сакетти.

— Гдѣ-жъ она?

— Она проводила ночь у синьйора Метастазіо, гдѣ, вѣроятно, и теперь находится.

Импресаріо выпрямился, какъ лукъ, у котораго перерѣзали тетиву.

— О, о! сказалъ губернаторъ, да это нарушеніе супружеской вѣрности.

— Точно такъ, примолвилъ дворянинъ.

— Ничуть нѣтъ! сказалъ Булгарелли.

Чтобы ясно понять замѣчаніе Молинери, надо знать, что въ Римѣ женщины, нарушающія супружескую обязанность, бываютъ заключаемы, на всю жизнь, въ монастырь, а это вполнѣ удовлетворило-бы его мщенію; чтобы понять замѣчаніе Булгарелли, надо знать, что ихъ имущества, коли дѣтей у нихъ нѣтъ, тотчасъ конфискуются въ пользу церкви, а это отнюдь не входило въ разсчотъ *импрессаріо*.

— Ну, маэстро, сказалъ правитель: рѣшайтесь-же на что-нибудь.

— Ваше превосходительство, поспѣшно отвѣчалъ Молинери: рѣшеніе будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Прикажите проводить Булгарелли ассессору съ нѣсколькими сбиррами. Пришедши на мѣсто, онъ рѣшитъ, что̀ дѣлать.

Губернаторъ охотно согласился на просьбу, и двое просителей немедленно возвратились на Campo Vaccino, сопровождаемые крѣпкимъ конвоемъ.

Подошедъ къ дому Метастазіо, Молинери остановилъ товарища, и, наклонясь къ нему на ухо, сказалъ:

— Маэстро, теперь я вамъ больше ненуженъ; желаю вамъ успѣха, только пуще всего покажите, что у васъ есть характеръ.

Булгарелли сдѣлалъ грозную гримасу и вошолъ въ домъ поэта.

Въ ту минуту, какъ онъ стучался въ дверь, Ромарина, закутавъ лицо вуалемъ, объ-руку съ Метастазіо, отворяла дверь, чтобы выйдти вонъ.

— Стой, закричалъ Булгарелли: именемъ Его Святѣйшества, я васъ арестую!

При видѣ мужа и его воинственныхъ провожатыхъ, Ромарина отгадала участь, ее ожидавшую. Она испустила раздирающій вопль, и съ трепетомъ отступила въ глубину комнаты.

— *Синьйора*, началъ *импрессаріо*: я вамъ говорилъ, что придетъ время, я васъ заставлю признать меня мужемъ.

— Мужемъ! прошепталъ Метастазіо...

— Синьйоръ, сказала Ромарина: я васъ ненавижу; что вы хотите дѣлать со мною?

— Я могу сдѣлать съ вами двѣ вещи, хладнокровно отвѣчалъ *импрессаріо*: отправить васъ въ монастырь, либо отвести въ палаццо Сакетти; выбирайте.

— О! Боже мой! Боже мой! воскликнула молодая женщина, схвативъ себя за волосы... Я пропала!... И вотъ предсказаніе венеціанскаго колдуна!

Булгарелли будто очнулся отъ сна.

— Я васъ не понимаю, сказалъ онъ... Припомните, венеціанскій колдунъ былъ я.

— Вы?... О! коли такъ, я перестаю васъ ненавидѣть.... Я васъ презираю.

— Господинъ ассессоръ, сказалъ Булгарелли: неугодно-ли вамъ взять *синьйору*.

— Погодите! сказала молодая женщина.

И, сдѣлавъ знакъ Метастазіо, котораго эта сцена окаменила, она продолжала:

— Пьетро, ты видишь, рокъ насъ разлучетъ; я не могу быть твоею; но я лучше умру, чѣмъ буду принадлежать другому... Припомни хорошенько мои слова, они будутъ послѣднія... Я люблю тебя; отдаю тебѣ все мое имѣніе, и требую, чтобъ ты принялъ званіе *цесарскаго поэта*, отъ котораго ты хотѣлъ отказаться для меня....

Сказавъ эти слова, Ромарина выхватила маленькій кинжалъ, который всегда носила за поясомъ, и закололась. Присутствующіе кинулись къ ней, но отъ нея оставался уже одинъ трупъ.

Черезъ четверть часа, четверо сбирровъ шли по Campo Vaccino, таща на плечахъ крытыя носилки, подъ тяжестью которыхъ сгибались. Ассессоръ и Булгарелли, съ заплаканными глазами, шли позади. Молинери, который, притаившись подъ аркою Септимія-Севера, выжидалъ развязки происшествія, приблизился къ процессіи.

— Ну, что? спросилъ онъ у ассессора.

— Она умерла! отвѣчалъ офицеръ.

— Эхъ!... жалко! сказалъ дворянинъ.

И, отвернувшись, онъ удалился, напѣвая пѣсенку, по направленію къ Капитолію.

Послѣ того, Молиніери, принявшійся за свой старинный образъ жизни, былъ убитъ на дуэли съ однимъ уланскимъ корнетомъ, у котораго похитилъ дочь.

Булгарелли сошолъ съ-ума.

Метастазіо тотчасъ заболѣлъ, и долго отчаявались за его жизнь. Наконецъ, однако, его крѣпкое сложеніе взяло верхъ; онъ оправился, и рѣшился покинуть Римъ, сколько для того, чтобъ исполнить предсмертную волю актрисы, столько и затѣмъ, чтобъ не видать мѣстъ, наводившихъ на него одни горькія воспоминанія. Но, передъ отъѣздомъ, ему вздумалось повидаться съ отцомъ.

Въ бѣдности, Пьетро никогда и не думалъ о своемъ семействѣ: какъ оно ни было бѣдно, онъ все-таки былъ еще бѣднѣе. Послѣ, справедливо разсуждая, что для его будущности весьма-важно не разрушать нескромнымъ признаніемъ чудесность, которою онъ былъ обязанъ отчасти тайнѣ, покрывавшей его происхожденіе, онъ считалъ нужнымъ воздержаться, по-крайней-мѣрѣ до извѣстнаго срока, отъ посѣщенія, которое могло-бы обнаружить низкость его рода. Наконецъ, послѣднія событія, происшедшія по смерти синьйора Гравины, совершенно поглотили его время и не давали досуга отправить долгъ сыновнаго почтенія. Теперь, этихъ причинъ уже не существовало. Итакъ, въ одно прекрасное утро, онъ пустился къ жилищу трудолюбиваго ремесленника.

Въ домѣ ничто не перемѣнилось. Верстакъ стоялъ все на томъ-же мѣстѣ, и всѣ предметы, наполнявшіе мастерскую, предстали очамъ посѣтителя точно такими-жъ, какими онъ ихъ покинулъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Не то было съ хозяевами. Братья Пьетро успѣли вырости; они были уже мужчинами. Отецъ значительно постарѣлъ; глубокія морщины бороздили его лицо, сѣдоватый оттѣнокъ посеребрилъ волосы, два багровыхъ кружка окаймляли вѣки. Пьетро приписалъ эту перемѣну огорченію, какое должно было причинить его бѣгство, и сначала хотѣлъ-было броситься къ ногамъ старика; но, опасаясь слишкомъ-сильно его растроить внезапнымъ признаніемъ, тотчасъ одумался и важно подошолъ къ Трапасси, сидѣвшему въ это время за работою съ дѣтьми.

— Padrone, сказалъ онъ: извините, что я васъ безпокою.

При звукѣ этого голоса, всѣ молодые ученики быстро подняли головы. Самъ Трапасси вздрогнулъ и вперилъ въ незнакомца пристальный взоръ. При видѣ богатыхъ кружевъ, украшавшихъ его платье, старикъ глубоко вздохнулъ, и, почтительно снявъ шапочку, спросилъ:

— Что прикажете, синьйоръ?

— Я много наслышался объ васъ, отвѣчалъ Пьетро; знаю вашу

честность, вашу бодрость, ваше несчастное положеніе, и пришолъ помочь вамъ... говорятъ у васъ очень-большая семья?

— Синьйоръ, отвѣчалъ столяръ, указывая на молодыхъ людей, окружавшихъ его и покинувшихъ на-минуту свое дѣло: вотъ всѣ мои дѣти ..

Отвѣтъ произвелъ горестное впечатлѣніе на Пьетро; видно было, что его и не считали въ числѣ семейства.

— Всѣ? спросилъ онъ тоскливо.

— Увы! да, отвѣчалъ старикъ... правда, былъ у меня еще сынъ; но неблагодарный меня покинулъ...

— Отчего такъ?

— Что дѣлать! Пьетро, такъ его звали, не имѣлъ охоты къ работѣ; ему лучше нравились прогулки въ Corso, смотры на Марсовомъ полѣ, серенады и сальтареллы... разъ я побранилъ его, и несчастный убѣжалъ отъ насъ...

— Знаете по-крайней-мѣрѣ, что съ нимъ сталось?

— Нѣсколько времена видали его скитавшимся, какъ собака безъ хозяина, по улицамъ Рима, потомъ встрѣчали твердившимъ стихи на площадяхъ и у воротъ палацповъ; наконецъ потеряли его слѣды, и съ-тѣхъ-поръ ничего не знаемъ.

Кончивъ разсказъ, престарѣлый Трапасси пролилъ пару слезинокъ, которыя больше подавилъ, нежели отеръ на лицѣ. Сильно тронутый, Пьетро готовъ былъ упасть въ обморокъ при видѣ этой раздирательной грусти. Однакожъ успѣлъ преодолѣть свою слабость.

— Такъ вы его любили? сказалъ онъ.

— Какъ было не любить, печально отвѣчалъ бѣдный отецъ... Еслибъ вы видѣли моего маленькаго Пьетро: что за нѣжный былъ ребенокъ, какъ сладко улыбался, какъ глядѣлъ смышлено! Жалко, синьйоръ, что не далась ему работа; а то вышелъ-бы самый искусный столяръ во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ... Увы! можетъ-быть, и я не совсѣмъ правъ; я не хотѣлъ уступить; да я думалъ, голодъ-дискать выгонитъ волка изъ лѣсу; небось, воротится домой... А онъ, упрямецъ, не воротился, да ужъ теперь, чай, нѣтъ его въ живыхъ!

При этихъ словахъ Трапасси, пересиленный грустью, предался отчаянію и слезы градомъ покатились по его почтеннымъ щекамъ. Пьетро не могъ дольше выносить этого мучительнаго зрѣлища, и, въ избыткѣ чувствъ, кинулся къ старику на шею.

— Нѣтъ, вскричалъ онъ: нѣтъ! вашъ Пьетро не умеръ: вотъ онъ у груди вашей; простите его, батюшка!

Не беремся описывать эффекта этой сцены, остолбенѣніе, радость, восторги, за нею слѣдовавшіе. Какъ можно себѣ предста-

вить, Трапасси простилъ сына. Метастазіо разсказалъ различныя происшествія, волновавшіи его жизнь, и, тронутый положеніемъ бѣднаго столяра, отдалъ ему все имѣніе, завѣщанное отъ Ромарины; но на другой-же день, успокоясь уже на-счотъ участи родныхъ, отправился въ Вѣну, гдѣ императоръ утвердилъ его въ громкомъ званіи *цезарскаго поэта*, Poeta Cesareo.

ПЕРЕВ. И. КУЛЯВКА-КАРЕЦКІЙ *.

---

* Редакція «Репертуара и Пантеона» долгомъ считаетъ благодарить почтеннаго переводчика, доставившаго ей эту повѣсть, и надѣется, что участіе его въ этомъ изданіи не прекратится и на будущее время.

СОНЪ.

(Посвящ. У. Т. Г-й.)

Невидимкой къ изголовью
Утомленнаго тоской
Прилетаетъ сонъ, съ любовью
Сердца матери родной.

И надъ путникомъ усталымъ
Онъ бесѣдуетъ въ тиши,
Горе дня, какъ опахаломъ,
Свѣя съ сумрачной души....

И даритъ святыя грезы —
И цвѣтетъ надежда вновь :
И текутъ обильно слезы....
И въ душѣ горитъ любовь.

ВИКТОРЪ К—КЪ.

Минусинскъ.

ЮМОРИСТИКА.

О ТОМЪ

КАКЪ ВИССАРІОНЪ ИВАНОВИЧЪ ХОТѢЛЪ СДѢЛАТЬСЯ РУБИНИ,

А МАВРА ПЕТРОВНА — ТАЛЬЙОНИ.

Странныя исторіи случаются иногда въ Петербургѣ!

Виссаріонъ Ивановичъ былъ экзекуторомъ въ какомъ-то департаментѣ. Мавра Петровна была, въ теченіе двадцати лѣтъ, его сожительницею, раздѣляя съ нимъ и труды, и горе. Виссаріонъ Ивановичъ былъ внимательный мужъ и покорный чиновникъ, Мавра Петровна была вѣрная супруга и отличная кухарка. Виссаріонъ Ивановичъ былъ худъ и длиненъ; Мавра Петровна была коротка и, что называется, женщина съ вѣсомъ. Виссаріонъ Ивановичъ ходилъ въ жилетѣ изъ пѣстраго пикé и носилъ туго накрахмаленные воротнички, Мавра Петровна ходила въ платьѣ изъ крепъ-рашель и носила открытыя плечи; Виссаріонъ Ивановичъ любилъ очень баранину съ кашей, Мавра Петровна кисель изъ чорной смородины. Вотъ все, что извѣстно объ ихъ свойствахъ и качествахъ.

Мирно и богобоязненно доживали они двадцатый годъ своего супружества, доказательствомъ чего было ихъ семилѣтнее чадо, Леонидъ Виссаріоновичъ, бѣгавшее по комнатамъ въ курточкѣ съ откидынмъ воротничкомъ и рубившее своею жестяною саблею разное движимое имущество, благопріобрѣтенное почтеннымъ чиновни-

комъ въ потѣ лица его. Всякое утро аккуратно въ половинѣ девятаго отправлялся Виссаріонъ Ивановичъ въ свою должность, приходилъ въ половинѣ четвертаго, и посвящая такимъ-образомъ четверть сутокъ на пользу отечества, остальныя три четверти употреблялъ собственно на свою пользу. Супруги, какъ говорится, души въ другъ другѣ не чаяли. Жизнь ихъ, однообразная, какъ качаніе маятника, шла такъ тихо и ровно, что нельзя было не завидовать ихъ домашнему спокойствію. Кажись чего не доставало имъ, и вдругъ посѣтило ихъ страшное горе. — И скажите пожалуста, къ чему существуютъ эти театры и какой врагъ человѣчества ихъ выдумалъ?

Виссаріонъ Ивановичъ ходилъ раза два въ мѣсяцъ въ театръ. Для этого у него были назначены особые дни, и что-бы въ нихъ ни давали, какая-бы ни была погода, въ этотъ заранѣе опредѣленный день, онъ непремѣнно являлся въ четвертомъ ряду креселъ, вмѣстѣ съ своею супругою, сидѣлъ чинно и скромно, сжимая колѣнками шляпу, въ которой лежала аффиша, унесенная имъ еще по-утру изъ департамента, для экономіи. Въ антрактахъ онъ никогда не вставалъ, не чихалъ и не кашлялъ громко, боясь обратить на себя всеобщее вниманіе, никогда не заглядывался на ложи, вопервыхъ потому, что не носилъ съ собою трубокъ, а во вторыхъ потому, что почиталъ это неприличнымъ, и для препровожденія времени перечитывалъ въ десятый разъ аффишу съ самаго начала, гдѣ было сказано: «Императорскими придворными актерами» до самаго конца, гдѣ красовалось «начало въ 7 часовъ». Во-время піесы по лицу его никакъ нельзя было угадать, нравится-ли ему піеса: онъ плакалъ, когда всѣ плакали, смѣялся, когда всѣ смѣялись, хлопалъ, когда всѣ хлопали. Иногда по лицу его пробѣгала какая-то странная улыбка и онъ въ то-же время толкалъ колѣнкой свою супругу, но что означало это движеніе—знаетъ одинъ Богъ, да Виссаріонъ Ивановичъ. За одно только-можно было поручиться, что никто-бы не угадалъ, въ первый-ли или десятый разъ видитъ онъ піесу. Онъ также внимательно и съ тою-же довольной улыбкой смотрѣлъ первое и сотое представленіе »*Ѳедосьи Сидоровны* и *Аскольдовой Могилы*.

И все шло такимъ образомъ тихо и спокойно, своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, и у Виссаріона Ивановича, и въ Петербургѣ, и въ природѣ, — какъ вдругъ все перемѣнилось.

Въ одно утро Петербургъ, вставая съ постели съ вѣчною скукою, идеями преферанса и геморроемъ, былъ приятно изумленъ

новостью, ожидаемою имъ съ нетерпѣніемъ. Радость его равнялась десяти въ червяхъ безъ прикупки. Онъ тотчасъ одѣлся, надѣлъ непромокаемый плащъ, насквозь пробитый вчерашнимъ дождемъ и поѣхалъ по прекрасной деревянной мостовой, которая можетъ служить удивительнымъ лекарствомъ отъ геморроя — въ кассу Большаго Театра. Въ кассѣ не было больше билетовъ.

И зато вечеромъ, въ томъ самомъ Большомъ театрѣ, гдѣ было всегда такъ прохладно и просторно, гдѣ пѣвцы наши часто имѣли случай наблюдать любопытный акустическій опытъ: какое дѣйствіе производитъ сильная рулада въ пустой залъ, — въ этомъ самомъ театрѣ было, какъ говорится, «свѣта преставленье». Температура воздуха была такая, при которой легко могло испечься яйцо, шумъ былъ такой, отъ котораго могли-бы рушиться и не Іерихонскія стѣны, и зала, захлѣбнувшаяся народомъ, кричала, хлопала, сходила съ-ума, ревѣла и бѣсновалась, какъ Пиѳія на пророческомъ треножникѣ. А на сценѣ, подъ оглушительнымъ трескомъ рукоплесканій, носилось легкое, воздушное, прозрачное существо, изъ милости касавшееся изрѣдка до земли, изъ сожалѣнія не уносившееся за облака. Весь этотъ годъ Петербургъ, кромѣ префераиса и погоды, говорилъ также и о Тальйони.

Виссаріонъ Ивановичъ, сидя въ департаментѣ, узналъ о существованіи этой странной женщины изъ разговора двухъ своихъ сослуживцевъ. «Ого!» подумалъ онъ: «должно-быть штука, коли ужъ въ департаментѣ говорятъ объ ней.» Мавра Петровна также услыхала объ ней отъ сосѣдки, и первое слово ея по приходѣ мужа было: «сведи меня посмотрѣть Тальйони!» Мужъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ готовъ исполнить ея просьбу, и отправился въ кассу.

Когда онъ вернулся домой, лицо его было задумчивѣе обыкновеннаго и онъ повторялъ въ полъ-голоса. «Странно! отчего-бы это было?

— Ну что? въ которомъ ряду? спросила нетерпѣливо Мавра Петровна.

— Ни въ которомъ!

— Кзкъ ни въ которомъ?

— Да такъ! На сегодняшнее представленіе всѣ билеты взяты.

— Такъ ты-бы взялъ на завтра.

— Да и на завтра всѣ взяты.

— Ну такъ хоть на слѣдующій разъ.

— Да и на слѣдующій разъ всѣ взяты.

Мавра Петровна съ удивленіемъ взглянула на Виссаріона Ивановича. Виссаріонъ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Я и самъ, право, не понимаю, отчего это случилось. Кажется, ужъ какія піесы игрались, а мѣсто всегда было. Теперь хоть зарѣжъ—нѣтъ ни одного. Я было хотѣлъ привязаться къ кассиру и постращить его тѣмъ, что пойду жаловаться къ директору, что это его дѣло, смотрѣть, чтобы мѣста были—куда! и слушать не хочетъ, закрылъ окошко и рукой махнулъ. Послѣ я ужъ и подбиться хотѣлъ эдакъ немножко, сталъ стучать въ окошко и полтинникомъ и цѣлковымъ — ничего не помогаетъ! Отворилъ онъ наконецъ окно, да какъ закричитъ: «Если вы не перестанете шумѣть, то я велю васъ вывести. Сказано, что нѣтъ билетовъ.» и опять захлопнулъ. Я и подумалъ: «Въ-самомъ-дѣлѣ, неловко будетъ если выведутъ.»—Я-же еще былъ и въ вицъ-мундирѣ; постоялъ еще крошечку, а потомъ взялъ да и пошолъ.

Мавра Петровна сначала съ недовѣрчивостью слушала этотъ разсказъ, но, сообразивъ всѣ обстоятельства, рѣшила, что это точно можетъ быть, и по долгомъ молчаніи, окончила разговоръ вопросомъ:

— Такъ рѣшительно-таки нѣтъ ни одного мѣста.

— Рѣшительно ни одного!

И супруги разошлись съ весьма-недовольнымъ видомъ.

Болѣе полугода Виссаріонъ Ивановичъ не могъ показать своей супругѣ знаменитую Тальйони: то билета не достанетъ, то сходить самому въ кассу некогда, а послать некого, но наконецъ и для нея наступилъ этотъ торжественный день, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, и причиною ужасныхъ несчастій.

Мавра Петровна увидѣла Тальйони.

Что происходило съ ней въ эту минуту, я не берусь разсказывать. Она не пропустила ни одною движенія Сильфиды, сидѣла на стулѣ, какъ вкопаная, не сказала ни одного слова, ни разу не взглянула въ сторону и по временамъ позволяла себѣ только мигать и то не часто. Воротясь домой, она не спала всю ночь и о чомъ то думала все утро. Что касается до ея супруга, то нельзя сказать, чтобы онъ очень плѣнился Тальйони. Конечно онъ кричалъ громче всѣхъ, что Тальйони такая удивительная танцорка, что просто — удивительно! Но въ самомъ-то дѣлѣ ему гораздо-больше понравилась одна сильфида, плотная и румяная съ огромными чорными глазами на выкатѣ; разумѣется, что онъ въ этомъ боялся признаться даже самому-себѣ, какъ человѣкъ свято исполняющій гражданскія постановленія и семейныя обязанности.

Съ-тѣхъ-поръ Мавра Петровна всякій день начала приставать къ Виссаріону Ивановичу, чтобы онъ сводилъ ее еще разъ посмотрѣть Тальйони. Виссаріанъ Ивановичъ еще нѣсколько разъ исполнялъ просьбу Мавры Петровны и послѣ всякаго представленія она становилась скучнѣе и задумчивѣе. Хозяйство у нея пошло гораздо хуже, она бросила всѣ свои любимыя занятія и цѣлый день, казалось, все о чомъ-то думала. Виссаріона Ивановича это начало безпокоить, и онъ однажды рѣшился спросить у своей супруги.

— Скажи, пожалуста, Маврушенька, что̀ ты такая скучная, ужъ не больна-ли ты?

На что̀ супруга отвѣчала сему.

— Ахъ, отстаньте, пожалуйста! Что̀ развѣ я кухарка какая, что и захворать не могу.

Послѣ этого удовлетворительнаго отвѣта, супругъ обыкновенно прекращалъ дальнѣйшіе распросы.

Не разъ случалось также замѣчать ему, по возвращеніи изъ должности, что Мавра Петровна встрѣчала его запыхавшись и съ раскраснѣвшимися щеками, какъ будто она занималась какою-нибудь тяжолою работою. Виссаріонъ Ивановичъ показывалъ головою, но не говорилъ ни слова.

Наконецъ для Петербурга настала роковая минута: Тальйони сдѣлала передъ нимъ прощальный пируетъ и улетѣла, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ воспоминанія, старой мебели и бритвъ à la Taglioni. Противъ ожиданія Мавра Петровна остаалась даже довольна ея отъѣздомъ.

А время все шло да шло, какъ всегда, не торопясь и не останавливаясь, не обращая вниманія ни на просьбы, ни на жалобы, ни на мелочныя занятія людей. Прошолъ годъ съ отъѣзда Тальйони, и новое, отрадное извѣстіе заставило Петербургъ позабыть на-время свой преферансъ и свое чинобѣсіе. Пріѣхалъ Рубини, царь пѣвцовъ, il divino tenore, въ продолженіе столькихъ лѣтъ восхищающій Европу, и вѣтренный Петербургъ позабылъ про свою незабвенную Сильфиду, какъ, вѣроятно, и она позабыла объ немъ.

14-го марта прошлаго года зала Дворянскаго Собранія была набита чуть не доверху. Прекрасный видъ представляла эта волнующаяся масса, составленная изъ головъ, лентъ, эполетъ, голыхъ плечъ, перьевъ, тюрбановъ, накладныхъ буклей и поддѣльныхъ камней, прекрасныхъ нарядовъ и дурныхъ женщинъ. На галлереѣ, подлѣ колонны, сидѣлъ Виссаріанъ Ивановичъ, забравшись въ залу съ пятаго часа. Въ семъ часовъ вся эта шумная масса смолкла и притихла какъ одинъ человѣкъ и въ огромной залѣ по-

лились и посыпались чудные звуки, и разнородная толпа позабыла свои мысли, чувства и надежды, внимая этой неслыханной гармоніи, такъ ясно говорящей сердцу, такъ живо трогающей воображеніе.

Въ жизни самаго матеріальнаго и прозаическаго человѣка есть минуты, въ которыя онъ становится на нѣсколько времени выше самого-себя; ему дѣлается такъ хорошо и привольно, онъ дышитъ веселѣе и отраднѣе. Благородныя чувства зарождаются въ сердцѣ его, свѣтлыя мысли роятся въ головѣ, на минуту проясняется для него и жизнь, и люди, и будущность и онъ начинается стыдиться и самого-себя и, своихъ идей, и своихъ поступковъ.

Точно то самое почувствовалъ Виссаріонъ Ивановичъ при пѣніи Рубини. Но эти прекрасныя минуты безплоднымъ сѣменемъ упали на его холодное и зачерствѣлое сердце. Другіе послѣ подобныхъ минутъ создаютъ что-нибудь геніальное, Виссаріанъ Ивановичъ создалъ только эти мысли:

— Вотъ что, думалъ онъ: ухитрился-же этакъ пѣть этотъ Рубини. И вѣдь что-жъ онъ такое? подумаешь,—простой пѣвецъ, то есть даже и не дворянинъ, и не служитъ — а какое ему отъ всѣхъ уваженіе, денегъ-то сколько, удовольствій разныхъ!.. Вонъ, сосѣдъ говорилъ мнѣ, что онъ у Государя игралъ, этакое счастіе! А послѣ Святой, говорятъ будетъ на театрѣ играть, по сороку тысячъ за разъ будутъ давать. А въ концертѣ, то что-народу было! Говорятъ, тысячъ до семи. Сколькоже это онъ денегъ собралъ? Я думаю денегъ у него, просто, куры не клюютъ. И отчего это? Оттого, что онъ пѣть умѣетъ. Какая невидаль! И всякій такъ споетъ, кто только умѣетъ. Вотъ я самъ напримѣръ, какой у меня прекрасголосъ былъ въ дѣтствѣ. Весь уѣздъ имъ восхищался. Бывало какъ пою въпосту «Да исправится», трехголосную такъ въ церкви яблоку негдѣ упасть. Да и теперь, когда въ дружеской бесѣдѣ затяну «Братцы, дружно веселую» или, «Славу» такъ всѣ удивляются. Такъ вотъ нѣтъ-же, въ чиновники пошолъ, самъ собственноручно цѣпь на себя надѣлъ. И что изъ того, что я почти тридцать лѣтъ служу? Жалованьемъ еще все перебиваюсь. Всего-то на все съ разными доходами тысячи четыре наберется. А пошолъ бы въ пѣвцы, такъ жилъ-бы теперь бариномъ. Да что и въ самомъ-то дѣлѣ. Что я такъ заранѣе отчаяваюсь? Мое время еще не ушло. Мнѣ всего 40 лѣтъ. Рубини-то вонъ, говорятъ, ужъ за пятьдесятъ. Что если я примусь давать концерты? Сначала годикъ другой поучусь, это не мѣшаетъ. По-итальянскому я не знаю ничего но, — подъ нотами всѣ слова подписаны, читать я умѣю, какое мнѣ дѣло до того, что они значатъ? Я-же знаю немножко по-нѣмецки; у нашего доктора выучился — Прекрасно! рѣшено! брошу службу! Иду въ пѣвцы!

Мы должны прибавить, что размышленія эти, изъ которыхъ мы извлекли главнѣйшіе пункты, Виссаріонъ Ивановичъ началъ у подъѣзда Дворянскаго Собранія, а окончилъ уже лежа въ своей постелѣ. Было еще довольно-рано; Виссаріону Ивановичу не спалось и вотъ онъ вздумалъ попробвать, каковъ у него голосъ и не потерялъ ли онъ его. Тогда, посреди тишины раздались странные звуки, сначала глухіе и неясные, постепенно переходящіе въ дикое crescendo. И погрузившись въ музыкальное бѣснованіе, Виссаріанъ Ивановичъ забылъ все на свѣтѣ, наслаждаясь своимъ собственнымъ пѣніемъ. Онъ началъ такъ сильно и такъ оглушительно ревѣть, что перебудился весь домъ, и опомнился только тогда, когда къ его рѣзкому фальцету присоединился другой нѣжный голосокъ, съ досадою говорившій ему.

— Да что съ тобой сдѣлалось, Висяша? Что это ты кричишь, словно тебя рѣжутъ?

Виссаріонъ Ивановичъ вскочилъ съ постели, въ восторгѣ обнялъ свою жену и вскричалъ.

— Мавруша! другъ мой! радуйся! Я узналъ удивительную вещь! Я Рубини.

Супруга, противъ всякаго ожиданія, отвѣчала ему также радостно: «Ахъ какъ мнѣ это пріятно слышать? Какую прекрасную пару мы съ тобой составимъ. Я тебѣ еще не говорила, другъ мой — я сама — Тальйони.» Супругъ, какъ ни занятъ былъ своею идеею, съ удивленьмъ взглянулъ на нее. Мавра Петровна стояла передъ нимъ въ коротенькой юбочкѣ, съ открытой шеей и говорила:

— Я все скрывалась отъ тебя; хотѣла удивить тебя неожиданностью. Всякій разъ какъ ты уходилъ въ должность, я упражнялась въ танцахъ. Мнѣ пришло въ голову это, когда я въ первый разъ увидѣла Тальйони. Ты знаешь, что я въ молодости слыла первой танцоркой въ нашемъ городѣ. На всѣхъ балахъ танцовала русскую и венгерскую. Послѣднее время я все учила качучу; трудна она, а все-таки выучилась, посмотрика, какъ я танцую....

И Мавра Петровна, прищолкивая кастаньетами, сдѣланными ею собственноручно изъ четырехъ деревянныхъ ложекъ, у которыхъ она отломила ручки, пустилась выгибаться и прыгать по комнатѣ, въ то время какъ Виссаріонъ Ивановичъ дикимъ голосомъ выводилъ итальянскія рулады.

Супруги, сдѣлавъ это неожиданное открытіе, были чрезвычайно-довольны другъ-другомъ. «Скажи пожалуйста», говорилъ Виссаріонъ Ивановичъ: я-бы никакъ не ожидалъ, чтобы моя Мавруша была Тальйони. Вѣдь этакая проказница».—«Да ужъ какъ и ты меня

удивилъ, Висяша, когда сказалъ, что ты Рубини; я этого никакъ не ожидала,» говорила Мавра Петровна.—«Какъ будутъ всѣ завидовать намъ», продолжали супруги хоромъ. — Ну-ка, ну-ка, Мавруша, покажи-ка мнѣ хорошенько все, что ты тамъ выучилась.

— О! съ удовольствіемъ!

И Мавра Петровна прищолкивая ложками, опять пустилась выгибаться, и размахивать руками; а супругъ, напѣвая, сначала тихимъ голосомъ мотивъ качучи, потомъ не утерпѣлъ и забасилъ изо всей мочи:

Тальйони прелесть удивленье!
Такъ неподдѣльно-хороша....

Эта качуча, съ такимъ оригинальнымъ оркестромъ, во-время ночи, въ фантастическихъ костюмахъ, имѣла что-то особенно-таинственное. Она была прервана появленіемъ сосѣдки, жившей стѣна объ-стѣну съ супругами и давно уже желавшей узнать причину необычайнаго шума у сосѣдей. Сосѣдка эта называла себя полковницей въ отставкѣ и, какъ, всѣ полковницы въ отставкѣ, была очень-любопытна. Она прибѣжала въ полной увѣренности, что будетъ присутствовать при интересной сценѣ семейной ссоры и даже, можетъ-быть, болѣе. Каково-же было ея удивленіе, когда она увидѣла, что супруга сидитъ на полу и какъ-то странно перегибается, разводя руками, а супругъ, сидя на диванѣ, колотитъ ногою тактъ и кричитъ что-то дикое самымъ нечеловѣческимъ голосомъ.

Полковница въ отставкѣ рѣшилась наконецъ подойти къ Маврѣ-Петровнѣ и спросить ее, что значитъ эта сцена?

— Развѣ вы не видите, что я Тальйони? гордо отвѣчала супруга.

Полковница въ отставкѣ разинула ротъ отъ удивленія и обратилась къ супругу: «Растолкуй хоть ты мнѣ, батюшка, что все это значитъ?

— Развѣ вы не видите, что я Рубини? гордо отвѣчалъ супругъ.

Полковница въ отставкѣ постояла еще съ минуту въ недоумѣніи и потомъ бросилась изъ комнаты за квартальнымъ...

—

Чѣмъ кончилась эта странная исторія—мы право не можемъ сказать навѣрное. Преданіе, изъ котораго мы почерпнули этотъ разсказъ, не говоритъ рѣшительно ничего болѣе. Носятся впрочемъ темные слухи, что Виссаріонъ Ивановичъ и Мавра Петровна, несмотря на разныя препятствія, не оставляютъ своего намѣренія, и въ скоромъ времени хотятъ дебютировать и подорвать Тальйони и Рубини....

СМѢСЬ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ МОЦАРТА И ПОСЛѢДНІЕ ЕГО ДНИ. Моцарту было 12-ть лѣтъ, когда въ Вѣнѣ открывали Сиротскій домъ.— При этомъ случаѣ молодой артистъ не ограничился тѣмъ, что написалъ музыку для большаго оркестра, но, стоя на возвышеніи, нарочно для него устроенномъ, онъ самъ управлялъ многочисленнымъ оркестромъ. Твореніе его заключало въ себѣ столько красотъ и поэзіи, что Императоръ Іосифъ II поручилъ ему сочинить музыку для оперы «La finta simplice.» Моцартъ тотчасъ принялся за работу и въ самое короткое время кончилъ партитуру, составлявшую 558 страницъ. Однакожъ слава молодаго маэстро возбудила зависть композиторовъ, которые страшились, что онъ затмитъ ихъ и всячески старались, чтобы піеса не была представлена; наконецъ, все это кончилось тѣмъ, что для отца Моцарта пребываніе въ Вѣнѣ сдѣлалось до того несноснымъ, что онъ рѣшился уѣхать изъ императорской столицы и опера не была представлена.

Въ 1769-мъ году, когда Моцарту минуло 13 лѣтъ, отецъ отправился съ нимъ въ Италію. – Всѣ славные композиторы того времени приняли Вольфганга очень-ласково; — совѣты и творенія ихъ немало содѣйствовали къ развитію его идей и воображенія. – Въ Неаполѣ молодой виртуозъ до того удивилъ публику чудесною выразительностію своей игры на фортепіано, и особенно ловкостію лѣвой руки, что Неаполитанцы, не вѣря, чтобы подобный талантъ могъ быть слѣдствіемъ постояннаго труда у такого ребенка, – приписали его волшебной силѣ кольца, которое онъ носилъ на этой рукѣ. Узнавъ о такой пошлой выдумкѣ, Моцартъ снялъ кольцо и доказалъ имъ, что оно нисколько не содѣйствовало къ совершенству его игры. — По прибытіи въ Римъ, Вольфгангъ былъ представленъ папѣ Клименту

XIV, который нѣсколько разъ заставлялъ его играть въ своемъ дворцѣ, — Между-тѣмъ наступило время Пасхи. Вольфгангъ и отецъ его слышали чудеса о музыкѣ папскаго оркестра, — особенно хвалили имъ *Miserere* — аллегри. — Молодой артистъ смѣло просилъ у Папы копію съ этого сочиненія.

— Это невозможно дитя мое, съ кротостію отвѣчалъ папа.

— Отчего такъ? — простодушно спросилъ Моцартъ.

— Потому-что сочиненіе это принадлежитъ не мнѣ, а церкви.

Вольфгангъ однако былъ допущенъ къ единственной репетиціи. Съ величайшимъ вниманіемъ онъ слушалъ это знаменитое твореніе и, тотчасъ по окончаніи, прибѣжавъ домой, наизустъ изложилъ его на бумагѣ. Вечеромъ, въ страстную пятницу, онъ отправился, съ своимъ манускриптомъ, въ Сикстинскую часовню, и между-тѣмъ, какъ играли Miserere, исправлялъ написанное и дополнялъ пропуски. Такимъ-образомъ, онъ обладалъ всею піесою, не-смотря на то, что библіотекарямъ грозили отлученіемъ отъ церкви, за сообщеніе ея постороннему лицу. — Молодой музыкантъ показалъ свою копію Папѣ; — она была вѣрна безъусловно. Папа улыбнулся и сказалъ: «Я не могу запретить тебѣ, другъ мой, подобнымъ способомъ овладѣвать сочиненіями, которыя хранятся у насъ въ-тайнѣ.» И въ-слѣдъ за симъ пожаловалъ Вольфгангу орденъ золотой шпоры, не смотря на молодость артиста.

Когда Моцартъ возвратился изъ Берлина въ Вѣну, друзья совѣтовали ему явиться къ Императору Іосифу II и выпросить у него мѣсто придворнаго капельмейстера, или, въ случаѣ неудачи, опять уѣхать въ Берлинъ, гдѣ король сдѣлалъ ему весьма-выгодное предложеніе. Моцартъ былъ представленъ Императору, который сказалъ ему ласково: — Какъ, Моцартъ, неужели вы хотите меня оставить? «Я готовъ исполнить священную волю Вашего Величества и не выѣду изъ Вѣны.» Тѣмъ дѣло и кончилось; — маэстро раскланялся и удалился изъ дворца. — Друзья стали пѣнять Вольфгангу, зачѣмъ онъ не воспользовался прекраснымъ случаемъ и ничего не выпросилъ себѣ у Императора. «Въ такую минуту нѣкогда помышлять о деньгахъ,» отвѣчалъ Моцартъ. Въ-самомъ дѣлѣ этотъ дивно-геніальный человѣкъ во всю жизнь боролся съ нуждою и не зналъ великаго, въ наше время, искусства — со славою наживать себѣ и деньги!...

Въ предмѣстьи Св. Іосифа, въ Вѣнѣ, жилъ бѣдный купецъ *Бутлеръ*. — Незначительныя выгоды его торговли ветошью едва доставляли ему возможность содержать огромное семейство — молодую, еще прекрасную жену и 14 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ старшему не было даже 16 лѣтъ. Не-смотря на плохое положеніе дѣлъ своихъ, Бутлеръ былъ, однакожь, веселъ, услужливъ, благотворителенъ; никогда странникъ-бѣднякъ не отходилъ отъ его порога безъ добраго совѣта или безъ помощи. — Мимо лавки Бутлера каждый день проходилъ какой-то человѣкъ, котораго важная и вмѣстѣ кроткая наружность внушала уваженіе и любовь. — Человѣкъ этотъ казалось страдалъ какимъ-то смертельнымъ недугомъ. Ни ясная лазурь неба, ни теплые,

благотворные лучи солнца, ничто не трогало его сердца, ничто не приносило облегченія страданіямъ, тѣснившимся въ груди его. Только видъ дѣтей Бутлера, безпечно игравшихъ передъ лавкою и радостно привѣтствовавшихъ его появленіе, вызывалъ иногда улыбку на его поблекшія уста. Тогда, устремивъ взоры къ небесамъ, онъ, казалось призывалъ на главы милыхъ малютокъ все счастье и жизнь, не такую бѣдственную, какая досталась на его долю. — Бутлеръ также замѣтилъ незнакомца и, не пропуская случая оказать помощь или услугу ближнему, предложилъ бѣдному больному, у самыхъ воротъ, на солнцѣ, широкую и покойную скамью, на которой страдалецъ могъ-бы отдыхать послѣ своей привычной прогулки. Предложеніе его было принято: каждый день дѣти Бутлера спорили другъ съ другомъ объ удовольствіи приготовить скамью для ихъ гостя.

Однажды, — это было въ самый Духовъ-день, — незнакомецъ возвратился съ прогулки раньше обыкновеннаго — Дѣти Бутлера окружили его и старшій изъ нихъ съ радостнымъ лицомъ объявилъ, что маменька подарила имъ въ эту ночь еще одну маленькую сестру. Передавъ незнакомцу веселую новость, дѣти, ободренныя его привѣтливой улыбкой, ухватились за полы его платья и втащили насильно въ лавку, гдѣ отецъ ихъ занятъ былъ какою-то работою. Незнакомецъ освѣдомился у Бутлера о здоровьи его жены. — Добрый купецъ, поблагодаривъ его дружески, сказалъ : — Да, сударь, вотъ уже 15-й ребенокъ, котораго посылаетъ мнѣ Всевышній, — благословляю Его за такую ко мнѣ милость. — Благородный человѣкъ, воскликнулъ растроганный незнакомецъ : неужели отъ всѣхъ сокровищъ такого множества эгоистовъ и злыхъ людей, утопающихъ въ роскоши и пресыщеніи, не упадетъ ни одна крупица на твой скромный, добродѣтельный кровъ? — Честность, благородство, добродушіе!... неужели люди тогда только могутъ удивляться вамъ, когда могила скроетъ васъ отъ нихъ? — Потомъ, какъ-бы устыдясь, что позволилъ себѣ высказать прискорбное чувство, наполнявшее его сердце, онъ прибавилъ: «Скажи мнѣ, другъ мой, есть-ли у тебя крестный отецъ для твоей новорожденной?» — Кто небогатъ, тому ненадобно долго хлопотать объ этомъ, отвѣчалъ Бутлеръ : у насъ бѣдняковъ, это обоюдная услуга: сегодня крещу я у товарища, завтра креститъ онъ у меня. Всѣ кумовья мои такіе-же ремесленники, какъ и я. — «Позволь-же мнѣ включить и себя въ число ихъ.... Назови дочь свою Габріелью — имя это принесетъ ей счастье. Вотъ 100 флориновъ на праздничный обѣдъ, который я надѣюсь раздѣлить съ вами.» Бутлеръ колебался и не хотѣлъ принять денегъ. «Возьми, возьми!» продолжалъ незнакомецъ : «можетъ быть это послѣдній подарокъ умирающаго, и когда ты узнаешь, кто я, то увидишь, что я стоилъ твоей дружбы, равно и чести быть твоимъ кумомъ.» — Сказавъ это, онъ сѣлъ; дѣти удалились и незнакомецъ скоро погрузился въ тихую задумчивость. — Бутлеръ воспользовался этимъ, чтобы провѣдать жену. Возвратясь онъ нашолъ незнакомца со [illegible] въ рукахъ, которую послѣдній

снялъ со стѣны, гдѣ она висѣла вмѣстѣ съ старыми и ни на что негодными вещами; предъ нимъ лежала памятная книжка, листы которой были уже почти всѣ исписаны и, онъ карандашомъ вписывалъ туда еще нѣсколько нотъ.... «Извините меня.» — сказалъ онъ Бутлеру; «мнѣ пришли кое-какія мысли, я хочу бросить ихъ на бумагу.» — И смычокъ его коснулся струнъ... Сладостная, дивная мелодія разлилась въ воздухѣ. Тоны ея были такъ чисты, такъ очаровательны, такъ могущественны, что улица скоро наполнилась народомъ. Гуляющіе, пѣшеходы, дамы, придворные, узнавъ великаго артиста по его звукамъ, прислушивались къ нимъ въ восторгѣ и, очарованные, останавливались предъ лавкою бѣдняка Бутлера. Незнакомецъ не обращалъ однакоже нималѣйшаго вниманія на всю эту толпу; вскорѣ онъ кончилъ, сунулъ въ карманъ то, что написалъ на скоро, простился съ Бутлеромъ, прося увѣдомить его о днѣ крестинъ, и оставилъ адрессъ — Нейгаузъ *№* 207.

Прошло три дня, но незнакомецъ не показывался. Напрасно скамья была выставляема у воротъ, — никто не приходилъ занять ее и дѣти начинали уже горевать объ отсутствіи своего добраго друга. — На четвертый день нѣсколько человѣкъ въ траурѣ, со слезами на глазахъ, остановились подлѣ скамьи и съ грустью разсматривали ее. — Бутлеръ рѣшился самъ освѣдомится о незнакомцѣ. Скоро пришолъ онъ въ *Нейгаузъ*; но дверь, обтянутая чорнымъ сукномъ, гробъ, окруженный свѣчами, толпа художниковъ, артистовъ, ученыхъ, вельможъ, оплакивающихъ неожиданную кончину, — заставила его угадать всю истину. Онъ узналъ, не безъ удивленія, что его гость, другъ, благодѣтель, былъ *Моцартъ*, котораго бренные остатки предавались въ этотъ день землѣ — Моцартъ удобраго Бутлера пропѣлъ свою послѣднюю пѣснь... Тамъ, въ бѣдной лавочкѣ ничтожнаго торгаша, сидя на простой деревянной скамьѣ, создалъ онъ свой дивный *Реквіемъ*. — Бутлеръ, отдавъ послѣдній долгъ человѣку, котораго уважалъ и любилъ, не зная даже его имени, возвратился домой. — Скромное жилище его было наполнено тою позлащенною толпою, которая тогда только предается восторгу и удивленію, когда предметъ ея обожанія, такъ часто отвергаемый и забытый при жизни, дѣлается прахомъ... Сътѣхъ-поръ бѣдная лавочка Бутлера сдѣлалась предметомъ любопытства и уваженія для всѣхъ; — она вошла въ моду; спустя немного, добрый купецъ, не-переставъ быть честнымъ, пристроилъ дѣтей своихъ и могъ оставить торговлю, накопивъ себѣ небольшой капиталъ. Пожеланію Моцарта назвалъ онъ послѣднюю дочь свою Габріэлью; скрипка, которую великій композиторъ держалъ въ рукахъ своихъ за нѣсколько дней до смерти, чрезъ 16 лѣтъ была продана за огромную сумму, и послужила прелестной Габріэли вмѣсто приданаго. — Что же касается до скамьи, на которой сиживалъ Моцартъ, то Бутлеръ, не-смотря на самыя блестящія предложенія, какія ему дѣлали фанатики музыки, не соглашался разстаться съ нею; — онъ хранилъ ее, какъ памятникъ прежней своей бѣдности.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО И Г-ЖА ЖАНЛИСЪ. Извѣстно, что Жанъ-Жакъ Руссо былъ очень-неловокъ въ обществѣ женщинъ и, такъ-сказать, избѣгалъ всякаго сношенія съ ними. Г-жа Жанлисъ, не-смотря на всѣ старанія свои, нигдѣ не могла встрѣтиться съ нимъ. Одинъ изъ отвергнутыхъ поклонниковъ ея рѣшился, въ отмщеніе, сыграть съ нею шутку и вызвался привесть къ ней Жанъ-Жака; но вмѣсто того, чтобы идти къ нему, онъ пошолъ къ извѣстному актёру Превилю и упросилъ его, помочь ему, привесть въ исполненіе забавную выдумку свою.

Превиль согласился сыграть въ будуарѣ г-жи Жанлисъ роль строгаго философа. День былъ назначенъ, и Превиль нарядился уже въ коричневый французскій кафтанъ стараго покроя, когда вдругъ приходятъ сказать ему, что маркизъ, поклонникъ г-жи Жанлисъ, разболталъ тайну свою, что писательница все узнала, и что, слѣдовательно, шутка ихъ не можетъ быть приведена въ исполненіе.

Между-тѣмъ маркизъ нашолся и въ этомъ случаѣ. Онъ пошолъ къ Руссо и наконецъ упросилъ-таки его идти съ нимъ къ прекрасной и умной писательницѣ, нетерпѣливо желавшей лично познакомиться съ великимъ философомъ.

Руссо и маркизъ являются къ г-жѣ Жанлисъ. Философъ, надѣявшійся увидѣть ее въ простомъ, но миломъ нарядѣ, былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, заставъ писательницу въ великолѣпномъ придворномъ костюмѣ. Еще болѣе изумился Жанъ-Жакъ, когда она, едва обращая на него вниманіе, приняла его сухо, холодно, гордо. Обиженный, оскорбленный въ глубинѣ души, Руссо отвѣчалъ съ бо́льшею сухостью и гордостью и поспѣшилъ окончить это непріятное свиданіе.

Вечеромъ, торжествующая писательница встрѣтилась въ обществѣ съ маркизомъ и дала ему почувствовать, что ее обмануть не такъ легко.

— Помилуйте, отвѣчалъ хитрый придворный: я не знаю, что́ вы хотите сказать?

— Доволенъ-ли Руссо пріемомъ моимъ? спросила съ лукавой усмѣшкой г-жа Жанлисъ.

— Я долженъ сказать вамъ откровенно, что вы поставили меня въ чрезвычайно-затруднительное положеніе.... Жанъ-Жакъ не проститъ этого ни мнѣ, ни вамъ.

— Неужели? насмѣшливо продолжала писательница. Перестаньте, маркизъ, играть комедію: я все знаю.

Маркизъ притворялся, что ничего не понимаетъ; клялся, божился и наконецъ, съ помощію другихъ, увѣрилъ г-жи Жанлисъ, что она такъ невѣжливо приняла настоящаго Руссо.

Всякій легко пойметъ отчаяніе ея. Впрочемъ, когда Руссо узналъ объ этомъ qui pro quo, то вторично пришолъ къ милой писательницѣ и помирился съ нею.

АНЕКДОТЫ О ПАГАНИНИ. Во-время пребыванія Паганини въ Неаполѣ находился тамъ безталантный *віолончелистъ Николо-Чиндерлли*, плохая игра котораго вошла даже въ пословицу между Итальянцами. Паганини вздумалось сдѣлать изъ Чиндрелли хорошаго музыканта и онъ вызвался сообщить послѣднему свои музыкальныя тайны. Само-собою разумѣется, что Чиндрелли ревностно внималъ наставленіямъ своего учителя;—цѣлую недѣлю онъ бралъ у Паганини уроки и въ это короткое время очень поправилъ игру свою. Въ одномъ публичномъ концертѣ, Паганини явился на сцену и объявилъ публикѣ слѣдующее: «Милостивые государи, между вами живетъ одинъ превосходный музыкантъ, котораго вы несправедливо презираете». Слушатели приведены были въ удивленіе и спросили объ имени виртуоза». «Вы его давно уже знаете: его зовутъ Николо Чиндрелли». Конечно, это произвело всеобщій хохотъ. — Но Паганини спросилъ: «Можетъ-быть вы не слыхали игры его?» – Одинъ изъ слушателей отвѣчалъ: — Напротивъ, онъ довольно часто раздиралъ наши бѣдныя уши. – «Когдавы слышали его въ послѣдній разъ?»—За недѣлю предъ симъ. – «Ну, такъ поздравляю васъ, извольте послушать его сегодня». Чиндрелли вышелъ на сцену и такъ отлично сыгралъ одну піесу, что публика засыпала его похвалами. —«Какимъ-образомъ, въ такое короткое время, вы преобразовали этого музыканта?» спросили нѣкоторые изъ слушателей. «Это мой секретъ», отвѣчалъ Паганини съ низкимъ поклономъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1836 года, Паганини пріѣхалъ въ Марсель, сочинилъ новыя варіаціи и назначилъ день концерта. Вечеромъ, будучи одинъ въ комнатѣ, взялъ онъ скрипку исталъ разучивать новое сочиненіе; но лопнувшая струна помѣшалаему продолжать. Въ тоже самое время онъ слышитъ шумъ въ каминѣ. нахо-Паганини схватываетъ свѣчу и осматриваетъ каминъ, но ничего не дитъ; беретъ скрипку и навязываетъ струну, но струна снова лопается и снова раздается въ каминѣ шумъ, сильнѣе прежняго. Николо вышелъ изъ себя, кличетъ слугу, осматриваетъ комнату, приказываетъ положить дровъ въ каминъ и затопить его. – Вдругъ изъ трубы падаетъ человѣкъ, съ лицомъ, вымачканнымъ сажею, и, бросясь въ ноги Паганини, говоритъ ему: «Простите меня, синьйоръ! Я бѣдный музыкантъ, желавшій услышать вашу игру. Не имѣя средствъ купить билетъ на концертъ вашъ, я сегодня уже въ третій разъ, изъ своего слуховаго окна, пробираюсь въ трубу вашего камина и восхищаюсь вашимъ удивительнымъ талантомъ. Новчера и третьяго дня, я такъ на трудилъ себѣ руки и ноги, что едва могъ держаться въ трубѣ и спускался все ниже и ниже; когда вы затопили каминъ, дымъ едва не задушилъ меня и я упалъ почти безъ памяти. Я только три раза слышалъ игру вашу, не заплативъ за это наслажденіе. - Сжальтесь, умоляю васъ, не требуйте отъ меня денегъ; клянусь вамъ, у меня нѣтъ ниодного сантима». Странная сцена эта поразила и тронула великаго скрипача; онъ сдѣлалъ бѣдняку испытаніе въ музыкальныхъ его познаніяхъ и обѣщалъ ему давать уроки. Это былъ *Абарти*, которому

Паганини дѣйствительно давалъ уроки на скрипкѣ. Неизвѣстно впрочемъ, что вышло изъ этого ученика.

Много было толковъ о четвертой струнѣ, на которой италіянскій виртуозъ производилъ столько чудесъ. Однажды Паганини, самъ разсказалъ ея исторію. — Вотъ она: «Въ Луккѣ», говорилъ Никколо: «я всегда дирижировалъ оркестромъ, коль скоро въ оперѣ была герцогская фамилія. Часто меня требовали также и ко двору, гдѣ каждыя двѣ недѣли давалъ я большой концертъ. Принцесса Элиза (сестра Наполеона) никогда не могла досидѣть до конца концерта, потому-что звуки моего инструмента слишкомъ уже раздражали и потрясали ея нервы. Между-тѣмъ, одна весьма-любезная дама, которую я обожалъ въ тайнѣ, акуратно посѣщала мои концерты каждый разъ, — и я полагалъ навѣрное, что привязанность ея ко мнѣ привлекала ее туда. Нечувствительнымъ образомъ взаимная страсть наша возрастала. Однажды я обѣщалъ ей, въ первомъ своемъ концертѣ, удивить ее *музыкальнымъ комплиментомъ* новаго рода, который будетъ имѣть отношеніе ко взаимной нашей любви и дружбѣ. Въ тоже самое время я возвѣстилъ двору о новой піесѣ, которую назвалъ *любовною сценою*. Всеобщее любопытство было сильно возбуждено и каково-же было удивленіе цѣлагообщества, когда я вышелъ со скрипкою о двухъ струнахъ, оставивъ только *sol* и квинту. Послѣдняя должна была выражать чувства молодой дѣвицы, а первая служить органомъ чувствъ ея отчаяннаго любовника. Такимъ-образомъ устроено было нѣчто въ родѣ страстнаго разговора, гдѣ самые нѣжные тоны смѣнялись страдальческими воплями ревности, – аккорды были то бѣшенные и восторженные, то трогательные и заунывные. Все оканчивалось примиреніемъ и оба любовника, гораздо-болѣе влюбленные другъ-въ-друга, чѣмъ прежде, танцовала *pas des deux*, которое заключалось блистательнымъ *coda*. Сцена эта имѣла полный успѣхъ; не говорю уже о тѣхъ упоительныхъ взорахъ, которые бросала на меня дѣва моего сердца». – Принцесса Элиза, осыпавъ меня похвалами, сказала очень-ласково: «Вы сдѣлали невозможное съ двумя струнами; теперь не будетъ-ли достаточно одной струны для вашего таланта». – «Въ туже минуту я далъ обѣщаніе попытаться. Мысль эта улыбнулась моему воображенію, и немного спустя, я написалъ для четвертой струны сонату «Наполеонъ», которую я разыгралъ при многочисленномъ и блистательномъ собраніи. Успѣхъ превзошолъ мои ожиданія и съ этого то времени началась моя особенная привязанность къ *sol*».

Что Паганини производилъ на четвертой струнѣ чудеса, тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго, – на то онъ былъ Паганини! – Но на одномъ вечерѣ у Россини (въ 1813 году) Никколо показалъ такую штуку, которая конечно не найдетъ подражателей, между музыкантами. Кто-то изъ гостей сказалъ: «Я увѣренъ, что Паганини даже и изъ простой нитки извлечетъ усладительные звуки». И въ-самомъ-дѣлѣ, виртуозъ, въ подтвержденіе сказаннаго, снялъ свой

шолковой лорнетный снурокъ, натянулъ его на пуншевую чашу и сыгралъ на этомъ оригинальномъ инструментѣ прелестную мелодію, которая очень походила на нѣжные звуки гитары. Кстати, знаете-ли, какую плату получалъ Паганини за свою волшебную игру на скринкѣ? Въ первый свой концертъ, данный въ Парижѣ въ 1836 году, Никколо получилъ за каждую страницу нотъ 1365 франковъ, а всего за три, игранныя имъ, піесы—16500 франковъ. Послѣ этого неудивительно, что онъ, при своей скупости, оставилъ по смерти до семи милліоновъ состоянія.

СУФЛЁРЪ. Званіе суфлёра есть одно изъ самыхъ скромныхъ, безъизвѣстныхъ и менѣе всего удовлетворяющихъ самолюбію. Суфлёромъ по страсти, по наклонности, быть нельзя; въ это званіе поступаютъ бо́льшею частію люди, оказавшіеся неспособными къ чему-либо другому.

Слѣдовательно, суфлёры бо́льшею частію люди немолодые. Одѣваются они скромно, по ограниченности доходовъ. Впрочемъ, суфлёры добры, кротки, услужливы и не принимаютъ участія въ соперничествѣ, ссорахъ, возмущающихъ учениковъ Таліи: они наслаждаются душевнымъ спокойствіемъ, ограниченнымъ счастіемъ — драгоцѣнными плодами золотой посредственности.

Какъ ни велика доля чувствительности, дарованной судьбой суфлёру, онъ дѣлается твердъ и непоколебимъ, забившись въ дыру свою. Слова любви или ненависти, слезы и смѣхъ, крики отчаянія, кинжалы, пистолеты, раскаты грома, рукоплесканія, свистки, ноги актрисъ, — суфлёръ все видитъ, все слышитъ — и ничто не трогаетъ его! Самъ Орфей съ лирой своей встрѣтилъ-бы холодное, нерушимое равнодушіе!..... И въ-самомъ-дѣлѣ, что́ сталось-бы съ актерами, еслибъ суфлёръ не умѣлъ владѣть собою, еслибъ онъ хоть на минуту зазѣвался? Сколько тирадъ потеряли-бы весь эффектъ свой! сколько куплетовъ вышли-бы безъ риѳмъ и прочаго!.... И сколько добродѣтели, сколько нечеловѣческой твердости долженъ имѣть суфлёръ, чтобы не заснуть при представленіи вялыхъ, скучныхъ, безсмысленныхъ произведеній нѣкоторыхъ драматическихъ писателей!

Въ иныхъ кочующихъ труппахъ суфлёръ занимаетъ нѣсколько должностей. Онъ ламповщикъ, костюмёръ, машинистъ и бутафоръ. Этобы еще ничего, но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ иногда исполняетъ роли *всѣхъ* актеровъ, которые, по лѣности или по другимъ причинамъ, не учатъ ролей, надѣясь на суфлёра; слѣдовательно, труднѣйшей изъ подвиговъ Геркулеса, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что́ долженъ дѣлать бѣдный суфлёръ, чтобы довесть піесу благополучно до развязки.

Суфлёръ бо́льшею частію женатъ. Шесть часовъ, проведенныхъ въ уединеніи подъ поломъ доказываютъ ему самымъ убѣдительнымъ образомъ то, что человѣкъ рожденъ, чтобы жить въ обществѣ.

Одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ суфлёра — память. Суфлёръ съ нехорошею памятью есть существо неполное, неудавшееся; это

пейзажъ безъ воды, красавица безъ зубовъ. Въ доказательство приведемъ слѣдующее истинное происшествіе.

Это было на театрѣ небольшаго уѣзднаго городка. Подняли занавѣсъ. Піеса шла какъ нельзя лучше. Вдругъ одинъ изъ актеровъ, пообѣдавшій не совсѣмъ умѣренно, сбился и никакъ не могъ выпутаться изъ одного стиха; смѣло произнесъ онъ :

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!

но тутъ и остановился.... не зная, какъ продолжать, онъ бросилъ выразительный взглядъ на суфлёра, прося его помощи; но тотъ не отвѣчалъ ни слова; тогда актеръ, помолчавъ съ минуту, повторилъ болѣе грознымъ голосомъ :

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!

Опять молчаніе.... только шумъ скоро перевертывавшихся листковъ слышался изъ дыры суфлёра . .

— Что-жъ вы не суфлируете! произнесъ актеръ тихимъ голосомъ и, выступивъ ближе къ рамкѣ, поднялъ руку и заревѣлъ громче прежняго :

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!

Но суфлёръ молчалъ. Выведенный изъ терпѣнія, актеръ плюнулъ съ досады и, обратившись къ суфлёру, закричалъ во всеуслышаніе :

— Что-жъ вы молчите? За что вамъ жалованье платятъ? Ну, говорите, что дальше?

— Ей Богу, не знаю, отвѣчалъ суфлёръ, высунувшись изъ ящика своего : ребятишки мои вырвали всю эту страницу!

Гомерическій хохотъ овладѣлъ всѣми зрителями и въ первый разъ съ-тѣхъ поръ, какъ существуютъ театры, былъ единодушно и громогласно вызванъ суфлёръ!

ВѢКЪ ПЛЯСОВОЙ МУЗЫКИ. Каждый разъ, когда случается пробѣгать наши газеты, встрѣчаешь публикаціи музыкальныхъ магазиновъ, въ которыхъ рекомендуются, какъ важный товаръ, передѣланные кадрили и вальсы изъ мотивовъ лучшихъ оперъ. — Конечно, думаешь, на все есть мода! Но грустно однакожъ то, что мода эта вкрадывается въ область изящнаго и влечетъ за собою не только толпу, непосвященную въ таинства искусства, но и людей съ талантомъ, которые также увлекаются часто вещами ничтожными. — Что такое въ наше время какой-нибудь *вальсъ*? Сперва онъ былъ средствомъ для танцовъ, потомъ, мало-по-малу, старались придать ему музыкальное значеніе, наконецъ образовался общій вкусъ къ вальсамъ. Теперь замѣняетъ онъ музыку Моцарта, Бетховена, даже оперу! Гдѣ не игра-

ютъ вальсовъ и кадрилей и кто ихъ не сочиняетъ? Но этимъ не довольствуются. — Нѣкоторые выбираютъ мотивы изъ лучшихъ оперъ и передѣлываютъ изъ нихъ, на свой ладъ, кадрили, вальсы.... и часто глубокую музыку какого-нибудь художественнаго произведенія, опошляютъ уродливыми передѣлками. Какъ не совѣстно музыкантамъ, имѣющимъ хотя маленькое призваніе, профанировать до такой степени искусство? Должно благоговѣть предъ дивными твореніями, но не искажать ихъ — Не странно-ли было-бы видѣть на сценѣ водевили, передѣланные изъ «Отелло», «Гамлета» и другихъ произведеній Шекспира?.... Нельзя не пожелать, чтобы кропатели и передѣлыватели вальсовъ и кадрилей старались больше вникать въ музыку великихъ мастеровъ: тогда-бы они почувствовали все ничтожество своего ремесла. — Послѣ этого можно-ли удивляться, что публика неохотно слушаетъ «Донъ-Жуана», исполняемаго итальянскими артистами и приходитъ въ восторгъ отъ какой-нибудь плясовой музыки Беллини и Доницетти; — собирается во множествѣ у Германа, чтобы насладиться (такъ обыкновенно выражаются) очаровательнымъ его оркестромъ. — Слухъ, постоянно воспитанный на вальсахъ и кадриляхъ, мелчаетъ, грубѣетъ и теряетъ способность воспринимать звуки, трогающіе сердце и душу.... Нашъ вѣкъ, рѣшительно — вѣкъ плясовой музыки. Самыя композиціи прославленныхъ виртуозовъ-исполнителей нашего времени состоятъ изъ *варіированныхъ аріи*, пошлыхъ *фантазій* и тому подобнаго антимузыкальнаго бреда. Рѣдко встрѣчается *концертъ* въ новѣйшихъ произведеніяхъ, а о *сонатѣ* слухъ почти пропалъ. — Невольно призадумаешься и спросишь себя: не истинно-ли то, что музыка стремится къ упадку?

ОШИБСЯ! (*Анекдотъ*). Это было.... скромность не позволяетъ намъ сказать никогда, ни въ какомъ приморскомъ городѣ было происшествіе, которое мы намѣрены разсказать вамъ. Скажемъ только, что это было на водахъ.

Молодой человѣкъ, полный силы и здоровья, пріѣхалъ туда на лѣто. Онъ нанялъ квартиру въ одномъ домѣ съ старымъ чиновникомъ, пріѣхавшимъ лечиться. У чиновника была жена лѣтъ тридцати-пяти, блондинка, съ голубыми томными глазами и меланхолическимъ выраженіемъ лица.

Встрѣчаясь каждый день съ Лизаветой Ивановной, — такъ звали жену чиновника, — молодой человѣкъ вздумалъ приволокнуться за нею. Лизавета Ивановна сначала отвѣчала съ презрѣніемъ на комплименты волокиты, но мало-по-малу слѣлалась ласковѣе, привѣтливѣе.

Танцуя съ нею на балу, на водахъ, онъ дерзнулъ передать ей записочку. Лизавета Ивановна ловко сжала записочку въ рукѣ и вышла въ садъ. Молодой человѣкъ, замѣчая, что дѣла его идутъ прекрасно и что ему удалось понравиться, послѣдовалъ за нею.

Уединенно сидѣла жена чиновника на скамьѣ и взоръ ея, съ прилежно-томнымъ выраженіемъ былъ устремленъ на записочку. Долго

смотрѣла она на нее и, вѣроятно, не замѣтивъ приблизившагося молодаго человѣка, прижала ее къ губамъ своимъ и крѣпко, крѣпко поцѣловала.

— О, какъ я счастливъ! вскричалъ громко волокита.

— Боже мой, вы здѣсь!

— Да-съ, Лизавета Ивановна, я здѣсь!

— Что вамъ надобно? Чего вы хотите отъ меня!

— Что мнѣ надобно? Мнѣ надо умереть отъ счастія, блаженства и... и отъ всего у ногъ вашихъ! Чего я отъ васъ хочу? Я хочу любви вашей, Лизавета Ивановна-съ?

— Что вы говорите.... о, перестаньте!

— Не перестану, ей Богу не перестану! воскликнулъ молодой человѣкъ, упавъ на колѣни предъ *предметомъ* своимъ.

— Ради Бога встаньте.... Какъ бишь васъ зовутъ?

— *Что въ имени тебѣ моемъ?*.... Ардаліономъ, Лизавета Ивановна!

— О Ардаліонъ — я люблю тебя! произнесла красавица.

— Лизавета Ивановна-съ.... ей Богу!... еслибъ вы знали. . Право.... и я очень люблю тебя! О, блаженство!.... несвязно говорилъ волокита, осчастливленный признаніемъ предмета любви своей. Онъ крѣпко прижалъ руку ея къ губамъ своимъ, какъ вдругъ.... изъ-за куста шиповника показалась лысина стараго чиновника, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ гостей.

Чиновникъ скрестилъ руки на груди и подошолъ къ волокитѣ, который быстро вскочилъ. Нѣсколько минутъ никто не прерывалъ молчаніе.

— Милостивый государь, началъ наконецъ волокита, запинаясь, вы конечно захотите удовлетворенія.... извольте, я готовъ.... просить извиненія...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ чиновникъ, не я требую удовлетворенія, но она....

— Съ *моимъ* удовольствіемъ, возразилъ волокита, надѣясь дешево раздѣлаться.

— Вы должны жениться на ней! продолжалъ старикъ.

— Какъ вы изволили сказать? спросилъ молодой человѣкъ, остолбенѣвъ.

— Вы.... должны.... на.... ней.... жениться. Понимаете? повторилъ съ разстановками чиновникъ.

— Жениться на вашей женѣ?

— Ошибаетесь.... Это не жена, а сестра моя....

— Вы шутите!

— Я, милостивый государь, никогда не шучу! И если вы откажетесь, такъ я подамъ на васъ жалобу.... свидѣтели есть!

— Да какже всѣ говорили, что Лизавета Ивановна жена ваша?

— Это не мое дѣло!

— Чортъ васъ возьми!

Молодой человѣкъ недавно женился. Говорятъ, что онъ открылъ,

что у *молодой* нѣсколько зубовъ фабрикаціи Вагенгейма, коса отъ Алибера, а *прочее* изъ моднаго магазина.

Ошибся!

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТРУМЕНТОВЪ. Извѣстно, что музыкальные инструменты имѣютъ различные и особенные характеры. Каждый инструментъ, будучи въ состояніи выражать чувства человѣка, преимущественно способенъ къ выраженію нѣкоторыхъ, особенно ему свойственныхъ положеній чувствъ. — Одинъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ музыкантовъ очень-остроумно и довольно-вѣрно охарактеризировалъ *квартетъ струнныхъ инструментовъ*. — *Скрипка*, говоритъ онъ, уподобляется дѣвушкѣ: если она вѣрно настроена, чиста; если съ нею нѣжно обходятся, то она восхитительна; если-же скрипка разстроена, если съ нею не умѣютъ обходиться, то визгъ и крикъ ея раздираютъ уши. — Въ-самомъ-дѣлѣ, это самый несносный изъ всѣхъ инструментовъ, въ рукахъ плохаго скрипача и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый превосходный – въ рукахъ виртуоза. — *Альтъ* — мальчикъ: назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы сопровождать дѣвушку; но больше отъ него ничего требуйте: онъ не можетъ самъ дѣйствовать. — *Віолончель* – юноша: онъ мечтаетъ, онъ жалуется на свои сладостныя страданія и даже самая веселость отзывается въ немъ какимъ-то раздумьемъ, какою-то жадною любовью; разгулье не пристало его задумчивости, неистовые танцы отнимаютъ у него его поэтическіе порывы; но элегическое расположеніе придаетъ ему особую занимательность и кроткая важность привлекаетъ къ нему всѣ сердца. *Контрбасъ* брюзгливый пожилой человѣкъ: онъ управляетъ молодыми людьми; его уважаютъ, слушаются его повелительнаго голоса, однако не чувствуютъ къ нему особеннаго влеченія. — Чувство привѣтливости относится только къ дѣвушкѣ и юношѣ, а взрослый человѣкъ и мальчикъ, такъ, между прочимъ.

ПЛАТА ТОЮ-ЖЕ МОНЕТОЮ. Весьма почтенный помѣщикъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ страдавшій головною болью, пріѣхалъ въ Петербургъ лечиться. Наслышавшись о чудесахъ гомеопатіи, онъ отправился къ одному изъ извѣстнѣйшихъ докторовъ-гомеопатовъ. Его ввели въ кабинетъ и между имъ и докторомъ завязался слѣдующій разговоръ:

Докторъ. Какой болѣзнь у васъ есть?

Помѣщикъ. Вотъ уже лѣтъ восемъ, какъ у меня безпрерывная головная боль.... я употреблялъ всевозможныя средства, перебывалъ въ рукахъ двадцати врачей, и не чувствую ни малѣйшаго облегченія!

Докторъ. Это все есть asinus, по-русски оселъ!.... Что такой вашъ аллопатъ всѣ? Ничево есть!.... Одинъ и другой дуракъ.... И очень болитъ у васъ?

Помѣщикъ. Такъ болитъ, что и сказать нельзя.... Особенно въ вискахъ....

Докторъ. Тѣмъ луше....

Помѣщикъ. Какъ вы изволили сказать?

Докторъ. Я скажитъ, тѣмъ-луше.... Я будетъ васъ вилечитъ.... Вашъ болѣзнь ничево есть.... надо только умѣть вилечитъ...

Помѣщикъ. Какъ я вамъ буду благодаренъ! А какъ вы думаете, черезъ сколько мѣсяцовъ могу я получить облегченіе?

Докторъ. Сколько мѣсяцовъ? Што ви!.... Сичасъ я будетъ вамъ помогатъ. (*Онъ беретъ небольшую стклянку и быстро проводитъ ее подъ носомъ больнаго*). Нухитъ!

Помѣщикъ. Какъ-съ?

Докторъ. Нухить!

Помѣщикъ. Ахъ, нюхать — понимаю съ! (*Нюхаетъ.*)

Докторъ. Ну, какъ ви себѣ чувствуетъ?

Помѣщикъ. Да все также.

Докторъ. Что ви скажитъ? Das ist wunderbar! Надо взять склянки нумеро zwey (*Беретъ другую склянку и поступаетъ съ нею какъ съ первой.*) Нухитъ!

Помѣщикъ. Понюхалъ-съ.

Докторъ. Ну, теперь вамъ гораздо-луше.

Помѣщикъ. Признаться сказать, боль не унялась. Я не чувствую ни малѣйшаго облегченія.

Докторъ. Тѣмъ луше.... когда вы видетъ на чистый воздухъ, вамъ будетъ очень-карашо и завтра утро ви будетъ завсѣмъ здоровъ.... завсѣмъ!

Помѣщикъ. Можетъ-ли быть!

Докторъ. Што ви скажитъ?.... Ви што-съ? Давно-съ я докторъ и знай свой дѣло! Ви не можетъ скажитъ мнѣ: сдѣлай такъ, или такъ! Ви не можетъ учитъ мнѣ!

Помѣщикъ. Извините.... сколько я вамъ долженъ?

Докторъ. Сичасъ.... (*Ищетъ что то на столѣ.*) сичасъ.... я не знай, гдѣ я свой очки потерялъ.... (*Находитъ очки на стулѣ, надѣваетъ ихъ и какъ будто-бы дѣлаетъ вычисленія на аспидной доскѣ, а между-тѣмъ съ боку поглядываетъ на помѣщика; замѣтивъ, что онъ одѣтъ очень-хорошо, докторъ перестаетъ писать и, обращаясь къ помѣщику, говоритъ*) Толке сто рублей!

Помѣщикъ (*остолбенѣвъ*). Сто рублей!

Докторъ. Неужели ви думайтъ, что это дорого.... Когда я вилечитъ васъ отъ нездоровье, которо ви имѣйтъ восемъ годовъ?

Помѣщикъ. Помилуйте, да развѣ вы меня вылечили?.... Вѣдь это безбожно! Сто рублей за то, что вы мнѣ дали понюхать эти двѣ стклянки? (*Въ сторону*). Постой-же, я проучу тебя! Я заплачу тебѣ гомеопатически! (*Вынимаетъ изъ кармана двѣ пятидесяти рублевыя ассигнаціи и скоро проводитъ ихъ подъ носомъ доктора*).

Докторъ (*протянувъ руку*). Что ви дѣлайтъ?

Помѣщикъ. Плачу вамъ. Вы еще недовольны? Виноватъ, надо по-

вторить. (*Еще разъ проводитъ ассинаціи подъ носомъ доктора.*) Надѣюсь, что теперь вы не можете пожаловаться на меня?

Докторъ. Я не хочу понимайтъ эта шутка!

Помьщикъ. Увѣряю васъ, что я вамъ заплатилъ.... Это такъ-же вѣрно какъ то, что вы меня вылечили. Я ужъ восемъ лѣтъ какъ боленъ, умѣю платить докторамъ.... вамъ не учить меня! Конечно, деньги у васъ не въ карманѣ, но выльте на свѣжій воздухъ и, воротившись домой, вы увидите сто рублей у себя на столѣ. Честь имѣю кланяться вамъ! Прощайте, докторъ.

По уходѣ больнаго, докторъ начинаетъ чувствовать, что у него самого немножко болитъ голова.

КЛАРА МЕТЦГЕРЪ. Нѣсколько лѣтъ назадъ тому, въ публичномъ саду Мюнхена, часто пѣвала молодая, пригожая дѣвушка, аккомпанируя себя на арфѣ. Однажды, въ числѣ слушателей находился человѣкъ огромнаго роста, съ густыми, нависшими бровями, съ носомъ запачканнымъ табакомъ и съ большими, грубыми руками. Прекрасный голосъ арфистки обратилъ на себя вниманіе этого человѣка Онъ пригласилъ ее къ себѣ домой, сѣлъ за фортепіано, и подъ его жилистыми, красными руками, инструментъ издавалъ гармоническіе, полные чувства звуки.—Онъ выучилъ молодую дѣвушку пѣть извѣстную арію «Ich war, wann ich erwachte», изъ оперы «Прерванное жертвоприношеніе». — Словомъ, съ этого времени, *Клара Метцгеръ* сдѣлалась ученицою композитора *Винтера*. Въ короткое время онъ объѣхалъ съ нею всю Италію, продолжая давать ей уроки въ музыкѣ и пѣніи, и Клара, какъ пѣвица, пріобрѣла славу европейскую... Спустя нѣсколько лѣтъ она лежала на смертномъ одрѣ. — Болѣзнь ея была также неожиданна, какъ и самое несчастіе, которое посѣтило ее внезапно. Она не имѣла времени приготовиться ни къ тому, ни къ другому. — Послѣднее воскресенье карнавала, день самый веселый въ году, былъ, по непонятной прихоти судьбы, самымъ мучительнымъ днемъ для Клары. Въ театрѣ давали комическую оперу, въ которой она всегда занимала главную роль и, по-обыкновенію, прибавляла къ своей партіи, въ этотъ день, народную пѣсню «Mein Schatz ist ein Reiter», которая всегда возбуждала восторгъ энтузіастической.По-болѣзни Метцгеръ партію ея и самую арію должна была исполнять другая пѣвица! Больная лежала въ сильномъ жару; поставленная въ углу лампада слабо освѣщала комнату. — Вдругъ дверь отворилась и актеръ Урбанъ, любимецъ мюнхенской публики, вошолъ въ спальню и сказалъ: «Я былъ въ театрѣ и думалъ только объ васъ. — Но когда до слуха моего коснулись знакомые звуки вашей аріэтты, грусть до того стѣснила мое сердце, что я не могъ оставаться тамъ долѣе, — мнѣ необходимо было увидѣть васъ. и я прибѣжалъ сюда. «Клара, выслушавъ Урбана, приподнялась съ постели, завернулась въ одѣяло и потащилась къ фортепіано. — Вы услышите меня — сказала она трепещущимъ голосомъ. Сначала, ослабѣвшія ея руки едва могли придавлять

клавиши, и только одни неясные, тихіе звуки вылетали изъ груди ея.—Пораженный удивленіемъ и горестью Урбанъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Скоро дыханіе Клары сдѣлалось свободно; глаза ея, замину-ту предъ тѣмъ почти потухшіе, оживились какимъ-то блескомъ, и въ-слѣдъ за тѣмъ, чистые, сильные, мелодическіе звуки ея голоса, огласили комнату, становясь все сильнѣе и выразительнѣе до послѣдней строфы: «Das Ross Gehört dem König, der Reiter aber mir». Порывъ этотъ былъ послѣднимъ отблескомъ потухающей лампады.—Ослабѣвшую Клару снесли на постель; звуки ея голоса смолкли, и чрезъ нѣсколько часовъ уста ея сомкнулись на-вѣки.—Урбанъ недолго пережилъ Клару; вскорѣ смерть похитила и его.

ДОБРО ОТЪ ЗЛА. Свадьба банкира N. въ Парижѣ надѣлала много шума, и въ самомъ-дѣлѣ, она довольно-замѣчательна.

Онъ посватался на дочери купца, съ огромнымъ состояніемъ, и получилъ согласіе отца. Все готовились къ свадьбѣ; ни отецъ, ни женихъ не посовѣтовались съ сердцемъ молодой дѣвушки, которая ненавидѣла банкира, по весьма-понятной причинѣ — она любила другаго. Бѣдная дѣвушка, недавно вышедшая изъ пансіона, худа знала свѣтъ и судила о сердцѣ другихъ по своему собственному.

Съ ужасомъ видѣла она приготовленія къ ненавистному ей браку и наконецъ съ отчаянія рѣшилась прибѣгнуть къ хитрости, успѣхъ которой казался ей несомнѣннымъ. Невинная дѣвушка обвинила себя въ поступкѣ, она говорила, что, увлеченная минутой слабости, преступила законы любви платонической.

Сознаваясь въ мнимомъ преступленіи своемъ, прекрасные чорные глаза ея слѣдили за физіономіей жениха и искали на ней выраженіе *ожидаемаго* негодованія и презрѣнія... но увы! Бѣдняжка ошиблась. На лицѣ банкира выразилась радость; онъ улыбался, потиралъ руки и, вѣжливо поцѣловавъ руку молодой дѣвушки, всталъ и пошолъ въ кабинетъ отца ея.

Отецъ былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ; но вскорѣ нѣсколько успокоился, замѣтивъ равнодушіе жениха. Онъ согласился прибавить ему еще сотню тысячъ франковъ приданнаго; сумма это уравновѣшивали все дѣло слѣдующимъ образомъ:

Съ одной стороны:	*Съ другой стороны:*
Менѣе любви	Болѣе денегъ.

Балансъ.

Анаисъ, такъ звали молодую дѣвушку, ожесточенна и тѣмъ, что съ нею поступали такъ жестоко, рѣшилась сопротивляться болѣе прежняго; къ тому-же, чѣмъ-чаще видѣлась она съ женихомъ своимъ, тѣмъ-дороже становился ей тотъ, которому она отдала свое сердце. Вскорѣ имѣла она опять объясненіе съ банкиромъ.

— Мосье, сказала она ему: ваша настойчивость заставляетъ меня открыть вамъ всю правду; вы должны будете наконецъ понять, что

между нами есть непреодолимая преграда... вскорѣ проступокъ мой сдѣлается извѣстнымъ цѣлому міру... Я скоро буду... матерью...

Банкиръ вскочилъ со стула и опрометью бросился въ кабинетъ будущаго тестя своего

Молодая дѣвушка украдкой смѣялась и радовалось успѣху выдумки... но увы! женихъ вскорѣ воротился изъ кабинета. Приданое было удвоено и *философія* банкира, подкрѣпленная 200,000 франковъ была довольна-сильна, чтобы преодолѣть всевозможныя препятствія. Нечего было дѣлать! Бѣдная Анаисъ сдѣлась madame.

Платоническій любовникъ сдѣлался домашнимъ другомъ банкира.

ВЫХОДКА КАТАЛАНИ. Славная пѣвица Каталани, которую нѣмецкіе журналы недавно было заживо схоронили, не любитъ заниматься чтеніемъ и не имѣетъ никакого понятія о литературныхъ знаменитостяхъ. Между-тѣмъ, она охотно вмѣшивается въ разговоры просвѣщенныхъ людей и, разумѣется, весьма-часто попадаетъ, что называется попросту, въ-просакъ. Однажды, во время пребыванія въ Веймарѣ, Каталани приглашена была къ обѣду великаго герцога, гдѣ посадили ее на самое почотное мѣсто подлѣ знаменитаго Гёте. — Пѣвица вовсе не слыхала о славномъ германскомъ поэтѣ; но особое уваженіе, какое оказывало ему семейство герцога, возбудило въ ней любопытство и она спросила на ухо у сосѣда о имени этого гостя.— Это великій Гёте, отвѣчалъ сосѣдъ. «На какомъ инструментѣ онъ играетъ»? возразила Каталани. Онъ не музыкантъ, а славный литераторъ, творецъ «Вертера». «Ахъ, да, да, теперь я вспомнила о его сочиненіяхъ» и обратясь къ Гете, сказала ему: «Вы не можете вообразить себѣ, какъ я влюблена въ вашего единственнаго Вертера». Гете отвѣчалъ низкимъ поклономъ на такое лестное для него привѣтствіе. «Никогда въ жизнь мою я столько не смѣялась. какъ надъ вашимъ уморительнымъ твореніемъ! Вертеръ вашъ самый оригинальный фарсъ на свѣтѣ! Что зауморительная шутка ; ну право, какъ вспомнишь объ ней, такъ вотъ и захочется смѣяться!» Тайный совѣтникъ наморщилъ брови и вертѣлся на стулѣ, какъ на раскаленныхъ угольяхъ. Наконецъ объяснилась загадка: Каталани говорила объизвѣстномъ французскомъ водевилѣ «Вертерѣ», — пародіи на твореніе Гёте. — Поэту очень не понравилась эта невѣжливая выходка пѣвицы и онъ, послѣ обѣда, цѣлый вечеръ былъ не въ духѣ.

ДВОЕ ВЪ ОДНОМЪ. Молодой живописецъ получилъ приглашеніе на балъ. На билетѣ было написано: *будутъ польковать.*

Приглашеніе это было весьма-приятно живописцу, потому-что онъ не имѣлъ еще случая видѣть польку; но къ-несчастію оказалось, что у него былъ полный бальный костюмъ, исключая — фрака. Онъ пошолъ къ пріятелю, у котораго былъ прекрасный, модный чорный фракъ.

— Сдѣлай одолженіе, сказалъ живописецъ пріятелю: одолжи мнѣ на сегодняшній вечеръ фракъ твой; я приглашонъ на балъ къ М***.

— Не могу, мой милый, потому-что я самъ получилъ приглашеніе и нетерѣливо желаю посмотрѣть, какъ «полькуютъ» ученики знаменитаго Селлаpіуса.

Досадно, но нечего дѣлать. Долго думали приятели, наконецъ живописцу пришла идея и онъ радостно воскликнулъ:

— Мы спасены! Намъ обоимъ удастся посмотрѣть на «полькующихъ.» Я вспомнилъ, что привратникъ господина М *** занималъ прежде туже должность въ домѣ, въ которомъ я живу. Мы спасены!

— Но какимъ образомъ? Я не понимаю...

— Послѣ поймешь!

Ровно въ одиннадцать часовъ друзья подъѣхали къ дому М***. Живописецъ былъ въ пальто, а приятель его въ полномъ бальномъ нарядѣ.

— Ба, ба, ба! вскричалъ привратникъ, увидавъ живописца: да это г. Жюль! какъ изволите поживать, г. Жюль?

— Я было васъ не узналъ, Крокиньйоль, отвѣчалъ живописецъ: здоровы ли вы? Что жена ваша?

— Ничего, по маленьку пробиваемся; она, въ прошломъ мѣсяцѣ, родила шестаго ребенка; такой полный, румяный мальчишка; горланитъ такъ, что хоть изъ дому вонъ бѣги!... Неужто вы на балъ? въ пальто?

— Нѣтъ, Крокиньйоль, я только проводилъ друга своего, который не зналъ сюда дорогу; да кстати зайду мимоходомъ поздороваться съ родильницей.

— Милости просимъ, зайдите пожалуйста.

Живописецъ зашолъ къ привратнику, между-тѣмъ, какъ приятель его пошолъ вверхъ, на балъ. Онъ посмотрѣлъ на новорожденнаго, поговорилъ съ родильницей, освѣдомился о здоровьи моськи и кота, и разсказалъ имъ наконецъ ужасное происшествіе, заимствованное изъ Gazette des Tribunaux.

Время проходило незамѣтнымъ образомъ въ разговорахъ. Прошолъ цѣлый часъ, когда приятель живописца вошолъ къ привратнику.

— А, ты еще здѣсь, Жюль? сказалъ онъ, какъ бы изумившись.

— Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ я съ вами заговорился, добрый Крокиньйоль. Вотъ, что значитъ пріятная бесѣда: и не увидишь, какъ время пройдетъ.

— Вы слишкомъ добры, замѣтилъ съ удовольствіемъ Крокиньйоль.

— Уфъ! Какъ тамъ жарко на-верху! Я думалъ, что задохнусь.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, ты блѣденъ. Садись скорѣе, съ заботливостію сказалъ живописецъ.

— Откройте форточку; свѣжій воздухъ подкрѣпитъ меня; я не могу вздохнуть; мадамъ Крокиньйоль, позвольте снять фракъ.

И приятель живописца опустился въ изнеможеніи на стулъ; испуганный привратникъ суетился и кричалъ женѣ:

— Этому господину дѣлается дурно; Олимпія, подай скорѣе стаканъ воды!

— Вотъ, вотъ, отвѣчала услужливая Олимпія, подавая воду.

– Ты простудишься, говорилъ живописецъ – не снимай фрака!

– Не могу, не могу; я задохнусь въ немъ—силы нѣтъ!

– Такъ надѣнь, по-крайней-мѣрѣ, пальто мое.

– Да, да, говорилъ привратникъ, надѣньте пальто господина Жюля.

Пріятель живописца сталъ приходить въ себя; между-тѣмъ, Жюль надѣлъ фракъ его.

– Вотъ прекрасно, сказалъ онъ, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы пройдтись хоть одинъ разъ по залѣ. Хорошъ-ли балъ?

– Прекрасенъ; ступай, ступай; а я между-тѣмъ отдохну.

Живописецъ воротился чрезъ два часа.

– Еще двѣ польки остались, шепнулъ онъ пріятелю своему: я видѣлъ только одну и будетъ съ меня. Надѣвай фракъ свой и воротись на балъ.

ДЕШЕВО-ПРІОБРѢТЕННАЯ ИЗВѢСТНОСТЬ. Въ мірѣ часто случается, что люди, сами-по-себѣ незамѣчательные, пріобрѣтаютъ нѣкоторую степень извѣстности, при счастливыхъ обстоятельствахъ. Къ числу такихъ-то людей принадлежитъ и Лейтель. Въ 1838 году на прагскомъ театрѣ давали Моцартова «Донъ-Жуана», по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея этой оперы, написанной для Праги и въ первый разъ, въ ней-же исполненной италіянскою труппою, въ которой были отличные артисты, какъ-то можно заключить изъ самой музыки «Донъ-Жуана», чрезвычайно-трудной для достойнаго выполненія. Во-время этого представленія, обратилъ всеобщее вниманіе восьмидесятилѣтній старецъ, который сидѣлъ въ оркестрѣ, по правую сторону капельмейстера и, положивъ скрипку на пюпитръ, на-взрыдъ плакалъ. Это былъ Георгъ-Іосифъ-Маріа Лейтель, который съ тридцатилѣтняго возраста принадлежалъ къ прагскому оркестру и подъ управленіемъ самаго Моцарта, участвовалъ въ исполненіи перваго представленія «Донъ-Жуана». Императоръ Фердинандъ I-й пожаловалъ старцу золотую медаль, которая вручена была ему, въ особенномъ, торжественномъ засѣданіи прагскаго городоваго магистрата. Неизвѣстно, живъ-ли еще теперь Лейтель. Какъ-бы то ни были, но онъ пріобрѣлъ-же извѣстность...

СТЕФАНЪ ШНЕЙДЕРЪ. Вотъ еще одно имя, обязанное случаю счастью, судьбѣ или какъ вамъ-то будетъ угодно назвать, – своею извѣстностію. — До двадцати-восьми лѣтъ Шнейдерь былъ простымъ деревенскимъ музыкантомъ, въ окрестностяхъ Праги, въ Богеміи; но огромный выигрышъ въ Франкфурской лоттереѣ перемѣнилъ совершенно его положеніе и Шнейдерь, переселясь въ Вѣну, вполнѣ предался страсти своей къ музыкѣ.—Каждый вечеръ унего въ домѣ собирались знаманитые артисты столицы. – Войдя въ нѣкоторые торговые обороты, онъ въ короткое время умножилъ свой капиталъ; но до конца дней своихъ сохранилъ простоту прежней жизни. – Онъ

умеръ въ 1839 году и оставилъ послѣ себя около милліона чистыми деньгами. – Между множествомъ богатыхъ и драгоцѣнныхъ вещей, оставленныхъ имъ, замѣчателенъ былъ деревянный ящикъ, обитый серебромъ. – Въ немъ помѣщался *старый кларнетъ*, (!) обыкновенная принадлежность странствующихъ музыкантовъ въ Германіи. – Внутри, на крышкѣ ящика, сдѣлана была слѣдующая надпись: «кларнетъ этотъ долженъ безпрестанно напоминать Шнейдерлю о прежнемъ ремеслѣ его». Неправда-ли, урокъ наставительный?—Не худобы его запомнить многимъ и очень многимъ...

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАССЪ-ТЕТЪ. Кому не извѣстна игра *кассетета*? Это одна изъ самыхъ занимательныхъ игоръ : нѣсколько деревянныхъ или картонныхъ кусочковъ, разной величины и вида, должны быть сложены вмѣстѣ такъ, чтобы составилось изъ нихъ одно изъ данныхъ начертаній, нарочно прилаженныхъ къ игрѣ. — Но есть еще другой родъ кассъ-тета, *кассъ-тетъ музыкальный*. Представьте себѣ пятьдесять четыре картонныхъ кусочка разнаго цвѣта и вида, изъ которыхъ каждый содержитъ въ себѣ отрывокъ изъ какой-нибудь мелодіи, съ аккомпаниментомъ фортепіяно, и какія-нибудь слова. Берутся, по произволу, девять кусочковъ и складываются такъ, чтобы цѣлое ихъ похоже было на одну изъ 30-ти начертанныхъ на бумагѣ фигуръ. Чрезъ это составляется романсъ, слова и музыка; слова самыя трогательныя, музыка самая пріятная и граціозная. – Подобные кассъ-тететы давно уже извѣстны въ Парижѣ, Лондонѣ..... Въ прошломъ году и у насъ, по примѣру музыкальныхъ кассъ-тетовъ, пьянистъ г. С...ръ издалъ *магазинъ новѣйшихъ для фортепьяно мазурокъ*, которыя измѣняются чрезъ переставленіе тактовъ по нумерамъ, до 3,628,800 разъ и составлены по расчисленію гармонической связи тоновъ. — Все это чрезвычайно-забавно и мило, притомъ дешево: стоитъ только *полтора* рубли серебромъ. Любительницамъ мазурокъ не мѣшало-бы запастись этимъ магазиномъ, который, вѣроятно, доставитъ имъ много удовольствія. — Продается въ Одеонѣ.

ЗАБАВНЫЙ ПОЕДИНОКЪ. Славныя италіянскія пѣвицы *Моросхи* и *Галли*, ненавидѣли другъ друга и считались непримиримыми соперницами. Въ Неаполѣ, на театрѣ Санъ-Карло давали оперу Чимарозы «Женская хитрость.» Публика съ нетерпѣніемъ ожидала дуэта, въ которомъ обѣ примадонны жестоко бранятся между собою. – Моросхи запѣла соло, а Галли между тѣмъ нашептывала ей язвительныя насмѣшки. Потомъ Галли запѣла въ свою очередь и должна была слушать отъ соперницы такія-же колкости. Публика громко апплодировала превосходному пѣнію примадоннъ; но лишь только оркестръ началъ играть извѣстный дуэтъ, то обѣ пѣвицы, забывъ свои роли и зрителей, начали драться, какъ торговки. – Моросхи сдернула съ груди Галли мантилью, чтобы показать публикѣ худую и отвратительную грудь соперницы, а Галли сорвала съ головы Мо-

роскн парикъ. Публика расхохоталась, увидя журавлиную шею одной и плѣшивую голову другой пѣвицы. — Соперницы снова начали бой, но буффъ *Казатьелло* воспользовался этою оригинальною сценою и, чтобы еще болѣе разсмѣшить публику, вышелъ на сцену съ двумя мечами. — Онъ сталъ въ величавую позицію побѣдителя и розняль сражающихся амазонокъ. — Моросхи, съ того времени, никогда уже не являлась на сценѣ. —

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

— Въ 1808 году Мегюль вздумалъ посѣтить свою родину — Живе (Givet). Въ честь этого посѣщенія тамошній меръ придумалъ дать на театрѣ одно изъ произведеній этого знаменитаго композитора и пригласить его самого въ театръ. Къ-несчастію въ наличной театральной труппѣ были только драматическіе артисты и ни одного пѣвца. Какъ помочь горю? А вотъ какъ: театральная аффиша гласила слѣдующее: «Живетскій театръ. Сегодня, по-случаю торжества въ честь посѣщенія здѣшняго города знаменитымъ нашимъ согражданиномъ, г-мъ Мегюлемъ, дана будетъ «Une folie», комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, г-дъ Бульи и Мегюля. NB, Дирекція, чтобы не замедлять хода этой интересной піесы, сочла нужнымъ выпустить всю музыку.» Театръ набитъ былъ биткомъ. Мегюля съ торжествомъ ввели въ ложу г. Мера. Піеса Бульи началась, и при каждомъ разѣ когда раздавались рукоплесканія, Мегюль долженъ былъ вставать и благодарить публику за столь-лестную почесть, воздаваемую ею своему согражданину.—Въ наше время многіе композиторы въ-тихомолку желали-бы подобныхъ выпусковъ — «чтобы не замедлять ходъ піесы.»

— Два водевилиста написали сообща піесу; при первомъ представленіи она понравилась, но при второмъ, въ самомъ началѣ, начались свистки. Видя, что тутъ есть заговоръ, они стали слѣдить, кто-бы былъ зачинщикомъ его и скоро увидали, что первый примѣръ подавалъ какой-то молодой человѣкъ, свистя изо-всѣхъ силъ въ преогромный ключъ. Наши авторы тотчасъ составили планъ къ уничтоженію опаснаго врага. Одинъ изъ нихъ садится подлѣ него и заводитъ разговоръ.—Какая пошлая піеса, говоритъ онъ обращаясь къ молодому человѣку. — Преотвратительная, отвѣчалъ тотъ: вы видите, какъ я усердно мщу за оскорбленіе изящнаго вкуса. — И вслѣдъ за тѣмъ раздается еще громчайшій свистъ. — И вы совершенно правы: я тоже не отстану отъ васъ, говоритъ авторъ, вынувъ изъ кармана самый маленькій ключикъ и принимаясь тоже свистать. Однако свистъ его едва было слышно.—Моя критика довольно-слаба, налобно усилить ее. Не позволите-ли вы мнѣ вашего ключа? — Сдѣлайте милость. — И молодой человѣкъ передаетъ ему ужасный инструментъ. Въ самую эту минуту является другой товарищъ автора и говоритъ ему: скорѣй, скорѣй, если ты хочешь говорить съ нимъ... Авторъ вскакиваетъ съ мѣста, бѣжитъ изъ партера и, будто въ забывчивости, уноситъ съ собою ключъ молодаго человѣка. И вотъ оппозиція обезоружена;

зачинщикъ ея пошолъ отыскивать свой ключъ, а піеса между тѣмъ благополучно добралась до конца. Авторы товарищи спѣшили на сцену. Директоръ съ удивленіемъ говорилъ: Не могу постигнуть, что это значитъ! Сначала такой адской шумъ, и вдругъ тишина и даже одобренія? Это для меня просто загадка! — А вотъ и ключъ къ ней, сказалъ авторъ, подавая ему похищеный имъ ключь у врага. На другой день въ газетахъ объявлено было, что потерявшій такой-го и такой-то ключъ можетъ получить его обратно въ полиціи.

—На Берлинской сценѣ поставленъ вновь Шекспировъ Отелло. При этомъ случаѣ въ одномъ изъ тамошнихъ журналовъ напечатаны слѣдующія историческія свѣдѣнія о представленіяхъ этой трагедіи въ Берлинѣ». Отелло въ первый разъ появился на берлинской сценѣ въ 1794-мъ году, въ переводѣ Эшенбурга. Роль Отелло занималъ Флекъ. Потомъ его не играли до 1812 года, въ которомъ онъ снова былъ данъ въ переводѣ Фосса. Отелло игралъ въ то время Маттаушъ. Въ 1832 году его опять возобновили въ переводѣ Кауфманна, и Кригеръ игралъ Отелло. Два года тому назадъ опять выбрали переводъ Фосса. Зейдеманъ занималъ роль Яго. При нынѣшнемъ возобновленіи роль Отелло игралъ Роттъ, роль Дездемоны г-жа Гагнъ, роль Яго Дёрингъ. Дёрингъ и Роттъ были вызваны.

– Довольно извѣстно,что Фальстафъ—лицо историческое; объ этомъ упоминаетъ даже, между-прочимъ, и Лингардъ въ своей «Исторіи Англіи». Онъ дѣйствительно былъ никто-иной, какъ Лордъ Джонъ Ольдкэстль (John Oldcastle), который, во-время бурной юности Генриха V, принадлежалъ къ числу любимцевъ этого короля, а потомъ,послѣ многихъ возмущеній и народныхъ возстаній, въ которыхъ онъ принималъ участіе, былъ пойманъ, повѣшенъ, а трупъ его сожженъ. Теперь нѣкто Гэспи (Gaspey) издалъ біографію его подъ заглавіемъ: The life and times of the good Lord Cobham. По этой біографіи въ Кобэмѣ не видно ничего фальстафовскаго, а видно только, что онъ принадлежалъ къ числу народныхъ любимцевъ; что Генрихъ V, находясь въ необходимости льстить народной партіи, былъ съ нимъ чрезвычайно-друженъ, но потомъ, когда эта необходимость миновалась, разсорился и на-послѣдокъ, какъ упомянуто, казнилъ его. Итакъ изъ этого видно, что Шекспиръ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ исторіи. Съ цѣлью-ли онъ сдѣлалъ это или придерживаясь какихъ-нибудь преданій, во всякомъ случаѣ мы благодарны ему за это отступленіе; безъ него у насъ не было-бы такого типа, каковъ этотъ остроумный толстякъ-распутникъ.

—Неаполитанскіе журналы расхваливаютъ слѣдующую замѣчательную черту капельмейстера тамошняго театра, маэстро Маріо Аспа: дирекція хотѣла поставить на сцену Россиніева «Отелло», но маэстро Аспа объявилъ публично, что скорѣе откажется отъ своего мѣста, чѣмъ согласится на представленіе этой оперы, которая далеко не по силамъ оперной труппы этого театра.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Académie royale de Musique.

Le Lazzaroni ou le bien vient en dormant, *(Лаззарони или счастіе приходитъ во снѣ)*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ; слова г. Сенъ-Жоржа, музыка г. Галеви.

Лаззарони Беппо — лѣнтяй; онъ ѣстъ только для того, чтобъ послѣ хорошенько выспаться; ночью Беппо спитъ потому, что всѣ спятъ; днемъ потому, что жарко; это любимѣйшее, единственное удовольствіе и *занятіе* его. Лаззарони счастливъ только тогда, когда спитъ, потому-что въ сновидѣніяхъ своихъ онъ прогуливается по великолѣпнымъ дворцамъ, по роскошнымъ садамъ, и очаровательная дѣвушка, въ которой онъ узнаетъ любезную свою Баттисту, цвѣточницу, встрѣчаетъ его и говоритъ: Я твоя, Беппо, со всѣми сокровищами, которыя ты здѣсь видишь!..

Но бѣда, если какой-нибудь народный праздникъ или уличный шумъ разбудятъ Беппо — тогда онъ сердится, ворчитъ и бранитъ Неаполь, въ которомъ даже выспаться нельзя!

У Беппо есть приятель, импровизаторъ Мироболантъ, живой и дѣятельтельный — совершенный контрастъ съ сонливымъ и лѣнивымъ Лаззарони. Мироболантъ случайно узналъ тайну, которая можетъ обогатить его и Беппо. Какой-то бѣднякъ, умирая, разсказалъ ему, что старый скупецъ Жозуэ Корво подкупилъ бѣдняка, чтобы тотъ убилъ ребенка, имѣніемъ котораго и завладѣлъ скупой. Бѣднякъ взялъ деньги съ Корво, но, сжалившись надъ ребенкомъ, не могъ убить его, и бросилъ его на площади въ Неаполѣ. Умиравшій

успѣлъ только сказать импровизатору, что у покинутаго ребенка былъ на шеѣ крестъ, на которомъ было выгравировано имя Маргариты.

Каково-жъ было удивленіе Мироболанта, когда онъ увидѣлъ этотъ крестъ на шеѣ Беппо!... Слѣдовательно Беппо, племянникъ стараго Жозуэ Корво.

Мироболантъ и Беппо идутъ къ скупому; угрожаютъ ему судомъ, если онъ не возвратитъ сейчасъже имѣнія, злодѣйскимъ образомъ приобрѣтеннаго. Старикъ смущается сначала, но когда импровизаторъ представляетъ ему племянника, то онъ приходитъ въ себя, называетъ обоихъ плутами и обманщиками и выгоняетъ, объявивъ, что у него была племянница, а не племянникъ.

Только тогда Мироболанту приходитъ на умъ спросить Беппо, какъ достался ему этотъ крестъ. Лаззарони говоритъ, что онъ подаренъ ему Батистой, которую онъ любитъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, молодая цвѣточница племянница скряги, потому-что у нея есть свидѣтельства о рожденіи. Теперь Мироболантъ увѣренъ въ успѣхѣ и опять идетъ къ Корво.

Между-тѣмъ, проказница любовь портитъ все дѣло; Беппо грустенъ: онъ говоритъ Батистѣ, что, разбогатѣвъ, она не захочетъ выдти за бѣднаго лаззарони. Молодая дѣвушка, чтобы доказать ему искренность любви своей, сожигаетъ свидѣтельство, могущее доказать права ея. Представьте себѣ отчаяніе импровизатора, когда онъ возвращается отъ Корво. Все погибло!.... нѣтъ, хитрый Мироболантъ находитъ еще средство, но для приведенія его въ исполненіе надо удалить Беппо.

Надѣясь на дружбу импровизатора, Беппо соглашается на все, и идетъ въ солдаты, оставивъ другу крестъ, съ помощію котораго тотъ хочетъ возвратить имѣніе молодой цвѣточницѣ. Тогда открывается коварство Мироболанта: онъ разсказываетъ Батистѣ, что Беппо измѣнилъ ей, и въ доказательство показываетъ крестъ, который онъ, будто-бы, велѣлъ возвратить ей. Молодая дѣвушка огорчена; пользуясь этимъ обстоятельствамъ, коварный другъ предлагаетъ ей руку и сердце свое: она соглашается, съ-досады, выйдти за него.

Наконецъ Жозуэ, убѣжденный неоспоримыми доказательствами, признаетъ Батисту племянницей своей, но, узнавъ, что Мироболантъ хочетъ на ней женится, онъ несоглашается, по праву опекуна и по тому еще, что, боясь выпустить изъ рукъ имѣніе ея, самъ хочетъ сдѣлаться мужемъ ея.

Между тѣмъ, Беппо, сдѣлавшись солдатомъ, не оставилъ однакожъ привычки своей. Погрустивъ о возлюбленной, онъ засыпаетъ...

Во снѣ онъ видитъ Батисту и говоритъ, что любитъ ее еще болѣе прежняго. Въ это самое время случайно приходитъ къ нему Батиста и услышавъ слова возлюбленнаго, начинаетъ понимать, что Мироболантъ обманулъ ее. Она будитъ Беппо и отдаетъ ему сердце, руку и богатство, которое почтенный Корво долженъ возвратить, если не хочетъ отправиться на висѣлицу.

Партитура г. Галеви имѣетъ много живыхъ, блестящихъ, оригинальныхъ арій. Она написана

рукою опытной и твердой, но жаль, что инструментовка слишкомъ-величественна, торжественна, громка. Такъ напримѣръ, въ сценѣ, гдѣ Бенпо сомнѣвается въ любви Батисты, аккомпаниментъ трубъ и тромбоновъ очень-некстати и не соотвѣтствуетъ нисколько этой наивной, нѣжной сценѣ. Слишкомъ-большое употребленіе энергическихъ звучностей оркестра утомляетъ слушателей тѣмъ-болѣе, что они не видятъ причины ихъ. Несмотря на это замѣчаніе, опера имѣетъ много достоинствъ, дѣлающихъ честь таланту и вкусу г. Галеви.

Opéra-Comique.

La Sirène (*Сирена*), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова г. Скриба, музыка г. Обѣра.

Еслибъ Скрибъ видѣлъ *сирену*, какъ намъ удалось видѣть ее, то онъ, вѣрно, не написалъ-бы этой оперетки: онъ не былъ въ звѣринцѣ Зама: несмотря на то, подобно хозяину этого звѣринца, рѣшился *сдѣлать* сирену — les beaux esprits se rencontrent!... Сирена петербургская обитала въ глубинѣ морской; сирена парижская живетъ на высотахъ Абруцскихъ; не-смотря на то, она прельщаетъ и завлекаетъ въ сѣти свои моряковъ. Какъ попадаются моряки на высоты, это не наше дало.

Абруцская сирена — невидимка; горе путешественнику, котораго очаровываетъ восхитительный голосъ ея: онъ хочетъ слѣдовать за этимъ голосомъ, сбивается съ дороги и чаще всего встрѣчаетъ не сирену, а грознаго Марко Тампеста, бандита и контрабандиста, за поимку котораго неаполитанское правительство назначило большую награду.

Этотъ Марко, впрочемъ, не такъ золъ; онъ готовъ-бы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, онъ даже хотѣлъ *удалиться отъ дѣлъ*, и собравъ имущество свое, состоящее почти изъ 500,000 піастровъ (о, мосьё Скрибъ! отчего такъ мало? Зачѣмъ не 500 000,000?), онъ съ товарищами, хотѣлъ уѣхать въ чужія страны. Но-несчастію, корабль разбойника былъ взятъ молодымъ и храбрымъ моряком, капитаномъ Сципіономъ, командовавшимъ фрегатомъ *Эпна*. Не довольствуясь этой богатой добычей, капитанъ поклялся овладѣть Тампестой; разъѣзжая съ этой цѣлію по горамъ Абруцскимъ, онъ встрѣчается съ импрессаріо Болбая, директоромъ придворнаго театра, пріѣхавшимъ въ Абруццо, чтобы получить наслѣдство послѣ умершаго брата бывшаго сельскимъ священникомъ. Болбая и Сципіонъ, проходя по горамъ, слышали пѣніе сирены, произведшее на нихъ живое впечатлѣніе; первый, надѣясь найдти пѣвицу, хочетъ ангажировать ее къ своему театру примадонной; другому кажется, что это голосъ молодой дѣвушки, съ которою онъ выросъ и о которой сохранилъ нѣжнѣйшее воспоминаніе.

Болбая проситъ Сципіона остановиться у него, въ домѣ покойнаго пастора. Вмѣстѣ съ ними приходитъ туда-же какой-то путешественникъ, Скопетта, котораго импрессаріо хочетъ выгнать, но Сципіонъ упрашиваетъ его. Вскорѣ является еще новое лицо, графъ

Пополи, начальникъ той провинціи, также преслѣдующій Тампесту, но пришедшій сюда по приглашенію сирены, назначившей ему свиданіе. Пополи твердо убѣжденъ, что въ этомъ случаѣ подъ именемъ сирены скрывается какая-нибудь придворная дама. Но графъ ошибается. Разговаривая со Скопетта, онъ узнаетъ въ немъ слугу, находившагося цѣлый мѣсяцъ у него въ услуженіи. Вдругъ въ открытое окно кто-то бросаетъ камень, завернутый въ записку, адресованную къ графу и въ которой сказано, что у сирены есть вѣрныя доказательства въ томъ, что старшій братъ графа, имѣніе котораго получилъ въ наслѣдство Пополи, былъ женатъ на Маріи Вернани и что отъ него остался сынъ, которому принадлежитъ имущество, несправедливо задержанное графомъ; если онъ согласенъ въ тотъ-же вечеръ отсчитать сиренѣ 500,000 піастровъ, то она возвратитъ ему бумаги, иначе она передастъ ихъ законному наслѣднику. Графъ совѣтуется съ Скопетта, какъ ему поступить.

— Отсчитать деньги! говоритъ Скопетта.

Но Пополи несогласенъ. Онъ отправится на мѣсто, назначенное сиреной, но не одинъ. Въ кустахъ спрячетъ онъ отрядъ солдатъ, которымъ велитъ убить сирену или лучше сказать, Тампесту, потому что онъ увѣренъ, что письмо отъ него. Бѣдный губернаторъ не знаетъ, что не всякому должно повѣрять намѣренія свои; Скопетта никто иной, какъ самъ Тампеста, слѣдовательно, солдаты графа воротятся домой, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Но кто-же, наконецъ, эта таинственная сирена, съ которою, по-видимому, одинъ Тампеста имѣетъ сношенія?... Потрудитесь перейти ко второму акту.

Дѣйствіе происходитъ на постояломъ дворѣ, содержимомъ начальникомъ контробандистовъ, подъ именемъ Скопетта. Сирена — это прелестная Церлина, сестра Тампесты, воспитанная въ Неаполѣ и въ послѣднее время возвратившаяся къ брату. Церлина, не подозрѣвая ужаснаго ремесла брата, служитъ ему вѣрнѣйшей помощницей: у нея прелестный голосъ и распѣвая пѣсенки, она сбиваетъ съ толку и дороги таможенныхъ и привлекаетъ на постоялый дворъ путешественниковъ, которые могутъ дать контробандистамъ полезныя свѣдѣнія о мѣрахъ, противу нихъ предпринимаемыхъ.

Тампеста обожаетъ сестру свою; единственное желаніе его найдти ей благороднаго и честнаго мужа; разговаривая съ нею о намѣреніяхъ своихъ, онъ узнаетъ, что она любитъ капитана Сципіона. При этомъ неожиданномъ открытіи Тампеста приходитъ въ отчаяніе, потому-что, въ отмщеніе за отнятіе корабля съ 500,000 франковъ, онъ приказалъ товарищамъ убить, во что-бы то ни стало, Сципіона и, вѣроятно—убійство уже совершено!

Но голосъ сирены, пагубный для другихъ, спасъ Сципіона. Вмѣсто того, чтобы идти по той дорогѣ, гдѣ ожидали его разбойники, онъ пошолъ по направленію очаровательнаго голоса и пришолъ такимъ-образомъ въ гостинницу Тампесты. Молодые люди узнаютъ другъ-друга. Церлина въ объятіяхъ Сципіона. Но вотъ являются разбойники-

они узнаютъ капитана, овладѣвшаго кораблемъ ихъ, и бросаются на него и Болбаю; Тампеста останавливаетъ ихъ и беретъ съ капитана и Болбаи клятву, что они въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ будутъ молчать о томъ, что узнали.

Графъ тщетно просидѣлъ въ кустахъ съ отрядомъ своимъ; никто не являлся. Раздосадованный, усталый, возвращается онъ домой и по-дорогѣ заходитъ отдохнуть въ гостинницу. Тампеста погибъ; куда скрыть шайку. Разбойниковъ увидятъ, узнаютъ и перехватаютъ. По счастію, ни графу, ни солдатамъ не до обысковъ; они прежде всего хотятъ отдохнуть и утолить голодъ и жажду.

Между-тѣмъ, Поноли разсказываетъ, что на слѣдующій день даетъ въ замкѣ своемъ балъ, но будучи занятъ государственными дѣлами, онъ не успѣлъ ничего приготовить; ему-бы хотѣлось устроить спектакль или концертъ. Тампеста спасенъ.

— Позвольте графъ, говоритъ онъ, представить вамъ директора Болбая, остановившагося у меня съ труппой своей. Я почту себя счастливымъ, если мнѣ удастся услужить вамъ.

Входитъ Болбая; за нимъ бандиты въ самыхъ забавныхъ костюмахъ. Угрожаемый кинжалами, Болбая принужденъ выдать шайку разбойниковъ за труппу драматическихъ артистовъ; одинъ попадаетъ въ теноры, другой — баритонъ, третій — басъ; Сирена дѣлается примадонной. Сципіона-же, какъ человѣка подозрительнаго, графъ велитъ схватить.

Вотъ контробандисты въ замкѣ, въ которомъ хранятся отнятыя у нихъ сокровища. Между-тѣмъ какъ графъ ѣдетъ въ Неаполь, чтобы объявить о томъ, что ему удалось поймать Тампесту, за котораго онъ принимаетъ Сципіона, разбойникамъ удается воротить піастры свои и они готовятся овладѣть фрегатомъ Этна, чтобы уѣхать за море; но Тампеста хочетъ предварительно вручить Сципіону, сыну Маріи Верганни, бумаги, доказывающія права его на титулъ и имѣніе графа Поноли. Такимъ-образомъ, онъ упрочиваетъ счастіе сестры своей, которая, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлается графиней Поноли.

Но Сципіона уже нѣтъ въ темницѣ, въ которую заключилъ его графъ. Съ помощію Церлины, ему удалось спастись и онъ бѣжалъ въ Неаполь, гдѣ доказалъ ошибку графа и такъ-какъ двадцать-четыре часа прошло, то разсказалъ, что настоящій Тампеста никто иной, какъ трактирщикъ Скопетта. Изъ Неаполя Сципіонъ возвращается къ замку графа съ многочисленнымъ отрядомъ моряковъ своихъ. Замокъ окруженъ и начальникъ разбойниковъ, по-видимому, погибъ безвозвратно. Но Тампеста не теряетъ присутствія духа. Сципіону онъ открываетъ, что онъ братъ Церлины и вручаетъ ему драгоцѣнные документы. Великодушіе и любовь заставляютъ капитана заботиться о спасеніи бандита. Что-же касается до графа, то Тампеста заставляетъ его молчать, угрожая, что передастъ правительству бумаги, найденныя имъ въ замкѣ и свидѣтельствующія о тайныхъ сношеніяхъ графа съ бывшимъ королемъ Іоахимомъ. Оста

ются моряки. На нихъ подѣйствуетъ сирена. По приказанію брата, Церлина поетъ и всѣ моряки собираются одинъ за другимъ, кто въ двери, кто въ окно и окружаютъ очаровательную пѣвицу. Тампеста пользуется этимъ случаемъ и спасается бѣгствомъ; моряки бросаются вслѣдъ за нимъ, слышатся выстрѣлы, но уже поздно... веселая пѣсень разбойниковъ даетъ знать Церлинѣ и Сципіону, что братъ ихъ спасенъ, что они внѣ опасности.

Музыка, написанная на это миленькое либретто Оберомъ, отличается вообще большою свѣжестію идей, рѣдкою прелестью мелодіи и прекрасными гармоническими эффектами.

Увертюра превосходна и произвела на слушателей живое впечатлѣніе. Она состоитъ изъ *andante*, граціознаго вальса, тема, котораго повторяется два раза съ большимъ искусствомъ, и изъ живаго *codà*, въ два темпа.

Андante, написанное для маленькаго оркестра, состоящаго изъ віолончелей, контръ-басовъ и тромбоновъ, производитъ отличный эффектъ. Соединеніе мягкой звучности этихъ инструментовъ невыразимо-пріятно, нѣжно. Тема вальса сдѣлается добычей всѣхъ салонныхъ музыкантовъ, шарманщиковъ и бродячихъ пѣвцовъ, словомъ, она сдѣлается народною.

Дуо теноровъ: Qu'une heureuse rencontre, чисто и выразительно. Оно сливается съ хоромъ, къ которому какъ-нельзя-удачнѣе примѣшанъ голосъ сирены. Куплеты: «O Dieu des flibustiers, Dieu de la contrebande, поются уже на улицахъ парижскихъ, благодаря простотѣ и легкости мелодіи, которая позволяетъ самымъ дурно организованнымъ пѣвцамъ уродовать тему ея и воображать, что они запомнили, ее какъ-нельзя-лучше.

Вообще оперетка эта прекрасна и давно уже гг. Скрибъ и Оберъ не имѣли лучшаго и болѣе заслуженаго успѣха.

Second-Théatre Français.

Trois femmes, (*Три женщины*), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, гг. Мориса Сент Асé и Теодора Баррьера.

Эти три женщины очень милы и любезны, такъ, что легко понять затрудненіе новаго Париса, героя этой піесы, незнающаго, которой отдать яблоко. Одна дѣвушка, а это большое преимущество для человѣка, которому надоѣла холостая жизнь; но и въ супружеской жизни есть, по-несчастію, вещи, которыя могутъ скоро надоѣсть, а потому *мосьё* Поль, такъ зовутъ новаго Париса, готовъ удовольствоваться пріятностями любви противузаконной. За этимъ дѣло не стало. У Люсіи,—такъ зовутъ дѣвушку, — есть двѣ пріятельницы, одна блондинка, другая брюнетка; слѣдовательно, все затрудненіе состоитъ только въ томъ, которую изъ нихъ избрать.

Мужьямъ этихъ двухъ дамъ, въ противуположность къ женамъ своимъ, очень не нравится ни молодость, ни красивая наружность Поля, а потому они употребляютъ всевозможныя хитрости, чтобы помирить молодыхъ людей и поскорѣе женить Поля на Люсіи. Имъ

это удается, они въ восторгѣ и спокойны, потому-что Поль женатый имъ уже не страшенъ. — Кто знаетъ!

Хорошенькій и умненькій водевиль.

— Jane Grey (*Жана Грей*), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. Александра Сумѣ и г-жи д'Альтенгеймъ (дочери его).

Эта трагедія вполнѣ вознаградила *Второй-французскій-театръ* за всѣ неудачи и убытки, претерпѣнные имъ въ послѣднее время. Она имѣла огромный, блестящій успѣхъ.

Леди Жана Грей была правнучка Генриха VII, короля англійскаго; бабушка ея, Марія, была жена Людовика XII, но, овдовѣвъ, он вышла за лорда Сюффолька, съ которымъ имѣла дочь; дочь эта, маркиза Дорсетская, была матерью Жаны Грей. Не-смотря на королевское происхожденіе свое, леди Жана была очень-далека отъ престола англійскаго. Настоящая наслѣдница была Марія, дочь Генриха VIII и Катерины Аррагонской. Впрочемъ, Жана никогда и не желала престола; науки были первою страстію ея, а за науками — любовь. Молодая дѣвушка любима сыномъ герцога Нортумберландскаго, Гильфора, и сама любитъ его. Въ одной изъ капеллъ замка будетъ совершено бракосочетаніе ихъ, которое должно остаться тайнымъ, по требованію герцога.

Между тѣмъ готовится народное торжество. Завтра, Марія Тюдоръ вступитъ на престолъ, — но герцогъ Нортумберландскій поклялся низвергнуть ее. По секретной духовной, находящейся въ рукахъ герцога, покойный король Эдуардъ VI назначилъ наслѣдницей своей Жану Грей. Бѣдная молодая дѣвушка должна быть орудіемъ заговора, начальникомъ котораго Нортумберландъ. Онъ торопится женить сына своего на ней, чтобы подъ именемъ молодой дѣвушки управлять государствомъ. Онъ хранитъ въ тайнѣ бракосочетаніе, потому-что открылъ, что Марія любитъ Гильфора.... Какъ опытный и хитрый честолюбецъ, онъ предпочитаетъ избрать сыну въ супруги кроткую и милую Жану, потому-что Марія не изъ тѣхъ женщинъ, которыми можно управлять: ни съ кѣмъ не захочетъ она подѣлиться властью, дарованной ей судьбою.

Жана и Гильфоръ обвѣнчаны въ полночь, въ замкѣ Дорсетскомъ.

Королева ничего не подозрѣваетъ. Страсть ея къ Гильфору возрастаетъ. Не смѣя еще объясниться съ нимъ, она повѣряетъ тайну любви своей Жанѣ. Невозможно выразить ужаса молодой жены при этомъ внезапномъ открытіи! Королева любитъ мужа ея! Каждое слово Маріи врѣзывается въ сердце ея.... тысячи горестей представляются ей въ будущемъ!.... Королева замѣчаетъ смущеніе Жаны, но гордость не позволяетъ ей предположить въ ней соперницу. Марія — королева: она можетъ дать Гильфору престолъ, власть, могущество!

Но вскорѣ стихи, написанные Жаной, открываютъ гордой, жестокой Маріи, что Жана любитъ Гильфора. Королева отомститъ дерзкой соперницѣ! Въ присутствіи всего двора читаетъ она трогательную элегію Жаны, бросая на

нее взгляды, исполненные презрѣнія и унижая ее.... Гильфоръ не въ состояніи хладнокровно перенесть оскорбленій, причиненныхъ женѣ его; онъ беретъ ее за руку и открываетъ предъ всѣми тайну брака своего.

Гильфоръ, хорошо зная жестокій и мстительный характеръ Маріи, увѣренъ, что ему и молодой женѣ его угрожаетъ великая опасность.

— Надо бѣжать отъ гнѣва Маріи, говоритъ онъ отцу своему.

— На престолѣ англійскомъ надо укрыться отъ него, отвѣчаетъ герцогъ, — и открываетъ сыну честолюбивыя намѣренія свои. Жана Грей должна быть королевой; парламентъ признаетъ права ея; въ замокъ собирается уже толпа приверженцовъ ея; замокъ окруженъ — Маріи подъ-стражей. Тщетно противится Жана предложеніемъ лордовъ и дворянъ: она уступаетъ просьбамъ Гильфора; чтобы спасти его отъ преслѣдованій Маріи, она соглашается вступить на престолъ, подвергнуться мщенію Маріи, подставить невинную голову подъ сѣкиру палача!

Является Марія; она ничего не знаетъ еще о договорѣ, она не знаетъ, что участь ея уже рѣшена; она пришла, чтобы отмстить соперницѣ, которая сдѣлалась уже повелительницей ея.... Марія во власти многочисленныхъ враговъ своихъ, но одно слово кроткой Жаны возвращаетъ ей свободу. Милостію начала Жана Грей правленіе свое, которое — увы! было непродолжительно.

Возгорѣлась междоусобная война — братъ возсталъ на брата; цѣлію кровопролитія и вражды партій была корона — кому она достанется? .. Марія Тюдоръ, какъ всѣмъ извѣстно, восторжествовала; Жана Грей погибла. Неумолимая соперница приговорила ее къ смерти, не за то, что она осмѣлилась оспаривать у нея престолъ — нѣтъ! въ Жанѣ Грей Марія видитъ счастливую соперницу, любимую супругу Гильфора. Всю власть, все могущество свое отдала бы гордая Марія Тюдоръ за улыбку, за взглядъ Гильфора, отвергающаго пламенную любовь ея!.... Жанъ Грей умретъ не за то, что была королевой, но за то, что она любима. Гильфоръ будетъ жить, не-смотря на то, что онъ главный виновникъ того преступленія, за которое казнятъ молодую жену его.

Кровавый судъ собранъ. Жана Грей стоитъ передъ судьями своими. Она спокойна, потому-что знаетъ, что Гильфоръ спасенъ. Марія бросаетъ на жертву свою взгляды, исполненные ненависти и жажды мщенія... Но увы! Гильфоръ, узнавъ объ участи, ожидающей Жану, вбѣгаетъ въ судилище; ему не нужна милость Маріи Тюдоръ онъ умретъ съ тою, которой принадлежатъ сердце и вся жизнь его. Нельзя было болѣе жестокимъ образомъ поразить сердце гордой Маріи; глубокое презрѣніе, которымъ Гильфоръ отвѣчаетъ на любовь ея, терзаетъ несчастную.

Но любовь Маріи сильнѣе ненависти ея; она готова простить Жанѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы она подписала разводную съ Гильфоромъ. Жанъ съ энергіей отвергаетъ милость, которую она должна купить этой цѣною. Героическая твердость ея увеличиваетъ злобу Маріи.

Гильфоръ соглашается на жертву, которую неумолимая Марія требуетъ отъ Жаны. Ничѣмъ не льзя выразить горести послѣдней при этомъ извѣстіи Но она повинуется Гильфору. Жана должна удалиться изъ Англіи, Марія торжествуетъ. Вдругъ Гильфоръ блѣднѣетъ, смертный холодъ пробѣжалъ по жиламъ его, онъ падаетъ... Рѣшившись разстаться съ женою онъ принялъ яду, и со смертію его, разрушаются всѣ надежды Тогда Жана нехочетъ слышать о помилованіи, — она хочетъ умереть!...

Преслѣдуемая ненавистными проклятіями Маріи, бѣдная жертва идетъ за палачомъ.... На минуту раскаяніе пробуждается въ сердцѣ жестокой воображеніе рисуетъ ей страшную картину: Жана Грей съ завязанными глазами стоитъ предъ палачомъ, поддерживаемая архіепископомъ Кринмеромъ; дрожащія руки ея какъ-будто ищутъ плаху, которая обтянута чернымъ сукномъ; палачъ, мрачный, неподвижный, грозный ждетъ....

Эта картина поставлена на сцену съ знаменитой картины Поля Деларош и производитъ удивительный эффектъ.

Объятая ужасомъ и мучимая угрызеніями совѣсти Марія Тюдоръ хочетъ отмѣнить казнь, она хочетъ помиловать.... но въ это самое время картина исчезаетъ, все погружается во мракъ, слышится роковой ударъ!...

— На этомъ-же театрѣ все еще ставится *Антигона* Софокла, со всѣми подробностями древней постановки и прекрасными хорами знаменитаго Мендельсона. Говорятъ, это будетъ настоящее литературно-музыкальное торжество.

Théatre du Vaudeville.

La gazette des Tribunaux, (*Судейская газета*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Лоренсена и Маркъ Мишеля.

Г. Мулино удивительно какъ счастливъ: онъ наконецъ не имѣетъ никакихъ дѣлъ и живетъ доходами своими! Онъ покупаетъ себѣ домикъ и живетъ въ немъ спокойно. Надо-же однакожъ чѣмъ нибудь заниматься, а потому Мулино дѣлается страшнымъ обожателемъ *Судейской газеты*; изъ нея почерпаетъ онъ предметы для разсужденій, соображеній и догадокъ.

Едва онъ просыпается, какъ драмы, взятыя не изъ разстроеннаго, больнаго воображенія, но изъ живой дѣйствительности стучатся къ нему въ дверь. Но увы! Г. Мулино начинаетъ замѣчать, что ему отъ этихъ драмъ не спится; малѣйшій шумъ пугаетъ его, онъ во тмѣ ночной видитъ блестящіе кинжалы, слышитъ стоны, плачъ; а если и уснетъ на минуту, то ему снятся воры, разбойники, дѣлатели фальшивыхъ монетъ и другіе ужасы.

Бѣдный Мулино! онъ всего боится. Онъ видитъ тѣнь свою — это убійца. — Вѣтеръ завываетъ въ трубѣ — это свистъ вора. Собака залаяла — она почуяла вора. Заскрипѣла дверь — воръ крадется. Мулино даже боится жены своей: ему все кажется, что она хочетъ отравить его. Онъ перехватываетъ записку, которую жена пишетъ

къ пріятельницѣ, и въ которой проситъ какого-то порошка.

— Нѣтъ больше сомнѣнія! восклицаетъ Мулино: она хочетъ отравить меня!...

Однакожъ вскорѣ открывается, что этимъ порошкомъ мадамъ Мулино притираетъ личико свое

Забавный водевиль.

— Le Moyen le plus sûr (*Вѣрнѣйшее средство*) водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Исидора Ришмонъ.

Если вы полковникъ и не хотите, чтобы жена обмывывала васъ, то подружитесь съ маіоромъ. Г. Ришмонъ говоритъ, что это — вѣрнѣйшее средство.

Жюль любитъ Констансу и любимъ ею. Зачѣмъ-бы, кажется, долго думать? по рукамъ да и за свадебку! Но нельзя, бѣдному Жюлю надо служить: ѣхать въ Африку, драться съ Арабами, съ Абдель-Кадеромъ. Ѣдетъ бѣдный Жюль. Служитъ исправно и производится въ офицеры. По симпатіи, существующей между имъ и Констансой, и она повышается, а именно дѣлается полковницей! Она вышла за полковника Дюверье, съ которымъ очень-счастлива; не-смотря на то, она вспоминаетъ еще иногда о молоденькомъ Жюлѣ, который между-тѣмъ возвратился въ Парижъ.

Какъ полковница, Констансъ не пропускаетъ ни одного парада, и представьте себѣ удивленіе ея, когда на одномъ изъ парадовъ увидѣла она Жюля!... Сердце ея даже такъ сильно забилось, что ей непремѣнно захотѣлось увидѣться съ нимъ. Плохо бы пришлось бѣдному полковнику, еслибъ онъ не былъ друженъ съ маіоромъ, который узнаетъ о свиданіи, назначенномъ г-жою Дюревье молодому поручику, и рѣшается помѣшать исполненію его, не открывая ничего мужу. Маіоръ начинаетъ слѣдить за Жюлемъ и за женой друга своего, и всегда является въ то самое время, когда дѣло доходитъ до объясненій; то онъ уводитъ молодаго человѣка, то запираетъ г-жу Дюверье. Въ этой страшной сумятохѣ полковникъ ничего не понимаетъ; полюбивъ молодаго поручика и никакъ не подозрѣвая жены, онъ начинаетъ думать, что почтенный маіоръ съ ума спятилъ.

Забавная шутка эта оканчивается вторичнымъ отъѣздомъ Жюля въ Африку. Слѣдовательно, Констансса спасена. Дюверье торжествуетъ.

— La Polka en province, (*Полька въ провинціи*), шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Комберуса и Кордье.

М-lle Ипполитъ вздыхаетъ днемъ и ночью; она задумчива, грустна, капризна, потеряла аппетитъ, не спитъ и заставляетъ страдать добраго и честнаго отца своего. Причину этого разстройства, этой глубокой меланхоліи, не трудно разгадать. М-lle, Ипполитъ слышала о полькѣ и хочетъ протанцовать ее; вмѣстѣ съ тѣмъ сердце ея ищетъ другое сердце, которое постигло-бъ ея сердце. По-счастію, изъ Парижа пріѣзжаетъ нѣкто мосьё Станиславъ, добрый малый, студентъ медицины, который всему выучился, исключая искусству Эскулапа. Онъ мастеръ играть на бильярдѣ, куритъ табакъ, танцуетъ канканъ, а, слѣдовательно, и

польку, не и имѣетъ ни копѣйки денегъ въ карманѣ....

Г. Бланденъ съ нетерпѣніемъ ждалъ сына своего и— о радость, о счастіе! дождался наконецъ. Преважно разсказываетъ онъ встрѣчному и поперечному, что сынъ его докторъ, докторъ медицины! Увы! г. Бланденъ долженъ отказаться отъ блестящихъ надеждъ, когда сынъ ему напрямки объявляетъ, что быть докторомъ не можетъ.

— По чемуже? спрашиваетъ отецъ.

— Потому-что не рожденъ для того.

— Да къ чему-же ты рожденъ?

— Это мы со-временемъ увидимъ: теперь я еще слишкомъ-молодъ. Со-временемъ наклонности и способности мои разовьются, тогда мы подумаемъ!

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! повторяетъ отецъ: неужели ты таки рѣшительно ничему не выучился?

— Что вы говорите, папа! Какъ можно? Я знаю польку!

— Польку?... слышалъ что-то объ ней, да и забылъ, что это за штука...

— Полька въ настоящее время стоитъ выше гомеопатіи, магнетизма, гальванизма и прочихъ измовъ или *исмовъ*: ею я вылечу въ нашемъ городкѣ всѣ сплины и ревматизмы.

Чтобъ доказать справедливость словъ своихъ, Станислà прежде всего вылечиваетъ Ипполиту и женится на ней.

Théâtre du Gymnase.

Alberta première (*Альберта первая*), комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Фурнье.

Какой-то правительствующій герцогъ изгоняетъ изъ владѣній своихъ двухъ родныхъ братьевъ своихъ по причинѣ слишкомъ-либеральныхъ идей ихъ. Они умираютъ за границей, оставивъ одинъ сына, Фредерика, другой дочь — Альберту. Фредерикъ отправляется въ Америку, чтобы тамъ сражаться за независимость. Альберта дѣлается чѣмъ-то въ родѣ пастушки и живетъ съ тетушкой своей въ скромной хижинѣ. Послѣ смерти правительствовавшаго герцога, Фредерикъхочетъ вступить на наслѣдственный престолъ, но вельможи, боясь нылкаго, независимаго характераего, возводятъ на престолъ Альберту, а его сажаютъ въ темницу.

Бѣдную дѣвушку пугаетъ власть, которую ей предлагаютъ: но она соглашается, надѣясь найдти средство передать власть тому, который ее домогается, а именно Фредерику. Это ей удается, и вмѣстѣ съ тѣмъ она узнаетъ, что Фредерикъ давно любитъ ее, и выходитъ за него.

Піеса эта служитъ доказательствомъ, что величайшая невѣроятность можетъ имѣть успѣхъ, если авторъ съумѣетъ сдѣлать ее интересною.

— L'Oncle à sucession (*Наслѣдство дяди*), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Дюрантена.

Г. Гамленъ взбѣшонъ тѣмъ, что

племянникъ его, Фревиль, женился на племянницѣ его Кларѣ. Причина гнѣва его та, что племянница, удалившись отъ него, лишила его общества, къ которому онъ привыкъ. Въ наказаніе за это, г. Гамленъ раздѣлилъ все имѣніе свое на пожизненные доходы; обстоятельство это извѣстно только одному другу его Дювалю.

Дюваль этотъ — гражданскій инженеръ и человѣкъ самый безкорыстный; онъ основалъ и обогатилъ нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, а самъ бѣденъ; онъ всѣхъ обогащаетъ и, слѣдуя похвальной привычкѣ своей, хочетъ вывесть Фревиля изъ затруднительнаго положенія и сдѣлать его наслѣдникомъ Гамлена.

Мысль эта прекрасна и благородна, но неудобоисполнима, потому-что Гамленъ превратилъ все имѣніе свое въ пожизненный доходъ. Но Дюваль изобрѣтателенъ; онъ любитъ новыя средства и хочетъ, чтобы тѣ, которые имѣютъ притязанія на наслѣдство Гамлена, поправили дѣла его. Дюваль увозитъ друга своего въ Булонь и тамъ заставляетъ его купить два небольшія, недорого стоющія имѣнія, принадлежащія двумъ родственникамъ Гамлена, адвокату Ренару и вдовѣ г-жѣ Гамаръ.

Гамленъ отговаривается сначала тѣмъ, что у него денегъ нѣтъ, но Дюваль увѣряетъ его, что это не бѣда и чтобы онъ только покупалъ имѣнія. Родственники согласны на продажу, тѣмъ-болѣе, что они увѣрены, что послѣ смерти Гамлена имѣнія эти имъ-же достанутся. Лишь только всѣ условія заключены и подписаны, Дюваль объявляетъ, что черезъ эти имѣнія, неприносившія никакого дохода, будетъ проведена желѣзная дорога, что почти въ десятеро возвышаетъ цѣну ихъ. Адвокатъ и вдова въ отчаяніи, но нечего дѣлать, условія заключены.

Съ помощію Дюваля, Гамлену удается вскорѣ продать эти имѣнія за огромную сумму, изъ которой онъ уплачиваетъ десятую часть, за которую онъ купилъ ихъ у родственниковъ. Инженеръ распускаетъ слухъ, что будто-бы Гамленъ умеръ и собираетъ наслѣдниковъ. Тогда происходитъ сцена чрезвычайно-комическая, изъ которой Гамленъ, подслушивающій въ сосѣдней комнатѣ, научается отличать добрыхъ родственниковъ отъ злыхъ. Онъ выходитъ, прогоняетъ Ренара и вдову Гамаръ, и прощаетъ Фревилю и Кларѣ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы она жили съ нимъ вмѣстѣ. потому-что ему до смерти надоѣло одиночество.

Водевиль этотъ очень понравился парижской публикѣ.

— La séparation (*Разводъ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. де Курси и Кармуша.

Кокро по званію дворникъ, по занятію башмачникъ, а по характеру ненавистникъ брака. Не смотря на то у, него прехорошенькая жена; но вотъ уже всемь лѣтъ, *какъ они связаны цѣпями имена*, слѣдовательно, успѣли порядочно надоѣсть другъ другу!

Кокро чувствуетъ особенное влеченіе къ молодымъ молочницамъ. Жюли, жена его, имѣетъ *сильную слабость* къ «Карлушамъ», сирѣчь подмастерьямъ булочниковъ.

Въ слѣдствіе всего этого су-

пруги просто терпѣть не могутъ другъ-друга; они охотно-бы развелись, но Эженъ Сю сказалъ очень-справедливо, что это стóитъ слишкомъ-дорого. Гораздо-лучше разойтись дружелюбнымъ образомъ.

— Что-жъ, спрашиваетъ Кокрó. расходимся или нѣтъ?

— Расходимся! отвѣчаетъ жена.

— Кончено дѣло! Прощай, будь здорова.

— Прощай, Кокрò, кланяйся своимъ!

Несмотря на то, ни онъ ни она не уходятъ. Никому не хочется оставить доходнаго мѣста.

— Ахъ, чортъ возьми! восклицаетъ Кокрò: мнѣ пришла счастливая мысль!...

И желая немедленно привесть эти счастливую мысль въ исполненіе, онъ приноситъ изъ конюшни перегородку стойла и раздѣляетъ комнатку свою на двѣ половины.

— Прощайте, каждому своя половина.

— На, возьми метлу — я у себя оставлю ведро.

— Вотъ тебѣ сыръ.

— Вотъ тебѣ холодная говядина.

Дѣлежъ не идетъ на ладъ; на долю Кокрó достался шкафъ и бутылка съ прованскимъ масломъ, между-тѣмъ-какъ женѣ его досталась постель и уксусъ.

Что-же касается до должности дворника, то они будутъ исполнять ее поочередно.

Звонятъ. Жюли отворяетъ дверь и впускаетъ къ хозяйкѣ кузена ея. Хозяинъ дома, возвратившись домой, застаетъ у себя кузена, между-тѣмъ-какъ онъ наистрожайшимъ образомъ приказалъ дворнику не впускать его. Хозяинъ прогоняетъ отъ себя Кокрò. Общее несчастіе возстановляетъ согласіе между супругами; они мирятся и опять клянутся другъ-другу въ вѣчной вѣрности.

Веселенькая и смѣшная шутка.

Théatre du Palais-Royal.

La Polka (*Полька*), шутка въ одномъ дѣйствіи, гг. Вермона и Бера.

Еще полька!

Мы слышали, отъ *свѣтскихъ людей*, что и у насъ уже учатся танцовать польку. Напрасный трудъ! Потому-что едва вы, господа, поймете первыя па, какъ ужъ она выйдетъ изъ моды — хотя по-сіюпору полька еще страшно свирѣпствуетъ.

Новая шутка гг. Вермона и Бѐра имѣла успѣхъ, благодаря тому, что явилась кстати; назовите ее вальсъ, мазурка, (что нисколько не помѣшаетъ сюжету) и никто на нее смотрѣть не станетъ.

Г. Робинѐ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ; онъ отецъ хорошенькой дочери, мадмоазель Каролины; онъ вдовецъ и, закрывъ свой модный магазинъ, удалился *отъ дѣлъ*, съ 14,700 фр. дохода и безъ копейки долгу—какъ онъ говоритъ, по-крайней-мѣрѣ.

Овдовѣвъ, Робинѐ дѣлается страшнымъ волокитой и, чтобы имѣть болѣе средствъ къ побѣжденію сердецъ, онъ прибавляетъ къ мѣщанскому имени своему аристократической хвостикъ—де Буживаль!.. Преслѣдуя систему свою, мосье Робинѐ де-Буживаль не пропускаетъ ни одного бала, ни од-

ного маскарада. На одномъ изъ маскарадовъ Робинѣ начинаетъ волочиться за хорошенькимъ домино, и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Оказывается, что подъ этимъ домино скрывается стройная, бѣлокурая Англичаночка, миссъ Памела.

Де-Буживаль, какъ ловкій волокита, предлагаетъ Англичанкѣ отъужинать съ нимъ. Она съ благодарностью принимаетъ предложеніе его и ѣстъ за четверыхъ. Робинѣ изумляется аппетиту британки.

— Ахъ, Боже мой! что я сдѣлала! восклицаетъ миссъ Памела, осушивъ послѣднюю рюмку шампанскаго.

— Что вы сдѣлали? спрашиваетъ Робинѣ.

— Который часъ?

— Четыре часа.

— О я несчастная! какъ попаду я домой! У насъ хозяинъ такой злодѣй — онъ приказалъ дворнику никого не пропускать послѣ полуночи.

Адская мысль блеснула въ умѣ волокиты.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ на эту ночь убѣжище подъ кровлей дома моего... говоритъ онъ, стараясь скрыть лукавую улыбку.

— Подъ кровлей? На чердакѣ, что-ли? съ неудовольствіемъ спрашиваетъ Англичанка.

— Помилуйте, какъ можно — это я только такъ... знаете... поэтическая фигура...

И де-Буживаль ведетъ миссъ Памелу къ себѣ въ домъ, назначаетъ ей комнату и .. дѣлаетъ весьма странную физіономію, когда Англичанка, захлопнувъ дверь предъ самымъ носомъ его, запирается на ключъ. Робинѣ проводитъ очень-безпокойную ночь. Онъ влюбленъ въ стройную Британку и придумываетъ средство, какъ-бы оставить ее у себя въ домѣ. Прекрасно! Воспитаніе дочери его несовершенно; она не знаетъ по англійски! За завтракомъ, къ которому приходитъ и миссъ Памела, Робинѣ представляетъ ее дочери и объявляетъ, что это будущая учительница ея. Каролина морщится; мосьё Фламишонъ тоже морщится. Что это за Фламишонъ? Это женихъ, котораго Робинѣ выбралъ для дочери своей.

За завтракомъ открывается, что Памела не миссъ, а мистрессъ. Она разсказываетъ про несчастія свои: по-любви вышла она за молодаго Француза, поѣхала съ нимъ въ Америку, попалась въ руки дикимъ, была обожаема начальникомъ ихъ и, что всего ужаснѣе, кушала ростбифъ изъ мужа своего!.. Мужа ея звали Оскаромъ Робинѣ!

— Какъ! Оскаръ Робинѣ! да это племянникъ мой, — восклицаетъ де-Буживаль. Слѣдовательно, вы племянница моя! Вотъ, подумаешь, какія на свѣтѣ вещи бываютъ! Позвольте обнять и поцѣловать васъ. Ахъ, Боже мой! И вы съѣли его... вкусенъ-ли онъ былъ, бѣдняжка? Я его такъ лелѣялъ... Я пролью слезу надъ покойникомъ.

— И я тоже, съ вашего позволенія, говоритъ Фламишонъ сморкаясь.

Когда Робинѣ говорилъ, что у него небыло ни копейки долгу, то онъ забывалъ или, лучше сказать, хотѣлъ забыть, что онъ долженъ былъ 60,000 фр. племяннику своему. У миссъ Памелы есть тому до-

казательства. Робинѣ, чтобы поправить дѣло, предлагаетъ руку и сердце блондинкѣ... и Фламишонъ туда-же! Робинѣ, огорченный поступкомъ неблагороднаго и неблагодарнаго человѣка, которому онъ хотѣлъ вѣрить судьбу дочери своей, ссорится съ нимъ. Но напрасно .. Памела не выйдетъ ни за того, ни за другаго, изъ любви къ Каролинѣ, изъ истинной, пламенной горячей любви.

Мистрессъ Памела, скушавшая мужа своего — мужчина! Это Оскаръ, нарочно переодѣвшійся, чтобы заставить дядю возвратить ему его деньги.

Робинѣ отдаетъ деньги, Фламишона выпроваживаютъ, а Оскаръ женится на Каролинѣ.

Вотъ и все. — А полька гдѣ? — Ахъ, виноватъ! когда Робинѣ увидалъ Англичанку на балу, то она танцовала польку.

— La Peau du lion (*Львиная кожа*), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, съ куплетами, г. Лайѣ.

Генрихъ де-Керво весьма-ученый человѣкъ, но нелюдимъ и избѣгаетъ шумныхъ обществъ. Онъ носитъ чорный фракъ, застегнутый сверху до низу, бѣлый галстухъ; волосы его коротко обстрижены; онъ довольно-неловокъ. У него прехорошенькая жена, которую онъ забываетъ для химическихъ, физическихъ, ботаническихъ и другихъ наблюденій.

Такой ученый человѣкъ очень годится, можетъ-быть, въ члены академіи, но не въ мужья. Это мысль г. Молеона, длинногриваго льва, который хочетъ непремѣнно вознаградить г-жу Керво за равнодушіе медвѣдя ея. По этому случаю, онъ препровождаетъ къ ней съ букетомъ цвѣтовъ любовную записочку. Букетъ этотъ попадается въ руки мужу, который съ изумленіемъ замѣчаетъ, что цвѣты пахнутъ мускусомъ, что, для него, занимающагося ботаникой, совершенно непонятно; однако-жъ онъ ни въ какія дальнѣйшія разысканія не пускается. Слѣдовательно, записка спасена; г-жа Керво читаетъ ее съ негодованіемъ, и говоритъ, что она до-тѣхъ-поръ будетъ противиться всѣмъ обольщеніямъ, пока мужъ ей будетъ вѣренъ.

— Слѣдовательно, думаетъ Молеонъ: надо ввесть во искушеніе и грѣхъ мужа, а тогда... нѣтъ ничего легче! стоитъ только познакомить Керво кой-съ-кѣмъ, научить его курить, ѣздить верхомъ, заставить его имѣть любовницъ....

И точно, ученый нашъ поддается на всѣ коварные замыслы льва.

Онъ во всѣмъ слѣдуетъ модѣ, но нельзя-жъ изъ медвѣдя прямо сдѣлаться львомъ, а потому онъ сперва наряжается въ шкуру онагра. У него коротенькій сюртучекъ оливковаго цвѣта, бѣлые панталоны, зеленый жилетъ съ пестрыми разводами, красный галстухъ, — настоящій онагръ! Пропалъ, повидимому, бѣдный Керво, но ничего не бывало! Онъ очень-хорошо понялъ намѣренія Молеона. Ученый догадался, что ему надо еще кое-чему научиться, чтобы нравиться женѣ, а потому и рѣшился влѣзть въ *львиную шкуру*. Мадамъ Керво не можетъ придти въ себя отъ изумленія, замѣчая перемѣну, происшедшую съ мужемъ ея и — какъ женщинѣ-ей нравится эта перемѣна, такъ-что Молеонъ

начинаетъ понимать, что онъ пересоздалъ ученаго на свою-же бѣду.

Однако-жъ онъ не теряетъ надежды. Какъ-бы разсорить молодую чету, согласіе которой мѣшаетъ проектамъ его? Надо возбудить ревность г-жи Кервó. Случай представляется. Кервó зачѣмъ-то тайно ѣдетъ въ Бордо. Ссора, слезы, объясненія. Кервó ѣздилъ въ Бордо, чтобы помочь тестю своему, отцу жены его, поправить дѣла свои, которыя стали разстроиваться; теперь все дѣло кончено, а потому онъ можетъ открыть причину таинственной поѣздки своей.

Мосьё Молеону моютъ порядочно голову, и, съ-горя, онъ рѣшается жениться на богатой и довольно-свѣжей еще вдовушку.

Водевиль этотъ очень удачно передѣланъ изъ двухъ повѣстей г. Шарля Бернара: La peau du lion и l'arbre de science.

— Ravel en voyage (*Равель въ дорогѣ*), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Вареня и Дюпёти.

Равель никто—иной какъ актеръ этого театра, очень-любимый публикою. Мы уже разъ говорили въ «Репертуарѣ,» что неприлично выводить актеровъ на сцену въ водевиляхъ подъ собственнымъ ихъ именемъ; намъ кажется, что это унижаетъ званіе хорошаго актера и дѣлаетъ изъ него фарсёра, паяца, дѣйствующаго на публику не комизмомъ, не изученіемъ лица представляемаго имъ, а личными фарсами.

Вотъ въ чомъ дѣло.

Равеля ожидаютъ въ Каркассонну, гдѣ онъ долженъ дать нѣсколько представленій. Г. Дерувиль, директоръ тамошняго театра, объявилъ уже на аффишахъ, что будетъ играть Равель, но увы! его все нѣтъ, какъ нѣтъ!

Между-тѣмъ еще какой-то господинъ Догоберъ ждетъ съ нетерпѣніемъ будущаго зятя своего, Равинеля.

Наконецъ пріѣзжаетъ Равель; его принимаютъ за Равинеля; пріѣзжаетъ Равинель, директоръ насильно тащитъ его на театръ, думая что это Равель. Отсюда происходитъ множество забавныхъ qui-proquo, но наконецъ дѣло объясняется. Равинель женится на дочери Догобера, а Равель выступаетъ на сценѣ Каркассонскаго театра.

Эта піеса ничто-иное, какъ повтореніе забавнаго водевиля, въ которомъ съ такимъ успѣхомъ играетъ у насъ *Адріенъ Ружѐ*: Prosper et Vincent. Равель играетъ двѣ роли: собственную свою, т. е. Равеля и роль Равинеля. Подобныя ошибки и переодѣванья всегда нравятся публикѣ. Очень-часто они составляютъ единственное достоинство актера.

Théatre de la gaité.

Louise et Louison, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, съ куплетами, г. Дюпёти.

Солдатъ Моренъ, вышедъ въ отставку, поселился въ маленькой деревушкѣ въ Пикардіи съ двумя молодыми дѣвушками Луизой и Луп... какъ-бы это сказать? Ну, хоть *Луизоной*! Обѣ называютъ его отцомъ своимъ, между-тѣмъ какъ только одна изъ нихъ дочь

его; другая-же сирота, лишившаяся матери въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ; а объ отцѣ ея Моренъ не имѣетъ никакихъ извѣстій.

Бѣдный инвалидъ боленъ, оченьболенъ: но онъ не хочетъ умереть, пока ему не удастся свидѣться съ полковникомъ своимъ и вручить ему дочь чистою и непорочною.

Но увы! дочь полковника обманула уже бдительность благодѣтеля, втораго отца своего. Она любитъ и любима; она имѣетъ свиданія съ молодымъ человѣкомъ, который вдругъ ни съ-того, ни-съсего, долженъ нанять... какъ-бы вы думали, кого? Кормилицу!..Моренъ узнаетъ о безчестіи дѣвушки, которую онъ взялъ на свою отвѣтственность. Кто выразитъ горесть и отчаяніе его?

Во второмъ дѣйствіи инвалидъ готовится переселиться въ лучшій міръ. Луиза и Луизонъ не отходятъ отъ постели его... но вотъ является Проспѐръ, обольститель дочери полковника и требуетъ, чтобы она послѣдовала за нимъ; Луиза противится, она послѣдуетъ за Проспѐромъ не прежде, какъ когда Моренъ умретъ.

— Посмотрите, говоритъ она: ужъ онъ едва дышетъ, погодите еще минутъ пять и все будетъ кончено!.. Я не могу разстаться съ отцомъ моимъ, онъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ!

— Я ждать не хочу! Луиза, ты должна послѣдовать за мною, восклицаетъ Проспѐръ, неуважающій даже умирающаго. Ты, вѣроятно, уже не любишь меня!

— О, Проспѐръ, говоритъ Луиза: ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ, но я не могу теперь идти за тобою!

— Но дитя наше нездорово!

— Возможно ли! О, я слѣдую за тобою, потому-что дитя мое мнѣ дороже всего на свѣтѣ!

Читатели наши замѣтили уже, что у Луизы есть много вещей, которыя ей дороже всего на свѣтѣ, но не въ томъ дѣло; она уходитъ съ Проспѐромъ. Между тѣмъ умирающій спрашиваетъ Луизону, гдѣ Луиза. На смущеніе молодой дѣвушки, онъ отвѣчаетъ ей выразительнымъ взглядомъ и открываетъ ей тайну, что Луиза не дочь его, а что одна Луизона собственная, единственная дочь его!..

— Уфъ! вздохнулъ старикъ, пожалъ еще разъ руку дочери и умеръ.

Третье дѣйствіе. Инвалида похоронили. Луизонъ плачетъ. Является полковникъ Аркуръ, отецъ Луизы. Несчастный полковникъ! Онъ умретъ, если узнаетъ, что дочь его заблудшаяся овца. Какъ быть! если Аркуръ спроситъ гдѣ дочь моя? Нельзя-жъ ему сказать, она пошла съ какимъ-то господиномъ къ малюткѣ своей! Чтобъ избавить полковника отъ этого ужаснаго удара, Луизонъ Моренъ рѣшается выдать себя за Луизу Аркуръ.

— Сердце мое не обмануло меня! съ радостію восклицаетъ полковникъ, и увозитъ Луизонъ съ собою въ Парижъ.

Между-тѣмъ бѣдная Луиза поплатилась уже за проступокъ свой. Ребенокъ ея умеръ, а почтенному Проспѐру она начинаетъ уже надоѣдать. Отчего-бы кажется? Сначала онъ на колѣняхъ умолялъ ее объ *одномъ* свиданіи, теперь у нихъ триста-шестьдесятъ пять свиданій въ году! Одна слезинка любимой

дѣвушки приводила его въ неописанное отчаяніе, теперь она обливается слезами съ утра до вечера; — *скажи одно, одно слово* и я буду счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! восклицалъ онъ прежде; теперь каждый день онъ слышитъ цѣлые томы словъ!.. Видно, въ дѣлахъ любви, *немножко* лучше нежели *много*.

Но досаднѣе всего Проспѣру то, что у него нѣтъ денегъ. Сначала снабжалъ чго дядя, а теперь и тотъ отказался. Дядя этотъ никто иной, какъ полковникъ Аркуръ. Узнавъ, сто кредиторы со всѣхъ сторонъ прижали племянничка, дядя соглашается выпутать его изъ бѣды, но съ тѣмъ условіемъ чтобы онъ написалъ Луизѣ письмецо слѣдующаго содержанія! *Мадмаозель Луиза... прощайте.* Проспе́ръ исполняетъ волю дяди, а тотъ немедленно отсылаетъ записочку по адресу и представляетъ Проспѣра Луизонѣ, мнимой дочери своей, прося ихъ убѣдительно, чтобы они полюбили другъ-друга. Проспе́ръ не прочь, но Луизонъ любитъ добраго малаго, Клода, крестьянина той деревушки, въ которой жилъ отецъ ея. Клодъ глуповатъ, но добръ; онъ такъ полюбилъ свою Луизону, что оставляетъ деревушку свою и приходитъ въ Парижъ.

Полковникъ требуетъ, чтобы мнимая дочь его выпроводила вѣжливымъ образомъ этого молодца, и оставляетъ ее одного съ нимъ. Но Луизонъ не на шутку любитъ Клода, а потому объявляетъ, что выйдетъ только за него. Клодъ уходитъ очень-довольный.

Луиза, получивъ записку Проспе́ра поспѣшно надѣваетъ шляпку, набрасываетъ шаль и бѣжитъ въ домъ Аркура. Полковникъ принимаетъ ее очень-дурно и проситъ поскорѣе убраться.

Четвертое дѣйствіе. Послѣдній ударъ поразилъ бѣдную Луизу въ сердце; она рѣшилась умереть! Она запираетъ двери и окна, беретъ жаровню съ каменнымъ углемъ, зажигаетъ его и преспокойно ложится на диванъ, въ ожиданіи смерти. Но—судьба не позволяетъ ей еще умереть! Луизонъ (слушайте!) приходитъ къ Клоду!! За чѣмъ? Отыскивать Луизу!.. Почтенный Моренъ, не тѣмъ будь помянутъ, плохо воспиталъ дочерей своихъ.

Сидятъ Луизонъ съ Клодомъ и разговариваютъ какъ два голубка. Вдругъ молодая дѣвушка начинаетъ чувствовать головную боль и Клодъ, хлопая глазами, говоритъ, что угарно.

— Я слышу стонъ! восклицаетъ Луизонъ.

— И я тоже! говоритъ Клодъ.

— Изъ сосѣдней комнаты! О, тамъ происходитъ что́ то ужасное!

И Клодъ дюжими кулаками своими разбиваетъ дверь и.... они находятъ Луизу, лежащую на полу безъ чувствъ. Умерла! Не безпокойтесь, она живёхонька, только *сердце ея не бьется.*

Пятое дѣйствіе. На повѣрку выходитъ, что Проспе́ръ ужасно безхарактеренъ. То онъ хочетъ, то не хочетъ; то дѣлаетъ добро, то зло; ему очень хочется жениться на деньгахъ Луизоны, но жаль Луизы; онъ боится дяди, боится и кредиторовъ. Но отступать поздно: дядя заплатилъ всѣ долги его и свадебный контрактъ готовъ.... вдругъ является Клодъ и объя-

вляетъ, что *сердце Луизы уже не бьется*!

Отчаяніе Проспѣра. Онъ рветъ на себѣ волосы и никакъ не можетъ понять, какъ молодая дѣвушка которую онъ обезчестилъ, прогналъ, погубилъ, бросилъ, могла рѣшиться на самоубійство. Непостижимое дѣло! — Чудакъ этотъ Проспѣръ! — Тогда Луизонъ говоритъ полковнику:

— *Отецъ мой*, я не дочь ваша; я дочь отца моего, покойнаго Морена; Луиза настоящая дочь ваша; вы настоящій отецъ Луизы. Радуйтесь, полковникъ! вы хотѣли женить племянника вашего на Луизѣ, дѣло ужъ кончено! Остается только подписать контрактъ.

По-счастію открывается, что сердце Луизы еще бьется и дѣло кончается двумя свадьбами.

Печально и смѣшно!

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Theater an der Wien

Das Ritterwort, (*Рыцарское слово*) мелодраматическая картина, въ трехъ дѣйствіяхъ, Раупаха.

Сюжетъ этой піесы немного походитъ на сюжетъ извѣстной баллады Шиллера—«Перчатка». Благородный рыцарь, осужденный дамою своего сердца на трехгодичное молчаніе, такъ неизмѣнно вѣренъ своему рыцарскому слову, что даже ни просьбы, ни слезы этой-же самой дамы не могутъ его заставить нарушить данный обѣтъ молчанія прежде срока, до котораго осталось еще цѣлые полгода. Повелительница-же, наложившая на него этотъ обѣтъ, изъ самолюбія вступила въ опасный споръ, утверждая, что въ ея власти заставить говорить рыцаря, котораго всѣ почитали за дѣйствительно нѣмаго; она думала, что таже сила прелестей, которая умѣла сковать уста ея поклонника можетъ и развязать ихъ; но твердость рыцаря доказала, какъ эта надежда была неосновательна, и самолюбіе ея было наказано потерею любви его.

— Der Zerrissene, (*Пресыщенный*) шутка съ куплетами, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго.

Мы уже разсказывали содержаніе этой піесы, которая во французскомъ оригиналѣ носитъ названіе «L'homme blasè», и потому скажемъ только, что любимый народный нѣмецкій драматуръ, Нестрой. съ обыкновеннымъ искусствомъ своимъ передѣлалъ ее на нѣмецкіе нравы, и піеска имѣла огромный успѣхъ.

Theater in der Josephstadt.

Ueberdruss aus Uebefluss oder der gespenstige Schlosser, (*Тоска отъ избытка*), шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ, перев. съ французскаго І. Купельвизера.

Таже піеса, но не той талантливой рукою передѣлана — и не имѣла успѣха.

Theater in der Leopoldstadt.

Tausend und eine Nacht, (*Тысяча и одна ночь*) большая комическая волшебная пантомима съ разговорнымъ прологомъ и съ интермедіею, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, пантомимиста г. *Фенцля*.

Леопольдштадскій театръ, благодаря трудамъ даровитыхъ г-дъ Райнольда, Шадецкаго и Фенцля, отличается своими пантомимами. Пантомима, о которой мы теперь говоримъ, одна изъ лучшихъ, и замѣчательна еще тѣмъ, что къ ней придѣланы разговорный прологъ и интермедія, которые, такъ-сказать, служатъ ей вмѣсто комментарія. Программа ея очень-проста. До Юпитера, въ его заоблачной резиденціи, доходятъ слухи, что калифу Багдадскому вздумалось казнить султаншу свою Шехерезаду, но что онъ откладываетъ исполненіе этого намѣренія со дня на-день, потому-что несчастная султанша умѣла завлечь его своими безконечными и чрезвычайно-интересными сказками, которыя она ему разсказываетъ по ночамъ. Отецъ боговъ рѣшается наказать калифа и его любимца, Араба, за этотъ злодѣйскій замыселъ, и защитить Шехерезаду. На этотъ конецъ онъ превращаетъ тирана-калифа въ родъ Арлекина, а Араба въ Пьеро и заставляетъ ихъ, сперва въ землѣ нѣмыхъ, потомъ, въ образѣ гномовъ, на островѣ карликовъ, испытать всевозможные удары судьбы, покуда наконецъ жестокосердный калифъ исправляется и тогда Юпитеръ соединяетъ его съ султаншею, и всѣ счастливы. — Декораціи прекрасны, костюмы богаты, въ музыкѣ г. Кроттенгаллера есть довольно-удачныя мѣста.

K. K. Hoftheater nächst dem Kaerntnerthore.

Нѣмецкій оперный сезонъ, продолжавшійся девять мѣсяцевъ, кончился, и остальные три мѣсяца театральнаго года принадлежатъ Итальянцамъ. Репертуаръ этого сезона, въ-теченіе котораго было 150 спектаклей, состоялъ изъ 27 оперъ, 13-ти композиторовъ. Изъ новыхъ оперъ, то есть, по крайней-мѣрѣ, такихъ, которые на этомъ театрѣ въ первый разъ являлись на нѣмецкомъ языкѣ, дано было въ этотъ сезонъ пять.

Доницзетти	«Магіе»
— — —	«Лукреція Борджіа».
Галеви.....	«Гвидо и Джиневра».
Николаи....	«Возвращеніе изгнанника» (die Heimkehr des Verbannten)
Аттона.....	«Паскаль Брюно».

Большая часть спектаклей выпала на долю Доницзетти и именно 6 его оперъ: «Марія», «Лукреція Борджіо», «Любовный напитокъ», «Марино Фальеро», «Велизаріи» и Лючія ди Ламермуръ», даны были 45 разъ. 28-мь спектаклей достались четыремъ операмъ Моцарта: «Донъ-Жуану», «Свадьбѣ Фагаро», «Волшебной флейтѣ» и «Констанціи и Бельмонте»; 18-ть спектаклей четыремъ операмъ Беллини: «Нормѣ», «Соннамбулѣ», «Монтекки» и «Пуритане»; 13 вечеровъ двумъ операмъ Мейербера: «Гвельфы и Гибеллины» и «Ро-

берту»; Веберову «Волшебному стрѣлку» 7 вечеровъ; «Возвращенію изгнанника» Николаи семь-же. Крейцеровъ «Ночлегъ въ Гранадѣ» дана была шесть разъ; Галеви «Гвидо и Джиневра» и «Жидовка» по три раза; Бетговена «Фиделіо» пять разъ; Лортцинга «Царь и плотникъ» пять разъ; Россини «Вильгельмъ Тель» четыре раза: Обера «Бальная ночь» и «Фенелла» по два раза; Гаттона «Паскаль Брюно» два раза.

Число представленій каждой оперы было слѣдующее:

1)	Марія	21 разъ.
2)	Донъ-Жуанъ	13
3)	Лукреція Борджіа	11
4)	Сватьба Фигаро	10
5)	Гвельфы и Гибеллины	9
6)	Норма	8
7)	Волшеб. стрѣлокъ	7
8)	Возвращ. изгнанника	8
9)	Любовный напитокъ	7
10)	Ночлегъ въ Гранадѣ	6
11)	Фиделіо	5
12)	Царь и плотникъ	5
13)	Монтекки и Капулет.	5
14)	Волшебная флейта	4
15)	Робертъ	4
16)	Вильгельмъ Тель	4
17)	Гвидо и Джиневра	4
18)	Сомнабула	3
19)	Марино Фальеро	3
20)	Фенелла	2
21)	Бальная ночь	2
22)	Лючія ди Ламермуръ	2
23	Пуритане	2
24)	Велизарій	2
25)	Жидовка	2
26)	Паскаль Брюно	2
27)	Констанція и Бельмонте	1

Французская водевильная труппа (ангажированная и на будущій сезонъ) дала 58 спектаклей.

Балетовъ всего было 11, изъ нихъ 4 новыхъ

1)	Прометей (новый) играли 10	р.
1)	Крушеніе Медузы	9
3)	Анжелика	7
4)	Возстаніе въ Сералѣ	5
5)	Долгъ и любовь	5
6)	Жизель	5
7	Странникина островъ Амура (новый)	4
8)	Хромой бѣсъ	2
9)	Жипси (новый)	2
10)	Пери (новый)	2
11)	Сильфида	1

Изъ небольшихъ піесокъ, которыя обыкновенно даются передъ балетами новыхъ только двѣ «La casa dei matti» и «Пѣвецъ и портной». Послѣдняя съ перваго-же раза канула въ Лету, а первая, довольно забавный итальянскій фарсъ, дана была 6 разъ.

Изъ пѣвцовъ и пѣвицъ—гостей явились въ-теченіе этого сезона: г-жа Пальмъ Шпатцеръ (Норма, Адина. Амина), Г-жа Яникъ (Эльвира, Норма); г-нъ Рейхардъ (который потомъ былъ ангажированъ) и г-нъ Іовъ (Iob) (Дженнаро).

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Итальянскій и *Друри-Ленскій* театры суть два большіе центра собранія аристократическаго общества. Въ первомъ даются итальянскія, а во второмъ англійскія оперы.

Въ итальянскомъ театрѣ, большой успѣхъ имѣютъ *Цампа* и *Аделіа*. Роль Цампы, по болѣзни, задержавшей пѣвца *Форназари* въ Парижѣ, была отдана молодому французскому артисту, Феликсу

Планку, который для бо́льшаго эффекта, называетъ себя Итальянцемъ, il signor Felice. Роль Цампы было отдана ему за пять дней до представленія оперы, а потому не было рѣшительно никакой возможности хорошенько заучить ее, слѣдовательно синьйоръ Феличе явился на сцену не какъ смѣлый и предпріимчный начальникъ разбойниковъ, но какъ несчастный, котораго ведутъ на эшафотъ. Онъ до того растерялся, что рѣшительно забылъ цѣлую арію тщетно капельмейстеръ старался ободрить его разными аккордами, во-время которыхъ онъ могъ-бы перевесть духъ — ничто не помогало! Въ-слѣдствіе несчастнаго дебюта можно прибавить къ имени Felice частичку in — infelice!... Впрочемъ, въ Парижѣ первые дебюты этого молодаго пѣвца были очень-недурны; должно надѣяться, онъ поправится, тѣмъ-болѣе, что публика, замѣтивъ смущеніе его, была къ нему очень-снисходительна.

Два дня спустя, на этомъ-же театрѣ давали *Ченерентолу*; и въ этотъ разъ была дебютантка, примадонна, *Фованти*, но какая разница! Во-время представленія Цампы публика была молчалива, печальна, видя несчастное смущеніе бѣднаго дебютанта. Въ этотъ-же день радость, энтузіазмъ, удовольствіе выражались на всѣхъ лицахъ. Англичане гордились тѣмъ, что въ одной изъ соотечественницъ ихъ проявилось такое чудное дарованіе! Сильный, звучный голосъ *Фованти* проникалъ имъ въ душу. Едва-ли дебютантка когда-нибудь имѣла такой блестящій успѣхъ. Всѣ англійскіе журналы наполнены похвалами ей. Вотъ отрывокъ изъ газеты «Times»:

«Едва поднялся занавѣсъ и едва зрители увидѣли Ченерентолу, сидящую у огня, какъ раздались громкія рукоплесканія. Романсъ: Une votta c'era un re, пропѣтый со вкусомъ, и дуо: soave non so che, такъ понравились публикѣ, что она громко требовала повторенія. Метода Фованти превосходна; она граціозна и мила по природѣ. Не-смотря на смущеніе, неразлучное съ первымъ появленіемъ предъ такою многочисленною и избранною публикою, — несмотря на то, что роль Ченерентолы мало способна къ развитію высокихъ достоинствъ пѣвицы, публика могла однакожъ, съ перваго же акта, убѣдиться, что имѣетъ предъ собою артистку рѣдкаго таланта и обладающую обширнымъ голосомъ, особенно неподражаемымъ въ низкихъ нотахъ. Дебютантка въ финалѣ перваго акта прекрасно выказала достоинство сильнаго голоса своего: легкость и чистота, съ которою она переходила отъ низкихъ октавъ къ самымъ высокимъ, въ-самомъ-дѣлѣ изумительны. Фіоритуры, которыя пѣвица позволила себѣ прибавить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, были исполнены вкуса и оригинальности.

«Соединеніе достоинствъ контральто съ качествами сопрано возбудило живѣйшій восторгъ, и публика, чтобы поощрить актрису, одаренную этими качествами, вызвала ее тотчасъ по опущеніи занавѣса послѣ перваго дѣйствія. Въ финалѣ втораго акта, въ соло: non piu mesta, которое композиторъ наполнилъ фіоритурами, Фо-

ванти была удивительна: тутъ вполнѣ развилась блестящая и цвѣтистая метода ея. Едва опустился занавѣсъ при громѣ рукоплесканій, какъ публика требовала повторенія этого финала и на артистку посыпались цвѣты. Не-смотря на смущеніе свое, Фованти явилась перостпевенной примадонной. Мы рѣдко видѣли на сценѣ нашей артистку, одаренную столькими природными прелестями. Прибавимъ еще, что польза, которую она умѣетъ извлечь изъ нихъ, еще удивительнѣе.»

Послѣ подобныхъ похвалъ колосса англійскаго книгопечатанія уже нечего больше говорить. Фованти провела нѣсколько лѣтъ въ Италіи и употребила это время съ пользой; жаль, что она не осталась тамъ долѣе, чтобы приобрѣсть болѣе сценической ловкости, которую даетъ одна привычка, и избавиться отъ природнаго акцента.

Эсмеральда, балетъ, очень нравится Англичанамъ; впрочемъ, онъ имѣетъ особенное достоинство: онъ коротокъ, а музыка его имѣетъ много свѣжихъ мотивовъ, исполненныхъ пріятной, нѣжной мелодіи. Карлотта Гризи и Перро восхищаютъ англійскую публику. Синьйора Фросса, также принимается каждый вечеръ съ удовольствіемъ. Эта танцовщица граціозна, стройна; чорный глазъ ея горитъ огнями Везувія. Всѣ называютъ ее прелестнѣйшимъ цвѣткомъ въ букетѣ англійскаго балета. Несмотря на это опасное сосѣдство, молодыя Англичанки миссъ Племкетъ и миссъ Шефръ, имѣютъ большой успѣхъ.

Дюпре произвелъ изумительный восторгъ. Едвали на Дрюриленскомъ театрѣ былъ когда нибудь подобный пѣвецъ.

М-lle Альберъ, восхищавшая прошлаго года петербургскую публику, теперь въ Лондонѣ; но репертуаръ ея тамъ, гдѣ французская труппа не такъ богата и разнообразна какъ наша, слишкомъ малъ. Впрочемъ теперь тамъ ставится La grâce de Dieu (у насъ — La Nouvelle Fanchon) и Un Secret. Въ этихъ двухъ піесахъ Mlle Альберъ будетъ имѣть огромный успѣхъ. — За это мы, петербургскіе жители, можемъ поручиться.

Вотъ всѣ особенности, все замѣчательное нынѣшняго лондонскаго сезона. Въ другихъ, собственно англійскихъ театрахъ, все тихо; идутъ себѣ маленькіе водевили, комедіи и драмы, имѣющія только локальное достоинство.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПРОШЕДШАГО ТЕАТРАЛЬНАГО ГОДА.*

Съ каждымъ новымъ театральнымъ годомъ, въ намъ обыкновенно являлись или новыя примадонны, или теноры, или басы; однимъ словомъ, съ каждымъ новымъ театральнымъ годомъ у насъ бывала какая-нибудь новинка. Но такого радикальнаго обновленія, какое случилось въ настоящемъ году съ нашею итальянскою оперою, вѣроятно, *не запомнитъ ни одинъ изъ одесскихъ старожиловъ!* Къ добру или къ худу это? не знаемъ. Но достовѣрно, что изъ прежняго состава нашей оперы уцѣлѣли только два лица — гг. Буфье и Граціани, — все-жъ остальное замѣнено совершенно новымъ, свѣжимъ; даже обычное лицо, которое мы привыкли встрѣчать у входа и которое знакомымъ голосомъ провозглашало: loggia! sedia! и оно исчезло,

Какъ мимолетное видѣнье!

Но такова уже участь бѣдныхъ чадъ земли: для нихъ нѣтъ ничего прочнаго.

Вотъ новый составъ нашей оперы:

2 примадонны сопрано..... г-жи Сеччи-Корси и Полани.
1 примадонна контральто.... г-жа Сбрисшія.
1 примадонна supplemento .. г-жа Скалезе.
1 секундадонна г-жа Берти.
2 перв. тенора г да Витали и Рамони.
1 басъ буффо.. г-нъ Скалезе
1 басъ..... гнъ Фіори.
1 буффо..... г-нъ Граціяни.

Хоръ мужской состоитъ изъ 6-ти теноровъ и 5-ти басовъ; женскій хоръ состоитъ изъ 6-ти донnъ. Оркестръ составляютъ 25 человѣкъ, между которыми изъ прежнихъ одна віолончель; дирижеромъ его остался г-нъ Буфье. Ожидаютъ еще пяти танцоровъ и танцорокъ.

Maestro di capella — извѣстный композиторъ г-нъ Луиджи Риччи, авторъ «Кіары ди Розенбергъ» и другихъ оперъ, часто являющихся на нашей сценѣ.

---

* Эта статья заимствована изъ «Одесскаго Вѣстника».

Кромѣ именъ пѣвцовъ и пѣвицъ мы пока ничего не знаемъ, потому-что новая труппа еще не начинала своихъ представленій. Пользуясь этимъ, мы займемся сегодня обозрѣніемъ всего, что̀ дѣлось на нашей сценѣ, въ продолженіе прошлаго театральнаго года.

Прошлый театральный годъ, не-въ-примѣръ другимъ, былъ очень-разнообразенъ. Кромѣ своей, мы имѣли еще нѣмецкую оперу; у насъ были русскіе и французскіе спектакли; къ намъ пріѣзжали изъ Москвы Мочаловъ и Щепкинъ.

При самомъ началѣ прошедшаго театральнаго года, къ намъ явился г. Мочаловъ съ своею русскою труппою, и 14-го апрѣля далъ первое представленіе, которымъ, должно признаться, была очень-изумлена и обрадована одесская публика: до-того-времени ей изрѣдка случалось видѣть весьма-невеликолѣпныя россійскія представленія. Съ каждымъ спектаклемъ русская сцена приобрѣтала болѣе и болѣе зрителей. Таланты г-жи Мочаловой, дцы Даниловой, гг. Мочалова, Микульскаго и Максимова извѣстны всѣмъ посѣтителямъ театра, которые, вѣрно, согласны, что русская труппа вполнѣ заслуживала рукоплесканія, которыми осыпа̀ла ее наша публика. Въ этой труппѣ особенно замѣчателенъ г. Мочаловъ, который каждой своей роли умѣетъ придать такой рѣзкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой естественный типъ, что лицо, имъ изображаемое, невольно удерживаешь въ памяти. Г-жа Мочалова особенно памятна намъ по піесамъ: *Въ людяхъ ангелъ не жена*, *Новички въ любви* и *Сиротка Сусанна*

Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ къ намъ П. С. Мочаловъ. Онъ явился въ первый разъ въ *Уголино*. Затѣмъ послѣдовали: *Отелло*, *Скопинъ-Шуйскій*, *Гамлетъ*, *Смерть и честь*, *Разбойники*, *Юлькинъ*, *Невѣста разбойника*, *Жизнь игрока*. Пробывъ у насъ два мѣсяца, П. С. Мочаловъ уѣхалъ въ Москву. Многимъ онъ *не понравился*: это понятно. Московскому трагику приходилось одному на своихъ плечахъ поддерживать цѣлую піесу и своею ролью выкупать всѣ недостатки или, правильнѣе, всю ничтожность прочихъ лицъ. Зритель, глядя на маріонетокъ, которыя суетились на сценѣ, вмѣсто лицъ, созданныхъ авторомъ піесы, естественно, находилъ странною игру Мочалова, которая являлась въ такомъ фальшивомъ свѣтѣ. Надо было отворачиваться отъ всѣхъ сценическихъ героевъ, и, углубясь душою въ содержаніе піесы, вызывать воображеніемъ настоящія лица, вмѣсто жалкихъ куколъ: такимъ только усиліемъ можно было войти въ сочувствіе съ художническою игрой русскаго артиста. Кромѣ того, чтобы понять и оцѣнить П. С. Мочалова, надо имѣть душу, способную подняться въ сферу его искусства, надо имѣть хоть искорку того огня, которымъ такъ щедро надѣляетъ природа истинныхъ художниковъ. Объ этомъ можно-бы и больше поговорить —

Да чтобъ гусей не раздразнить!

Оставимъ ихъ въ покоѣ и будемъ благодарны московскому гостю за тѣ минуты глубокаго наслажденія, которыми онъ подарилъ насъ, — минуты, которыя, какъ лучшія мгновенія жизни, бу-

дутъ всегда горѣть свѣтлыми точками въ нашемъ воспоминаніи....

Въ концѣ іюня пріѣхалъ къ намъ М. С. Щепкинъ. Первыя піесы, въ которыхъ онъ явился предъ нашей публикой, были: *Мирандолина* и *Король и пастухъ*. Потомъ послѣдовали: *Матросъ*, *Хлопотунъ*, *Ревизоръ*, *Скупой*, *Богатоновъ*, *Подложный кладъ* и *Езопъ у Ксанѳа*. Имя Щепкина есть русское народное имя, къ славѣ котораго ничего не прибавятъ похвалы наши. Мы замѣтимъ только, что М. С. Щепкинъ былъ встрѣченъ у насъ единодушнымъ восторгомъ, что не нашлось ни одного лица, которому-бы онъ *не понравился*: въ труппѣ г-на Мочалова, М. С. Щепкинъ нашолъ прекрасныхъ сотрудниковъ, а талантъ его, какъ комика, былъ доступенъ всей массѣ зрителей. Въ концѣ августа, послѣ неподражаемаго чтенія басень Крылова (Езопъ у Ксанѳа), онъ уѣхалъ отъ насъ. Послѣ того, русская труппа давала еще свои представленія до конца сентября (всѣхъ представленій дано было 45), и потомъ отправилась въ Севастополь. Теперь эта труппа опять прибыла къ намъ, и на третій день Праздники дала свое первое представленіе: *Въ людяхъ ангелъ не жена* Въ этомъ водевилѣ роль *Славскаго* исполнялъ г. Прижинковскій, вмѣсто г. Максимова, котораго теперь нѣтъ въ труппѣ г-на Мочалова. Говорятъ, что онъ скоро будетъ сюда. Искренно желаемъ этого, потому-что г. Максимовъ такой jeune premier, котораго замѣнить весьма и весьма нелегко, особенно г-ну Прижинковскому.

Говоря о русской труппѣ, мы еще забыли сказать о г-нѣ Громовѣ. Во-время представленія русскихъ водевилей, не-разъ, въ числѣ дѣйствующихъ, являлся актеръ, который рѣзко отличался отъ прочихъ своею неловкостью и своимъ языкомъ: это былъ г. Громовъ. Во всѣхъ водевильныхъ роляхъ онъ былъ вообще нехорошъ, въ нѣкоторыхъ даже несносенъ; но роль *Руджіеро* (въ Уголино) и *старика Жермани* (въ Жизни игрока) ясно показали, что у г. Громова есть талантъ и талантъ истинный. Но возвысить подобный талантъ до степени искусства — дѣло нелегкое, особенно безъ наставниковъ и образцовъ. Говорятъ, г. Громовъ уѣхалъ отъ насъ куда-то на сѣверъ: искренно желаемъ, чтобы его дарованіе не погибло подъ бременемъ нуждъ кочеваго актера.

Но обратимся къ нашему обозрѣнію 15-го мая на нашей сценѣ явились *Les Mémoires du diable* (Записки дьявола). Это было первое представленіе французской труппы, прибывшей къ намъ изъ Яссъ и состоявшей подъ управленіемъ г-жи Фришъ, бывшей примадонны нашей оперы. Французская труппа оставалась у насъ до послѣднихъ чиселъ августа и дала 37 представленій. Труппѣ этой не посчастливилось: всѣ были заняты русской сценой, и, не смотря на прекрасную игру г-на Пелье и на дарованія многихъ другихъ актеровъ, во время французскихъ представленій театръ бывалъ почти пустъ.

29-го августа, аффиши на русскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (послѣднее — вещь весьма рѣдкая въ Одессѣ!) возвѣстили о представленіи *Еврейки* (Галеви). Это была первая опера,

данная нѣмецкою труппою г-жи Фришъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали: *Роберта*-Мейербера, *Фейшицъ*-Вебера, *Фра-Діаволо*, *Чорнаго Домино*, *Дѣлатели фальшивой монеты*-Обера, *Донъ Жуанъ*-Моцарта, *Жанъ Парижскій*-Боальдьё, *Альфонсъ, герцогъ Ферарскій*-Донидзетти. Всѣ эти піесы, за исключеніемъ *Альфонса*, были для насъ совершенною новостью и привлекали зрителей. Въ началѣ октября, нѣмецкая труппа уѣхала отсюда, давши 13-ть представленій, и оставила въ насъ самое смутное впечатлѣніе. Кромѣ *Роберта*, всѣ почти піесы были даны по одному разу и всѣ были исполнены неудовлетворительно и съ большими пропусками. Г-жи Рейхманъ и Стельцеръ (примадонны), обладали весьма-хорошими и значительно-обработанными голосами; но primo-basso и primo-tenore, гг. Рейхманъ и Сабацкій, пѣли весьма-сомнительными голосами, хотя иногда кричали очень громко.

Послѣ посѣщенія, сдѣланнаго намъ оперною труппою г-жи Фришъ, многіе господа Нѣмцы, прожившіе въ Одессѣ не менѣе десятка лѣтъ и никогда не посѣщавшіе театра, заговорили о музыкѣ, о преимуществахъ нѣмецкой оперы предъ итальянскою, которой они никогда не слышали. Забавно было слушать иныхъ добрыхъ людей!...

Но пора обратиться и къ нашей оперѣ. Мы было и забыли объ ней; а вѣдь, говорятъ: старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Въ прошломъ театральномъ году поставлено новыхъ итальянскихъ оперъ 4: *Алина, царица Голкондская* и *Альфонсъ, Герцогъ-Ферарскій*-Донидзетти, *Браво*-Меркаданте, *Сговоренные*-Джервази (бывшаго нашего maestro di capella). Возобновлено 25: *Дочь полка*, *Марино Фальеро*, *Неистовый*, *Велисарій*, *Лучія Ламмермурская*, *Роберта Деверё*, *Джема ди Верджи*, *Торквато Тассо*, *Анна Болена* — музыка Донизетти: *Норма*, *Пуритане*, *Беатриче ди Тенда*, *Соннамбула*, *Чужестранка*, *Морской разбойникъ* музыка Беллини; *Севильскій Цирюльникъ*, *Ченерентола*, *Итальянка въ Алжирѣ*, *Турокъ въ Италіи* — музыка Россини; *Chi dura vince*, *Было двое, а теперь три*, *Кіара ди Розенберъ*, *Скарамуччья*—музыка Риччи; *Нина* — музыка Коппола, *Деревенскія пѣвицы*-музыка Фіоравanти. Всего 29 оперъ въ годъ: дѣло неслыханное, въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается въ Италіи. Итальянскихъ представленій дано было 136.

Изъ всѣхъ этихъ піесъ особенно хорошо шли: *Альфонсъ*, *Пуритане*, *Севильскій Цирюльникъ* и *Кіара ди Розенберъ*. Успѣхомъ своимъ эти піесы обязаны г-жѣ Фанни-Леонъ и гг. Марини и Берлендису. Фанни-Леонъ не принадлежала къ числу тѣхъ прославленныхъ примадоннъ, имена которыхъ не изглаживаются изъ театральныхъ лѣтописей нашихъ, но именно была изъ числа тѣхъ, которыя своимъ прекраснымъ талантомъ не уронятъ никакой роли. Голосъ у нея былъ пріятный и сильный (за исключеніемъ низкихъ нотъ, которыя она брала глухо); игра полна страсти и энергіи. Г. Марини весьма-долго держался на нашей сценѣ и былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ пѣвцовъ, которые когда-либо являлись въ нашей итальян-

ской оперѣ. Съ сильнымъ, звучнымъ, какъ бы металлическимъ голосомъ, онъ соединялъ глубокое умѣнье опредѣлять свои роли, гибкую игру физіономіи и благородство движеній и страстныхъ порывовъ. Намъ случалось не-разъ слышать партіи г-на Марини, исполненныя на фортепіано, прежде, нежели мы слышали ихъ на сценѣ: мотивы и аріи, по-видимому, самыя легонькія, самыя обыкновенныя, выходя изъ устъ нашего пѣвца, получали увлекательную прелесть и глубокое значеніе. Кому не знакомъ: Come t'adore e quanto, напѣвъ, который, выйдя изъ устъ Марини, неотразимо овладѣваетъ памятью и не хочетъ покинуть ея волнуя увлеченное сердце. А роль Монтальбано въ *Кіарѣ*? А Белиаріо? А речитативы и аріи *Фуріозо*? Слушая Марини, часто казалось что слышишь не заученную арію, а звуки, льющіеся прямо и невольно изъ сердца артиста. Нѣкоторые, слышавшіе г-на Марини лѣтъ пять тому назадъ, и вновь услышавшіе его предъ его выѣздомъ, говорили, что голосъ любимаго пѣвца нашего лишился прежней своей свѣжести. Слушая его постоянно, мы не замѣтили этого: значитъ, если и былъ переходъ, то незначительный. Публика, постоянно благосклонная къ г-ну Марини, въ послѣдніе годы дѣлалась къ нему равнодушнѣе. Но такова ужъ *натура* публики, или, пожалуй, таково ея *ремесло* (и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ винить натуру въ томъ, въ чомъ виноваты наши привычки). Во всякомъ случаѣ, пѣвецъ, покинувшій насъ (на всегда ли? не знаемъ), можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что пѣсни его долго, долго будутъ намъ памятны: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ артистовъ, которыхъ смѣнить не значитъ замѣнить. Г. Берлендисъ обладалъ полнымъ, настоящимъ басомъ. Голосъ его былъ силенъ и свѣжъ и вмѣстѣ мягокъ и упругъ. Будто дымъ послѣ пушечнаго выстрѣла, выходилъ онъ изъ груди его полными, густыми, округлыми струями. Пѣвецъ этотъ имѣлъ мало страсти, но былъ превосходенъ въ роляхъ, требовавшихъ простоты и величавости. Онъ былъ весьма-хорошъ къ *Пуританахъ* и *Альфонсѣ*; особенно хорошъ былъ онъ въ *Нормѣ*, въ роли Оровезо. Но вѣнцомъ его была роль Донъ-Базиліо въ *Севильскомъ Цирюльникѣ*, этомъ неувядающемъ, игривомъ произведеніи нестарѣющагося Россини. Роль эта на любой сценѣ увѣнчала бы г-на Берлендиса единодушными рукоплесканіями. О г-нѣ Граціани мы ничего не говоримъ: онъ остается съ нами, да и талантъ его не подлежитъ спору. Г. Буфье, извѣстенъ какъ искусный дирижоръ окрестра, и подъ его кадрили танцуютъ у насъ съ большимъ удовольствіемъ. Очень-рады, что эти два артиста остались съ нами. Искренно сожалѣемъ, что не услышимъ больше гг Марини и Берлендиса. Новость заманчива, конечно; но вѣдь она (говоря высокомъ слогомъ) «сокрыта еще подъ непроницаемою завѣсою будущаго,» а мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые для новаго неизвѣстнаго готовы бросить хорошее старое.

R.

ОСТАШКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Уѣздный городъ тверской губерніи, удаленный отъ большаго тракта, казалось-бы, что̀ можетъ представить занимательнаго; но на зло всѣмъ хулителямъ провинціи, Осташковъ возбуждалъ уже много разъ вниманіе людей наблюдательныхъ, и замѣчанія о географическомъ его положеніи, промышлености и способностяхъ обывателей, часто встрѣчаются въ періодическихъ изданіяхъ; наконецъ въ прибавокъ къ прочимъ поимѣчательнымъ особенностямъ Осташкова, явился театръ, о которомъ, въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ лѣтъ были помѣщены въ «Репертуарѣ» двѣ статьи, изъ коихъ одна довольно-дѣльная, но, какъ мнѣ кажется, съ возврѣніемъ слишкомъ-строгимъ на недостатки чисто-матеріяльныя, которыя устранены быть могутъ интересомъ, слѣдовательно это вещь исправимая и ни до искусства вообще, ни до талантовъ въ особенности вовсе не касающаяся; въ этомъ отношеніи кромѣ Императорскихъ театровъ, конечно полнаго совершенства встрѣтить нигдѣ невозможно. Да наконецъ, какая отрада зрителю, видѣть на сценѣ, можетъ-быть въшолкомъ платьѣ, сущую бездарность, тогда какъ, не слишкомъ измѣняя представляемой роли, является въ ситцѣ талантъ неподдѣльный.

Предчувствую, что введеніемъ этимъ, я заставлю многихъ улыбнуться и сказать: это буря въ стаканѣ воды, явно доказывающая желаніе сочинителя какъ-нибудь расхвалить осташковскій театръ; да и сто́итъ-ли провинціальный театръ, чтобы одному введенію къ статьѣ о немъ, посвятить десятки строкъ Право, господа, ошибетесь. Я человѣкъ неимѣющій никакого претекста быть несправедливымъ и руковожусь именно одною страстію къ сценическому искусству; однимъ словомъ сказать, загляните въ осташковскій театръ, когда идетъ на немъ *Ревизоръ Гоголя*, и вы убѣдитесь, что я говорю истину.

Провинціальный театръ — какъ много значенія въ этомъ словѣ! слухъ нашъ и разсудокъ, привыкли принимать его эмблеммою собранія всевозможныхъ оскорбленій для истиннаго искусства; да и дѣйствительно, чего не найдешь на любой губернской сценѣ? тутъ есть и бездарность, старающаяся легкимъ трудомъ достать кусокъ хлѣба и комизмъ неудачнаго подражанія, и страсти, въ расплохъ застигнутые поднятіемъ занавѣса; а ужъ объ мелочахъ и говорить нечего: все это относится къ губернскимъ театрамъ; въ уѣздахъ-же обыкновенно для храма Таліи и Мельпомены по распоряженію городничаго, отводится квартира въ какомъ-нибудь полуразвалившемся манежѣ или винномъ магазинѣ, гдѣ странствующая, полуголодная, иногда до-сыта пьяная труппа (если такъ можно выразиться) политическихъ нищихъ, въ благодарность къ своимъ питателямъ то-есть, зрителямъ, часа три четыре протерзаетъ ихъ вниманіе и подаритъ насморкомъ; послѣ всего этого, давно всѣмъ извѣстнаго, покажется невѣроятнымъ, чтобы въ уѣздномъ городѣ могъ образоваться театръ, хотя приблизительно

удовлетворяющій вкусъ знатока. Конечно, безъ особеннаго колорита мѣстныхъ наклонностей этого и не могло бы случиться.

Прежде всего надобно сказать что Осташи, народъ необыкновенно-дѣльный, способный къ искусствамъ, ремесламъ и промысламъ, такъ-что вы найдете въ городѣ отъ каменщика до чуднаго живописца, всевозможныхъ мастеровыхъ, и весь этотъ людъ, дѣятельный, промышленный, страстенъ къ театру и имъ занимается съ давнихъ временъ, для чего однимъ изъ обывателей пожертвованъ въ пользу искусства каменный двухъ-этажный домъ; въ немъ прежде стояли стулья и лавочки, смиренно ожидая посѣщенія зрителей, случавшагося не чаще двухъ-трехъ разъ въ году. Нынѣ симъ-же своимъ возрожденіемъ, осташковскій театръ обязанъ г-ну Савину, европейскому негоціянту, по обширности заграничной торговли, и прекрасному человѣку по душѣ, уму и образованію; онъ первый подмѣтилъ истинный талантъ своихъ согражданъ, сдѣлалъ пожертвованіе на устройство театра и, какъ человѣкъ, всѣмъ городомъ уважаемый, увлекъ собственнымъ къ тому примѣромъ многихъ. Теперь, взойдя въ осташковскій театръ, вы не найдете, можетъ-быть, полнаго комфорта, могущаго существовать только на столичныхъ театрахъ, но увидите, что средній ярусъ раздѣленъ на десять довольно-помѣстительныхъ ложъ, внизу отдѣлено мѣсто для партера; потомъ увидите кресла, стулья и наконецъ верхній ярусъ помѣщающій въ себѣ раекъ, все это отдѣлано, конечно, неизящно, но довольно-опрятно. Немножко не на мѣстѣ, то-есть, надъ оркестромъ виситъ люстра, освѣщаемая стеариномъ, и у каждой ложи двойные подсвѣчники вмѣстѣ съ люстрою доставляютъ довольно-свѣта; занавѣсъ пожертвованъ однимъ изъ осташковскихъ живописцевъ и сдѣланъ съ невѣроятною скоростію весьма-хорошо; на немъ изображенъ полтавскій памятникъ. Труппу составляютъ человѣкъ двадцать любителей и любительницъ, и при первомъ основаніи театра, можно смѣло поручиться, въ нихъ не существовало никакихъ корыстныхъ видовъ; нынѣ-же, когда спектакли сдѣлались довольно-частыми, натурально, что народъ ремесленный и бѣдный не можетъ посвящать нужнаго времени на дѣло неприносящее никакой выгоды; и потому получаютъ разовыя, не свыше, кажется, трехъ рублей серебромъ за представленіе. Жалованье опредѣляется общимъ совѣтомъ актеровъ, соображаясь со степенью таланта. Дирижера почти не существуетъ, костюмеръ онъ-же и парикмахеръ наемный. Репертуаръ состоитъ изъ девяности-шести оригинальныхъ и переводныхъ піесъ, исключительно комедій и водевилей; куплеты въ послѣднихъ говорятся речитативомъ безъ музыки. Театральный оркестръ составляетъ музыка помѣщика К., изъ десяти или двѣнадцати человѣкъ состоящая: прости ей Господи, все кромѣ танцевъ, играетъ весьма-плохо!

Не мудрено, что человѣкъ, получившій нѣкоторое образованіе, прежде своего дебюта видѣвшій на сценѣ много прекраснаго, наконецъ собираетъ дань рукоплесканій; но

много надобно таланта, чтобы, руководясь собственно имъ, возбудить и по-возможности удовлетворить вниманіе зрителя: и эту честь, по всей справедливости, надобно отдать осташковскимъ актерамъ, народу ремесленному, стекающемуся на сцену, кто отъ шила, кто отъ очага, неимѣющему не только никакого образованія, но едва-ли когда видавшему театръ; и при всемъ томъ, ни одна піеса не идетъ совершенно-дурно. Во многихъ ансамбль неудаченъ или одно, два какія-нибудь лица получили роли несходныя съ своими способностями, но все-таки въ нѣсколькихъ роляхъ видишь неподдѣльные таланты. Главный недостатокъ актеровъ состоитъ въ непривычкѣ къ сценѣ; но это само-собою уладится, и тогда, кто знаетъ? можетъ-быть, осташковскому театру суждено подарить и петербургскую сцену прекраснымъ сюжетомъ, подобно какъ истинный артистъ Щепкинъ явился изъ Полтавы и русскій соловей Петровъ пропѣлъ первую пѣснь въ провинціи.

Примадонна осташковскаго театра г-жа Петрова, дѣвушка молодая, недурна собою и довольно-хорошо сложена. Прекрасный талантъ ее весьма-разнообразенъ; она одинаково хорошо играетъ въ роляхъ среднихъ лѣтъ кокетокъ и молодыхъ невинныхъ дѣвушекъ. Госпожи Грешникова и Суворова, обѣ недурны собою и одарены талантомъ, но еще нынѣшній годъ начали сценическое поприще, и потому объ игрѣ ихъ до-времени надо помолчать. Изъ мужчинъ пальму первенства надо отдать г-ну Стременаеву. Это актеръ талантливый, умный и старательный; роли свои выучиваетъ какъ нельзя лучше, старается проникнуть въ истинный духъ каждой и, имѣя весьма-разнообразную дикцію, на сценѣ какъ свой, онъ занимаетъ амплуа комическихъ стариковъ. Послѣ него слѣдуетъ г-нъ Митинъ, хорошо играющій въ роляхъ подъячихъ и съ честію исполняющій въ «Ревизорѣ» Гоголя роль Бобчинскаго; въ подобныхъ роляхъ, можно смѣло сказать, онъ не испортилъ-бы и петербургской сцены. Г-нъ Карповъ очень-хорошъ въ роляхъ слугъ «галантерейнаго обращенія». Г-нъ Демидовъ 1-й, не зная совершенно свѣта и не имѣя привычки къ сценѣ, при всей страсти къ театру, играетъ въ роляхъ свѣтскихъ людей неудовлетворительно. Ему надо пожелать знать хорошенько свои роли, и посовѣтовать стараться всматриваться въ манеры людей свѣтскихъ. Г-нъ Каратыхинъ, въ роляхъ крестьянъ-простяковъ, очень-хорошъ: онъ собою напоминаетъ игру покойнаго Воротникова; всѣ прочіе актеры съ хорошими способностями, но по незначительности занимаемыхъ амплуа, особеннаго описанія не требуютъ. Ахъ, виноватъ, забылъ: г-нъ Звонковъ играетъ роли крестьянъ очень-недурно, а главное, одаренъ прекраснымъ, чистымъ теноромъ и, состоя въ пѣвчихъ, знакомъ съ музыкою; онъ недавно пѣлъ съ г-мъ Зайцевымъ изъ «Жизни за царя» арію: *Какъ мать убила у малаго птенца*, весьма-порядочно; если-бы голосъ этотъ обработать, то Зайцевъ былъ-бы весьма-замѣчательнымъ пѣвцомъ.

Сдѣлавъ общій обзоръ осташковскому театру, необходимо сказать нѣсколько словъ исключительно

о «Ревизорѣ» Гоголя. Эта піеса идетъ, можно сказать, прекрасно. такъ, что видишь и не вѣришь, неужели это уѣздный театръ? Взявъ всякую роль по одиначкѣ и строго разсматривая, видишь въ исполненіи отчотность необыкновенную и ансамбль удивительный. Г-жа Петрова играетъ роль жены городничаго съ такою милою развязанностію, такъ проникла духъ этой роли, что не остается желать ничего лучшаго; г-нъ Стременаевъ едвали-ли не совершененъ въ роли городничаго; мимика и жестикуляція, которыми онъ сопровождаетъ всякое слово и которыя совершенно-сообразны съ духомъ роли, не впадая въ пошлый фарсъ, смѣшатъ удивительно; господа Митинъ и Карабановъ, оба маленькаго роста и имѣютъ какое-то сходство въ физіогноміяхъ, что̀ прекрасной ихъ игрѣ въ роляхъ Бобчинскаго и Добчинскаго даетъ много эффекта. Роль Осипа играетъ г-нъ Карповъ тоже очень-хорошо. Однимъ-словомъ сказать, обстановка всей піесы такъ-хороша, что ни одного лица нѣтъ нужды перемѣстить; даже свѣткости г-на Демидова 1-го достало на то̀, чтобы сыграть роль Хлестакова довольно-удовлетворительно; странныя и неприличныя въ другихъ роляхъ позы его, пристали къ чиновнику, живущему на Пескахъ и часто питающемуся пробами разныхъ продуктовъ.

Теперь къ вамъ взываю, осташковскіе таланты: сообразите рецензію мою съ истинами, вамъ извѣстными, взвѣсьте желаніе мое поощрить, и молите добраго генія, чтобы онъ защитилъ васъ отъ тщеславія, порока хотя почти общаго всѣмъ актерамъ, но ужаснаго по слѣдствіямъ будущности; я-же въ свою очередь буду просить его: о добрый геній! да не ввергнетъ печатная похвала этихъ, еще юныхъ жрецовъ Таліи, въ пучину самонадѣянности, да выучиваютъ они хорошенько свои роли, и, о геній! пуще всего, да не отравляютъ они талантовъ своихъ сладостію горечи!

П. Толбушинъ.

ТЕАТРЪ ВЪ САМАРѢ.

(*Изъ дорожныхъ записокъ*).

Заѣхавъ проѣздомъ въ Самару (уѣздный городъ симбирской губерніи), я былъ приятно изумленъ извѣстіемъ, что въ Самарѣ есть театръ. Мысленно поздравя самарскую публику съ такимъ рѣдкимъ для уѣзднаго города наслажденіемъ я, было, располагался отправиться далѣе, но какъ узналъ, что въ тотъ-же день, по случаю отъѣзда бывшей тамъ труппы въ Симбирскъ, будетъ данъ послѣдній прощальный спектакль, то и рѣшился пожертвовать нѣсколькими часами, чтобъ посмотрѣть, что̀ такое будетъ. Былъ, видѣлъ, и не только не сожалѣю объ утраченномъ времени, но охотно употреблю сверхъ того еще часъ на записку всего, что̀ тамъ видѣлъ и слышалъ.

Помѣщеніе театра не можетъ быть названо балаганомъ, какъ мнѣ сначала сказывали, ни какимъ-нибудь сараемъ, какъ можно было предполагать, судя по бѣднымъ средствамъ кочующаго антрепренера; напротивъ того, у г. Стрѣлкова

(антрепренеръ) устроенъ тамъ довольно-помѣстительный, холщевой *театръ*, въ которомъ, кромѣ креселъ и неизбѣжнаго трехъ яруснаго парадиса, есть *ложи* и мѣста за креслами! Не подумайте однакожъ, что первый дождь можетъ заставить публику вскрикнуть «sauve qui peut» и разбѣгаться, ничуть нѣтъ! Сверхъ холста есть хоть легкая, но деревянная кровля; бока также одѣты тесомъ, и уѣздные врачи не поживятся отъ сквознаго вѣтра, котораго тамъ рѣшительно нѣтъ нигдѣ, кромѣ какъ у подножія рѣченнаго парадиса, гдѣ такой вѣтръ составляетъ необходимость для освѣженія атмосферы. Словомъ, разумѣя помѣщеніе, это *театръ*, весьма-пристойный и сносный; освѣщеніе достаточное, музыка хорошая, занавѣсъ весьма-порядочный, (кромѣ зеленаго тол стопалаго демона, изображеннаго на самой срединѣ; это страшное явленіе прямо убѣжало сюда изъ повѣсти Гоголя *Вій*, перваго изданія, потому-то и нѣтъ его во-второмъ изданіи той повѣсти). Это все не только порядочно, но даже хорошо, судя, повторяю, по средствамъ кочующаго антрепренера; но вотъ что худо: говорятъ, будто г. Стрѣлковъ, будучи, какъ актеръ, феноменомъ отчаянной бездарности, въ отношеніи режиссёрства до того плохъ, что изъ-рукъ-вонъ. На примѣръ, если на сценѣ актеры пьютъ, и говорятъ, что пьютъ бургонское, то наливаютъ въ тоже время самой свѣтлой, самой чистой водицы, не догадываясь прибавить въ нее для цвѣта хоть морсу, какъ напримѣръ въ водевилѣ *Мужья въ западнѣ*, гдѣ спрятанные мужья кричатъ у него по-секрету несравненно громче тѣхъ, отъ которыхъ они секретничаютъ.. Гусары называютъ себя драгунами, русскія крестьянскія дѣвушки выходятъ съ открытыми плечами и т. п., а главное, будто-бы г. Стрѣлковъ помѣшанъ на томъ пунктѣ, что превосходно играетъ Карла Двѣнадцатаго и что его бросовый, жалкій Молчановъ не только куда-нибудь годится, но отлично-хорошъ въ роляхъ стариковъ!! Это несчастное заблужденіе дѣлаетъ г-ну Стрѣлкову постояннаго годоваго убытку слишкомъ 1000 рублей; но съ больными не спорятъ, а г. Стрѣлковъ боленъ Молчановымъ. Все это я слышалъ, по-крайней-мѣрѣ, отъ десяти умныхъ, образованныхъ посѣтителей этого театра. Вотъ наконецъ снектакль. Давали піесу, которую лучше-бы нигдѣ и никогда не давать, то-есть, «Людмилу». Эта извѣстная баллада пастора Бюргера, переданная гармоническимъ нашимъ поэтомъ, растянута и искажена здѣсь до послѣдней возможности. Мнѣ кажется, что если ужъ припала непреодолимая страсть поднять руку на такую балладу, какъ «Ленора» или «Людмилла», то завѣдомо выдѣлать-бы изъ нея волшебную оперетку, а не семимильную драму, противную не только русскому разсудку, но и повѣрьямъ. Да и вообще смѣшивать нашъ патріотизмъ съ нѣмецкимъ мистицизмомъ, почти тоже, что мѣшать огонь съ туманомъ. Пушка сама-по-себѣ, а единорогъ самъ-по-себѣ, какъ сказалъ одинъ умный артиллеристъ на вопросъ: какая разница между этими орудіями? Только великій талантъ можетъ изъ ничтожной роли въ ничтожной піесѣ сдѣлать что-нибудь хорошее; а

какъ на случай представленія «Людмилы», такого таланта въ труппѣ г. Стрѣлкова въ наличности не оказалось, то и не удивительно, что эта плохая піеса осталась плохою. Впрочемъ и здѣсь можно было замѣтить: 1 е, что Романовскій (Велидовъ) и Соколовъ (Леонидъ) – хорошіе, добросовѣстные исполнители ролей. Первый опытнѣе, во-второмъ больше искренняго, неподдѣльнаго чувства. Мнѣ указали еще одного прибывшаго съ Императорскаго московскаго театра (?) для практики, юношу – актера Бурдина, и говорили, что есть піесы, въ которыхъ онъ увлекательно-хорошъ какъ напримѣръ: въ «Каспарѣ-Гаусерѣ», «Симонѣ-сиротинкѣ», «Зятюшкѣ», «Любовномъ зельѣ», и многихъ. Жаль, что въ этой несчастной «Людмилѣ», нельзя было замѣтить прочихъ достоинствъ г. Бурдина, кромѣ его пріятной наружности и толковаго исполненія безтолковой роли. Но вотъ что́ значитъ имѣть особый талантъ: г. Ивановъ, въ вовсе неотличной роли управителя, съумѣлъ однакожъ отличиться. Къ забавѣ и удивленію публики онъ сначала до конца пѣлъ свою роль на 7-й гласъ, кіевскимъ бурсацкимъ панѣвомъ. Дьячокъ, да и только! Я думалъ, что онъ поетъ на-смѣхъ; но меня увѣрили, что онъ во всѣхъ роляхъ своихъ рѣшительно одинаковъ, и считаетъ себя классикомъ, а всѣхъ прочихъ актеровъ, которые не поютъ, а говорятъ свои роли, романтиками 2-е, что госпожа Косяковская хорошая актриса, и 3-е, что читать стихи она не умѣетъ. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что, вѣроятно, эту балладу твердила она не изъ книги, а съ тетрадки какой-нибудь провинціяльной барышни, гдѣ не только знаки препинанія, но даже нѣкоторыя слова переставлены по фантазіи. И вмѣсто:

Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.

Она проговорила:

Вотъ усыпана звѣздами
Ночь; спокойный сводъ небесъ
Мраченъ; долъ и мраченъ лѣсъ!.

Потомъ не хотѣла или не могла дождаться бубенчика, колокольчика или какого-то тоненькаго и глупенькаго, въ этомъ родѣ, инструмента, которымъ за кулисами не пробили, а прозвѣнѣли полночь, тогда уже какъ г-жа Косяковская сказала, что *Борзый конь и ржетъ и пышетъ; вотъ идутъ, и слухъ мой слышитъ*. Тогда какъ звенѣть въ бубенчикъ слѣдовало-бы при словахъ: *Боръ заснулъ, долина спитъ, чу!.... но этого чу!.... не чуяли ни большая часть публики, ни тѣмъ-менѣе, разумѣется, антрепренеръ Стрѣлковъ, который, какъ слышно, вообще не чуетъ такихъ бездѣлицъ. Но не-смотря на все это, г-жа Косяковская заслуживаетъ названіе хорошей провинціальной актрисы. По-поводу этой піесы и актрисы, вышелъ довольно странный случай. Тамошняя благосклонная, снисходительная публика, аплодировавшая каждому порядочно-выраженному слову своихъ актрисъ и актеровъ, вдругъ притихла, лишь-только піеса дошла до мелодическихъ стиховъ восхищавшей всѣхъ насъ во-время оно

баллады. Причина этому, вѣроятно, та, что тогда каждый мысленно возвратился къ своему невозвратно-прошедшему времени, и я невольно и съ душевнымъ умиленіемъ вспомнилъ, какъ весьма давно, еще въ ранней молодости, въ проѣздъ мой чрезъ Бузулуцкій уѣздъ, четыре тамошнія барышни, съ пріему, безъ отдыха, плачевными, но твердыми голосами, пропѣли всю эту балладу отъ «Гдѣ ты милый» до визга и скрежета; дальше онѣ не пѣли — слишкомъ ужъ страшно. Увы! тѣ барышни все-еще барышни; но ихъ нѣтъ; онѣ ушли въ Кіевъ! А гдѣ тѣ голоса, гдѣ тѣ крѣпкія груди, чтобъ могли пропѣть столько? Гдѣ то блаженное время? Гдѣ моя молодость? Куда все это дѣвалось? Увы! Увы! И я такъ замечгался о прошедшемъ, что надобны были рѣзкія нелѣпости, чтобъ пробудить меня и заставить вспомнить, что я въ Самарѣ и въ театрѣ; но, благодаря покойнику Леониду, я вскорѣ очнулся. Мосьё покойникъ при жизни своей, вѣроятно, плохо зналъ «Людмилу» (балладу), а по-смерти пріѣхавъ за Людмилой (дѣвицей), тѣмъ-менѣе заботился о правильномъ чтеніи прекрасныхъ стиховъ, въ полной увѣренности, что какую-бы дичь ни говорилъ онъ въ бумажную трубу свою, во всякомъ случаѣ Людмила (дѣвица) къ нему выйдетъ; основываясь на этомъ онъ дважды сказалъ ей *Слышишь, конь грызетъ бразды* и ни разу: *Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ!*.. Да и умно!.... Какой, въ-самомъ-дѣлѣ, мертвецамъ срокъ?? Потомъ, когда «Людмила» (баллада) кончилась и Людмила (дѣвица) скончалась; а родитель ея, у котораго, неизвѣстно для какой цѣли, были выпачканы виски чѣмъ-то страшно-синимъ, на-отрѣзъ объявилъ графу Велидову извѣстную и въ Стерлитамакѣ новость, что могила уравняетъ всѣ состоянія, — занавѣсъ съ зеленымъ бѣсомъ опустился, и я подумалъ, что драма-комедія кончилась; напротивъ: вдругъ раздался чей то слабый, болѣзненный голосъ: Косяковскую! (бывшую балладу, Людмилу, хотѣлъ я сказать). Вслѣдъ затѣмъ голосомъ послышался другой, третій, четвертый. Первый и четвертый больше не вскрикивали (bon genre), но второй и третій продолжали вызовъ; одинъ изъ нихъ сталъ ужъ кричать, какъ говорится, не своимъ голосомъ, а другой усердный вызыватель отнесся въ-попыхахъ съ строгимъ замѣчаніемъ къ какому-то молодому человѣку, чтобъ и онъ кричалъ, — и тотъ вскрикнулъ. «За что эти господа вызываютъ актрису?» спросилъ я сосѣда съ правой стороны. — За то, что она въ прежнихъ піесахъ хорошо играла! отвѣчалъ онъ: къ тому-же нынче прощальный спектакль!... — «А по моему мнѣнію, лучше-бы вызвать ее послѣ слѣдующей піесы вмѣстѣ съ прочими», сказалъ мой другой сосѣдъ: — «но если хотите знать настоящую причину, почему *теперь*, а не послѣ вызываютъ эту актрису, я скажу вамъ: видите-ли въ первомъ ряду этого помѣщика въ сѣромъ сюртукѣ? онъ любитъ и понимаетъ литературу, и когда г-жа Косяковская не такъ какъ должно читала стихи Жуковскаго, онъ покачивалъ головою. Это замѣтили тѣ двое, что кричатъ, и чтобъ ободрить актрису, которая, по ихъ мнѣнію, сконфузилась, а главное

для того, чтобъ показать, что и они въ театрѣ также могутъ подавать голосъ, то-есть, издавать звуки, то и вызвали Косяковскую вслѣдъ за піесой, въ которой она была рѣшительно дурна!» Въ это время подошолъ къ намъ еще кто-то. — «Начать-съ того», сказалъ онъ, «что актриса вовсе не сконфузилась, а вызвали ее или нѣтъ, это совершенно одинаково для того, кто, какъ вы говорите, покачивалъ головою при коверканьи прекрасныхъ стиховъ превосходнаго поэта; что-жъ касается до актрисы Косяковской, то она столько умна и опытна, что не только два, но еслибъ и двѣсти такихъ голосовъ кричали ей, что стихи Жуковскаго прочтены ею отчотливо, она не повѣритъ, и молчаливое неодобреніе толковаго человѣка будетъ для нея несравненно важнѣе подобныхъ вызововъ. Къ тому-же напрасно приписываете вы этотъ вызовъ такой странной, можно сказать, смѣшной причинѣ, что плохосыгравшая роль свою актриса вызвана потому только, что кто-нибудь кивнулъ головою! Увѣряю васъ, что они кричали отъ добраго сердца, понимая по крайнему своему разумѣнію, что эта актриса прочла стихи Жуковскаго превосходно! Въ чомъ-же обвинять ихъ? Вѣдь не всѣмъ-же быть хорошо образованными! Развѣ грамотность и образованіе даютъ исключительное право на оцѣнку дарованій? а бѣдные невѣжды не смѣютъ ужъ и высказать своего мнѣнія, восхищаться или не одобрять, заплативъ точно такія-же деньги, какъ и порядочные люди? Вмѣсто того, чтобъ обвинять такихъ цѣнителей, лучше порадуемся, что этотъ сортъ людей, въ-замѣнъ пьянства, или игры въ орлянку и въ карты, ходитъ въ театръ, гдѣ волею или неволею честно проводитъ время. И такъ, по моему мнѣнію, ихъ не осуждать, а одобрять должно!» — О картахъ я не буду говорить вамъ, сказалъ я ему: затѣмъ, что незнаю въ нихъ толку, но о театрѣ не скрою моего мнѣнія: по вашимъ словамъ права зрителей равны? — Согласенъ, но въ отношеніи къ драматическому искусству, скажите пожалуйста, не грѣшитъ-ли тотъ, кто изъявляетъ актерамъ свое неудовольствіе, или одобреніе, основываясь не на знаніи дѣла, а только на минутной прихоти, то-есть — шикаетъ или аплодируетъ на-обумъ, безъ толку, имѣя въ виду не искусство, котораго онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ, а чтобъ только показать, что и онъ въ театрѣ, что и онъ, изволите видѣть, *нѣчто*; или съ тѣмъ, чтобъ послѣ разсказать своимъ домашнимъ, какъ онъ нынѣ дѣйствовалъ, какъ поощрялъ, или заставлялъ быть внимательнѣе кого-либо изъ актеровъ. Такой зритель, по моему мнѣнію, чѣмъ самонадѣяннѣе и глупѣе, тѣмъ вреднѣе для искусства! Говори онъ дома, что хочетъ, чувствуй, какъ ему угодно; но будь скроменъ, не шуми въ театрѣ, не мѣшайся въ то дѣло, которое свыше его разумѣнія Еслибъ знали это господа, какъ необдуманный и безтолковый вызовъ вредитъ иногда актерамъ хуже шиканья, то не стали-бы распоряжаться такъ опрометчиво!» — «У насъ не шикаютъ», возразилъ сосѣдъ мой: «мы не хотимъ шикать!... и вотъ доказательство: въ числѣ актеровъ г. Стрѣлкова былъ одинъ сапожникъ,

по фамиліи Молчановъ, этотъ молодецъ ни съ-того-сего вдругъ почувствовалъ внутреннее, по словамъ его, призваніе къ актерству. Это внутреннее призваніе было совершенно основательно, затѣмъ, что какъ этотъ господинъ весьма плохо зналъ свое сапожное ремесло, то желудокъ неоднократно и напоминалъ ему, что лучше быть бросо́вымъ, но сытымъ актеромъ, чѣмъ плохимъ, голоднымъ сапожникомъ. Итакъ, я *àктеръ*, сказалъ онъ Стрѣлкову; а тотъ, имѣя на ту пору надобность въ какомъ-нибудь дешевенькомъ *артистѣ*, нанялъ этого варвара; но мы и ему не шикали, въ надеждѣ, что Стрѣлковъ самъ опомнится; но Стрѣлковъ не счолъ за нужное оцѣнить нашу деликатность до того, что наконецъ мы принуждены были прямо объявить ему, что наша публика не желаетъ и не можетъ видѣть его Молчанова, и потому покорнѣйше проситъ, чтобъ г. Стрѣлковъ его не показывалъ, или просто прогналъ; если-жъ Молчановъ такъ особенно ему нравится, то Стрѣлковъ можетъ играть съ нимъ на своей квартирѣ, чѣмъ и во что́ хочетъ — хоть въ жмурки и бабки, лишь бы мы его не видали. Одинъ изъ нашихъ даже написалъ на этотъ счотъ статейку, а другой написалъ антикритику и послалъ въ Петербургъ напечатать. Эта антикритика на-бѣду такъ была удивительно составлена, что ее тамъ, вѣроятно, наперерывъ вырывая другъ у друга, въ клочки изорвали, а потому и до-сихъ-поръ не напечатали; а авторъ ея изъ скромности говоритъ: «Гдѣ намъ писать, гдѣ намъ дуракамъ чай пить!» (мѣстная поговорка). Все это вмѣстѣ такъ благотворно подѣйствовало на г. Стрѣлкова, что онъ спряталъ своего Молчанова, и дѣло обошлось безъ шуму и безъ яблоковъ. Да и вообще не хорошо шикать: въ шиканьи есть что-то не благонамѣренное, змѣиное, а аплодировать мы готовы кому и сколько угодно. Здѣсь и браво кричатъ: вотъ послушайте, что будетъ въ водевилѣ! — «Вѣроятно, комедія»,— Именно!... Вы увидите нашего несравненнаго Турчанинова, — молодой малый, но чудесный, умный актеръ. Какъ онъ хорошъ въ этой роли (Дюкро - Два отца и два купца). Вслѣдъ затѣмъ поднялся занавѣсъ. Турчаниновъ (Дюкро) былъ дѣйствительно хорошъ. Г-жа Петрова (племянница Дюкро) твердо знала свою роль, но, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дѣйствующія лица, смотрѣла на публику съ выраженіемъ столь сильнаго испуга, или вѣрнѣе сказать, столь совершенной остолбѣнелости, что мы не знали, что́ и подумать о ея здоровьи. О г-жѣ Новиковой (мадамъ Дюкро) мнѣ предварительно сказывали, будто она никогда не думаетъ о партерѣ и ложахъ, а главная цѣль ея усилій есть раекъ и трехгильдейское купечество, и потому она страшно пачкается и несносно кричитъ; но не во гнѣвъ утверждавшимъ такое показаніе, я скажу, что, по-крайней-мѣрѣ, въ этой піесѣ г-жа Новикова нисколько не была выпачкана, и кричала не больше какъ того требовала ея роль, и вообще играла хорошо и прилично. «Это пріятная новость! Укрѣпи ее Господи!» говорили многіе, знавшіе бывшую привычку г-жи Новиковой. Стало-быть, она можетъ играть пристойно, а если можетъ, зачѣмъ-же не хо-

четъ?!... Эта тайна извѣстна только одному г. Стрѣлкову, Г. Васильковъ (Бонаръ), игравшій въ предшествовавшей піесѣ отца Людмилы, явясь теперь, не разсудилъ смыть съ висковъ своихъ краски. «Зачѣмъ онъ такъ страшно синится?» спросилъ я сосѣда. — «Это его вкусъ или, вѣрнѣе, слабость», отвѣчалъ сосѣдъ: «мало-ли его уговаривали—все напрасно! Онъ остался въ твердомъ убѣжденіи, что для представленія на сценѣ человѣка пожилыхъ лѣтъ непремѣнно нужно насинить виски, и чѣмъ представляемое лицо солиднѣе и старше, тѣмъ виски должны быть синѣе!!» Вотъ что!

По окончаніи этой піесы, вышло нѣсколько беззаботныхъ людей, попѣли, поплясали, самъ г. Стрѣлковъ жалобнымъ голосомъ проплакалъ какую-то ухорскую малороссійскую пѣсню. Вѣроятно, горесть близкой разлуки съ полюбившею его публикою дѣйствовала на него такъ сильно, или ноты пѣсни были слишкомъ-высоки для его голоса, только ни одна уѣздная барышня не пѣвала «*Стонетъ сизой голубочикъ*» съ лицомъ болѣе грустнымъ. Однакожъ во-время этихъ стоновъ нельзя было не замѣтить ловкости одной изъ танцовавшихъ — это жена грустнаго пѣвца г-жа Стрѣлкова. Увѣряютъ, что она и г-жа Косяковская лучшія актрисы этой труппы. Потомъ какой-то дюжій молодецъ одѣтый запорожцемъ, пѣлъ, или, лучше сказать, кричалъ что-то не по-русски и не по-малороссійски, вѣроятно по-запорожски, да такое дивное, какого я не слыхивалъ и не воображалъ слышать. Представьте себѣ толстаго, стараго человѣка, съ пунцовымъ лицомъ и круглой бритой головою, на которой оставленъ одинъ клокъ на всякій случай! — Этотъ толстякъ подходитъ какъ можно ближе къ зрителямъ, выпучиваетъ и безъ того большіе глаза свои, наклоняется, сжимаетъ кулаки, сцѣпляетъ зубы, пунцовое лицо его надувается, синѣетъ, и онъ, тряся головою, съ совершеннымъ остервенѣніемъ кричитъ первую строфу какого-то звѣрскаго стиха о какой-то Тацьянѣ. При второй строфѣ лицо его и позиція вдругъ принимаютъ спокойное выраженіе и онъ тихо и хладнокровно говоритъ что-то въ родѣ: *Бо Тацьяна хорошà*. Вслѣдъ затѣмъ прищуриваетъ глаза, щолкаетъ языкомъ, и, прыгая на одной ножкѣ кричитъ: *чики, чики Тацьянà*; потомъ опять прежнее неистовство и хладнокровіе, и «чики, чики», и опять тоже! Предъ окончаніемъ этой пѣсни, онъ такъ побагровѣлъ, такъ рявкнулъ, что я боялся, какъ-бы не убилъ его параличъ на мѣстѣ. (Двое чьихъ-то маленькихъ заплакали). Благородная публика смотрѣла равнодушно на это искаженіе человѣческой природы, но изъ мѣстъ за креслами многіе взоры выражали живое участіе и состраданіе. Какой-то насмѣшникъ увѣрилъ ихъ тамъ, что этотъ актеръ извѣстный грубіянъ и провинился передъ своимъ начальствомъ, за что и штрафуется публично этой пѣсенкой; а что спокойно ее нельзя пропѣть — умрешь! такая-де ужъ пѣсня! Потомъ вышла г-жа Петрова и спѣла одинъ изъ новѣйшихъ романсовъ: *Приди въ чертогъ тымой златой*, или нѣтъ, виноватъ: *Вечеркомъ румяну зорю*, Алябьева; при чомъ слово *рюмя-а-а-ну*, эти *а*, особенно послѣднее,

такъ выдавила, что мы рѣшительно предполагали, что ей дурно; однакожъ, къ-удивленію, остальное пропѣла она довольно-сносно. Но вотъ опустился занавѣсъ, стали вызывать актеровъ и актрисъ; публика благодарила антрепренера Стрѣлкова, Стрѣлковъ благодарилъ публику. Зрѣлище было, такъ сказать, *умилительное-съ!* Кромѣ того многіе, особенно полюбившіе актера Турчанинова, дважды его вызывали. Потомъ при выходѣ изъ театра раздались голоса: Господа! вызовемъ еще разъ Турчанинова, пусть онъ помнитъ и знаетъ, какъ мы полюбили его; онъ молодъ, это его поощритъ, онъ оцѣнитъ наше расположеніе и будетъ еще болѣе стараться дѣлать успѣхи въ своемъ искусствѣ! Сказано, сдѣлано «Турчаникова! Турчанинова!» — Ждать пождать—нѣтъ его. «Турчанинова!» крикъ, стукъ. Является Турчаниновъ, раскланивается и говоритъ... Угадайте, что онъ сказалъ? Ручаюсь, что не только зрители со всего міра, но даже Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ, Лекень. Гаррикъ, Ифландъ, Тальма. всѣ вмѣстѣ не угадали-бы, что онъ сказалъ. Онъ сказалъ просто: «Господа! пора раздѣваться!!?...

Вл. Богдановскій.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.*

Новый театральный сезонъ начался въ Москвѣ въ пятницу на святой-недѣлѣ, драмою Фридриха Сулье «Eulalie Pontois». Что-то сулитъ намъ новый театральный годъ, а прошедшій былъ очень и очень незамѣчателенъ; пока будемъ утѣшать себя надеждою, что настоящій годъ будетъ хоть немного интереснѣе прошедшаго. Французская труппа въ послѣднее время значительно поумножилась и поулучшилась. Въ послѣднее время на французской сценѣ стали появляться большія піесы, т. е. піесы изъ нѣсколькихъ актовъ, а прежде весь репертуаръ ограничивался водевилями. «Eulalie Pontois», драма автора весьма-даровитаго, но часто пишущаго для публики не слишкомъ-взыскательной, требующей нѣсколькихъ эффектныхъ сценъ, трогательныхъ положеній, запутанной завязки и проч., и проч.; до характеровъ, до правдоподобія, естественности, до всѣхъ необходимыхъ качествъ настоящей драмы ей нѣтъ дѣла. Драма эта вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ публики, для которой она была написана; въ цѣломъ она весьма-недостаточна, но прекрасна въ частяхъ; есть сцены, которыя производятъ впечатлѣніе и невольно остаются въ памяти. Драма хороша еще и потому, что представляетъ прекрасную роль для актрисы на амплуа jeune premièrе. Роль Эйлалія занимала г-жа Кресси и выполнила ее весьма-неудовлетворительно. Г-жа Кресси недавно еще на московской сценѣ и уже успѣла заслужить вниманіе, скажу больше, любовь публики. Въ самомъ-дѣлѣ, она актриса съ дарованіемъ, которое еще значительно можетъ развиться отъ упражненія въ труднѣйшемъ изъ ис-

* Мы не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ московскаго корреспондента насчотъ трагедіи г-на Кукольника; но не желая стѣснять чьего-бы то ни было мнѣнія, если оно высказано открыто и благородно, печатаемъ эту статью. *Ред.*

кусствъ. У нея пріятный голосъ; она мастерски читаетъ стихи; въ игрѣ ея проглядываетъ нерѣдко душевная теплота: чего-же больше, для водевиля и небольшихъ драматическихъ ролей? Она прекрасна въ драмѣ «Marie», въ водевиляхъ «Le démon de la nuit», «La fille de Dominique» и другихъ; но роль Эйлалія выше ея средствъ. Эта роль требуетъ или сильныхъ чувствъ, или большаго знанія сцены, и опытности. Въ-продолженіе всей піесы Эйлалія находится въ какомъ-то напряженномъ состояніи; въ продолженіе всей піесы она страдаетъ и страдаетъ ужасно: стало-быть, эту роль или надобно умѣть выстрадать, или умѣть прикинуться страдающей: то и другое нелегко. Итакъ эта роль, представляющая для актрисы съ бо́льшимъ талантомъ обширное поприще, прошла почти незамѣченною. Лучше всѣхъ въ драмѣ былъ г. Реаль (Manuel Torcy). Г. Реаль — молодой человѣкъ съ неоспоримымъ дарованіемъ; всѣ роли, требующія чувства, выполняются имъ постоянно хорошо ибо онъ способенъ сочувствовать представляемому лицу, воодушевиться ролею; роли-же холодныя, требующія обдуманности, часто выполняетъ онъ очень-слабо. Замѣчательный недостатокъ его — это *манерность* и старанье выказать себя во всякой піесѣ. Роль живописца принадлежитъ къ первому разряду, стало-быть, она совершенно въ его средствахъ; всѣ сцены ревности были переданы имъ съ удивительною вѣрностію, а вся роль въ цѣломъ разыграна прекрасно. Публика была въ восторгѣ и Реаль былъ вызванъ. Г. Шамбери (Paul Vermond) былъ хорошъ. Прочіе-же были ниже посредственности; я не говорю это о г. Вальнѣ, который представлялъ весьма-незначительное лицо въ піесѣ, изъ котораго сдѣлать ничего порядочнаго не было никакой возможности.

— Русскіе спектакли начались трагедіею г. Кукольника «Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Басенокъ». Ни похвалы журналовъ, ни извѣстность г. Кукольника на сценическомъ поприщѣ, ни новыя декораціи и костюмы, ничто не могло привлечь публику, которая собралась на первое представленіе трагедіи въ весьма-небольшомъ количествѣ; незнаемъ, чему приписать это, совершенной-ли апатіи публики къ театру или недовѣрчивости къ журнальнымъ похваламъ и къ авторитетамъ? Піеса разыграна. Успѣхъ ея былъ весьма сомнительный или, лучше и справедливѣе, она не имѣла успѣха. Трагедія «Басенокъ» довольно-длинна; много сценъ слишкомъ растянутыхъ, мало драматическаго движенія, и въ цѣломъ піеса, какъ намъ кажется, будетъ гораздо-лучше въ чтеніи, чѣмъ на сценѣ.

Вообще, историческая драма и трагедія имѣютъ свои преимущества и свои недостатки въ сравненіи съ драмою вымышленною, и чуть ли историческая драма не представляетъ болѣе трудностей въ сравненіи съ послѣднею. Въ драмѣ идеальной свобода автора ничѣмъ не связана (разумѣется, кромѣ здраваго смысла, правдоподобія, естественности и т. п.). Онъ вполнѣ можетъ предаться своей фантазіи; пить завязки, развязки, положеній въ его рукахъ; онъ мо-

жетъ измѣнить, перекачить... Въ идеальной драмѣ онъ создатель — все прочее—созданіе его духа; всѣ характеры и лица творитъ онъ, сообразуясь съ своею главною идеею. Самая невѣрность, самая неестественность характеровъ подъ-часъ ускользаетъ отъ вниманія зрителя и читателя. Не то совсѣмъ въ драмѣ исторической. Авторъ въ драмѣ исторической не творецъ, а *передатель*: онъ передаетъ намъ случившееся, не смѣя ничего увеличить, исказить, измѣнить, подъ опасеніемъ впасть въ погрѣшность; здѣсь авторъ походитъ на переводчика, который долженъ сперва глубоко изучить духъ переводимаго писателя, а потомъ уже передать его, строго придерживаясь подлинника. Здѣсь требуется не столько творчества, сколько изученія, и потому намъ кажется, что авторъ исторической драмы можетъ быть *менѣе талантливъ* но за то долженъ быть *болѣе ученъ*. Еще неудобство драмы исторической и то, что въ ней всего труднѣе сохранить *единство*. Бо́льшею частію интересъ бываетъ раздѣленъ между многими дѣйствователями, и не всякая эпоха представляетъ намъ одного дѣятеля, къ которому-бы, какъ къ центру, стремилось все прочее. Этого послѣдняго недостатка не избѣжала трагедія Кукольника. Эпоха, избранная имъ, весьма-интересна въ исторіи, но увы! не въ трагедіи. Этотъ послѣдній кризисъ въ страшной болѣзни разновластія, эта гибнущая удѣльная система, эта агонія власти удѣльныхъ князей, старающихся при концѣ ознаменовать себя всевозможными мятежами, бунтами и крамолами въ то время, когда уже взошла свѣтлая заря единодержавія въ лицѣ юнаго Іоанна; все это, повторяемъ, весьма-интересно. Въ піесѣ не одно главное лицо, а нѣсколько. «Басенокъ» въ трагедіи ни чуть не болѣе Шемяки, который имѣетъ то еще преимущество передъ Басенкомъ, что, нѣкоторымъ-образомъ, есть лицо народное, какъ Донской, Грозный и нѣсколько другихъ лицъ древней исторіи. Но въ піесѣ есть еще главное лицо: это жена Басенка, Наталія — эта идеальная женщина XV столѣтія, которая поступаетъ чуть-ли не смѣлѣе женщинъ, стоящихъ подъ знаменами г-жи Дюдеванъ. Стало-быть, интересъ разъединенъ. Не знаешь, кому сочувствовать... о комъ жалѣть, и кончается тѣмъ, что никому не сочувствуешь. Идея піесы въ полной мѣрѣ благородная и похвальная: представить человѣка съ характеромъ твердымъ, сильнымъ, въ минуту мятежей и крамолы, съ чувствами благородными и высокими, въ то время, когда у бо́льшей части подавлены всѣ чувства; представить мужа, ратующаго безкорыстно за правду, отчизну и законнаго государя, въ то время, когда вся и всѣ двигались изъ видовъ корыстныхъ, — идея доблестная, говоримъ мы, но каково ея исполненіе? Исполненіе соотвѣтствуетъ-ли хоть немного идеѣ? То, что сдѣлалъ г. Кукольникъ говоритъ, и то не ясно, о томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать. На сценѣ Басенокъ вышелъ какой-то крикунъ, не больше. Гдѣ, когда и какъ, позвольте спросить, проявился его характеръ, его рѣшимость, его сильная воля? Отвѣчать на это весьма-трудно. Правда, онъ говоритъ безпрестан-

но о преданности, о характерѣ, о твердости духа, а на сценѣ не показываетъ и сотой доли. Посланный уговорить Шемяку, онъ въ дѣла государственныя вмѣшиваетъ дѣло о своей женѣ, и этимъ чуть не нарушаетъ дешево,—безъ пролитія крови,—купленнаго мира. Въ поступкѣ томъ видна ли сила души, сила характера? Самая любовь къ женщинѣ, недостойной любви, есть уже величайшая слабость. Женщинѣ, подобной его Наталіи, можно сострадать, а не любить ее, особенно мужу государственному, власти котораго повѣрены тысячи. Самая смерть Басенка, умирающаго вмѣстѣ съ Шемякою отъ яда, есть необходимое слѣдствіе стеченія обстоятельствъ, а не могучей преданности выгодамъ родины. Одинъ посреди враговъ, переодѣтый въ колдуна, предлагая Шемякѣ отравленный кубокъ, онъ необходимо долженъ былъ испить эту горькую чашу или во всемъ признаться. Смерть неизбѣжная, въ томъ и другомъ случаѣ. Шемяка былъ человѣкъ нецеремонный и не постыдился-бы такого доблестнаго мужа, котораго уже лишилъ онъ всѣхъ радостей и чести, повѣсить на первомъ попавшемся деревѣ. Стало-быть, рѣшиться было нетрудно. Не лучше-ли умереть, умертвивъ врага отчизны и личнаго врага, чѣмъ погибнуть одному, безславнымъ образомъ? Теперь перейдемъ къ Шемякѣ. Шемяка у г. Кукольника нѣчто въ родѣ Донъ-Жуана. Соблазнить женщину — его любимое дѣло. Шемяка у автора и хитрая голова, и эгоистъ, и подъ-часъ человѣкъ сомнительный храбрости... словомъ, характеръ Шемяки— это безхарактерность. Жестокость и злость не чужды ему. Онъ сгоняетъ на кухню женщину, для него всѣмъ пожертвовавшую; мало того, что онъ сдѣлалъ изъ ней стряпуху, онъ сбирается еще продать ее, какъ рабу. Этой жестокости, чуть-ли не сверхъестественной, мы рѣшительно не понимаемъ; можетъ-быть, авторъ представилъ это для возбужденія большаго негодованія къ Шемякѣ, но Шемяка и безъ того не изъ тѣхъ лицъ, которыми можно восхищаться. Наталья кажется намъ тоже лицомъ невѣрнымъ въ отношеніи ко времени. Трудно, чтобы развратъ въ то время поднималъ голову и говорилъ смѣло.. Развратъ-то существовалъ, безспорно, но въ такой-ли формѣ?— вотъ вопросъ. О прочихъ лицахъ говорить много нечего. Намъ нравится больше всѣхъ лицо молодаго Іоанна — этого ребенка-льва. Лучше всѣхъ въ піесѣ была г жа Львова-Синецкая (Софія вдова В. Князя). Г-жа Орлова съ своей стороны сдѣлала все, что могла, даже пропѣла пѣсню, отъ которой ни піеса, ни зрители ровно ничего не выиграли. Г-жа Кавалерова сыграла хорошо роль Кузьминишны. Костюмы были хороши. Декораціи тоже не-дурны... Басенокъ вообще напоминаетъ Ляпунова въ извѣстной піесѣ г. Кукольника «Скопинъ-Шуйскій», которая имѣла большой успѣхъ не только въ обоихъ столицахъ, но и во многихъ провинціяхъ.

Не-смотря на неудачу новой трагедіи г. Кукольника на московской сценѣ, она все-таки не лишняя въ нашемъ бѣдномъ репертуарѣ. Много значитъ исполненіе піесы, и при игрѣ г. Мочалова, мо-

жетъ-быть, она явится въ новомъ блескѣ. Вообще мы замѣтили, что у насъ не всѣмъ историческимъ представленіямъ везетъ: но это ни мало не препятствуетъ и не должно препятствовать нашимъ авторамъ брать сюжеты изъ нашей исторіи, столь-обильной происшествіями. Представленіе на сценѣ нѣкоторыхъ историческихъ эпохъ знакомитъ съ событіями отечественными простой народъ, нечитающій и, къ-стыду, незнающій своей исторіи. Пусть идетъ онъ въ театръ, пусть видитъ картину смутъ и крамолъ, когда народъ страдалъ и страдалъ ужасно; пусть видитъ онъ что̀ *была* Россія и что она *есть*, и пусть вполнѣ постигнетъ благость Провидѣнія, путемъ бѣдъ и скорбей доведшаго ее до нынѣшняго величія и славы.

Бенефисъ г-жи Леоновой. Принцъ Маляръ (Cosimo) комическая опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Превò.

Опера хотя старая и давно извѣстная, но мы съ удовольствіемъ прослушали ее. Музыка легка, мотивы почти водевильные, но тѣмъ-лучше: она по средствамъ нашихъ пѣвцовъ. Г. Бантышевъ въ роли Маляра прекраснъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ. Въ этой операѣ видѣли мы г-жу Эйзрихъ въ ролѣ Людмилы, шведки; поетъ она недурно, но игра ея холодна до нельзя. Г-жа Леонова (Эльзида) исполнила свою партицію очень-хорошо, жаль только, что она очень-плохо говоритъ по русски. Живя въ Россіи нѣсколько лѣтъ и участвуя въ русскихъ спектакляхъ, непростительно не выучиться говорить по русски. — *Новая шалость или театральное сраженіе*, шуточная оперетка — тоже изъ стараго репертуара; она не лишена веселости, не разъ разсмѣшила публику: чего-же больше желать отъ шутки? Здѣсь особенно хороша наша заслуженая и почтенная артистка г. Сабурова.

— Въ бенефисъ Алерма давали новую піесу «Les deux noblesses» соч. г. *Сихлера*. Піеса очень-плоха, однако это не помѣшало всему Кузнецкому мосту, собравшемуся въ театральную залу, вызвать автора.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Александринскій Театръ.

9) Боярин̀ Ѳедоръ Васильевичь Бàсенокъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *Н. В. Кукольника*.

Нѣтъ ничего забавнѣе въ мірѣ, какъ нѣкоторые наши г-да русскіе фѣльётонисты, выучившіеся грамотѣ на мѣдныя деньги въ какомъ-нибудь увздномъ закоулкѣ и потомъ сдѣлавшіеся критиками и рецензентами — за негодностію къ чему-нибудь лучшему. Принявъ на себя должность *борзописца* въ плохой газетѣ, пробивающейся всякою всячиной, и плохимъ политипажемъ, и плохой статьей, безъименный фѣльётонистъ, не дорожа ничѣмъ, съ удивительною легкостію пишетъ обо всемъ — и о театрахъ, и объ ученой книгѣ, и о новой піесѣ, — его статью съ удовольствіемъ печатаютъ — и все сходитъ съ рукъ, благодаря доброй русской публикѣ. Чѣмъ замѣчательнѣе литературное явленіе, чѣмъ громче литературное имя, тѣмъ дерзче го-

лось фѣльётониста .. Разсчотъ простой и вѣрный: — говорить о хорошемъ *хорошо* труднѣе, чѣмъ говорить *дурно*; въ первомъ случаѣ надобно имѣть умъ, познанія, вкусъ, а въ послѣднемъ нужна только смѣлость; а такъ-какъ, понесчастію, умныхъ людей на свѣтѣ меньше, нежели дураковъ, то фѣльётонистъ достигаетъ своей цѣли: когда сочинитель критики разругаетъ умнаго и даровитаго автора драмы или книги, то многіе, навѣрно, сочтутъ его, критика, умнѣе и даровитѣе разруганнаго имъ автора. Умный и даровитый авторъ, разумѣется, отвѣтитъ на брань презрительнымъ молчаніемъ — и критикъ торжествуетъ...

Н. В. Кукольникъ, бывшій самымъ усерднымъ драматическимъ писателемъ при началѣ своего литературнаго поприща, потомъ оставившій сцену для другихъ занятій, наконецъ снова обратившись къ старинѣ, подарилъ нашему театру трагедію «Басенокъ», которая была добрымъ предзнаменованіемъ для наступившаго новаго театральнаго года, и которую публика приняла съ величайшимъ одобреніемъ. Ну, какъ можно пропустить фѣльётонисту такой прекрасный случай «накормить грязью» Кукольника, сдѣлать черньѣе грязи его трагедію, наговорить объ ней такихъ вещей и такимъ благороднымъ тономъ, какимъ Кукольникъ, если-бъ судьба привела его быть когда-нибудь фѣльётонистомъ, не сталъ-бы говорить даже о водевиляхъ какого-нибудь плохаго писаки. Какъ ни мелки и ни ничтожны такія явленія, но, воля ваша, въ человѣкѣ съ душой незачерствѣлой, любящемъ литературу и уважающемъ званіе литератора, они возбуждаютъ не смѣхъ, а грустное, горькое чувство, не по тому, чтобы эти возгласы газетнаго крикуна могли вредить уважаемому писателю, но потому, что эти явленія существуютъ въ литературѣ, — и въ какой литературѣ? — русской, еще такъ недавно зачавшейся, долженствующей сохранить всю свою дѣвственную чистоту и непорочность! Позволительно глумиться надъ бездарностію, глупостію, меркантильностію литературною, но не надъ произведеніемъ писателя даровитаго, умнаго, трудолюбиваго, который между немногими дѣлателями въ современной литературѣ русской занимаетъ одно изъ почотнѣйшихъ мѣстъ. Отнимите у русскаго театра Кукольника, Полеваго, Ободовскаго и нѣсколькихъ другихъ, что-же будетъ съ русскимъ театромъ?

Мы не станемъ указывать, гдѣ, въ какомъ темномъ закоулкѣ заднихъ рядовъ русской литературы, водится и разводится подобная *литературная тля*; желаемъ даже, чтобы читатели наши и вовсе не знали о ней; еще менѣе не унизимся и не унизимъ Кукольника, входя въ пренія съ такою псевдокритикою; но да простятъ намъ читатели наши, что мы не могли скрыть передъ ними горькаго чувства негодованія, которое невольно пробуждается при видѣ нѣкоторыхъ, къ-сожалѣнію, нерѣдкихъ явленій въ современной русской литературѣ.

На страницахъ «Репертуара и Пантеона» была напечатана трагедія Н. В. Кукольника, а потому

«Репертуаръ и Пантеонъ» менѣе всѣхъ другихъ періодическихъ изданій имѣетъ надобность говорить о произведеніи, которое вполнѣ представилъ онъ на судъ своихъ читателей. Щепетильная критика можетъ, пожалуй, прибавить, что мы не имѣемъ даже и права говорить о *Бѣсенкѣ*, по русскому повѣрью, что всякой купецъ хвалитъ свой товаръ; но мы могли-бы замѣтить, что во-первыхъ, знаемъ много честныхъ купцовъ, которые не всегда свой товаръ хвалятъ, а выдаютъ всякую вещь за то, что она есть, а во-вторыхъ, что мы не только не назовемъ «Бѣсенка» трагедіею безусловно-хорошею, а напротивъ видимъ въ ней много недостатковъ; но, привыкши смотрѣть на всякое литературное явленіе не съ тѣмъ, чтобы въ немъ «одно дурное видѣть», мы назовемъ новое произведеніе Кукольника однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, какія были въ послѣдніе годы въ русской литературѣ; конечно, это еще не слишкомъ-большая похвала, но вѣдь и Кукольникъ находится не въ такой порѣ таланта, чтобы не могъ надѣяться стать выше немногаго высокаго, что теперь есть у насъ въ наличности, или что мы считаемъ такимъ...

Но у насъ есть болѣе основательная причина не говорить теперь о «Бѣсенкѣ»: это та, что въ одной изъ ближайшихъ книжекъ, «Репертуара и Пантеона» мы напечатаемъ подробный разборъ всѣхъ драматическихъ сочиненій Н. В. Кукольника, игранныхъ и неигранныхъ, и тогда за-одинъ разъ уже поведемъ рѣчь и о «Бѣсенкѣ». Итакъ до-свиданія, Несторъ Васильевичъ и почтенные наши читатели!

—

ОБОЗРѢНІЕ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ.

(съ 17-го марта по 1-е мая 1844 года.)

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы отдали отчотъ о концертахъ, бывшихъ у насъ въ теченіе великаго поста. — Теперь, въ-дополненіе, сочли обязанностію сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ концертахъ, которые давались въ послѣдствіи. — Но прежде всего, не можемъ не упомянуть, что въ постъ еще у насъ начались *духовные концерты* — пѣвчихъ Императорской Капеллы. — Вообще концерты эти заслуживали вниманіе и похвалу уже по своей оригинальности, не говоря о томъ, что исполненіе церковной музыки въ нихъ было дѣйствительно превосходно и восхитительно. Иначе и быть не могло. Хоръ придворныхъ пѣвчихъ рѣшительно какъ бы созданъ для такой музыки. — Всякій любитель, желавшій отвести душу отъ наводненія Италіянцовъ и италіянской музыки, могъ достигнуть этого вполнѣ, прослушавъ хотя одинъ концертъ придворныхъ пѣвчихъ. — Всего дано было *четыре* концерта, — послѣдній послѣ святой-недѣли.

По пріѣздѣ изъ Москвы нашихъ (они теперь наши) великихъ артистовъ, Рубини и Тамбурини, — *г-жа Ронци де-Бенчисъ* давала (29 марта) свой концертъ. — Судя потому, что̀ мы слышали въ этомъ концертѣ, ясно видно, что Ронци была истинно-первокласною артисткою, — пѣвицею высокаго стиля. — Удивительная обработка и гибкость голоса, превосходное знаніе музыки, глубокое драматическое чувство, даже страсть — вотъ отличительныя качества ея пѣнія. — Но только совершенно напрасно нѣкоторые любители утверждали, что она сохранила свой голосъ. Это рѣшительно неправда. Голосъ ея отъ лѣтъ, давно уже пострадалъ, и значительно. Теперь уже она далеко не та Ронци, которая, въ цвѣтущіе годы своей жизни, производила энтузіастическій восторгъ своимъ пѣніемъ и игрою, — въ Миланѣ Неаполѣ и во всей Италіи, гдѣ и заслужила титулъ — *пламенной Ронци*. — Въ концертѣ ея исполнены были, между-прочимъ: *терцетъ*

изъ «Лукреціи» — Доницетти; *арія* изъ «Нормы» Беллини (casta diva); *дуэтъ* съ Рубини изъ «Roberto Devereux» Доницетти, *дуэтъ* съ Тамбурини изъ «Семирамиды»— Россини и *терцетъ* изъ «Анны Болейнъ» — Доницетти. — Особенно Ронци намъ понравилась въ дуэтѣ съ Тамбурини. Какое высокое, какое драматическое пѣніе! Какъ жаль, что она уже приблизилась къ тому времени, когда ей стукнетъ скоро 50 лѣтъ.

О нѣмецкихъ *вечерахъ* (истинно-нѣмецкихъ) Видемана, Дамье, Гемузеуса, конечно, говорить не стóитъ. — Это были вечера какихъ-то пошлыхъ *попурри*, составленныхъ изъ всякой всячины. — Для истиннаго любителя прискорбно было видѣть только то, что какой-нибудь *Китеръ* коверкалъ *арію* Зороастра, Моцарта.— Ему нельзя позволять исполнять какую бы то ни было музыку, — тѣмъ болѣе музыку великаго Вольфганга, которую онъ столько-же, кажется, понимаетъ, какъ мы съ вами санскритскій языкъ. — Музыка эта для него, просто, *темна вода во облацѣхъ!* Эхъ, господа, господа, все то вамъ ни по чомъ! Кромѣ этого, къ рѣшительной потѣхѣ публики, *г-жа Нейрейтеръ*, своимъ фальшивымъ пѣніемъ, драла уши, въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ заграницу. — Слава Богу, наконецъ-то мы избавились отъ этой die falsche примадонны....

Братья *Рубинштейны* давали (30 го марта) послѣдній концертъ, предъ отъѣздомъ за границу, куда они отправились для изученія искусства, подъ руководствомъ одного изъ извѣстныхъ современныхъ композиторовъ (навѣрное незнаемъ кого; говорятъ, будто-бы Мендельзона—Бартольди). Объ Рубинштейнахъ много говорили всякой всячины. — Дѣйствительно оба, особенно старшій, съ удивительными способностями къ музыкѣ. Отъ-души желаемъ имъ полныхъ успѣховъ. — Дай только Богъ, чтобы надежды сбылись! — Примѣры истинно-геніальныхъ дѣтей, которые, возмужавъ, явились-бы наконецъ, если и не геніями, то по-крайней-мѣрѣ талантами, очень и очень-рѣдки. По большой части случалось такъ, что маленькіе артисты-геніи, до-тѣхъ-поръ и считались геніями, пока были дѣтьми, а потомъ и слухъ объ нихъ пропадалъ. За примѣромъ далеко ходить нечего: стóитъ вспомнить братьевъ *Эйхгорновъ*. Чего объ нихъ не писали и чего имъ не пророчили? И чтò вышло!...

Концертъ въ пользу Инвалидовъ (6 го Апрѣля), по-обыкновенію, состоялъ изъ огромнаго военнаго оркестра и огромнаго хора, то-есть изъ 600 музыкантовъ и 200 пѣвчихъ. — Въ немъ исполнено было нѣсколько піесъ изъ оперъ Вебера, Галеви, Доницетти, Нини; народный гимнъ: «Боже Царя храни».... Участвовалъ также Рубини, пѣвшій въ послѣдній разъ, предъ отъѣздомъ за-границу. — Между-прочимъ онъ спѣлъ *арію* изъ Stabat Mater — Россини, съ аккомпаниментомъ всего оркестра, который состоялъ подъ управленіемъ капельмейстера Гаазе. И какъ спѣлъ! Удивительно!

Наконецъ мы добрались до послѣдняго концерта — *скрипача Гаумана* (10-го апрѣля).

Гауманъ уже лѣтъ 10-ть поль-

вуется славою знаменитаго скрипача. Чего только не писали о Гауманѣ? И что будто-бы онъ всю Европу приводилъ въ восторгъ своею очаровательною скрипкою, — и что многіе знатоки находили, что онъ не уступаетъ Паганини, даже превосходитъ его (любопытно-бы знать, чѣмъ)! Наконецъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, сказано было: «Гауманъ далеко оставилъ за собою всѣхъ скрипачей, «только одинъ Паганини былъ «непобѣжденнымъ. — Гауманъ видѣлъ всю великость, всю необъятность генія соперника; но замѣтилъ, что въ сердцѣ человѣка «были еще струны, которыхъ «Никого не коснулся; эти-то струны рѣшился потрясти молодой «музыкантъ. Полный успѣхъ «увѣнчалъ его смѣлую попытку и «онъ сталъ рядомъ, если не выше, «съ славнымъ Итальянцомъ, который, подобно демону, издѣвался «надъ людьми; разнѣживъ, обворожив душу слушателей, исторгнувъ слезы, онъ вдругъ поражалъ ихъ дикими, нестройными «аккордами; смычокъ его издавалъ «какіе то страшные, дивные звуки, «которые гремѣли, какъ вопли отчаянія, или казались смѣхомъ «подземныхъ духовъ. — Кто не «согласится съ нами, что игра Паганини, послѣ восторга и упоенія, «оставляла въ душѣ какое-то болѣзненное чувство? Нѣжные, тихіе тоны быстро смѣнялись у «него бѣшеными звуками, въ которыхъ дышали всѣ неистовыя «страсти. — Казалось, что душа «его полна страданій, которыя «онъ хотѣлъ заглушить, заставляя «другихъ раздѣлять ихъ. — Нетаковъ Гауманъ: и у него есть «страшные, непонятные звуки, потрясающіе душу, и онъ умѣетъ «выражать жалобы и стенанія, и онъ «потрясаетъ слухъ дикими аккордами, — какъ Паганини, можетъ «онъ напомнить намъ объ адѣ; но, «кажется, дѣлаетъ это не для того, «чтобы потрясти сердце ужасомъ, «а чтобы лучше, восхитительнѣе «изобразить намъ рай, во всемъ его «блескѣ и сіяніи... Онъ какъ-будто для того только исторгаетъ «смычкомъ своимъ нестройные, «дикіе звуки, чтобы послѣ слить «ихъ въ сладостную гармонію... «Тихіе, чарующіе слухъ тоны слетаютъ съ волшебныхъ струнъ его, «какъ вѣстники примиренія, — «успокоиваютъ душу и уносятъ ее «далеко за предѣлы земнаго! Можно-ли послѣ этого сравнивать Паганини и Гаумана? И тотъ и другой *велики*. — Оба представители «двухъ совершенно-различныхъ «міровъ: Никого принадлежитъ къ «царству подземному; — Гауманъ «къ области надзвѣдной!» — Каково? Читая всю эту рацею, вы какъ-будто видите, что это писалъ какой-нибудь второй Теодоръ Гофманъ, послѣ посѣщенія погреба! — Еще въ 1837-мъ году, когда мы услышали Гаумана въ первый разъ тогда тоже убѣдились, что приведенный здѣсь отзывъ объ немъ нѣмецкаго журнала есть небольше, какъ туманная поэзія, а правды и дѣла ни сколько. Странное дѣло! Паганини и Гауманъ, Гауманъ и Паганини — *оба велики*! Воля ваша, а что-то неладно! Наткавъ подобный вздоръ во всеуслышаніе, авторъ этихъ строкъ обнаружилъ только, что онъ не имѣлъ вовсе понятія о волшебной, неподражаемой игрѣ

италіянскаго виртуоза. — Тайны его искусства умерли съ нимъ. Николо употреблялъ трудности игры, для выраженія какой нибудь идеи, часто въ высшей степени поэтической. Тогда какъ всѣ вообще такъ-называемые скрипачи à la Paganini ухватились за одно только его средства, чисто внѣшнія, и отчасти успѣли ихъ усвоить; духъ его игры и особенныя качества, какъ-то: чистота и прелесть тона, недосягаемое и безконечное разнообразіе звуковъ, которые непостижимыми средствами умѣлъ онъ извлекать изъ струнъ своихъ, наконецъ глубокая и богатая идея сочиненій и т. д. — все это Николо унесъ съ собою въ могилу: все это для подражателей его было недоступно. — Что же изъ этого вышло? То, что у послѣдователей Паганини механическія средства сдѣлались цѣлью ихъ искусства. — Въ свою очередь, мы скажемъ, можно ли ставить на одну-доску скрипача, безспорно, прекраснаго, съ геніемъ вѣковымъ, какіе рѣдко являются на сценѣ міра и въ области искусствъ, съ Паганини, съ тѣмъ единственнымъ Паганини, который игралъ, какъ никто не играетъ и, можетъ-быть, уже никогда не будетъ такъ играть! Но оставимъ это.

Въ первый разъ Гауманъ посѣтилъ Петербургъ въ 1837 году, и пріемъ, сдѣланный ему тогда публикою, былъ по-истинѣ блистателенъ; концерты его принесли ему значительную сумму. — Совсѣмъ иное дѣло теперь: въ концертахъ его было немного посѣтителей, — хотя они, впрочемъ, производили значительный шумъ. — Что зала большаго театра была пуста, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. — Въ 1837 году Гауманъ былъ первый изъ молодыхъ скрипачей, посѣтившихъ нашу столицу: его не съ кѣмъ было сравнивать, слѣдовательно, и восторгъ былъ безотчетный. — Но съ того времени, Петербургъ слышалъ многихъ первоклассныхъ скрипачей, каковы. *Оль-Буль, Липинскій, Артô, Вьётанъ, Прюмъ, Сиворй.* Наконецъ недавно еще восхищалъ насъ славный *Мôликъ.* — Послушавъ всѣхъ этихъ артистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые несравненно выше Гаумана, — (Оль-Буль, Липинскій, Моликъ), можно уже не восторгаться при одномъ его имени, — отдавать себѣ надлежащій отчотъ въ его искусствѣ и не увлекаться какими-нибудь скрипичными штучками, которыя въ 1837 году Гауманъ такъ щедро разсыпалъ для толпы. Словомъ, мы сдѣлались какъ-то опытнѣе, и вотъ почему Гауманъ уже не можетъ имѣть въ концертахъ своихъ того многочисленнаго общества, какое наполняло залу Большаго Театра въ первый его пріѣздъ. — Въ то время мы замѣтили, что Гауманъ дѣйствительно скрипачъ съ большимъ талантомъ, но отнюдь не геніальный. Правда, для него тогда уже трудности игры были почти ни по чомъ; рядъ децимъ простая гамма; блестѣли staccato, флажолеты, пиччикато; видѣнъ былъ огонь, сила и чистота, — словомъ, онъ и тогда уже владѣлъ своимъ инструментомъ; но, въ то-же самое время, его пѣніе было изломано на куски, и нѣсколько уподоблялось вою, отъ непохвальной манеры волочить пальцы по струнамъ: самое выраженіе натянуто и ложно. — Те-

перь мы увидѣли, что онъ далеко усовершенствовалъ искусство свое. Игра его является очищенною, округленною, отчетливою. Пѣніе сдѣлалось правильнымъ, трогающимъ; интонація почти безукоризненная. — Но все-же стиль его неопредѣленъ и размѣры игры необширны, потому-что онъ не вышелъ изъ круга варіированной аріи. Тонъ богатъ, но немногообъемлющъ; мало разнообразія въ самыхъ звукахъ; напротивъ-того игра стала нѣсколько однообразна, даже монотонна и вообще подернута какимъ-то господствующимъ элегическимъ чувствомъ. Прежде было больше живости и огня. — Ко всему этому надобно прибавить самый неудачный выборъ исполненныхъ имъ піесъ. — *Арія* — Доницзетти, *сцена* и арія — Доницзетти, какой-то *капризъ* и какая-то *фантазія*, — что̀ *все сіе*? Первыя двѣ піесы сами-по-себѣ аріи; вторыя тоже варіированныя аріи!!.. Не понимаемъ. Сыграли-бы вы намъ какой-нибудь *концертъ* Роде, Крейцера, Шпора, или что-нибудь подобное, тогда-бы мы лучше оцѣнили ваше мастерство. — Посмотрите, что̀ теперь играютъ отличные піанисты *Листъ*, *Тальбергъ*, піанистка *Шуманъ*: — *фуги* Баха, *сонаты* Бетховена! Вотъ въ такой-то музыкѣ и поймешь необыкновенный талантъ какого-нибудь Листа, для котораго не существуетъ музыки, которой-бы онъ не выполнялъ превосходно. Здѣсь-то именно и видишь, что Листъ великій артистъ. — Помнится, въ 1837 году вы играли *седьмой концертъ* Роде, да что-то зѣло-плоховато. И потому не удивляемся, что вы разыгрываете однѣ только варіированныя арійки — штучки, которыя могутъ озадачить толпу, но человѣка со вкусомъ, имѣющаго какое-нибудь понятіе о музыкѣ, этимъ не увлечете. Вообще концертъ Гаумана былъ довольноскученъ. Петровъ и Артемовскій спѣли *дуэтъ* изъ «Marino Faliero» — Доницзетти, а г-жа Валькеръ *арію Агаты* изъ «Фрейшюца» и *кавatину* (grâce) изъ «Роберта Дьявола.» Насъ утѣшила, впрочемъ, *увертюра* изъ «Волшебной флейты» — Моцарта. Что̀ за дивная музыка! Никогда не старѣется. — Это единственное, неподражаемое, высокообразцовое произведеніе, вѣчно будетъ моделью увертюръ и отчаяніемъ для композиторовъ, которые не могутъ написать, даже приблизительно, ничего подобнаго. — Все соединено въ увертюрѣ этой: обширное и великолѣпное начало, новость мотивовъ, разнообразіе въ способѣ воспроизведенія ихъ, глубокое познаніе плана и подробностей, плѣнительная инструментовка, возрастающая занимательность и исполненное жара заключеніе.—Гауманъ давалъ (14 и 30-го апрѣля) еще концерты, въ которыхъ мы однакожь не были.

Этимъ оканчиваемъ наше обозрѣніе концертовъ 1844-го года

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Великій *бродяга* Листъ, безпрестанно переѣзжающій изъ края въ край, находится теперь въ Парижѣ (а впрочемъ, можетъ быть, уже и уѣхалъ; за нимъ не угляднешь и не поспѣешь!) и приво-

дить въ восторгъ парижскую публику. «Листъ былъ героемъ прошедшей недѣли» — пишетъ Жюль-Жанень: «онъ въ-тихомолку пріѣзжаетъ въ Парижъ; три или четыре дня спустя, пишетъ онъ на углу одной стѣны: «Frantz Liszt, au Théâtre Italien» (Францъ Листъ, въ Итальянскомъ театрѣ) — и довольно. Черезъ недѣлю послѣ того, въ назначенный часъ, все лучшее общество парижское, общество, которое собирается на блестящія празднества, явилось аккуратно на свиданіе. Зала былъ такъ полна, какъ будто Рубини и Зонтагъ должны были явиться въ ней Даже сцена занята во всю длину ея; въ оркестрѣ сидитъ нетерпѣливая толпа; — двое фортепьянъ ожидаютъ Листа, какъ треножникъ своей Пиѳіи. Deus! ecce Deus! И вотъ онъ является, — онъ поетъ. плачетъ, трепещетъ, прыгаетъ, бѣжитъ. крадется,— онъ въ бездонной пропасти, онъ въ надзвѣздномъ небѣ! Онъ одинъ разсказываетъ болѣе удивительныхъ поэмъ, нежели сколько разсказали намъ вмѣстѣ нѣсколько геніальныхъ художниковъ, *Донъ Жуана*, *Роберта*, *Вильгельмъ-Телля*, и въ каждой нотѣ узнаете вы высокое созданіе, которое исполняли передъ вами столько великихъ пѣвцовъ, съ такимъ чуднымъ оркестромъ. И для всѣхъ этихъ созданій, для всей этой публики, для всѣхъ этихъ восторговъ, которые продолжаются три часа — Листъ, одинъ Листъ! — Мужчины кричатъ ему *браво*, женщины бросаютъ цвѣты; одна изъ нихъ, и при томъ одна изъ прекраснѣйшихъ, снимаетъ въ головы своей вѣнокъ и бросаетъ его Листу. Вѣнокъ, еще неостывшій, еще благоухающій, вмѣсто Листа, попалъ на голову какого-то Нѣмца, который и не замѣтилъ этого : съ такимъ восторгомъ онъ аплодировалъ! И къ довершенію этого *безпримѣрнаго* успѣха, Листъ возвѣщаетъ третій и послѣдній концертъ, не для себя — онъ такъ доволенъ сборомъ! — но для друга, для брата по оружію, бойца крѣпкаго, которому самъ Паганини простиралъ родительскую руку, — для *Гектора Берліоза*!» — Говорятъ, что Листъ осенью будетъ къ намъ въ Петербургъ, а зиму проведетъ въ Москвѣ.

— Наша несравненная Віардо-Гарціа и въ Вѣнѣ возбудила такой-же восторгъ и затмила всѣхъ другихъ примадоннъ, какъ и въ Петербургѣ; Монтенегро дебютировала въ Нормѣ, безъ успѣха. Віардо-Гарціа въ роли Розины произвелъ furore. «Гдѣ вы найдете другую Розину» — пишетъ одинъ вѣнскій журналистъ — «съ испанскою кровью, съ итальянскимъ огнемъ, съ французскою ловкостію, съ изящными вкусомъ, удивительною гибкостію голоса и прелестною наивностію игры, въ комъ вы найдете все это, кромѣ Розины-Віардо? Въ этой роли Віардо могла-бы найдти себѣ соперницу развѣ только въ сестрѣ своей, Малибранъ; изъ современныхъ-же пѣвицъ ни одна не вырветъ у нея пальмы, которую заслужила Розина-Віардо: это идеалъ Розины всѣхъ временъ — прошедшаго, настоящаго и будущаго.»

— Нашъ Лесподолъ Мейеръ, возвратившись изъ Константинополя въ Вѣну, далъ тамъ нѣсколько концертовъ и возбудилъ всеобщій восторгъ своею игрою. Его мело-

дій изъ русскихъ пѣсенъ чрезвычайно понравилась. Леопольдъ Мейеръ изъ Вѣны отправляется въ Лондонъ.

— Въ Revue et Gazette des Théâtres напечатано: «Не знаемъ, до какой степени основательны распространившіеся слухи, что будто-бы Рашель, по причинѣ разстроеннаго здоровья, рѣшилась, если не совсѣмъ, то, по-крайней-мѣрѣ, на-время, удалиться отъ сцены; но вотъ что знаемъ изъ вѣрнаго источника, что знаменитая артистка купила прелестную виллу въ Marly-le-Roi, близъ С.-Жермена, въ одной изъ самыхъ живописныхъ окрестностей Парижа.»

— 11-го апрѣля происходило въ Берлинѣ погребеніе придворной драматической артистки Адольфины Неймannъ, скончавшейся на 19-мъ году отъ-роду. На улицахъ, по которымъ проходила погребальная процессія, собралась огромная толпа, принимавшая живое участіе въ этой горестной потерѣ. Около ста каретъ ѣхало за гробомъ; въ каретахъ этихъ находились высшія правительственныя лица, ученые, литераторы, артисты, поэты и множество обожателей прекраснаго таланта юной покойницы. Когда гробъ, украшенный померанцовыми цвѣтами и бѣлыми розами, былъ снятъ съ траурной колесницы, члены королевской капеллы исполнили обѣдню, а проповѣдникъ, профессоръ Брюнеманнъ произнесъ коротенькую, но сильно-тронувшую присутствующихъ рѣчь. Онъ напомнилъ благородныя усилія юной артистки, въ борьбѣ съ превратностями судьбы и съ безчисленными страданіями, бывшими удѣломъ ея до успѣха ея на артистическомъ поприщѣ: изобразилъ ея чистую и безукоризненную жизнь, рѣдкую привязанность покойницы къ своему семейству и заслужонное ею всеобщее уваженіе. За-тѣмъ артисты Оперы пропѣли погребальный гимнъ и присутствовавшіе разошлись въ благоговѣйномъ молчаніи.

— Въ теченіе нынѣшняго театральнаго года парижскіе театры собрали 8,170,000 франковъ — двумя милліонами болѣе противъ 1833 года.

— 31-го марта кончился театральный сезонъ парижской Итальянской Оперы. Прощальные спектакли итальянскихъ пѣвцовъ всегда бываютъ особенно-замѣчательны. Такъ и въ этотъ разъ-публика наградила артистовъ самыми лестными знаками благодарности за доставленное ей удовольствіе въ продолженіе нынѣшняго сезона. Уже въ предпослѣдній спектакль, при представленіи «Донъ Паскаля», Лаблашъ былъ такъ-сказать засыпанъ цвѣтами, а засыпать Лаблаша, конечно, не шутка. Передъ концомъ послѣдняго спектакля на сцену вмѣстѣ съ цвѣтами брошенъ былъ билетъ, въ которомъ какой-то отчаянный дилеттантъ, желая, вѣроятно, сколько возможно продлить свое наслажденіе, требовалъ тріо изъ «Сороки воровки, финалъ изъ «Лючіи,» квартетъ изъ «Донъ Паскаля», терцетъ изъ «Вильгельма Теля», арію съ хоромъ изъ «Семирамиды,» каватину изъ «Севильскаго цирюльника» и еще множество другихъ вещей. Еслибы принять всю эту программу, то спектакль протянулся бы часовъ до

шести утра, и потому дилетанты-фанатики принуждены были удовольствоваться только каватиною изъ «Семирамиды» и квартетомъ изъ «Донъ Паскаля.» И такъ Парижане до октября распрощались съ Итальянцами. Лаблашъ, въ награду за свою усердную службу, получилъ отъ директора въ подарокъ табакерку въ 1000 талеровъ. Собраніе такихъ подаренныхъ табакерокъ у Лаблаша, говорятъ, богаче и замѣчательнѣе, чѣмъ нѣкогда было у Керубини.

— Эдуардъ Девріентъ намѣренъ отпраздновать свой двадцати-пятилѣтній артистическій юбилей въ Берлинѣ и тогда уже поступить на новое свое мѣсто – оберъ-режиссёра Дрезденскаго театра.

=

Изъ Москвы получили мы извѣстіе, что при дальнѣйшихъ представленіяхъ трагедіи Н. В. Кукольника «Басенокъ» роль Басенка, вмѣсто г Усачова, передана Мочалову. Любопытно знать объ успѣхѣ трагедіи при этой перемѣнѣ.

— Въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ началомъ нынѣшняго театральнаго года, начали возобновлять на сценѣ любимѣйшія піесы изъ прежняго репертуара. Мысль прекрасная, достойная всякой похвалы и благодарности. Мы не такъ еще богаты, чтобы забывать хорошее старое и мѣнять его на плохое новое. Въ Парижѣ, гдѣ для театровъ работаютъ, можетъ быть, около сотни авторовъ, болѣе или менѣе даровитыхъ, очень-часто возобновляютъ старыя піесы, и публика всегда бываетъ этимъ довольна:

Car on revient toujours
A ses premiers amours!

Эти стихи *возобновлены* также изъ весьма-старинной оперы.

— Въ концѣ апрѣля мѣсяца на сценѣ Александринскаго театра давали въ первый разъ комедію «Прихоть кокетки». Объ ней скажемъ мы въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара и Пантеона».

— На Михайловскомъ театрѣ дебютировала недавно ангажированная Дирекціею Императорскихъ Театровъ съ парижскаго театра Vaudeville актриса Пажъ (m-lle Page). Публика приняла ее весьма благосклонно. Въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара и Пантеона» поговоримъ объ ея дебютахъ подробнѣе.

— Нашъ заслуженый артистъ г. Брянскій ангажированъ на нѣсколько представленій къ харьковскому театру, куда онъ уже и отправился, вмѣстѣ съ г мъ Толчоновымъ 2-мъ.

— Наши нѣмецкіе спектакли были оживлены въ послѣднее время пріѣздомъ стараго знакомца нашего г-на Барлова, котораго публика принимала съ большимъ одобреніемъ.

—

Les Français sont des farceurs! Не-смотря на свое уваженіе къ любимымъ артистамъ, не-смотря на восторги, которыми награждаютъ ихъ, Французы не упустятъ случая кстати пошутить, посмѣяться, *позубоскалить*, въ водевилѣ, въ каррикатурѣ, въ куплетѣ, въ эпиграммѣ. Мы безпрестанно читаемъ въ парижскихъ журналахъ восторженныя похвалы госпожѣ

Штольцъ, г-мъ Баруале, Дюпре и проч., а между-тѣмъ посмотрите на приложенную къ этой книжкѣ «Репертуара и Пантеона» карикатуру, и вы убѣдитесь, что въ характерѣ у французскаго народа преобладающій элементъ — веселость, которая пробивается на каждомъ шагу. Карикатура эта изображаетъ сцену изъ оперы «La reine de Chypre» (Кипрская королева); но тутъ главное дѣло не въ содержаніи либретто, а въ комической характеристикѣ артистовъ, участвующихъ въ этой оперѣ. Знаменитый баритонъ Баруале, обладающій чрезвычайно-сильнымъ голосомъ, *приводитъ въ смущеніе* преступника Массоля, который затыкаетъ уши, показывая тѣмъ дѣйствіе гармоніи на чувствительный слухъ. Г-жа Штольцъ, которая и можетъ похвалиться плотностію своего тѣла, поетъ «grâce», вѣроятно, въ-слѣдствіе того-же *дѣйствія гармоніи на чувствительный слухъ*. Дюпре, который отличается невысокимъ ростомъ, чтобъ стать наравнѣ съ этими высокими артистами, долженъ вскарабкаться на столъ, и, натужившись изо всей силы, извлекаетъ *до* изъ своей груди. — Въ-слѣдствіе преобладанія общаго чувства веселости въ народѣ, Французы никогда не сердятся за карикатуру, и даже, напротивъ, съ удовольствіемъ даютъ списывать съ себя портреты, лишь-бы только карикатура была остроумна. Conditio sine qua non!

Редакторъ *Межевичъ*.